Е. БЕКМАХАНОВ

КАЗАХСТАН в 20-40 годы XIX века

Е. БЕКМАХАНОВ

КАЗАХСТАН
В 20—40 ГОДЫ XIX ВЕКА

Под общей редакцией доктора исторических наук проф. *М. П. Вяткина*

КАЗАХСКОЕ ОБЪЕДИНЕННОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЛМА-АТА—1947

ОТ АВТОРА

В специальной исторической литературе не раз отмечалось почти полное отсутствие сколько-нибудь крупных монографических исследований, посвященных разработке основных проблем истории Казахстана. Такие кардинальные вопросы, как развитие социально-экономических отношений и классовая структура казахского общества, этногенезис казахов, проблемы классовой борьбы, крестьянских восстаний и национально-освободительных движений в Казахстане, равно, как и ряд других не менее важных вопросов, до сих пор не нашли своего должного освещения в специальных работах и остаются неразработанными.

Задача данной книги, хотя бы частично, восполнить этот пробел. Над затронутыми здесь проблемами по заданию Института Истории, Археологии и Этнографии Академии наук КазССР автор работал ряд лет, используя богатейшие книгохранилища и архивы Москвы, Ленинграда, Алма-Ата, Чкалова и Ташкента. Значительная часть книги основана на архивных материалах и фольклорных источниках, впервые включаемых в научный обиход, которыми автор стремился подкрепить свои выводы. При отсутствии сводных работ и монографий, исследовательская работа над такого рода материалами представляет большие трудности, и автор вполне сознает, что некоторые из выдвигаемых им положений остаются еще в стадии постановки вопроса, требуя дальнейшей, углубленной разработки. В силу тех же причин — не все главы данной работы в одинаковой мере подробно освещают затронутые в них вопросы. Так, например, вопрос о взаимоотношениях казахов со среднеазиатскими ханствами только поставлен автором и очень далек от своего окончательного разрешения.

Другие вопросы, вроде вопросов культуры казахского народа в рассматриваемую эпоху, сознательно не включены автором в книгу, как выходящие за рамки данного исследования.

Руководствуясь основными программными документами партии и правительства по идеологическим вопросам и, в частности, по вопросам истории, автор главное внимание сосредоточил на разработке проблем социально-экономического строя казахов, классовой структуры и политического строя Казахского государства, истории взаимоотношений Казахстана с царской Россией и среднеазиатскими ханствами и, наконец, на проблеме национально-освободительного движения в Казахстане, на примере известного движения Кенесары Касымова.

На всем протяжении своей работы автор часто пользовался ценными советами членов-корреспондентов Академии наук СССР — А. М. Панкратовой, Н. М. Дружинина и действительного члена Академии наук КазССР С. В. Юшкова, равно как и проф. М. П. Вяткина и М. И. Морозова, ознакомившихся с книгой в рукописи, которым автор приносит свою глубокую благодарность.

Автор искренне признателен также всем работникам и дирекции библиотек, архивов и научных учреждений, в которых ему пришлось поработать за эти годы. Любезное содействие этих товарищей значительно облегчило автору его работу.

Особую благодарность автор выражает старшему научному сотруднику Гос. Публичной библиотеки им. А. С. Пушкина (Алма-Ата) тов. Л. И. Варшавскому за его неизменную товарищескую помощь в подготовке книги к печати.

Настоящая работа является одной из первых попыток марксистского монографического исследования истории Казахстана в XIX веке. Как первая попытка она, понятно, не лишена многих недостатков. Товарищескую деловую критику этих недостатков автор примет с благодарностью.

А.

ВВЕДЕНИЕ

Время 20—40 годов XIX века — один из интереснейших периодов истории Казахстана — почти совершенно не изучено. Между тем, именно в это тридцатилетие произошли события, определившие дальнейшие судьбы казахского народа. В 20-х годах власть царского правительства прочно закрепилась в Казахстане, а ханская власть к этому времени была ликвидирована введением «Устава о Сибирских киргизах» 1822 года в Среднем жузе и реформой 1824 года в Младшем жузе. Но в конце 30-х годов была сделана новая попытка создания Казахского государства под протекторатом России. Казахский народ, долгие годы стоявший перед альтернативой — быть ли подчиненным царской России или среднеазиатским ханствам, — избрал первый путь. Выбор этот был сделан в обстановке острой политической борьбы внутри казахского общества лишь после того, как исчезли последние надежды отстоять свою государственную независимость.

Разумеется, для историка имеет первостепенное значение детальное выяснение причин, побудивших казахский народ ориентироваться на Россию и связать свою судьбу с судьбой русского народа, а также методов царской политики подчинения, присоединения и превращения Казахстана в конечном счете в колонию. С этим связана необходимость характеристики социально-экономических отношений, в условиях которых происходили отмеченные выше события.

> «Диалектика, — писал В. И. Ленин, — требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося, к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе».[1]

---

[1] *Ленин В. И.* — Соч., т. XVIII, стр. 247 — 248.

Очевидно, что правильное понимание и оценка политических событий описываемой эпохи возможны лишь на основе изучения экономики, социального строя, расстановки классовых сил казахского общества, а также понимания процесса происходившей в нем классовой борьбы.

В описываемую эпоху, под влиянием военно-политического наступления царизма и внедрения в Казахстан товарно-денежных отношений, резко обострились социальные противоречия. Территориальные захваты царизма и захваты общинных земель феодальной верхушкой привели к острому кризису кочевого скотоводческого хозяйства. Лишившись богатых пастбищных угодий, казахи в поисках новых пастбищ оказались вынужденными изменить обычные, веками сложившиеся, маршруты кочевок. Усилился переход от кочевания родами к кочевкам аулами. Все это привело к смешению различных казахских родов и к частым столкновениям между ними. Испытывая острый недостаток в пастбищах, вызванный усилением узурпации общинных земель султанами и родовой знатью, а также земельными захватами царских властей, многие роды стали переходить к оседлости и земледелию. При этом они заимствовали опыт своих соседей — русских переселенцев — крестьян Сибирского и Оренбургского края. Сложившиеся на этой почве отношения оказали немалое влияние на быт казахского народа и способствовали сближению казахов с трудовым русским народом. К середине XIX века земледелие стало второй, после скотоводства, отраслью хозяйства казахов.

Рост внутренней торговли, связанной с продвижением мены от пограничных меновых дворов в глубину казахской степи, оказал влияние на направление скотоводческого хозяйства и на сдвиги в промышленном производстве, которое из чисто натурального все более превращалось в производство для обмена, отрываясь от сельского хозяйства.

Под влиянием роста товарно-денежных отношений и изменения хозяйственного быта усилилась классовая дифференциация казахского общества. Выделилась новая эксплоататорская социальная группа — байство, приобретавшая все большее влияние. Происходило слияние степной аристократии — султанов, чингизидов («белая кость») — с родовой знатью. Стиралась былая грань между так называемыми «тюре» и родовой знатью. Терял свое первоначальное значение, а к середине XIX века вообще перестал существовать институт тарханов. С другой стороны, в классовой борьбе начинали играть крупную роль различные группы социальных низов — байгуши, джатаки, егинши и бахташи, — количество которых непрерывно возрастало. Серьезно изменилось

положение рабов и тюленгутов. Первые почти потеряли свое значение, а положение тюленгутов все более приближалось к положению крепостных слуг.

Все это вместе взятое приводит к тому, что борьба народных масс против колониального гнета переплеталась с обострившейся борьбой внутри казахского общества, с борьбой против собственной феодальной верхушки. Все это происходило в условиях сохранения необычайно живучих патриархально-родовых пережитков. А, как известно, пережитки патриархально-родовых отношений всегда представляли «великолепную и самую широкую основу для эксплоатации и деспотизма».[1]

Колонизаторская политика царизма встретила ожесточенный отпор казахского народа. Именно в 20 — 40 годы XIX века происходит одно из наиболее крупных в истории казахского национально-освободительного движения восстание под руководством Кенесары Касымова. Оно продолжалось в течение 10 лет, последовательно охватив все три казахских жуза и вовлекло в борьбу широкие народные массы. Восстание это особенно интересно потому, что в процессе его была сделана последняя попытка образования единого казахского государства с целью отстоять его политическую независимость. Анализ причин и движущих сил восстания, изучение его специфических особенностей и вопроса о степени его прогрессивности и массовости, наконец, выяснение причин поражения восстания и его влияния на последующий ход событий — вот третья группа вопросов, интересных для историка этой эпохи.

Итак, только тщательное изучение социально-экономических отношений казахов, анализ изменений в хозяйственном строе и классовой структуре казахского общества и вызванных этим последствий может обеспечить и понимание событий описываемой эпохи во всем их многообразии. Между тем, именно эти вопросы являются наименее исследованными. Если о социальных отношениях казахов в XVIII веке имеется серьезная работа профессора М. П. Вяткина,[2] то по той же теме в первой половине XIX века нет ни одной обобщающей статьи. Исследователю здесь приходится по крупицам собирать распыленный повсюду материал.

Не разработаны и другие не менее важные проблемы. До сих пор нет ни одной сводной марксистской работы по истории колониальной политики царизма в Казахстане.

На страницах «Исторического журнала» проф. С. В. Бахрушин высказал мысль о необходимости изучения русско-ка-

---

[1] *Энгельс Ф.* — Архив Маркса — Энгельса, т. I (VI), стр. 246.
[2] Проф. *Вяткин М. П.* — Батыр Срым Датов, М., 1947.

захских взаимоотношений с целью выяснения торгово-экономических и культурных связей казахов с русским населением, в частности с русскими переселенцами в Оренбургском крае и Сибири. К сожалению, до сих пор это указание проф. С. В. Бахрушина остается только пожеланием, и мы в нашей работе делаем лишь первую попытку частичного освещения этого столь важного вопроса. Выяснение этого вопроса особенно важно потому, что оно позволяет вскрыть условия сближения казахов с Россией, их общения в обстановке давних торговых и культурных связей с русским населением, не имевших ничего общего с захватнической колониальной политикой царизма. Отталкивало казахов от царской России не их общение с русским народом, а реакционная, жестокая колонизаторская политика российского самодержавия, против которого дружно боролись лучшие сыны русского и казахского народов.

Тщательное изучение материалов позволяет вскрыть ряд других интересных особенностей изучаемого периода, которые до сих пор не были отмечены в литературе. В первую очередь это относится к вопросу о политическом строе ханства Кенесары. Свое государство Кенесары создавал в беспощадной борьбе с патриархально-феодальной знатью, с ее центробежными тенденциями, с предательской политикой султанов-правителей. Опираясь на средние слои феодалов и батыров, Кенесары провел ряд важных реформ прогрессивного характера.

Мы сознательно не включили в наше исследование Букеевскую орду, учитывая специфичность ее положения, и ограничились рассмотрением событий в трех жузах. Не желая чрезмерно расширять размеры исследования, мы лишь постольку касались положения в Бухаре, Хиве, Коканде и Киргизии, поскольку это непосредственно связано с нашей темой.

Наше исследование базируется на архивных материалах, по большей части впервые вводимых в научный обиход, на очень мало известных казахских фольклорных источниках и на обширной литературе как русской, так и на восточных языках, причем большая часть ее является сейчас библиографической редкостью.

Транскрипция казахских имен дается в казахском произношении, кроме тех, которые уже вошли в обиход в русском произношении (например, Айчувак вместо казахского Айшуак); все прочие имена и термины даются в общепринятой транскрипции.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ, АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ФОЛЬКЛОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

а) ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Важнейшей преградой на пути каждого исследователя прошлого Казахстана является слабая разработка основных принципиальных проблем истории Казахстана и казахского народа. Почти совершенно отсутствуют специальные монографические исследования по отдельным вопросам и только за последние годы появилось две сводных работы по истории Казахстана. Первая из них — «Очерки по истории Казахской ССР», т. I — проф. М. П. Вяткина, вышедшая в 1941 г., вторая — коллективная работа «История Казахской ССР», вышедшая в 1943 г., под редакцией тт. А. М. Панкратовой и М. Абдыкалыкова. Обе эти работы настолько широко известны, что вряд ли есть необходимость на них подробно останавливаться, особенно после дискуссии, имевшей место при обсуждении «Истории Казахской ССР» в Институте истории Академии наук СССР в Москве и обстоятельной критической статьи тов. М. Морозова в журнале «Большевик», вскрывшей важнейшие принципиальные ошибки, допущенные авторами второй из указанных работ.[1]

Само собой разумеется, что в этих сводных работах, охватывающих большой исторический период, специальным вопросам не было, да и не могло быть, уделено необходимого внимания. Между тем, дальнейшее развитие исторической науки в Казахстане упирается именно в детальную разработку отдельных проблем истории казахского народа, в создание монографических исследований.

Опытом такого монографического исследования является настоящая работа.

---

[1] В настоящее время готовится второе, исправленное и дополненное издание «Истории Казахской ССР», в котором заново переработан ряд глав, в том числе и посвященные интересующему нас периоду.

В дореволюционных исследованиях наиболее подробно разработаны вопросы политической истории казахов. Но в дореволюционной историографии почти совершенно не разрабатывалась проблема социально-экономических отношений. Только отдельные исследователи пишут о существовании двух социальных групп — ак-суек (белая кость) и кара-суек (черная кость), причем они характеризуются статически, а не в их историческом развитии.

В общих исследованиях, посвященных истории Казахстана, в частности в работах Красовского,[1] Завалишина,[2] Мейера[3] и отчасти у Небольсина,[4] в общих чертах даются описания хозяйства и быта казахов. Однако и в этих исследованиях трудно проследить изменения социально-экономических отношений.

В целях оправдания колониальной захватнической политики царизма в Казахстане как дворянским, так и буржуазным историкам выгодно было изображать хозяйство и социальный строй казахов застывшими, не подвергавшимися классовой дифференциации. А местные буржуазные националисты вообще отрицали существование феодальных отношений в Казахстане и классового неравенства среди казахов. Они утверждали, что у казахов существует социальное равенство, так называемый родовой демократизм (А. Байтурсунов, Шоканов и др.).

Следует отметить, что богатые этнографические материалы о хозяйстве и быте казахов разбросаны в дореволюционных журналах и непериодических изданиях («Вестник Европы», «Русский Вестник», «Русская Мысль», «Записки ИРГО», «Земледелие», «Журнал Министерства Юстиции» и др.).

Из дореволюционных трудов по истории Казахстана следует особо выделить записи обычного права казахов. Большинство этих материалов собраны в середине XIX века, а обработка и печатание их относятся к 60 — 80 годам прошлого столетия. Сюда относятся ценные записи обычного права казахов, произведенные Баллюзеком Л.,[5] Мякутиным А.,[6] Маковец-

---

[1] *Красовский М.* — Область Сибирских киргизов. Материалы для географии и статистики, СПБ, 1868.

[2] *Завалишин И.* — Описание Западной Сибири, т. III, «Сибирско-киргизская степь», СПБ, 1867.

[3] *Мейер Л.* — Киргизская степь Оренбургского ведомства, 1865.

[4] *Небольсин П.* — Очерки торговли со Средней Азией, Хивой, Бухарой и Кокандом со стороны Оренбургской Линии, СПБ, 1856.

[5] *Баллюзек Л.* — Народные обычаи и ныне имеющие в Малой Киргизской орде силу закона, «Записки Оренбург. отд. ИРГО», вып. II, 1871.

[6] *Мякутин А.* — Юридический быт киргиз, № I — II, «Труды Оренбург. Ученой Архивн. Комиссии», XXV, 1910.

ким П.,[1] Самоквасовым,[2] Добросмысловым А.,[3] Крафтом И.[4] и другими. Эти источники являются весьма ценными материалами для изучения социально-экономических отношений в Казахстане. На основании их можно проследить процесс классовой дифференциации в казахском ауле и определить положение отдельных социальных групп — султанов, биев, батыров, тюленгутов и т. д.

Однако к записям обычного права необходим особо критический подход. Прежде всего, очень важно установить — когда, кем и с чьих слов производилась запись. Наиболее достоверными записями являются те, которые собраны самими казахскими султанами, биями и аксакалами. К такого рода записям относятся материалы об обычном праве казахов Оренбургского края, которые собрал и обработал Баллюзек. Большая часть материалов, опубликованных Л. Баллюзеком, собрана султаном Сейдалиным. По поводу его участия Л. Баллюзек писал: «Передавая ныне печати собранные по моему приказанию служившими в бывшем Управлении Оренбургскими киргизами должностными лицами киргизские обычаи... и обязанностью считаю выразить здесь мою искреннюю признательность всем участвовавшим при собирании этих сведений, в особенности штаб-ротмистру султану Сейдалину, более всех трудившемуся в этом деле».[5]

К такого рода источникам относится также «Сборник обычного права Сибирских инородцев», изданный Самоквасовым. Сбор этого материала относится к 20-м годам XIX века. Впервые он был издан ген.-майором Броневским в 1830 году в «Отечественных Записках».[6]

Для научного использования этих материалов необходима их сверка с сохранившимися в архивах записями обычного права казахов. Это дает возможность не только установить время записи, но и предупредить возможные ошибки и искажения.

К числу неразработанных вопросов дореволюционной историографии относится также история взаимоотношений русских переселенцев в Сибири и в Оренбургском крае с казахским

---

[1] *Маковецкий П.* — Материалы для изучения юридических обычаев киргизов, вып. I, Омск.

[2] *Самоквасов Д.* — Сборник обычного права сибирских инородцев, Варшава, 1876.

[3] *Добросмыслов А.* — Суд киргизов Тургайской области в XVIII и XIX вв., Казань, 1904.

[4] *Крафт И.* — Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях, Оренбург, 1898.

[5] *Баллюзек Л.* — Указ. соч., стр. 133.

[6] «Отечественные записки», 1830, № 124.

населением. Неразработанность этого вопроса объясняется тем, что в своих исследованиях представители официальной историографии рассматривали казахов лишь как объект колонизации. Относясь к казахам, как к «инородцам», они проводили резкую грань между казахами и русскими поселенцами и всячески стремились затушевать складывавшиеся между ними дружественные отношения. Царизм понимал, что установление дружбы русских крестьян с казахским населением может подорвать его колониальную захватническую политику. Но прогрессивные представители передовой русской демократической интеллигенции держались другой точки зрения. Поэтому не случайно на страницах дореволюционных журналов и газет напечатан ряд интересных материалов о дружественных взаимоотношениях казахов с русскими переселенцами.[1]

Правда, по истории русских переселенцев в Сибири имеются интересные работы Словцова,[2] Н. Ядринцева,[3] Ф. Усова[4] и других. В этих исследованиях довольно подробно излагается история русских переселенцев в Сибири и дается подробная характеристика их тяжелого экономического положения. Но, к сожалению, в них почти не исследованы взаимоотношения переселенцев с местными казахами. Почти не имеется исследований об истории оренбургских переселенцев.

В дореволюционной историографии совсем не был освещен вопрос о совместной борьбе русского и казахского народов во время восстания Пугачева.

Следующим вопросом, также слабо разработанным в дореволюционной историографии, является история взаимоотношений Казахстана с соседними государствами — Хивой, Бухарой, Кокандом и Китаем. Неразработанность этого вопроса объясняется, прежде всего, тем, что в дореволюционных исследованиях международное положение Казахстана рассматривалось в связи с вопросом о колониальном подчинении казахов России. Отношение соседних государств к Казахстану рассматривалось лишь с точки зрения их притязаний и грабительских набегов на подданных царской России. Вопросы экономической и культурной связи казахов с соседними народами совершенно не разработаны.

Из дореволюционных исследований, в которых нашла отражение история взаимоотношений казахов и среднеазиатских

---

[1] См. главу «Взаимоотношения казахов с русскими переселенцами».

[2] *Словцов* — История Сибири, в 2-х томах.

[3] *Ядринцев Н. М.* — Сибирские инородцы, их быт и современное положение, 1891.

[4] *Усов Ф.* — Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПБ, 1879.

ханств, пожалуй, наибольший интерес представляет работа В. Наливкина о Кокандском ханстве.[1] На протяжении 10 лет автор изучал историю Кокандского ханства. Прекрасно владея восточными языками, он использовал работы Джаан-Нама «История Кокандского ханства»; Ходжи-Мухаммед-Хаким-Хан-Тюре, «Мунтахаб-ут-Таварих»; записки султана Бабура «Бабур-Нама» и другие. До настоящего времени эти работы не только не переведены на русский язык, но и не изданы, за исключением «Бабур-Нама». Однако серьезным недостатком работы Наливкина является отсутствие научного аппарата; в ней нет ссылок на использованные источники, поэтому трудно установить, откуда именно взяты отдельные цитаты. На этот недостаток обращали внимание крупные дореволюционные востоковеды и, в частности, проф. Н. И. Веселовский, который писал: «История ханства изложена без соблюдения необходимых научных требований, даже самых элементарных. Мы не встречаем в «Краткой истории Кокандского ханства» не только цитат из рукописи, нам совершенно еще не известных, но даже и ссылок на них, за исключением двух — трех случаев».[2]

Кроме того, Наливкин подробно излагает лишь историю отдельных кокандских ханов, не давая характеристики общественно-социального строя Кокандского ханства. Несмотря на отмеченные недостатки, работа Наливкина является ценным источником.

Особый интерес в этой работе представляет оценка захватнической политики ферганских ханов. Подробно описываются походы Алим-хана и Омар-хана на казахов Старшего жуза и алатауских киргиз.

В работе Наливкина, впервые в русской литературе рассказано о крупных восстаниях казахов Старшего жуза против Кокандского владычества. Даются также отрывочные сведения о восстании алатауских киргиз.

В нашу задачу не входит разбор всей работы Наливкина. Мы коснулись только тех ее разделов, которые имеют прямое отношение к нашему исследованию. В целом работа Наливкина охватывает историю Кокандского ханства со дня его основания и до последнего кокандского хана Худояра.

Большой интерес представляют и работы Данилевского, Я. В. Ханыкова, Н. И. Веселовского и акад. В. В. Бартольда, а из советских исследователей — П. П. Иванова, посвященные среднеазиатским ханствам. Во всех этих работах мы находим, хотя и не полные, но весьма ценные данные о положении в

---

[1] *Наливкин В.* — Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886.
[2] «Записки Восточ. отд. А. О.», т. I, стр. 227 — 228.

этих ханствах казахов и об отношениях их с соседними народами. Особо надо отметить ценные исследования по истории социальных отношений в Казахстане М. П. Вяткина, в частности, его работы о Срыме Датове, о тюленгутах и о крестьянских войнах в Казахстане и В. Ф. Шахматова, в особенности его работу «Букеевская орда и восстание Исатая Тайманова» (Алма-Ата, 1947 г.). Целиком основанные на архивных материалах, эти работы содержат много нового и интересного для историков Казахстана.

Из литературы на восточных языках по истории Казахстана и Средней Азии следует указать на интересную работу Кары-Курбан-Али-Каджи-Халид-Бек-Оглы,[1] написанную на тюркско-татарском наречии. Он был родом из Аягуза, Семипалатинской губернии, и жил в Чугучаке — Синцзяньской провинции Китая.

По многочисленным источникам, приводимым автором на арабском, тюркском и персидском языках, видно, что он был знатоком истории восточных стран. В разделе, посвященном истории Коканда, Бухары и Хивы, им использованы работы известных узбекских историков — Молла-Нияз-Мухаммед-Бен-Ашур-Мухаммеди,[2] Хаджи-Мухаммед-Хаким-Хан-Тюре[3] и других. Особый интерес представляют разделы, посвященные истории Казахстана. Сознавая отсутствие полноценных источников по истории Казахстана, автор значительную часть своего исследования посвятил изложению материалов, собранных путем многочисленных записей со слов известных в то время биев и султанов. Поэтому в работе Кары-Курбан-Али-Каджи приводится много афоризмов биев, песен и этнографических материалов.

В предисловии автор пишет, как он работал над изучением истории казахов: «После окончания своего исследования по истории Средней Азии и Восточного Туркестана я приступил к написанию истории казахов. У них не имеется письменных источников, но зато сохранились обильные материалы в виде устных преданий. Но, к сожалению, в устной передаче факты и события прошлого не всегда бывают точными. Поэтому автор более 20 лет трудился над изучением и обработкой материалов и внес в свое исследование самые достоверные факты, не вызывающие сомнения».[4]

---

[1] *Кары-Курбан-Али-Каджи-Халид-Бек-Оглы* — Таварих-Хамсе, Казань, 1915.

[2] Таарих Шахрохи.

[3] Мунтахаб-ут-Таварих. Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии, год XVII, Ташкент, 1913.

[4] *Кары-Курбан-Али-Каджи-Халид-Бек-Оглы* — Указ. соч., стр. 140.

Особую ценность представляют разделы, посвященные анализу различных социальных групп Казахстана. При этом автор дает не только филологическое, но и социально-экономическое объяснение происхождения отдельных социальных терминов. Например, объясняя происхождение термина — аксакал (родовой старшина), автор указывает, что слово «аксакал» возникло в эпоху родового строя, когда аксакалами назывались родовые старшины, впоследствии же этим словом обозначалась вся феодальная знать — бии и султаны, — имевшие сколько-нибудь крупное влияние.

Интересное объяснение дает автор происхождению социального термина «тюре», устанавливая, что это слово перешло к казахам от периода татаро-монгольского господства. С течением времени тюре обособились в особую феодальную касту и пользовались привилегированным положением среди казахов. Интересно его объяснение происхождения и эволюции социальной категории тюленгут. Говоря об отдельных социальных группах, автор пользуется не только казахскими материалами, но все время делает экскурс в историю арабов, тюрков и персов, поясняя, как понимаются эти термины у них.

Из других восточных авторов укажем на работу Мулла-Алим-Махдум-Каджи «Тарих-Туркестан», написанную на узбекском языке.[1] Автор — сотрудник «Туркестанской туземной газеты» — прекрасно владел восточными языками. В своей книге он излагает историю ферганских ханов с начала XIX в. до Худояр-хана. В предисловии автор указывает, что он 40 лет занимался сбором и изучением материалов по истории Туркестана. Первая часть его работы начала печататься еще в 1900 году на страницах «Туркестанской туземной газеты». Основным источником ему послужили старинные рукописные труды местных историков, а затем записанные им воспоминания со слов современников отдельных ханов. К сожалению, не удалось установить авторов использованных им рукописей. Только на основании сверки с текстами «Тарих-Шахрухи» удалось выяснить, что она им использована. В плане нашего исследования особенно важно отметить, что автор большое внимание уделял истории казахов, в частности движению Кенесары.

Раздел, посвященный Кенесары, записан автором в 1870 году со слов известного батыра Кенесары — Бухарбая, — причем приводится песня повстанцев, спетая Бухарбай-батыром. Кроме того, автор сообщает интересные материалы о Кокандском господстве в степях Дешт-и-Кипчак (Туркестан, Чимкент, Аулиэ-Ата) и показывает, какими жестокостями сопро-

[1] *Мулла-Алим-Махдум-Каджи* — Тарих-Туркестан. Ташкент, 1915.

вождалось покорение казахов Старшего жуза Кокандом. Все же работа Мулла-Алим-Каджи не лишена серьезных недостатков. Правдиво отразив отдельные факты и события, автор, следуя мусульманским преданиям, облекает в мифические образы некоторых ханов. Пишет он крайне цветисто: «И собрал хан Алим-хан бесчисленное войско с пушками, ружьями и всем оружием и двинул его к Ташкенту... Обильным дождем посыпались пули и гранаты на осажденный город».[1] Несмотря на это, «Тарих-Туркестан» дает весьма ценный материал для историка.

Важным источником по истории ферганских ханов является работа Муллы-Нияви-Мухаммед-Бен-Ашур-Мухаммед — «Тарих-Шахрохи», написанная на персидском языке. Автор излагает историю кокандских ханов, начиная от Нарбута-бия и кончая последним кокандским ханом — Худояр-ханом. Особая ценность «Тарих-Шахрохи» в том, что автор был современником многих кокандских ханов и живым свидетелем важнейших событий.

Автор сообщает подробности о правлении Нарбута-бия, Алим-хана, Омар-хана и Мадали-хана. Весьма обстоятельно излагается история многочисленных войн с Бухарой, Ташкентом. Дается ценный материал о походах Коканда на территорию Старшего жуза и присырдарьинских казахов, в царствование Алим-хана и Омар-хана. Описывается жестокость и грабежи кокандских завоевателей.

Существенным недостатком «Тарих-Шахрохи» является ее явно апологетический характер. Автор дает одинаково хвалебную оценку всем кокандским ханам, всячески стараясь оправдать их жестокость. В частности, в двустишии, посвященном Алим-хану, он говорит:

Жестокость вызывается не враждебностью,
А интересами ограждения своего имущества от врагов.[2]

В работе совершенно отсутствует социально-экономическая история Кокандского ханства. Все построено на характеристике деятельности отдельных ханов, их военных походов, личной жизни и т. д. Тем не менее, данная работа является ценным источником для политической истории ферганских ханов.

Использована нами также работа ферганского историка Хаджи-Мухаммед-Хаким-Хан-Тюре «Мунтахаб-ут-Таварих», написанная на персидском языке. К сожалению, мы не могли ознакомиться с подлинником рукописи и вынуждены были использовать подробный пересказ текста «Мунтахаб-ут-Таварих».

---

[1] *Мулла-Алим-Каджи* — Указ. соч., стр. 124.

[2] *Мулла-Нияз-Мухаммед-Бен-Мулла-Ашур-Мухаммед.* — Указ. соч.

сделанный Л. Зиминым.[1] Кроме того, мы пользовались отрывками из подлинника, напечатанного в хрестоматии для Туркестанской учительской семинарии, составленной В. Наливкиным.

Автор описывает годы правления Алим-хана. Отец автора был родственником Алим-хана и поэтому история его ханства изложена весьма тенденциозно. Автор не жалеет похвал талантам Алим-хана и подробно описывает его походы, стараясь и здесь показать его всепобеждающим полководцем. Все же в работе приводятся интересные сведения об отдельных походах Алим-хана на алатауских киргиз и в степи Дешт-и-Кипчак.

Не останавливаясь на характеристике других использованных литературных источников, мы подвергнем подробному разбору литературу, посвященную восстанию казахов 1837 — 1847 гг., поскольку в ней отражено одно из крупнейших событий рассматриваемой эпохи.

Наиболее полной, богатой фактическими данными и максимально для историка времен царизма объективной работой, и по сей день остается работа Н. Середы «Бунт киргизского султана Кенесары Касымова».[2] Работа эта настолько широко известна, что специально говорить о ней нет никакой надобности. Несомненно, что это лучшая и самая серьезная работа из всех дореволюционных трудов о Кенесары.

Столь же широко известна и работа Г. Смирнова,[3] являющаяся переработкой устного рассказа сына Кенесары — Ахмета — о восстании, возглавлявшемся его отцом. Чрезвычайно важная, как источник и как собрание фактических материалов, книга эта, однако, почти не освещает основных принципиальных вопросов восстания и не дает ему должной оценки.

Еще меньше материала мы находим в других трудах историков эпохи царизма. Дореволюционные историки — Мейер,[4]

---

[1] *Зимин Л.* — Мунтахаб-ут-Таварих. Протоколы заседаний Туркестанского кружка любителей археологии, Ташкент, 1913, стр. 107.

[2] Эта работа опубликована в «Вестнике Европы» 1870, № 8 и 1871 № 9; ее автор Середа Н. происходит из Полтавской губ. Родился он в 1840 году. Воспитание получил в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. С 1875 г. он был утвержден в должности Оренбургского городского головы. На этом посту он прослужил с некоторым перерывом до 1892 г. (Биографические данные взяты из служебного списка Середы, хранящегося в Чкаловском Гос. Истор. архиве).

[3] *Смирнов Г.* — Султаны Кенесары и Садык, Ташкент, 1889.

[4] *Мейер Л.* — Киргизская степь Оренбургского ведомства, СПБ, 1865.

Красовский,[1] Добросмыслов,[2] Терентьев[3] — в своих исследованиях, посвященных Казахстану, большое внимание уделяли его политической истории и значительно меньшее — экономическим вопросам. Только Мейер и Добросмыслов дают более или менее подробные сведения о ходе восстания Кенесары, но Добросмыслов пересказал в сокращенном виде работу Середы, что он и сам признает. Другие авторы дают о восстании Кенесары только отрывочные сведения, главным образом, в связи с военными походами русских войск. Следует отметить, что Л. Мейер, А. Добросмыслов, М. Красовский, М. Терентьев, работавшие в качестве военных специалистов в генеральном штабе, оправдывали колонизаторскую политику царизма и потому национально-освободительную борьбу казахов рассматривали как «противозаконные» действия. Не случайно поэтому они называют повстанцев «скопищем», «шайкой», руководителей восстания — «разбойниками» и «хищниками», а самое восстание — «бунтом» и «мятежом».

Общим у вышеуказанных авторов в их понимании восстания Кенесары является следующее:

Во-первых, все они отрицают поддержку народом восстания 1837 — 1848 гг., а его руководителя Кенесары Касымова показывают как выскочку, примкнувшего к движению для того, чтобы стать ханом. В этих целях он, якобы, насильно заставлял казахов присоединиться к «бунту».

Во-вторых, все они утверждают, что Кенесары не имел определенной политической программы. По их словам, его целью были лишь грабежи и насилия. Л. Мейер пишет: «Он никогда не действовал обдуманно и искренне ни за своих, ни против чужих».[4]

Это неправильное утверждение является лишь логическим следствием предшествующих выводов, имевшим определенный политический смысл — очернить роль Кенесары как руководителя национально-освободительного движения.

Но вместе с тем, указанные авторы единодушно подчеркивают полководческий талант Кенесары, его личную храбрость и авторитет среди народа. Мейер пишет: «Он был храбр донельзя».[5] Добросмыслов пишет: «Этот султан был человек

---

[1] *Красовский М.* — Область Сибирских киргизов, СПБ, 1868.

[2] *Добросмыслов А.* — Тургайская область. Исторический очерк, Тверь, 1902.

[3] *Терентьев М.* — История завоевания Средней Азии, т. I — II, СПБ, 1906.

[4] *Мейер Л.* — Указ. соч., стр. 57.

[5] *Мейер Л.* — Указ. соч., стр. 57.

энергичный, решительный, обладавший к тому же недюжинным умом».[1]

В результате непонятно, почему Кенесары пользовался таким огромным авторитетом среди народа и почему на протяжении ряда лет власти не могли подавить восстание. Сами авторы признают, что «отряд за отрядом высылались в степь, а Кенесары вертелся и юлил в виду этих отрядов, ускользая от преследования в беспредельных степях».[2]

Немного работ появилось о восстании Кенесары и после революции, когда для исследователей открылись двери архивов. Из советских историков о Кенесары писали тт. А. Рязанов, М. Стеблин-Каменская, А. Якунин и М. Вяткин. Самой обширной работой является рукопись А. Ф. Рязанова — единственная монография в этой области. За смертью автора она осталась неизданной.[3] Работа Рязанова не лишена крупных недостатков. Хронологически исследование Рязанова охватывает время, начиная с конца 1838 года, когда центр освободительного движения был перенесен в восточные районы Оренбургского края. Таким образом начальный этап восстания Кенесары, происходивший в Среднем жузе, остался неосвещенным. Вследствие этого остался невыясненным весьма важный вопрос об истоках движения и о процессе объединения казахов Среднего и Младшего жузов для совместной борьбы с царскими колонизаторами. При этом Рязанов не дает истории участия в восстании казахов Среднего жуза, ограничиваясь только изложением хода восстания казахов Оренбургского ведомства. Это объясняется тем, что Рязанов писал свою работу лишь на основании архивных данных Оренбургской Пограничной Комиссии.

В работе Рязанова имеется также ряд принципиальных ошибок. Прежде всего, автор неправильно освещает причины национально-освободительного движения. Оставив в стороне историю колонизаторской политики царизма и не выяснив социально-экономические корни недовольства казахов, он ищет истоки и причины движения в природных условиях отдельных областей и в психологических особенностях казахов.

В рассматриваемую эпоху Казахстан стоял накануне окончательного превращения в колонию царизма. На арену борьбы выступили не только султаны, но и народные массы. Участие народных масс в восстании не может быть объяснено борьбой

---

[1] *Добросмыслов А.* — Указ соч., стр. 70.

[2] *Терентьев М.* — Указ. соч., стр. 203.

[3] *Рязанов А. Ф.* — Восстание Кенесары Касымова (1837 — 1847 гг.), ч. I — III, ЛОИИ (рукопись).

султанов за ханскую власть. Рязанов не отрицает вовлечения казахского народа в восстание, но объясняет этот факт психологическими мотивами. Он пишет: «Постоянная вражда и взаимная барымта, которые происходили на протяжении всей Оренбургской Линии до 30-х годов XIX века, способствуют тому, что воинственные нравы казахов Малой Орды ко времени восстания султана еще сохранились».[1]

Одним из решающих вопросов в развернувшейся борьбе был земельный вопрос, ибо кочевое скотоводческое хозяйство не может существовать без удобных пастбищных земель. К моменту восстания Кенесары казахи переживали земельный кризис, вызванный земельными захватами феодальной верхушки и царизма, в силу чего казахи все больше оттеснялись на пустынные территории. Понятно, какое большое значение имеет этот вопрос для выяснения подлинных причин восстания Кенесары. Рязанов не понял природы земельного кризиса. Его причины он ищет в исчезновении рек, в высыхании озер, в возникновении Голодной степи, т. е. в процессах, происходивших в течение тысячелетий. Столь же неправильно освещает Рязанов ход отдельных военных операций, постоянно акцентируя личные интересы Кенесары: «Султан Касымов повел борьбу со старшим султаном Акмолинского округа Худаймендиновым, который, по их понятиям, не вправе был занять эту должность».[2]

Неправильно понимает Рязанов и роль Кенесары. Он преувеличивает в развитии борьбы значение личных интересов Кенесары, рисуя народные массы, как слепое орудие его воли. По Рязанову, народ собирается вокруг Кенесары только летом, да и то после выпивки первого кумыса, «когда казахи становятся более предприимчивыми к походу». В его сознании не укладывается, что представитель аристократии — султан — в своей деятельности может объективно защищать общенациональные интересы.

Значительное место Рязанов отводит описанию военных экспедиций и походов, предпринятых правительством. Среди них описание военного похода 1843 — 1844 гг. Дуниковского и Жемчужникова и посольство Долгова занимают почти одну третью часть монографии.

Недостатком этого раздела является то, что в нем не показана тактика Кенесары. Благодаря недооценке многообразия

[1] *Рязанов А. Ф.* — Указ. соч., ч. II, стр. 101.
[2] *Рязанов А. Ф.* — Указ. соч., ч. I, стр. 31.

тактических приемов Кенесары, для Рязанова осталось загадочным, почему все карательные экспедиции возвращались ничего не добившись.

Другие ошибки Рязанова, носящие фактический характер, отмечены в соответствующих местах нашей работы.

Исследование Рязанова доведено только до 1845 года. Дальнейшая история восстания, происходившего в пределах Большого жуза, подведомственного пограничному начальнику сибирских киргизов, не освещена. Поэтому не могли быть освещены и причины поражения восстания.

Тем не менее, при всех недостатках, работа Рязанова представляет интерес. В ней впервые подробно разработана история русских военных походов против Кенесары и обстоятельно исследована агентурная разведка в Казахстане. Особенно ценно то, что Рязанов впервые ввел в научный оборот большое количество архивных материалов, ранее не использованных исследователями.

Большой интерес представляет и работа М. И. Стеблин-Каменской о восстании Кенесары Касымова.[1] На основе архивных материалов автор впервые делает попытку осветить истоки восстания Кенесары, проследить участие в нем различных казахских родов и разобрать причины его поражения. В этом отношении автором проделана значительная работа. Большим достоинством статьи является то, что в ней правильно показан классовый, феодальный характер политики Кенесары, поскольку эта политика направлялась на вопросы внутренней организации ханства, за создание которого боролся Кенесары.

Среди отдельных недочетов исследования М. И. Стеблин-Каменской следует отметить недостаточно убедительное объяснение причин поражения восстания. В основном правильно освещая эти причины, автор без достаточных оснований утверждает, что «непримиримые противоречия между лозунгами, на борьбу за которые он звал, и их осуществлением, на деле были основной причиной постепенного отхода от движения казахских масс».[2]

На самом деле причин поражения восстания было много, и одной из них явилось новое соотношение сил, возникшее в результате совместного выступления царских колонизаторов, Коканда и киргизских манапов против Кенесары.

Других затронутых автором вопросов, в частности об истоках движения, мы сейчас не касаемся, поскольку в работе

---

[1] *Стеблин-Каменская М.* — Указ. статья, стр. 249.
[2] Там же, стр. 249.

М. И. Стеблин-Каменской они поставлены только в порядке проблемы и требуют специального рассмотрения.

Необходимо отметить некоторые ошибочные положения, выдвинутые за последние годы историками Казахстана. Так, А. Якунин в своей работе «О восстании Кенесары Касымова»[1] дал неправильную характеристику восстания казахов 1837 — 1847 гг., возглавлившегося Кенесары.

Основная ошибка А. Якунина заключается в том, что он механически отрывает стремление Кенесары к созданию казахского ханства от борьбы широких народных масс.

Характеризуя Кенесары, как случайного попутчика движения, примкнувшего к восставшим во имя своих корыстных целей, Якунин утверждает, что «Кенесары, примкнув к стихийно начавшемуся в 1838 году движению трудящихся масс казахов, оказался в ходе восстания изолированным и оторванным от масс». В другом месте своей статьи он говорит: «Кенесары, как мы видели, не пользовался поддержкой масс; больше того, Кенесары встречал в массах безразличное или прямо враждебное отношение».[2] Нужно отметить, что даже царские историки прекрасно понимали, почему в течение 10 лет Кенесары руководил восстанием. Далеко не случайно, например, что еще в 1872 году военный историк В. А. Потто в своих лекциях «О степных походах», говоря о восстании Кенесары, отмечал, что оно приняло «тот опасный характер единодушного и общего восстания, с которым справиться было уже не легко; тем более, что во главе мятежа стояла буйная, но даровитая и в высшей степени энергичная личность».[3]

Подобные же признания мы находим и в работах Середы, Добросмыслова, Красовского, Мейера и других, сумевших серьезно и объективно подойти к фактам.

Исходя из неверной оценки роли Кенесары, автор пишет, что Кенесары не мог выдвинуть политические лозунги, отвечающие общенародным интересам. «Преследуя свои личные цели, — говорит Якунин, — будучи неспособным выработать и выставить сколько-нибудь прогрессивные, общенародные требования, руководители движения, как Кенесары... не могли объединить казахский народ на борьбу за свободу и независимость. Они не выставляли лозунга борьбы за свободу».[4]

Ознакомление с письмами Кенесары, в которых тот под-

---

[1] *Якунин А.* — Восстание Кенесары Касымова, «Большевик Казахстана» № 8, 1939.
[2] *Якунин А.* — Указ. статья, стр. 54.
[3] *Потто В. А.* — О степных походах, «Военный Вестник», 1873, № 1 — 4, стр. 254.
[4] *Якунин А.* — Указ. статья, стр. 53.

робно излагал свои политические цели, легко убеждает о несостоятельности и этого положения.

Точка зрения А. Якунина известное время имела распространение среди некоторых историков Казахстана. Однако затем появился ряд статей на страницах печати, обстоятельно разбирающих ошибочность таких взглядов.

Восстание Кенесары довольно подробно освещено в «Истории Казахской ССР», вышедшей в 1943 году под редакцией А. Панкратовой и М. Абдыкалыкова. Основным недостатком в изложении восстания Кенесары Касымова является то, что оно охарактеризовано одностороние, без анализа социально-экономических предпосылок. Поэтому остаются непонятными характер и движущие силы восстания Кенесары. Далее, совершенно не был показан политический строй ханства Кенесары, без чего невозможно понять, в чем выразилась прогрессивная роль Кенесары по сравнению с его предшественниками. Такая односторонняя характеристика восстания Кенесары вытекала из ошибочной установки самой книги, в которой упор был сделан на односторонний показ национально-освободительного движения и не давался анализ социально-экономических отношений и классовой борьбы. Это и было самой существенной ошибкой первого издания «Истории Казахской ССР». (Во втором издании эти ошибки выправлены). Понять восстание Кенесары можно только на широком фоне социально-экономических отношений Казахстана и, в первую очередь, класовых отношений и той внешнеполитической обстановки, в условиях которой происходило данное восстание. Далее, для понимания цели и задачи восстания очень важную роль играет детальный анализ движущих сил восстания Кенесары. В восстании участвовали представители разных социальных прослоек, и вполне понятно, что они в восстании преследовали не одинаковые цели.

б) АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

Основным источником для изучения хозяйственного строя, социальных отношений казахов, а также внешнеполитических связей Казахстана с соседними государствами и колониальной политики царизма, являются архивные материалы. До революции почти не производилась публикация архивных документов по истории Казахстана. Наиболее крупной публикацией явилось издание по инициативе Военного Министра А. Н. Куропаткина 14 томов документальных материалов, под назва-

нием «Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края».[1]

В первых четырех томах этого сборника были опубликованы некоторые архивные материалы по истории завоевания Казахстана, относящиеся, главным образом, к середине XIX века. В них имеются ценные сведения о восстании Кенесары Касымова и опубликованы отдельные его письма.

Из дореволюционных публикаций, относящихся к истории Казахстана, можно назвать издания Семипалатинского краеведа Н. Я. Коншина. Им была опубликована из местного областного архива переписка А. Букейханова под названием «Из переписки киргизских ханов, султанов и проч.», а также показания среднеазиатских торговцев под заголовком «О заграничных обстоятельствах».[2] Переписка А. Букейханова отражает внешнеполитические связи Казахстана с царской Россией; в частности в письмах к генерал-губернатору Капцевичу отражены первые шаги колонизации Казахстана. «Сказки» среднеазиатских торговцев дают представление о торговле, о внутренних событиях в Ташкенте, Коканде и Восточном Туркестане. Все эти материалы относятся к 20 — 30-м годам XIX века.

Из документальных публикаций по истории Казахстана, изданных в советское время, следует назвать «Материалы по истории Казахской ССР» (1785 — 1823 гг.), том IV, подготовленный к печати под редакцией проф. М. П. Вяткина. Этот труд является ценным источником по истории Младшего жуза конца XVIII и начала XIX века. Материалы по остальным казахским жузам войдут в последующие тома этого же издания. Отдельные документальные материалы напечатаны в «Красном архиве», «Историческом архиве» и в других изданиях.

Из беглого обзора публикаций документальных материалов по истории Казахстана можно убедиться в том, как мало сделано в этой области исследователями. Именно поэтому данное исследование в значительной мере основано на изучении неопубликованных архивных источников. Абсолютное большинство из использованных нами документов не тронуто исследователями.

По истории первой половины XIX века Казахстана сохранилась масса архивных документов в различных архивохранилищах. Нами изучены материалы по следующим архивам:

---

[1] Составителем «Сборника» был военный инженер-полковник Серебренников А. Г., занимавший тогда пост начальника Семиреченской инженерной дистанции.

[2] «Памятная книжка Семипалатинской области» на 1900 — 1902 годы.

1. По центральному историческому архиву Казахстана (Истор. архив КССР — Алма-Ата) просмотрены: фонд № 4 Оренбургской Пограничной Комиссии, фонд 336 — 345 Омского Областного Управления, фонды 81 — 82 — 374 Пограничного Управления Сибирскими киргизами, фонды 2 — 3 начальника Алатавского округа и киргизов Большой Орды, фонд 370 Уральского Областного Управления.

Большое число хранящихся в перечисленных фондах материалов отражает внутреннее состояние Казахской степи.

2. В Чкаловском историческом архиве (Чкаловский Гос. Истор. архив) использованы: фонд 6 Оренбургского генерал-губернаторства, фонд 166 — рукописи бывшего председателя Оренбургской Пограничной Комиссии ген.-майора Г. Ф. Генса, фонд 169 — рукопись Севастьянова, фонд 96 — рукопись полковника Авдеева и фонд Оренбургского Таможенного Управления.

3. В Центральном Историческом Архиве Узбекистана (ЦГИА УзССР) использованы собранные А. Г. Серебренниковым архивные материалы «К истории завоевания Туркестанского края». Материалы А. Г. Серебренникова составляют 30 томов. Как мы отмечали, из них до революции вышли из печати только 14.

4. В Центральном военно-историческом архиве в Москве (ЦГВИА) использованы фонд ВУА Военного Министерства и фонд канцелярии Военного Министерства, где была сконцентрирована вся переписка Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств с Военным Министерством. В этом фонде хранится много материалов о восстании казахов под предводительством султана Кенесары и внутреннем состоянии Казахской степи.

5. В Центральном Государственном Историческом Архиве г. Москвы (ЦГИА) использованы: фонд Глав. архива I — 9 Министерства иностранных дел, в котором сохранилось большое количество дел о восстании Кенесары Касымова (1837 — 1847 гг.) и докладные канцлера Нессельроде Николаю I, в которых нашла яркое отражение колониальная политика царизма в Казахстане.

6. По Центральному военно-историческому архиву Ленинграда (ЦГВИАЛ) использован фонд 9 Аудиториатского Департамента Военного Министерства, в котором сохранились судебно-следственные дела (допросы и показания участников восстания 1837 — 1847 гг.).

7. В Центральном историческом архиве г. Ленинграда (ЦГИАЛ) просмотрен фонд Земского отдела Министерства внутренних дел, Департамента полиции исполнит., первый Си-

бирский к-т. Здесь хранятся ценные материалы о среднеазиатской торговле, об основании приказов, о расчленении Младшего жуза на три степных округа и назначении султанов-правителей, и материалы, рисующие внутреннее состояние Казахской степи.

8. В архиве Академии наук СССР г. Ленинграда использован фонд 23 — Чокана Валиханова. В этом фонде содержатся интересные материалы о казахских родах и султанах Старшего жуза, о казахском быте, о киргизах (историческая справка) и имеется «Записка о мятежном султане Кенесары Касымове».

9. В рукописном отделе Публичной библиотеки им. В. И. Ленина просмотрен фонд князя Барятинского («Бар/III» п. 20/25). В нем хранится интересная переписка личного характера ген.-адъютанта графа В. А. Перовского с Военным министром графом А. И. Чернышевым. Письма В. А. Перовского написаны на французском языке, в них дана любопытная характеристика состояния Оренбургского края и сообщаются ценные сведения о восстании государственных крестьян.

10. В рукописном отделе Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) найдена интересная записка оренбургского купца Д. У. Белова о хозяйстве и торговле сырдарьинских казахов, написанная в 60-х годах.

11. В отделении Института истории Академии наук СССР (ЛОИИ) нам любезно была предоставлена рукопись V тома «Материалов по истории Казахской ССР», подготовленная к печати М. И. Стеблин-Каменской. Этот том охватывает историю Среднего и Младшего жузов в первой половине XIX века.

12. В восточном отделе Библиотеки им. Алишер Навои (Ташкент) использован многотомный «Туркестанский Сборник» (530 томов).

13. В архиве Института Восточных Рукописей Академии наук Узбекской ССР просмотрены рукописи: Мулла-Мирза-Алим-бек-Дамулла-Мирза-Рахим-Ташкенди «Генеалогия султанов и история Коканда».

Мулла Жунус Шигаул Дадка — «Сады света» (по истории Ферганы).

Мухаммед Риза Мираб — «Сады Государства» (история Хивинского ханства со времени Ала-Кула до смерти Мухаммед Амин-хана).

Другие использованные материалы приведены в подстрочных примечаниях данной работы.

* *
*

Для изучения хозяйственного строя и социальных отношений казахов незаменимым источником является обнаруженная

нами в архивах запись быта и обычного права казахов, произведенная в 40-х годах XIX века. История этой записи такова. В связи с подготовкой Степного положения 1844 года, по указанию Оренбургского военного губернатора Обручева было поручено чиновнику особых поручений д'Андрэ подобрать специальных людей для записи быта и норм обычного права казахов, «имеющих в Орде силу закона».[1] С этой целью в Оренбург были созваны со всех концов все выдающиеся знатоки казахского обычного права — бии и султаны. В сборе и записях материалов приняли участие султаны-правители Ахмет Джантюрин, Айчувак Баймухаммедов, попечитель Александровский, письмоводитель восточной части Орды Полоешротов — автор рукописи о восстании Кенесары Касымова и другие чиновники, прекрасно знавшие казахский быт. Исключительная ценность этих материалов состоит, с одной стороны, в том, что в них отражены хозяйственный строй и социальные отношения казахов первой половины XIX века, с другой стороны, точность сообщаемых в них фактов не вызывает сомнений, так как их источником являлись показания самих казахов — знатоков казахского обычного права. Кроме того, надо учесть, что все произведенные записи читались султанам и биям, со слов которых они были записаны, а затем под строгой ответственностью каждый подписывался под этими записями.

В записях «Быта и обычного права казахов» отражено право феодальной верхушки — султанов, биев на зимовки и летовки, перечислены многочисленные феодальные повинности, взимаемые с населения. Кроме того, в записях показано социальное лицо рабов, тюленгутов, бактачей, и наконец, в этих материалах имеются сведения о внутренней торговле в Казахской степи, о порядке кочевания, о судебных функциях биев и т. д.

К сравнительно позднему периоду относится найденная в историческом архиве Казахстана запись «О народных обычаях в Семиреченской области», произведенная в 1870 году полковником Метелицыным и Израэцовым.[2] Этот материал интересен для сравнения с записями 1840 года. При анализе этого документа обнаружились некоторые изменения в формах землепользования казахов, в них уже не упоминается о рабах, четко определены социальные функции тюленгутов и т. д.

Для характеристики внутрифеодальных отношений Казахстана ценным источником являются сохранившиеся в архивах специальные докладные «о барымте», составленные местными

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2794, лл. 123 — 144. 1846.
[2] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 4236, связ. 271. 1870.

чиновниками.[1] В них объясняется происхождение барымты и ее влияние на хозяйство казахов.

В связи с ходатайством бывших потомков «тарханов» о предоставлении им звания тархана, по указанию Азиатского Департамента были составлены докладные о тарханстве[2] и об их общественном положении в Казахстане. Изучение этого материала позволяет судить об институте «тарханства», почти исчезнувшем к середине XIX века.

Следующим документом, имеющим важное значение для изучения хозяйства и социального строя казахов и состояния среднеазиатской торговли, является рукопись генерала Г. Ф. Генса — председателя Оренбургской Пограничной Комиссии, — состоящая из 9 объемистых томов. К сожалению, эта весьма ценная рукопись до настоящего времени полностью никем не использована. До революции была использована академиком Г. Гельмерсеном[3] с согласия самого Генса часть материалов, относящихся к истории среднеазиатских ханств; материалы о казахских родах использованы полковником И. Бларембергом.[4]

В рукописях Генса особый интерес представляют данные о казахских родах Младшего жуза, о районах кочевок отдельных родов. Кроме того, в рукописи содержится целый ряд интересных данных, характеризующих взаимоотношения казахов с русскими переселенцами — крестьянами Оренбургского края и т. д.

Ценные сведения о хозяйстве казахов и состоянии ремесла и о внутренней торговле содержатся в годовых отчетах Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, представлявшихся в Министерство иностранных дел. К счастью, эти отчеты полностью сохранились за все интересующие нас годы. И, наконец, ценные сведения о состоянии Казахской степи давали в своих показаниях лазутчики, специально посланные властями для изучения настроений казахов. На основании этих источников можно судить о хозяйстве казахов, об изменениях в формах землепользования, о формах вассальной

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 5, д. 431, связ. 26, лл. 9 — 10. «О доставлении сведений о том, какие именно грабежи и воровство относятся по Оренбургскому краю к барымте» 1861 г. Значительный материал собран в «Материалах по истории Казахской ССР», т. IV, 1940.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2378, л. 15. «По поводу прошения тархана Бикбулата Бикбаева о предоставлении его потомству тарханского достоинства», 1847.

[3] Berichten über Chiwa, Buchara, Chokand. St. Peterburg, 1839 Jahre.

[4] Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XIV, ч. III. СПБ. 1848.

зависимости. Кроме того, эти материалы позволяют судить об общественном положении и политических настроениях отдельных социальных групп — султанов, биев и баев — и о положении феодально зависимых людей — байгушей, егынши, джатаков, бакташи и т. д.

Другой важной проблемой является изучение политического строя ханства Кенесары. Основным источником по этому вопросу служат подробные докладные попечителя Долгова,[1] и поручика генерального штаба Герна,[2] в 1845 году посетивших ставку Кенесары.

В своих докладных они сообщают интересные данные о порядке управления степью через есаулов, о формах вассальной зависимости, о прерогативах ханской власти, о тюленгутах. Кроме того, имеются подробные сведения об организации военных сил, о состоянии вооружения войск Кенесары и т. д.

Ценным источником для изучения политического строя ханства явились также подробные показания военнопленных урядника Лобанова,[3] солдат Губина,[4] Иванова, продолжительное время живших в Казахской степи. В их показаниях также имеются ценные сведения о порядке управления, сборе налогов, созыве Ханского Совета и т. д.

Кроме того, в фондах Оренбургской Пограничной Комиссии сохранилась докладная записка султана Санали Мирзагалиева, специально посланного в ставку Кенесары за сбором необходимых материалов. Санали имел личную беседу с восставшим султаном и сообщает весьма интересные подробности о внутреннем устройстве ханства Кенесары. Наряду с этим, нами использованы многочисленные опросы казахов, производившиеся в Оренбургской Пограничной Комиссии специальными чиновниками. В этих показаниях мы также находим ценные упоминания о политическом устройстве ханства Кенесары, о формах вассальной зависимости, о реальной силе ханской власти и преобразовательной деятельности Кенесары. Помимо этого, о политическом строе ханства имеются некоторые данные в докладных записках генерал-губернаторов, представленных в Военное Министерство и Министерство иностранных дел.

Изучение документальных материалов позволяет судить о Казахском ханстве Кенесары, как о феодальном государстве кочевого типа, во многом отличавшемся от предшествую-

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, лл. 879 — 892, 1845.
[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, лл. 941 — 944, 1845.
[3] ЦВИА, ф. ВУА, д. 1161, лл. 229 — 231 об.
[4] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 6557, лл. 4 — 8, 1844.

щих форм Казахского ханства. Оно опиралось на средний слой феодалов. Вассальная зависимость была основана на авторитете ханской власти и т. д.

По вопросу внешнеполитических отношений Казахстана с царской Россией и среднеазиатскими ханствами в архивах также содержатся ценные материалы. Для изучения этого вопроса важным источником является рукопись Генса. В ней имеются записи опросов среднеазиатских купцов, приезжавших в Оренбург по торговым делам, опросов, содержащих ценные сведения о внутренних событиях в среднеазиатских ханствах, об их отношении к Казахской степи. Помимо рукописи Генса, многочисленные показания хивинских, ташкентских, кокандских, а также русских торговцев сохранились и в других материалах просмотренных нами фондов. В этих показаниях также даются ценные сведения для выяснения внешнеполитических отношений Казахстана со среднеазиатскими ханствами. Известно, что хивинские и кокандские ханы претендовали на территорию казахов Младшего и Старшего жузов. В связи с этим они часто писали письма к казахским султанам и родоначальникам с целью добиться признания казахами их требований. Большинство этих писем и обращений сохранилось в архивах. Для изучения взаимоотношений казахских ханов с царской Россией важным источником являются письма султанов и ханов на имя представителей центральной и местной власти. В архиве сохранилось большое число писем Сржана, Касыма и Кенесары. На основании этих писем и ответов на них можно установить, как казахские султаны и ханы понимали вопрос о «протекторате», о «подданстве» казахов, понять причины их ориентации на Россию, а не на среднеазиатские ханства — Коканд, Хиву. В местных архивах в большом количестве сохранились письма султанов-правителей и старших султанов и их донесения губернаторам и начальникам Пограничной Комиссии. В этой переписке отражены методы царской колониальной политики, история основания приказов и т. д. Большая часть переписки губернаторов посвящена восстанию Кенесары. Эта переписка, носящая официальный характер, не всегда дает объективное представление о Казахстане и целях колониальной политики российского самодержавия. Все же в ней часто встречаются секретные документы, рисующие подлинный характер царской колониальной политики. Захват казахских земель граф Нессельроде следующим образом объясняет в своем докладе Николаю I: «Цель правительства при переносе линии состоит в приобретении через сие значительного количества хлебопахотных земель... для чего необходимость требует очистить сии земли от киргизов,

которые на них кочуют».[1] В официальной переписке сохранилось много интересного, рисующего отношение царских колонизаторов к казахам. В одном из донесений видного чиновника к Оренбургскому военному губернатору — графу П. Сухтелену — сказано: «Я не завлекаюсь гиперболическими желаниями филантропов устроить киргизов, просветить их и возвысить их на степень, занимаемую европейскими народами».[2]

Сохранившиеся в архивах материалы позволяют судить и о социальной политике царского правительства в Казахстане. Известно, что в своей колониальной политике царизм опирался на султанов и родовую знать — биев. В этом отношении представляют большой интерес письма, донесения и прошения казахской знати. Так во время восстания Кенесары султаны и бии, оставшиеся верными правительству, просили защиты от «мятежников». Старший султан Акмолинского приказа Худаймендин, прося помощи, писал: «Кенесары Касымов изыскивает средства нанести мне ощутительный вред за преданность мою к Российскому правительству».[3]

Царская администрация всегда чутко реагировала на такие просьбы султанов и биев и оказывала им неизменную поддержку. Подобного рода документальные материалы сохранились, главным образом, в историческом архиве Алма-Ата, в фондах Оренбургской Пограничной Комиссии, Пограничного Управления Сибирскими киргизами и др. Документы, исходившие от казахской знати, написаны на казахском и татарском языках. В Пограничной Комиссии эти письма переводились на русский язык переводчиками, зачастую весьма неточно.

Поэтому при использовании ведомственных переводов с этих документов мы сверяли их с подлинниками.

О злоупотреблениях местной власти над казахским населением интересные материалы дают ревизии деятельности губернаторов и председателей Пограничной Комиссии. В этом отношении исключительную ценность представляют материалы ревизий, произведенных действительными статскими советниками Родофиникиным, Любимовым и другими.

Материалы ревизии директора Азиатского Департамента К. К. Родофиникина вскрыли вопиющие злоупотребления при сборе налогов. Он отмечал, что казахи терпят урон «от неумеренных плат». Кроме налогового гнета, казахи, вследствие захвата их земель, испытывали острый недостаток в пастбищах и зимовках. Тот же Родофиникин писал: «Кроме сего им

---

[1] ЦГИАЛ, ф. Департамента полиции. Исполнит. 1835, д. 273, лл. 4—13.
[2] ЦГИАЛ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 134, лл. 1 — 2, 1834.
[3] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 31, лл. 416 — 4417, 1837.

делаются разные притеснения в отношении к зимовкам при Линии, к добыванию соли из озер».[1]

Действительный статский советник Любимов также указывал на злоупотребления чиновников и казачьих войск. Он писал: «Во время поездки моей по Линии я также неоднократно слышал жалобы киргизов на то, что казаки отняли у них все лучшие сенокосные места».[2]

Чиновники, ревизовавшие деятельность местных властей, строго подходили к делу, так как материалы ревизии предназначались для руководящих правительственных органов. Приводимые в актах ревизии факты ярко отражают состояние дел в Казахской степи.

Следует отметить переписку Оренбургского губернатора Перовского и западно-сибирского губернатора Горчакова, сохранившуюся в фондах Военного Министерства и Министерства иностранных дел. В отношении восстания Кенесары оба губернатора занимали противоположные позиции и оценка движения у них была разная. На этой почве между ними происходила ожесточенная полемика, очень важная для понимания различных течений внутри царской администрации.

Ценным материалом о восстании Кенесары являются сохранившиеся в фондах Аудиториатского Департамента Военного Министерства, а также в фондах Министерства иностранных дел, материалы военно-следственных дел участников восстания. Приведем перечень некоторых основных следственных дел:

1. Судебно-следственные дела 16 султанов во главе с Абулхаиром.[3]

2. Военно-судебное дело 4-х активных участников восстания во главе с Тобылды Тохтиным.[4]

3. Судебно-следственное дело 17 участников восстания во главе с родственником Кенесары Бигалий Сеил-ханом.[5]

4. Судебно-следственное дело султанов Худаймендина и Турсунханова.[6]

Ценность этих судебно-следственных дел заключается в том, что все привлеченные к суду лица являлись активными участниками восстания. Поэтому их показания содержат бога-

---

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5496, лл. 8 — 14.

[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 57 — 59, лл. 2 — 12, 1846.

[3] Истор. архив КССР, ф. 82, д. 169, л. 29, 1838.

[4] Истор. архив КССР, ф. 82, оп. 1, д. 169, лл. 12 — 15, 1838. «О предании военному суду киргиз Тобылды Тохтина и других сообщников Кенесары Касымова».

[5] ЦГИА. Глав. архив 1 — 9, д. 1, лл. 489 — 499, 1838 — 1849 гг.

[6] ЦГВИАЛ, ф. 9, Аудитор. департ., 4 отд., связ. 208, дело ч. 1, лл. 91 — 102, 1842.

тые сведения о повстанческом движении. Но здесь требуется сугубо критический подход к источнику, так как сведения давались лицами, заинтересованными не только в оценке движения, но и в исходе следствия.

В этой связи интересно военно-судебное дело о 17 участниках восстания во главе с Сеил-ханом. При подробном изучении этого дела мы обнаружили расхождения в показаниях отдельных участников, особенно расходились данные о количестве повстанцев. Согласно показанию Муллы Умыбая Калдыгулова, у Кенесары было около 15 тыс. кибиток. Когда мы сравнили его данные с другими, обнаружилось явное преувеличение. Более или менее правильными оказались данные, сообщаемые родственником Кенесары Сеил-ханом и Чукмар Бактыбаевым — видным деятелем повстанцев. Только сравнивая показания всех привлеченных к суду участников, можно более точно установить правильность сообщаемых ими сведений. Изучение военно-следственных дел дает весьма ценные сведения о количестве повстанцев, об их вооружении, о порядке обучения, о военной тактике. Словом, на основании этих материалов можно составить подробное представление об организации повстанческого лагеря. Кроме того, в показаниях участников восстания имеются ценные сведения о практической деятельности Кенесары, в частности, сообщаются факты, относящиеся к производству оружия, регулярному обучению военному делу сарбазов, судебной реформе и т. д.

Кроме перечисленных документальных материалов, нами использовано большое количество «сказок» (т. е. протоколов опроса), исходивших от различных лиц. По своему характеру эти «сказки» можно разделить на три группы:

Во-первых, «сказки», исходившие от среднеазиатских и русских торговцев, побывавших в ставке Кенесары.

Во-вторых, «сказки», исходившие от непосредственных участников восстания.

В-третьих, «сказки», исходившие от лазутчиков, специально посылавшихся в повстанческий лагерь с целью собирания необходимых сведений (месторасположение повстанцев, количество «мятежников», вооружение их, руководители восстания и т. д.).

Все эти «сказки» отбирались в Оренбургской Пограничной Комиссии. Познавательная ценность указанных видов «сказок» неодинакова. Относительно второй группы — «сказок», отбиравшихся от участников восстания, можно сказать то же, что нами говорилось выше о материалах судебно-следственных дел.

Прежде всего, надо учесть, что большинство из пленных, дававших «сказки», отказывались признать себя участниками

восстания, а если разными уликами они вынуждены были признаться, то все-таки они пытались обелить себя и т. д. Поэтому в этих «сказках» они всячески старались давать неверные сведения, скрывали свой род, месторасположение своего аула и т. д.

В качестве иллюстрации приведем такой факт. Первый раз во время допроса участник восстания Чана Ярлыханов дал о себе следующие сведения: «Зовут меня Чана Ярлыханов, от роду имею 45 лет, киргиз Таминского рода Атачалова отделения, ведомства старшины Кузембая Аханова».[1] А когда от него отбирали повторные «сказки», он сообщил о себе: «Зовут меня Чана Ярлыханов. От роду имею 40 лет, жену, детей не имею, Кипчацкого рода, Казахского отделения команды старшины Калбая Бахбаева... Прежде я на спрос русских и башкирцев показывал разнообразно ни от чего более, как хотел скрыть свое преступление».[2]

Аналогичные факты нередко можно встретить и в других «сказках».

Круг показаний «сказок» лазутчиков, посылавшихся в степь, определялся теми инструкциями, которые эти лица получали от Пограничной Комиссии. Несмотря на стремление лиц, дававших такие «сказки», к возможной точности показаний, все же при детальном изучении и сравнении «сказок» на одну и ту же тему нередко обнаруживаются между ними расхождения.

В одной из своих «сказок» лазутчик заявил о смерти Касыма, а месяцем позже другой лазутчик сообщил об его пленении в Туркестане; на этом основании дезориентированный председатель Оренбургской Пограничной Комиссии писал: «Отец Кенесары Касым Аблаев не убит, как полагали, по прежним сведениям, но содержится в плену в Туркестане».[3]

Неточность передаваемых лазутчиками сведений объясняется тем, что некоторым лазутчикам (казахам) не всегда удавалось дойти до места назначения, ибо они боялись проникнуть в повстанческий лагерь; в этом случае они ограничивались разными слухами, не удостоверившись в их достоверности. То же самое следует сказать про «сказки», отбиравшиеся с торговцев. В отдельных своих «сказках» они явно преувеличивали свои потери. Это делалось для того, чтобы просить у царской администрации возместить их торговые потери.

Торговцы — участники восстания в своих показаниях не

---

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 12, лл. 16 — 17, 1844.
[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 12, л. 5, 1844.
[3] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 10, лл. 8 — 13, 1841.

ограничивались никакими инструкциями, поэтому они могли давать сведения из разных областей жизни казахов, и в этом заключается преимущество их «сказок» — они разнообразнее по своему содержанию, нежели «сказки» лазутчиков. Иногда неточности в «сказках» объясняются тем, что их отбирали чиновники, слабо владевшие казахским или татарским языками.

Несмотря на отмеченные недостатки, «сказки» принадлежат к числу ценных первоисточников для истории казахского народа, ибо в них можно найти необходимые сведения почти по всем вопросам быта и общественной жизни казахов. Особенно «сказки» важны для изучения движущих сил восстания. Только на основании показаний участников можно установить, какие казахские роды участвовали в восстании.

В архивах сохранились ценные материалы, позволяющие судить о взаимоотношениях казахов с русскими переселенцами — крестьянами Оренбургского и Западно-Сибирского края. Среди этих материалов представляют интерес рукописи Севастьянова[1] — «О комендантском режиме в истории развития Оренбургского казачьего войска», «О прошлом Оренбургского края». В этих рукописях отражено внутреннее состояние Оренбургского края, в них приведено большое количество фактического материала, рисующего тяжелое положение солдат и государственных крестьян. Кроме того, здесь приводятся характерные выдержки из писем и неопубликованных произведений известного писателя Иосафа Игнатьевича Железнова и бытописателя Оренбургских казачьих войск Бухарина. Таким же ценным источником является рукопись генерала Чернова — члена Оренбургской ученой архивной комиссии, полковника Авдеева «Об Оренбургском казачьем войске»[2]. И наконец, ценные сведения содержатся в рукописи генерала Г. Ф. Генса.[3]

Об экономических связях местного населения с русскими крестьянами отрывочные данные дают материалы Оренбургской Таможенной Комиссии.

Анализ этих материалов наглядно показывает рост экономических и культурных связей казахов с прилинейными русскими крестьянами. При этом надо отметить бедность архивного материала по этому вопросу. Исследователю приходится собирать такие материалы по крупинкам, ибо они вкраплены в показаниях отдельных лиц, донесениях чиновников и т. д.

Таковы основные особенности использованных нами архивных материалов. Само собой разумеется, что в беглом обзоре

---

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 169, рукоп. Севастьянова С. Н.
[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 96, рукоп. полковника Авдеева.
[3] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 166, рукоп. Генса Г. Ф.

ми не ставили задачу подробного анализа всех использованных документальных материалов. Мы указали лишь на главнейшие из них, чтобы показать характер архивных материалов, положенных в основу настоящего исследования.

в) ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Помимо литературных и архивных источников в данной работе использованы также фольклорные источники — исторические песни, рассказы очевидцев событий и их воспоминания, равно, как народные поговорки, пословицы и песни, записанные в разное время собирателями и знатоками казахского фольклора, в частности, Ж. Копеевым, А. Диваевым, О. Шипиным, Ф. Мукановым и другими.

Все эти материалы служат, главным образом, иллюстрацией тех или иных положений, касающихся социально-экономического строя казахов и национально-освободительного движения, в частности, восстания Кенесары.

Прежде чем перейти к характеристике основных фольклорных источников, использованных в данной работе, коротко остановимся на вопросе большого принципиального значения, а именно — на вопросе о фольклоре, как историческом (и этнографическом) источнике в целом и методах его научного использования.

Значение фольклора, как важнейшего источника при изучении истории Казахстана, исключительно велико. Это объясняется тем, что казахский народ, вплоть до второй половины XIX века не имел письменной литературы. Поэтому крупные исторические события в памяти казахского народа сохранялись через устное народное творчество: поэмы, песни, былины, сказки, легенды и др., передававшиеся из поколения в поколение. В этих фольклорных материалах яркое отражение нашли общественный и социальный строй казахов, быт и нравы и, наконец, важнейшие исторические события в жизни народа.

Значение фольклорного материала состоит в том, что он дает меткую и, зачастую, верную оценку историческим событиям и личностям, поскольку сам народ являлся творцом истории и непосредственным участником описываемых событий. Говоря о значении фольклора при изучении прошлого, П. Лафарг писал: «Народная песня... принимается только в том случае, когда соответствует духу и обычаям тех, кто ее усыновляет. Песня не может быть навязана, как новая мода на платье»[1].

[1] *Лафарг П.* — Очерки по истории культуры. М., 1926, стр. 51 — 54.

Еще академик В. В. Радлов отмечал огромное значение казахского фольклора для историков и этнографов:

«Этот эпос, — писал он, — даст совершенно так же, как эпос греков, ясную картину духовной жизни и нравов целого народа, с эпической широтой рисует он военные походы, сватания, тризны, скачки, домашний быт и т. п.»[1]

Не вдаваясь в подробную характеристику казахского фольклора, следует лишь отметить, что благодаря своему обилию, разнообразию и насыщенности фактами, он представляет собой поистине неоценимый клад для историка, в особенности в области общественных отношений.

Однако пользование этим богатейшим фольклорным материалом требует от историка большого умения и сугубо критического подхода. Печальный опыт известной части наших историков и литературоведов (т. т. Жумалиева, Исмаилова, Маргулана и других), не сумевших критически, во всеоружии марксистско-ленинской методологии и современных исторических знаний подойти к фольклорным материалам, показал, какими опасными последствиями чревато небрежное и неумелое обращение с этим ценнейшим историко-этнографическим источником.

Нельзя ни на минуту забывать основных специфических особенностей фольклора — его качественную и классовую неоднородность, смешение в нем исторической правды с поэтическим вымыслом и домыслом переводчиков, напластование в фольклоре добавлений, вносимых различными сказителями и певцами, особенно тогда, когда песнь имеет давность в несколько веков и проходит множество инстанций. При этом и автор песни и ее исполнители придают событиям ту политическую окраску, которая диктуется их классовыми и политическими симпатиями. Именно поэтому, важнейшим условием при изучении фольклорного материала является установление его классового характера, а по возможности, личности его автора или исполнителя. Так, например, немало сохранилось песен, где Кенесары характеризуется, как вождь «бедных». В одной песне даже поется: «Кенесары был убежищем для бездомных, приютом для безкровных» и т. д. Понятно, что некритическое восприятие подобной характеристики начисто исказило бы правильное представление о Кенесары, бывшего крупным феодалом, а отнюдь не нищенствующим вожаком крестьянской бедноты. Ряд песен явно идеализирует Кенесары и его соратников, смазывает классовые противоречия, существовавшие в лагере повстанцев, идеализирует ханскую власть и прошлое.

[1] Radloff W. — Aus Sibirien. L., 1674, стр. 152.

Особенно распространено привнесение в песню сказочных мотивов. Так, например, в одной песне, вопреки всякой исторической правде, говорится, что когда было разгромлено все войско Кенесары, он один затворился в нагорной крепости и—

«Сколько пушки в крепость ни стреляли,
Ядра падали с горы обратно
И самих стрелявших убивали».

Народная поэзия зачастую наделяет Кенесары легендарной силой. В одной песне Кенесары в ответ на угрозы царя—

«Говорит всего лишь два слова:
Первое — гремело железом,
А второе — огнем полыхало».

Ясно, каково должно быть отношение к подобным гиперболам, известным почти в каждом фольклорном произведении. Однако еще большей ошибкой было бы на этом основании полностью игнорировать эти произведения, как не заслуживающие внимания. Ведь наряду со сказочно-легендарными образами, песни эти содержат четкую характеристику сил, против которых выступали повстанцы, подчеркивая, что не только царские завоеватели душили казахский народ, но и —

Баи предавали казахскую свободу,
Баи с генералами братались,
Царские подарки принимали».

Важнейшей задачей исследователя является не только отделение правды от вымысла, но и максимально возможная проверка фактов, сообщаемых фольклорными материалами и сверка их с данными архивных и литературных источников. Столь же необходимо и сравнение разных вариантов отдельных песен для выявления их первоначального текста. Такая работа проделана нами,[1] например, в отношении песен участни- восстания Кенесары — акынов Нысамбая и Досхожа.

Наконец, при оценке фольклорного материала надо учитывать его специфический характер. Так, скажем, степень достоверности песни или поэмы, ниже степени достоверности записей рассказов непосредственных очевидцев и участников

[1] Хотя далеко неполная, ибо не все их песни записаны, да и качество записи не всегда равноценно. К сожалению, приходится отметить, что до сих пор памятникам фольклора и их научной обработке в Казахстане не уделено того внимания, которого они, бесспорно, заслуживают. Этот существенный пробел крайне затрудняет работу исследователя.

восстания, которые смело можно рассматривать, как мемуарные материалы, являющиеся первоисточниками.

Надо учесть, что зачастую основа сказания подвергалась переработке сказителем — представителем другого класса, в интересах этого класса. Так до нас дошел целый ряд фольклорных песен, специально импровизированных по заказу феодальной верхушки. В частности, в Ташкентском архиве мы нашли песню одного неизвестного феодала, записанную в 40-х годах XIX века. Об авторе этой песни председатель Оренбургской Пограничной Комиссии В. Григорьев писал: «Из появившихся недавно в нашей среде многих песен, в которых воспевается могущество России и слава ее оружия, представлена одна, более других интересная и составленная, по объяснению г. Первухина, одним почетным ордынцем, которого, однако, попечитель по имени не называет».[1]

Из приводимого ниже текста видно, как автор этой песни, олицетворявший колониально-феодальный гнет, восхваляет колониальную, захватническую политику царизма:

«Государь наш император восседает на своем троне
Всякий царь пребывает на своего народа стороне.
Живем мы теперь в изобилии и покое,
Ибо государь наш печется о благе своих народов».[2]

В связи с дальнейшим классовым расслоением казахского общества появляются певцы и импровизаторы социальных низов, в частности джатачества. Знаменитым народным поэтом первой половины XIX века, посвятившим свою страстную песню обедневшим джатакам, был Ногайбай. Биографических сведений о нем почти не сохранилось. Известно лишь, что он родом из Зайсана, Тарбагатайского округа. Ногайбай тесно был связан с народными низами, любил свою родную степь. Он говорил: «Степь меня родила, степь меня вскормила и вспоила, степью я дышу, степью и жить я должен».

Характеризуя социальную направленность творчества Ногайбая, А. Ивановский писал: «Вот про это-то джатачество, про этих-то навеки отрезанных от своего народа джатаков, запел прежде всего Ногайбай. Казалось, в этой песне, дававшей столь много благодарного для него материала, полной щемящего, жгучего, безысходного горя, он хотел излить всю свою душу и облегчить свое наболевшее сердце. И надо от-

[1] ЦГИА, УзССР, ф. 715, д. 15, л. 57. Из донесения председателя Оренбургской Погран. Комиссии Оренбургскому военному губернатору, 1854.

[2] Там же, л. 57.

дать справедливость: как поэт-певец и притом «дикий сын степи» он превзошел все мои ожидания».[1]

Особо критического подхода требовали те фольклорные материалы, которые относятся к позднейшему периоду. В этих песнях зачастую идеализируется прошлое Казахстана, чересчур восхваляются отдельные личности, воедино сливаются интересы ханов и народа. Большинство таких песен было сложено в период, когда казахи, испытывая двойной пресс угнетения, — своих собственных феодалов и царских колонизаторов, — обращали свои взоры к прошлому Казахстана, ища в нем «золотой век» казахского народа. Поэтому достаточно было какому-либо певцу взять своим сюжетом деятельность популярного лица вроде Кенесары, чтобы связать с ним свои надежды о лучшем будущем. Понятно, что нельзя забывать об этом обстоятельстве.

Таковы основные методологические установки, которыми мы руководствовались в нашей работе над фольклорными материалами.

Среди исторических песен и поэм, посвященных Кенесары и Наурызбаю, ведущее место занимает «Песня о Кенесары» Нысамбая. Об авторе этой песни нет подробных библиографических сведений. Известно лишь то, что говорит о себе сам Нысамбай:

Если спрашиваете откуда я происхожу,
То я из рода Кирей, отделения Ашакайлы...
Когда мне было пятнадцать лет,
Я пришел к тюре Кенесары — Наурызбаю».[2]

Участник восстания Нысамбай подробно описывает борьбу Кенесары с киргизскими манапами и гибель самого Кенесары.

Песнь хорошо показывает внутреннее состояние казахского общества, отсутствие в нем единства, родовую вражду и барымту. В песне Нысамбая нашла отражение идея Кенесары о едином казахском государстве, выраженная следующими словами:

Причиною их удаления с родных мест
Была здешнего их народа
Пестрота рта[3].

---

[1] *Ивановский А.* — Киргизский народный поэт-певец Ногайбай «Этногр. обозрение», кн. III, 1889, Москва, стр. 10 — 17.
[2] *Караев* — Песни Нысамбая о Кенесары и Наурызбае, стр. 10. Хранится в рукописном фонде Института языка и литературы АН КазССР.
[3] «Пестрота рта», т. е. отсутствие единства у казахов.

Кто бы мог обидеть,
Если было бы единодушие,
Нас — детей казаха![1]

Правильно излагаются в песне и отдельные важные исторические события. Например: посылка Кенесары своих представителей во главе с Жеке-батыром для переговоров с киргизами, обращение Кенесары к киргизским манапам с призывом объединиться для совместной борьбы против наступающего врага. Все эти факты подтверждаются архивными документами. О Жеке-батыре и отношении киргизских манапов к повстанцам Нысамбай говорит:

Мы послали к тебе двенадцать человек
Под начальством Жеке-батыра
С озера Кокый.
Два месяца они находились в плену
У беков ваших Джанкорща и Джантая.[2]

В песне фигурируют также имена лучших батыров и соратников Кенесары — Имана, Джауке, Толебая, Агыбая, Бухарбая, Мендыбая, Дулата и Шакира.[3]

И, наконец, места сражений и гибели Кенесары можно восстановить только благодаря подробным описаниям Нысамбая (за исключением последнего места сражения Кенесары и о его гибели).

По наряду с достоинством песни Нысамбая, надо отметить и ее недостатки, в частности — отступление от точности в передаче конкретных исторических фактов и преувеличение роли отдельных героев. В явно мифологическую форму им облечено геройство Наурызбая и других батыров, конь «Кызылауз» Наурызбая чуть ли не очеловечен и т. п.

Песня Нысамбая полностью была напечатана с подстрочным русским переводом султаном Джантюриным в «Записках Оренбургского отдела Русского Географического Общества» в 1875 г. Недостаток этого варианта в том, что в нем упущены наиболее политически заостренные выпады по адресу царских властей. Еще более искажен текст опубликованного в 1924 г. варианта песни Нысамбая под редакцией Жусупбека Басыга-

[1] *Караев* — Песни Нысамбая о Кенесары и Наурызбае, стр. 312.
[2] *Нысамбай* — Песня о Кенесары, стр. 335.
[3] *Муканов С.* — Очерк по истории казахской литературы XIX века, стр. 52.
В последнее время С. Муканов выступил с отрицанием нахождения вместе с Кенесары его главных батыров. Но это противоречит как данным песни Нысамбая, так и другим источникам.

рина. Так, там, где речь идет о сторонниках Кенесары, Басыгарин внес следующее добавление:[1]

Всякие разбойники — кровопийцы
Следовали за ним как воры[2]

В другом месте говорится:

Кенесары был батыром,
В народе он был один
Всякий сброд собрался,
Стали его нукерами и рабами.[3]

Сознательное искажение песни Нысамбая Басыгариным объясняется раньше всего тем, что он был одним из идеологов Алаш-Орды, ненавидевший народно-освободительное движение казахов. Дед Басыгарина Алтыбай Кубеков, родоначальник Жаппаского рода, за неоднократное участие в царских карательных отрядах, преследовавших Кенесары, был убит повстанцами; аулы другого его деда — зауряд-хорунжего Джангабыла Тулегенова также не раз подвергались разгрому сторонниками Кенесары. Вот почему Ж. Басыгарин резко противопоставляет автора песни — Нысамбая — руководителю движения и его участникам.

В рукописном фонде Института языка и литературы Академии наук КазССР имеются еще два варианта песни Нысамбая — Жусупбека Шайхусламова, изданной им на казахском языке в Казани в 1912 году, и последний вариант, записанный в 1939 г. сотрудниками Института со слов акына Кашкынбай Караева в Тургайской области. Оба эти варианта по своей полноте и правдивому описанию событий совпадают. Только в варианте Шайхусламова, особенно в его вступительной части и в конце, добавлены десятки строк и местами встречаются татарские слова, что, однако, не искажает смысла основного текста песни. К сожалению, почти не сохранились песни Нысамбая о возвращении из плена жены Кенесары — Куным-жан в 1845 г. и о состязании Нысамбая с Сайдак-хожа и акыном Кобеком.[4] Отдельные отрывки из этих песен цитируются разными авторами.[5]

---

[1] Сам Басыгарин пишет — «Исправил поэму Кенесары и Наурызбая, удачно применил нужное выражение.» См. Песни Нысамбая о Кенесары, Наурызбае. Собран Басыгариным, стр. 47, Москва, 1924 г.

[2] См. Песни Нысамбая о Кенесары, Наурызбае. Собран Басыгариным, стр. 7, Москва, 1924 г.

[3] См. Песни Нысамбая о Кенесары, Наурызбае. Собран Басыгариным, стр. 18, Москва, 1924 г.

[4] См. гл. «Борьба Кенесары с киргизскими манапами и гибель Кенесары», где приводятся соответствующие отрывки.

[5] Записаны у Караева. Рукопись хранится в рукописн. фонде Института языка и литературы АН КазССР.

После гибели Кенесары, Нысамбай долго скитался по Средней Азии и умер нищим в 1870 г.

Кроме Нысамбая в повстанческом лагере находился другой прославленный поэт Гассан. К сожалению, до нас его песни не дошли. Знаток казахского фольклора Алекторов, в 90-х годах лично видевший Гассана уже слепым и глубоким стариком, пишет о нем: «В то время как Нысамбай под звуки своего кобыза говорил собратьям о последних событиях жизни внука Аблая, другой киргизский Гомер, певец старины, слепой Гассан, лично знавший Кенесары и принимавший участие в героических его подвигах, пел о войне его с русскими и о бегстве к пределам Китайской империи... Личность Кенесары в песнях степных импровизаторов изображается вообще такими чертами, что у слушателей невольно возбуждается сочувствие к героически погибшему султану, всю жизнь стремившемуся к тому лишь, чтобы сделать соплеменников своих свободным, независимым народом».[1]

Для выяснения причин восстания казахов в 20—30 годах XIX века важное значение имеют песни акынов Досхожа и Кудеры, сложенные ими во время этих восстаний.

Акын Досхожа был современником Кенесары. В своем показании оренбургским властям он заявил: «Зовут меня Досхожа сын Токбурина, Средней Орды, Алтай-Калкамановского рода. По вторжении в Акмолинский округ султана Кенесары Касымова, я с семейством присоединился к султану Кучеку Касымову».[2]

До нас дошла в разных вариантах его «Прощальная песня», сложенная в момент расставания казахов с родными кочевьями Сары-Арка. Эта песня относится к тому времени, когда Кенесары вынужден был перевести центр национально-освободительного движения в глубь страны, в район Старшего жуза.

Жирши Ахмет, живший в местечке Берте, близ Оренбурга, со слов которого записан в 1894 г. один из вариантов песни Досхожа, вспоминает:[3] «После неоднократных вооруженных столкновений с царскими отрядами, Кенесары решил откочевать со своими приверженцами в сторону Ала-Тау. Его аулы собирались в путь, а сам Кенесары, взобравшись на горку, погрузился в глубокое раздумье. В это время вдали показались два всадника. Кенесары, заметив их, сказал окружающим: «Вдали показался Досхожа. Наверное он думает уговорить

---

[1] *Алекторов А.* — Народная литература киргизов. См. «Астраханский Вестник», 1893 г., № 1222.

[2] Истор. архив КССР, ф. 82, оп. 1, л. 170, связ. 19, лл. 99—100, 1843.

[3] Он напечатан в журнале «Жана-Мектеб», Кзыл-Орда, 1925 г. № 3, стр. 35.

меня, чтобы я не откочевывал. Я сам поговорю с ним, не останавливайте кочевку». Досхожа акын, подъехав к Кенесары, сразу запел свою прощальную песню».

Вариант «Прощальной песни» был записан А. Нестеровым в 1895 году со слов Есбергена Утепбергенова из Раимской волости Казалинского уезда.[1] От варианта, напечатанного А. И. Добросмысловым,[2] он отличается лишь стилистическими поправками.

Историческая ценность прощальной песни Досхожа состоит в том, что в ней ярко вскрываются причины массового освободительного движения казахов в 20 — 30 гг. XIX века, причем с исключительным мастерством описаны горькие переживания казахов, расстающихся с родными кочевьями.

Такое же значение имеет и песня «Расставание с горой Каркаралы» — Кудеры-кожа. О самом авторе известно лишь, что он происходил из рода Кожа, жил в Туркестане, а затем переселился в Каркаралинск. «Прощальная песня» Кудеры-кожа относится ко времени основания царскими властями укрепления-приказа в Каркаралах в 1827 г., что вынудило казахов покинуть родные кочевья. Кудеры-кожа воспевает знаменитые горы Каркаралы, служившие казахам зимовкой.

Кроме названных песен, сложенных непосредственными участниками восстания, имеется много безыменных исторических песен и поэм, широко распространенных в народе. К ним относится «Наурызбай и Ханшаим», «Жасаул-кыргыны», «Заржан-батыр», «Песни о Кенесары» и другие. Записаны эти произведения, в основном, в конце XIX века.

В поэме «Наурызбай и Ханшаим» описывается поход Наурызбая на аул бая Тлявкабака, «имевший 3 500 лошадей». Об этом упоминается и в архивных документах, причем сохранилось даже письмо Кенесары к баю Тлявкабаку. В поэме о богатстве Тлявкабака говорится:

Тлявкабак бай богаче и пышнее других;
3 тысячи пятьсот лошадей его — все аргымаки,
Ни за какую цену он не продаст своих лошадей.
Могут выпросить у него лошадей только родственники.[3]

Другая поэма «Джасаул-кыргыны»[4] посвящена гибели 90

---

[1] См. «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском Университете», Казань, 1900 г., т. XVI, вып. 1.

[2] *Добросмыслов А. И.* — «Тургайская обл.» Тверь. 1902.

[3] Поэма «Наурызбай и Ханшаим», стр. 88. Сборн. песен и поэм о Кенесары. Подгот. к печати Институт языка и литературы АН КазССР.

[4] Поэма «Джасаул кыргыны» записана Нуржановым в 1936 г. в г. Тургае. Рукопись, 24 стр.

есаулов Наурызбая во время сбора закята с жаппасцев в 1844 г. Место погребения убитых есаулов названо «Джасаул-кыргыны». Описывается, как сборщики закята в одну ночь были умерщвлены зауряд-хорунжим Тулегеновым, родоначальником Жаппаского рода. Факты, подробно сообщенные поэмой, подтверждаются письменными источниками. Так, недавно в Чкаловском историческом архиве нами найдена записка султана-правителя Ахмета Джантюрина[1] об обстоятельствах гибели есаулов Наурызбая и отношения к нему отдельных Жаппаских подродов. Кроме того, в «Краткой истории семи батыров» Омара Шипина также приводятся показания очевидцев. Все это позволяет восстановить подлинную картину событий.

Поэма «Саржан батыр»[2] посвящена брату Кенесары—Саржану, руководителю восстания казахов в 20 — 30 гг. XIX в. Наряду с Саржаном, в ней воспеваются подвиги Кенесары и Наурызбая. Однако в поэме встречаются и исторически неправильные факты. Так, например, Саржан назван здесь младшим братом Кенесары, тогда как он был старшим братом; упоминается ханство Кенесары, между тем при Саржане он ханом не был и даже имя его тогда не было еще известно. Подобных фактических неточностей в поэме много и надо полагать, что она является произведением позднего времени.

Исключительный интерес представляют воспоминания, записанные со слов самих батыров Кенесары, рядовых участников и современников событий. Значение этих записей заключается в том, что события передаются в них подробнее и точнее, чем в поэтических произведениях. К тому же, эти записи восполняют важный пробел, сообщая биографические данные о батырах Кенесары, дающие возможность характеризовать социальный состав его окружения, поскольку об этом в официальных документах почти не сохранилось данных, станет ясным насколько незаменимы эти воспоминания.

Особую ценность представляют записки Туллик Титакова, сделанные им в 1900 г. со слов батыров Кенесары Мынбая Шинбаева (брата Агыбая — Е. Б.) и Бектемира, во время пребывания его в их аулах «Сары-булах-олы.[3] Сам Т. Титаков

---

[1] Чкаловский Гос. истор. архив., ф. 6, д. 54, 50, 137 — 8140, 1840.

[2] Поэма «Саржан-батыр» записана Ф. Мукановым в 1940 г. (рукоп., 72 стр.), хранится в рукоп. фонде Института языка и литературы АН КазССР.

[3] *Титаков Туллик* — «Историч. сведения о Касыме Аблаеве, Кенесары, Наурызбае, Агыбае и др.», 1900 г., стр. 31. Хранится в рукописном фонде Института языка и литературы АН КазССР.

был образованным человеком и умер глубоким стариком уже в наше время.

Первую половину своей записи Титаков посвящает Касыму Аблаеву и описывает его месть ташкентцам за убийство его сыновей — Есенгельды и Саржана. Поскольку об этом сохранилось много архивных документов, данный раздел не представляет особого интереса, за исключением отдельных любопытных деталей. Дальше даются биографические сведения о Кенесары и Наурызбае, причем они все время переплетаются с биографией его знаменитого батыра Агыбая. Дана родословная Кенесары и Наурызбая, описание их внешности и его красавицы-сестры Карашаш. Наряду с этим, Титаков рассказывает о повстанческой армии и законодательной деятельности Кенесары. Наконец, последний раздел, целиком посвященный Агыбай-батыру, содержит ценный материал о его биографии, взаимоотношениях с Кенесары и его подвигах. Кроме того, описываются внешность Агыбая, подробности его семейной жизни и кончины.

Заслуживает внимания материал о Кенесары, собранный Жусупом Копеевым в его трехтомном труде о казахском фольклоре.[1]

Ж. Копеев известный писатель и поэт демократического направления, знаток казахского фольклора. Он происходит из Карджасовской волости, Баян-Аульского района, Павлодарской области. Умер он в 1929 г.

Из описания Ж. Копеева мы впервые узнаем подробности о военной тактике Кенесары. Так, со слов очевидца — Жадыгер Смаилова, он описывает штурм Актауской крепости в 1838 году и характеризует отдельных батыров Кенесары, участвовавших в штурме, в частности, Тулебая-батыра, за проявленную храбрость прозванного Кенесары «Жеке батыром».

Ж. Копеев подробно описывает переход Кенесары в район Старшего жуза и преследование его отрядом есаула Нюхалова. Он излагает краткое содержание писем есаула Нюхалова киргизским манапам — Бурумбаю Баймуратову из рода Бугу, Ормону Ниязбекову из рода Сарыбагыз, Жангараш Есынкееву из рода Солты и т. д. и, наконец, названы фамилии султанов, присоединившихся к царским отрядам и участвовавших в преследовании Кенесары.

Исторически верно описывается последнее сражение Кенесары с киргизскими манапами и гибель самого Кенесары. Показана предательская роль султанов — Сыпатая и Рустема,

[1] *Копеев Ж.*—Материалы по истории фольклора и этнографии казахов. т. I — III, хранятся в рукописи. Фонд Инст. яз. и лит. АН КазССР.

перешедших на сторону противника. Копеев подробнее, чем кто-либо, описывает места сражений и перечисляет названия отдельных местностей, чего нигде больше не встречается. Но в своих комментариях и выводах Ж. Копеев допускает и ошибки. Кроме того, отдельные легенды, распространенные в народе, Копеев выдает за действительность. Он говорит, например, что «все убийцы Кенесары, проклятые его священным духом, со всем потомством вымерли».

Про Кенесары Касымова и его боевых соратников значительный фольклорный материал собран Омаром Шипиным[1] — народным акыном Казахстана, живущим в Убаганском районе, Кустанайской области. На основе этого материала, Омаром Шипиным написана «Краткая история семи батыров», которая хранится в рукописном фонде Академии наук КазССР. Многие из авторов рассказов и песен, записанных Омаром Шипиным, были непосредственными участниками событий. Так, со слов Шубара Наурызбаева и Жамантая, Шипин записал историю основания Кушмурунского приказа, обстоятельства ухода Кенесары из степей Центрального Казахстана и последнее сражение Кенесары с киргизскими манапами в 1847 году.

Другие материалы записаны О. Шипиным со слов людей, отцы или родственники которых были участниками или очевидцами событий; много записано со слов старнков. Очень важным является то, что Шипин дает перечень материальных памятников, сохранившихся со времен Кенесары, и описывает исторические места, связанные с его именем. Запись О. Шипина состоит из ряда разделов: в первой части описывается штурм Акмолинска в 1838 году отрядами Кенесары; здесь приводится характеристика, данная Кенесары своим батырам, записанная автором со слов очевидцев: «Я не видел таких батыров, как Басыгара, не знающего страха в бою... не видел таких акынов, как Нысамбай, который может подряд несколько дней импровизировать, не повторяя ни разу предыдущих песен».[2] Тут же описывается место сражения и гибель Кенесары батыра. В следующем разделе идет подробное описание гибели 90 есаулов Наурызбая, которое полностью совпадает с архивными данными. Последний раздел посвящается уходу Кенесары из района Тургая и Иргиза (Младший жуз) и посылке к киргизским манапам представителей для переговоров.

В этом разделе впервые приводятся выдержки из недошедших до нас писем Нысамбая, в частности, в песенной форме

---

[1] *Шипин Омар* — «Краткая история семи батыров». Рукопись на казахском языке.

[2] *Шипин Омар* — Указ. соч., стр. 5 — 6.

передается обращение Нысамбая, в котором он просит Кенесары откочевать в земли «родственного» киргизского народа (1847 г.).

Следующую группу фольклорных материалов составляют воспоминания народных акынов: Джамбула,[1] Доскея,[2] Арыгынбая.[3]

Воспоминания Джамбула записаны в 1940 г. его секретарем поэтом Гали Ормановым. Джамбул рассказывает только о событиях, связанных с приходом Кенесары в район Старшего жуза, к дулатовцам. О самом Кенесары он ничего нового не говорит. Интересны некоторые подробности о присоединившихся к Кенесары батырах из рода Дулат, в частности, о молодом Байсеит-батыре,[4] Суранши-батыре, Саурук-батыре и других. Суранши-батыру Джамбул посвятил большую поэму, напечатанную в 1939 г.[5]

Воспоминания акына Доскея о Кенесары Касымове до революции широко были распространены среди народа.

В 1940 г. они были записаны учителем Ф. Мукановым. Несмотря на сказочную форму рассказов Доскея, они прекрасно иллюстрируют отношение народа к восстанию Кенесары и потому заслуживают внимания историков.

Из цикла исторических песен о Кенесары и Наурызбае и о его батырах надо назвать поэму «Агыбай-батыр» неизвестного автора. В поэме рассказывается, как Агыбай-батыр ездил по отдаленным казахским родам, в том числе и туркменским, собирать лучших коней для войск Кенесары.

Из архивных источников известно, что Кенесары часто посылал своих батыров, в том числе Агыбая, за лошадьми в отдаленные казахские роды. Иногда Кенесары брал лучших коней в счет закята. Таким образом, поэма как бы иллюстрирует факты, приводимые в официальных документах.

Две исторических песни о Кенесары напечатаны академиком В. В. Радловым.[6] Первая песня сохранилась лишь в отрывках, описывает начало движения Кенесары, рассказывает об его

---

[1] *Джамбул* — Кенесары у дулатовцев (воспоминан.). Хранится в рукоп. фонде Ин-та яз. и лит. АН КазССР.

[2] *Доскей* — «Рассказ Доскея».

[3] *Арыгынбай* — «Бұлыңғы қазақ», 1911 г. См. Сборник песен и поэм о Кенесары Касымове. Подгот. к печ. Ин-том яз. и лит. АН КазССР.

[4] Выдержки из Джамбула о Байсеит-батыре приведены в главе «Борьба Кенесары с киргизскими манапами и гибель Кенесары» (1845—47 г.).

[5] *Джамбул* — «Суранши-батыр». Алма-Ата, 1939.

[6] Акад. *Радлов* — Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири, Джунгарской степи, ч. II, Киргизское наречье, СПБ, 1870 г.

батырах — Ажибае, Курмане, Байузаке и других. Автор ее не известен. Вторая песня записана со слов казаха Акмолда из Казалинского уезда. Эта песня по преданию была спета Кенесары и Наурызбаем перед их пленением киргизами. В ней передается обращение Кенесары к Наурызбаю с просьбой, чтобы тот покинул поле боя и спасся от плена, и ответ Наурызбая, который не хочет расстаться с любимым братом.

Две песни Наурызбая,[1] посвященные смерти его брата Саржана и пленению самого Наурызбая, записаны в 1940 году со слов известного народного акына Шашубая Кошкарбаева, живущего в Балхашском районе, Карагандинской области. Обе эти песни широко известны, но о времени их сложения нет никаких сведений.

Две песни о Кенесары напечатаны в сборнике «Песни киргиз-казахов»,[2] вышедшем на русском языке. Одна из них неизвестного автора называется: «Кенесары, желтый клещ» и переведена С. Марковым. Эта песня посвящена рождению Кенесары. По преданию, Кенесары родился очень маленьким, и тот, кто дал ему имя, держа его в руках, сказал: «Он настолько маленький, что пусть будет ему имя «Кене-Сары», что в переводе на русский язык означает «Желтый клещ».

Другая песня, «Сказ о Кенесары», записана в урочище Ак-Кудук, в Дельбегетее, Семипалатинской области, в 1918 г. поэтом П. Феоктистовым, со слов старого певца-рассказчика Ажибек Барменова, который, в свою очередь, слышал ее от своих дедов:

«Мне певал когда-то песню эту
Прадед мой акын Худайбергенов,
Чьи давно лежат сухие кости
В каменной долине Семи-Тау».[3]

Следы народных преданий о Кенесары сохранились в литературных произведениях некоторых дореволюционных писателей, как например, Коклая, известного ученика Абая. По совету Абая, высоко ценившего Кенесары и его стремление создать независимое казахское государство, Коклай написал поэму «Аблай и Кенесары».

Издана песня, спетая на состязании известного акына

---

[1] См. Сборник песен и поэм о Кенесары. Подгот. к печати Инстит. языка и литературы АН КазССР.

[2] Издан в Москве в 1932 г., см. стр. 20.

[3] Песни киргиз-казахов. КИХЛ, 1932 г., стр. 87.

Суюмбая с киргизским акыном Катаган, где Суюмбай восхваляет Кенесары, как талантливого вождя народного движения.[1]

Таков беглый обзор наиболее важных фольклорных материалов. К сожалению, большинство упомянутых материалов не опубликовано, за исключением песен Нысамбая и Досхожа, в свое время напечатанных в «Известиях Оренбургского Географического Общества» и потому остаются неизвестными и русским и казахским читателям.

Дальнейшая работа по выявлению и записи фольклорных материалов несомненно даст и новые источники для истории восстания Кенесары.

[1] См. поэму «Суюмбай» — Собран. Фатима, КИХЛ, 1935 г.

Часть I

КАЗАХСТАН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Глава I

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СТРОЙ КАЗАХОВ

Прежде чем приступить к анализу хозяйственного строя казахов, коротко напомним географическое расположение кочевий трех жузов — Младшего, Среднего и Старшего.

Младший жуз занимал территорию от низовья р. Сыр-Дарьи до рек Урала и Тобола. Многочисленные роды, подроды и отделения, населявшие территорию Младшего жуза, входили в состав трех поколений — Байулинского, Семиродского и Алимулинского. Кроме этих родов, восточную часть Младшего жуза населяли некоторые подроды Аргынского рода (Чакчак, Айдарки, Крыкмултук и др.).

На основании сведений, почерпнутых от султанов-правителей, полковник Бларембе́рг[1] определял общее количество населения Младшего жуза в 40-х годах XIX в. приблизительно в 500 000 душ обоего пола, а число кибиток до 100 000.

Средний жуз занимал территорию Семипалатинской, Акмолинской, части Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей. Все роды, подроды и отделения, населяющие территорию Среднего жуза, входили в состав семи родовых объединений: Аргын, Найман, Керей, Уак, Таракты, Кыпчак и Конграт. Согласно статистическому описанию, составленному в 1833 году подполковником Бутовским,[2] в Среднем жузе насчитывалось 116 500 кибиток, а если считать, что на каждую кибитку приходилось по 4 человека, то число населения было 468 000 человек.

---

[1] Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XIV, ч. II. СПБ. 1848, стр. 73.

[2] *Аристов Н. А.* — Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПБ. 1897, стр. 101.

Старший жуз занимал территорию Семиреченской, Аулиэ-Атинской (ныне Джамбулской), Чимкентской областей и состоял из следующих основных родов: Дулат, Жалаир, Алман, Суак, Шапрашты, Исты, Сергалы, Ошакты, Канглы и Чанышкы. По позднейшим сведениям, собранным Ю. Южаковым,[1] в Старшем жузе число кибиток доходило до 95 000, а количество населения по Аристову[2] — до 550 000 душ обоего пола.

Основной отраслью хозяйства казахов было кочевое скотоводство. Они разводили лошадей, верблюдов, баранов, коров и коз.

Характерной особенностью кочевого скотоводческого хозяйства является его подвижность. Свои кочевки казахи начинали ранней весной с появлением свежей зеленой травы. Сначала они перекочевывали на весенние пастбища (коктеу), где находились до наступления жары, а затем откочевывали на летние пастбища (джайляу), богатые сочными лугами и водопоями. С летних пастбищ казахи переходили на осенние пастбища (куздеу), а в ноябре перекочевывали на зимние стоянки (кстау), где оставались до наступления тепла, обычно до марта, иногда до апреля.

В борьбе за лучшие пастбища между казахскими родами происходила ожесточенная междоусобная борьба.

К началу XIX века между отдельными родами, в основном, установилось распределение кочевых путей, летних пастбищ и зимовок. Нередко зимовья отстояли от летних пастбищ на сотни километров. Два аула Шектинского рода издавна приспособили для зимовых стойбищ скота северное побережье Аральского моря, на полуострове «Куланды», а другое зимовое стойбище было расположено в пределах Урда-Кунганской волости, Иргизского уезда. Летовки рода Шекты проходили через Мугоджарские горы, вдоль границы Темир-Урзачевской волости, Эмбенского уезда и дальше до верховьев реки Орь.

Другой пример, свидетельствующий о дальности кочевого пути, приводит титулярный советник Идаров.[3] Часть аулов Чумекеевского рода зимовала частью на рр. Сыр-Дарье и Куван-Дарье, а частью в Кзыл-Кумах. Эти аулы со своих зимовок откочевывали, примерно, в апреле, а уж к началу июня подходили к р. Тоболу, вершинам реки Кума и Улькуяка. За лето они проходили путь от Сыр-Дарьи до рр. Тобола и Улькуя-

---

[1] *Южаков Ю.* — Наши приобретения в Средней Азии, II. Чимкентский округ, «Отечественные записки», № 7, 1867, стр. 757.

[2] *Аристов Н. А.* — Указ. соч., стр. 79.

[3] *Идаров* — Киргизская степь Сибирского ведомства и новоучрежденная в ней Семипалатинская область, «Журнал Министерства внутренних дел», ч. VII, 1854, СПБ, стр. 93.

ка в общей сложности до 1 500 км. Идаров указывает, что не все казахские аулы доходили до этих летовок. Бедные казахские аулы, не достигнув р. Тобола, останавливались в пути, по берегам Кара-Узяка, в песках Кара-Кума и т. д.

Некоторые исследователи утверждали, что у казахов не было определенных районов кочевок и им приходилось зимовать там, где их застигнет буран. Такое мнение не выдерживает критики.

Правильно указывает Ашмарин, когда пишет: «Каждый казахский род имеет свой определенный кочевой путь. Направление его находится в зависимости не только от почвенных и климатических условий, но и междуродовых отношений. Право киргизского рода на определенный кочевой путь в лучшем случае — результат добровольного междуродового соглашения, в худшем — междуродовой борьбы в течение целых десятков лет».[1]

Если бы у казахских родов отсутствовали определенные районы кочевок и зимовых стойбищ, они вообще не могли бы содержать скот. Дело в том, что летовки и зимовые стойбища должны были отвечать определенным требованиям скотоводческого хозяйства. Для летовки выбиралась местность с запасом кормовых трав, обеспеченная пресной водой.

Особые требования предъявлялись к выбору зимовых стойбищ. Зимовое стойбище выбиралось в местности, надежно укрытой от снежных заносов и буранов. Зимовье должно было иметь достаточно кормовых трав под тонким снежным покровом. Как известно, у казахов кони и овцы круглый год находились на подножном корму. Зимой скот тебеневал, т. е. добывал себе корм из-под снега. Зимовые стойбища казахи в летнее время тщательно сохраняли от потравы. Старший султан Муса Черманов в записке, специально представленной по требованию сибирских властей, так охарактеризовал зимовые стойбища казахов: «Рогатый скот в зимнее время пасется в местах луговых, камышах и акселовых и прочих чилу (высокие травы над снегом); бараны пасутся в горах, где имеется мох-джусан (маленькая курчавая полынь) и в местах низких и солончаковых; верблюды — при горах, где имеется чий, карачай, кияк, кок, а лошади отгоняются на те места, где летом не была потравлена трава».[2]

---

[1] *Ашмарин* — Кочевые пути, зимовые стойбища и летовки. «Советская Киргизия», № 5 — 6, 1925.

[2] *Черманов Муса* — Заметки о киргизах Павлодарского уезда, см. «Записки Западно-Сибирского отдела Импер. Русск. Геогр. Об-ва», кн. XXVII. Омск, 1906. (Статья Мусы Черманова относится к 40-м годам XIX в.).

Пастбищно-кочевая система хозяйства казахов носила экстенсивный характер. Прежде всего, судьба казаха-скотовода зависела от природных условий. Масса скота у казахов часто гибла от периодически повторяющегося джута (гололедица). Заготовкой сена на зиму казахи обычно не занимались, что значительно усугубляло их зависимость от климатических условий.

Узурпация общинных земель феодальной знатью и колониальные захваты царизма внесли некоторые изменения в характер скотоводческого хозяйства казахов. Захваты властями важных районов летовок и зимовых стойбищ нарушили маршруты кочевых путей основных казахских родов. В результате аулы различных казахских родов смешивались между собою и кочевали сообща.

О смешении различных родов в поисках пастбищ Оренбургский военный губернатор Эссен писал графу Нессельроде: «Род в Киргизской не составляет целого... чему много способствует условие повиновения их своим начальникам».[1]

Причиной изменения районов кочевок и смешения разных родов была земельная теснота. Вследствие захвата лучших пастбищ властями и феодальной знатью часть казахских родов, особенно расположенных близ пограничной Линии, переходит к полуоседлому образу жизни. Эти роды начали на зиму заготовлять для своего скота сено. Лето продолжали кочевать на джайляу. Так, казахи Кипчакского и Джагалбайлинского родов, в количестве 12 000 юрт, после передачи их земли оренбургским казачьим войскам, не имея возможности зимой содержать скот на подножном корму, перешли к сенокошению. Коллежский регистратор Андреев писал о них: «В настоящее время эти киргизы почти все занимаются сенокошением, — весьма многие начинают сеять хлеб, — у некоторых есть и выстроенные дома, видно, что они всячески стараются подражать русским в отношении хозяйства, ясно видя в том свою пользу».[2]

О переходе казахов Оренбургского ведомства к сенокошению и к постройке постоянных зимовок также писал попечитель прилинейных казахов Белозеров: «Для зимнего времени производят тут сенокошение и заготовляют кизяк, а в начале осени приходят совсем на зимовые кочевья, где уже непо-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. МВД, Земский отд., 8 департ., д. 95, ч. I, 1823, лл. 44 — 51.

[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5661, лл. 13 — 15, «Записки состоящего при особе его превосходительства для особых поручений коллежского регистратора Андреева». Андреев специально ездил в названные казахские роды накануне их выселения.

движво сидят во все зимнее время до весны и мелкую скотину сохраняют в устроенных корах (скотный двор — Е. Б.) и вырытых в земле ямах, вроде землянок».[1]

Переход казахов к сенокошению отмечал и А. К. Гейнс, объездивший северные окраины Казахской степи. Он писал: «Киргиз, владелец нескольких юрт, потерял много скота в джуте, оттого прежняя его зимовка, способная для прокормления большого количества скота, стала неудобной для того количества, которое у него осталось, — и теперь, говорил он нам, — у меня так мало скота, что я в состоянии обеспечить себя от случайностей, накашивая с помощью семейства нужное количество сена».[2]

Таким образом, переход казахов к сенокошению придал определенную устойчивость скотоводческому хозяйству, усилив его сопротивляемость неблагоприятным природным условиям.

К началу XIX в., особенно к 20 — 30 годам, в связи с переходом казахов к сенокошению и благодаря усилению торговых связей казахов с пограничным русским населением, отдельные виды скота стали приобретать особое значение. Основной отраслью животноводства продолжало оставаться овцеводство.

Известный исследователь истории среднеазиатской торговли А. Н. Тетеревников писал: «Баран в экономическом быту киргиза играет самую важную роль. Скот этот весьма ценится как русскими, так и среднеазиатскими купцами».[3]

Особенно заметно стало расти значение крупного рогатого скота. До XIX века казахи Среднего и Младшего жузов мало разводили крупный рогатый скот в силу его неприспособленности к тебеневке. Иное положение складывалось с переходом к сенокошению. Крупный рогатый скот стал цениться не только как источник мясной пищи и средство передвижения, но и как источник молочных продуктов. Казахи стали производить и сбывать на рынке масло. Об этих переменах свидетельствуют народные пословицы. Если раньше меняли скот, на корову (сыир), то казахи презрительно говорили: «Малдын жаманы сыир» — (худший вид скота — рогатый скот), то теперь казахи стали говорить: «Сыир бул болды» — (рогатый скот стал ценным товаром).

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2796, лл. 82 — 83, 1845.

[2] *Гейнс А. К.* — Собрание литературных трудов, т. I, СПБ, 1897. Дневник 1865 г. Путешествие по Киргизским степям, стр. 408.

[3] *Тетеревников А. Н.* — Очерк внутренней торговли Киргизской степи, СПБ, 1867, стр. 7.

По мере роста караванной среднеазиатской торговли возрастало и значение верблюдов, как основного транспортного средства. Казахи, кочевавшие близ пограничной Линии, в частности чиклинцы, чумекеевцы, джагалбайлинцы и жаппасцы, поставляли русским купцам верблюдов и сами служили в качестве караvановожатых. Это давало им крупный доход. В одной записке, представленной Оренбургскому военному губернатору, говорится: «За доставление товаров в Бухару и Хиву в один путь плата на каждого верблюда, смотря по обстоятельствам, доходит от 35 — 50 до 100 рублей ассигнациями».[1]

В XIX веке получило значительное развитие у казахов и земледелие. Им занималась главным образом казахская беднота — джатаки, получившие название егинши, что в переводе означает «хлебопашец». До XIX века хлебопашеством занимались казахи, лишившиеся своего стада, либо вследствие джута, либо вследствие междоусобной феодальной борьбы — барымты. К 20 — 30-м годам XIX века к земледелию стала переходить значительная часть казахов, живших как близ пограничной Линии, так и в глубине степи. Это объяснялось, главным образом, наступившим кризисом пастбищно-скотоводческого хозяйства, вызванным той же земельной теснотой. В 20 — 30 годах XIX века царские власти вместе с казахской знатью захватили лучшие пастбища. Казахи, лишившись своих зимовых стойбищ и летовок, вынуждены были переходить к хлебопашеству. О повсеместном переходе казахов к земледелию свидетельствуют многочисленные факты. Побывавший в Оренбургском крае чиновник Артемьев писал: «Важнейшим после скотоводства промыслом в степи является земледелие, которое заметным образом быстро развивается, вследствие увеличения народонаселения и недостатка угодий для скотоводства».[2]

Как уже указывалось, земледелием, в первую очередь, занималась беднейшая часть казахов. Титулярный советник Идаров, специально ездивший в Оренбургскую степь для выяснения причин перехода казахов к земледелию, писал: «Низы же без скота, одежды и крова занимаются преимущественно хлебопашеством, и потому-то слово егинши, земледелец, означает у киргизов человека презрительного состояния».[3]

Горный инженер А. Влангали, в 1849 — 1853 гг. объездив-

---

[1] ЦГИА. Глав. архив, д. 1, лл. 139 — 140, 9 августа 1845 г.

[2] *Артемьев А.* — Несколько заметок о Киргизской степи Оренбургского ведомства «Журнал Министерства внутренних дел», октябрь, 1853, стр. 26.

[3] *Идаров* — Указ. соч., стр. 92.

ший ряд областей Казахстана, в своих путевых записках особо отмечал, что: «Казахи мало занимаются хлебопашеством, и притом только беднейшие из них. Они нанимаются богатыми казахами, причем все необходимое для сельского хозяйства они получают от своих хозяев».[1]

В первой половине XIX века земледелие распространяется на значительную часть казахской территории. В Младшем жузе, по данным Сейдалина,[2] «хлебопашеством занимались жившие в районе рек Тургая казахи Кипчаковского и Аргынского родов, состоявшие из отделений: Турайгыр, Каз, Кедель, Утеи, Таз, Крыкмултук, Айдарке, Актачки, Тагычи, Бакай. Они производили хлеб в таком количестве, что его хватало не только на снабжение притургайских казахов, но и других районов Казахстана. Из Сибири, от Баганалинского рода за хлебом в Тургай приезжали так называемые акшомши, или покупщики хлеба, с которыми у егыншей каждогодно в сентябре месяце происходит самая деятельная мена хлеба на скот, преимущественно на овец, тысячами пригоняемых оз наченными акшомшами». По поводу распространения хлебопашества среди казахов Оренбургского ведомства генерал-адъютант Катенин писал Министру иностранных дел: «Стоит только углубиться в степь на несколько десятков верст, и по долинам всех рек, впадающих в Урал, по Эмбе, Иргизу, Тургаю, Тоболу и их притокам, по большинству теряющихся в песках степных речках — повсюду встретит глаз более или менее значительные пространства распаханных или засеянных полей».[3]

Так обстояло дело в Оренбургском крае.

В Среднем жузе, подведомственном Западно-Сибирскому генерал-губернаторству, к 40 годам значительная часть казахов, главным образом джатаки и байгуши, жившие близ пограничной Линии, также повсеместно начали переходить к земледелию. Согласно данным Г. Шахматова и Броневского, земледелием занимались около 1000 семейств казахов Алтаевской, Карпыковской, Бурунаймановской, Терстамгалинской, Кунсаковской, Матаевской, Саржумартовской, Кокжарминской волостей, подведомственных Кокпектинскому округу. Следующая таблица, составленная на основании данных генерал-майора

[1] *Wlangali's* — Reise Nach der Östlichen Kirgisen Steppe, 1856, стр. 81.

[2] *Сейдалин* — О развитии хлебопашества по бассейну р. Тургая. «Записки Оренбург. Отдела Импер. Русск. Географ. Об-ва», № 60, вып. 1, 1870.

[3] ЦГИАЛ. ф. МВД. 8 делопр., земск. отд., д. 9, лл. 4 — 18. Записки ген.-адъютанта Катенина «О развитии хлебопашества между киргизами Оренбургского ведомства».

Броневского,[1] показывает размеры посевов волостей, занимавшихся земледелием.

Наименование волости	Название местности	Сколько гектаров засеяно	Примечание
Бурушаймановская	По р. Джанатке	91	
"	" р. Чиру	14	
"	" р. Умейке	62	
"	" р. Уланае	12	
"	" р. Кара-Узек	58	
Куксаховская	" р. Сары-Узек	30	
Матаевская	" р. Джаним	20	
"	" р. Кызылаке	20	
Саржумартовская	" р. Уружайке	15	
Кокжарминская	" р. Волхочевье и В-Черновой	52	
"	По р. Чиликмаке и Каргалы	49	
	Всего	416	

Всего казахами указанных волостей посеяно пшеницы 171 десятина и 15 залогов, ячменя — 53 десятины и 4 залога, овса — 4 десятины и проса — 101 десятина и 4 залога.

О сравнительном распространении земледелия в других округах Среднего жуза Идаров писал: «По степени развития хлебопашества, можно перечислить округа в следующем порядке: Кокчетавский, Кокпектинский, Аягузский, Каркаралинский, Акмолинский, Баян-Аульский».[2]

В рассматриваемый период значительно увеличивается число занимающихся хлебопашеством в районе Сыр-Дарьи. В своем донесении председателю Оренбургской Пограничной Комиссии Ладыженскому толмач Субханкулов[3] указывал, что хлебопашеством в Сыр-Дарье занималось около 500 семейств, которые засевали до 3 тыс. десятин, начиная от урочища Кара-Тюбе до Сырь-Дарьи, и с каждой десятины получали 100 пудов пшеницы или проса.

---

[1] *Шахматов Г.* и *Броневский* — Замечания о хлебопашестве киргиз-кайсаков Средней орды. «Земледельческий журнал», № 6, 1832.

[2] *Идаров* — Указ. соч., стр. 25.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 3225, лл. 2—3 об., 1848.

Хлебопашеством занимались также казахи Старшего жуза, жившие в Семиречье, около озера Балхаш и реки Или.

Земледелие в Старшем жузе существовало издавна. Оно развивалось под влиянием культурных земледельческих районов Средней Азии. Об этом генерал-майор Броневский писал: «Большой Орды киргизы, кочующие на урочище Семи рек, около озера Балхаш, при р. Или, и дикокаменные киргизы с прилежанием занимаются земледелием, у них родится просо, пшеница и ячмень. Соседство с трудолюбивым Ташкентом пробудило в них сей промысел».[1]

Все это красноречиво говорит о распространении земледелия в значительной части Казахской степи. К 30-м годам XIX в. земледелием стала заниматься кроме бедноты и более имущая часть казахов.

В отдельных местах казахи собирали значительный урожай. По данным Артемьева,[2] занимавшиеся хлебопашеством 6 700 семейств Оренбургского ведомства ежегодно собирали в среднем 530 000 пудов хлеба.

В Младшем и Среднем жузах земледелие в значительной мере развивалось под влиянием русских поселений. Часто общаясь с русскими и знакомясь с их хозяйством, бытом, казахи быстро перенимали их методы хозяйства. Если переходу к земледелию способствовала земельная теснота, то быстрому освоению земледелия во многом помогли русские крестьяне. Казахи сеяли хлеб, главным образом, по берегам рек и озер. Это объяснялось тем, что за исключением западных районов в Казахстане земледелие могло существовать лишь при искусственном орошении. Из сохранившихся описаний земледелия казахов видно, что они всюду занимались искусственным поливом своих пашен, достигнув в этом большого искусства. Для характеристики способа полива пашен приведем выдержку из описания ирригационной системы казахов Нешелем,[3] который в 1847 году сопровождал к Аральскому морю губернатора Обручева. По его рассказам, казахи разделили поверхность своего участка на квадраты разных величин, самые большие из этих квадратов имели 8 футов в одну сторону. Через все эти квадраты была проведена система канавок, которые с одной стороны сообщались с рекою или озером, а с другой — с са-

---

[1] *Броневский* — Заметки о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные Записки», 1830, № 120, стр. 193 — 194.

[2] *Артемьев* — Несколько заметок о Киргизской степи Оренбургского ведомства. «Журнал Министерства внутренних дел», октябрь, стр. 36.

[3] *Нешель* — Замечания о Киргизской степи между Орской крепостью и Аральским морем. «Географические известия», под ред. Надеждина. СПБ, 1848. стр. 126.

мым отдаленным или возвышенным квадратом. Если почва возвышалась от реки в сторону суши, тогда канавы пересекались поперечными насыпями для того, чтобы поднимаемая с большими затратами труда вода не стекла обратно. Из водного бассейна черпали воду и наливали ее сначала в самые возвышенные квадраты; это продолжалось до совершенного их наполнения. Тогда прорывали земляные валы между верхними и ближайшими к ним квадратами и пропускали в них воду. О применении казахами искусственного орошения для своих пашен писал также генерал-майор Броневский: «За крепостью Бухтарминскою, при подошве гор Нарымских, я видел довольно значительные пашни, искусно наполненные водою, проводимою канавами из горных ключей, и хотя грунт земли каменистый, но посредством влаги, водою сообщаемой, изрядно родится просо».[1]

Об искусственном орошении свидетельствуют не только многочисленные остатки оросительных систем, но и сохранившаяся народная песня, в которой поется о выгодности полива с помощью «шыгыр». Шыгыр (или «Чигирь») — это водочерпальное колесо, которое приводилось в движение с помощью животных.

Шығырдың түп атасы әлі шынар,
Шынарға, сыйынбасаң шығыр сынар
Шынарға әлі менен көп сыйынсаң
Қашанда егін бітіп көңіл тынар[2]

Применялись и более примитивные способы полива с помощью кол-кауги, т. е. ведерка, привязанного к длинному шесту, или с помощью лотка — так называемого атпа, привязанного к одному концу шеста. При раскачивании шеста вода вычерпывалась из колодца, а затем отводилась по арыкам. Подробно описывая технику искусственного полива у казахов Караул-Ясыкской волости в районе р. Букон, Влангали отмечал, что казахи собирают — «великолепные урожаи, именно благодаря искусственному орошению».[3]

Хотя казахи в искусственном орошении достигли некоторо-

---

[1] *Броневский* — Указ. соч., «Отечественные Записки», 1860, № 120, стр. 143 — 144.

[2] Эта песня записана Тлеулы Сейдалиным, в 60-х годах XIX в., служившим в Оренбургской Пограничной Комиссии.

Перевод: Поклоняйся почаще шыгыру, наверняка будет богатый урожай.

[3] *Wlangali's*—то же, стр. 81.

го совершенства, однако, в целом земледелие носило примитивный характер. Техника обработки почвы была крайне низка. Большинство казахов обрабатывало землю деревянным омачом и железным кетменем. Так, Г. Шахматов указывает, что казахи пашут землю «деревянною сохою без сошников, наподобие русской; другие железными лопатами».[1] Только незначительная часть казахов, живших близ русских поселений, покупала железные плуги и с их помощью обрабатывала землю. По поводу этого Мухаммед Галий Таукин писал: «Кочующие при Линии и занимающиеся хлебопашеством (казахи — Е. Б.) вспахивают землю обыкновенным русским сабаном или плугом».[2]

Несмотря на переход части казахов к применению железного плуга, все же основная часть казахского населения попрежнему обрабатывала землю деревянным омачом. Еще в 50-х годах приезжавшие в С-Петербург казахи жаловались, что у них земледельческие орудия очень примитивны и просили им помочь в усовершенствовании сельскохозяйственных орудий. Вот что они писали: «Мы, естественно, во многих местах покидаем скотоводство и переходим на пашни. Покажите нам ваше земледелие, познакомьте нас с вашими улучшенными орудиями, мы понимаем всю недостаточность наших грубых сабана и кетменя».[3]

Итак, к середине XIX века земледелие стало вторым после скотоводства видом занятия. Теперь земледелием занимались не только джатаки и егынши, но и зажиточные казахи. В Младшем и Среднем жузе земледелие выделилось в особую отрасль хозяйства, хотя количество занимающихся хлебопашеством, по сравнению с числом населения этих жузов, было еще невелико, но, несмотря на это, хлебопашество твердо вошло в казахский быт.

Казахи, жившие по берегам Сыр-Дарьи и рр. Тургаю и Иргизу, занимались бахчевым хозяйством — огородничеством. По рассказам Сейдалина, семена кукурузы, арбузов, дынь, лука, моркови и тыквы впервые были привезены в Тургай в 1800 году казахом Сенткулом. За исключением урюка и винограда, все семена дали хорошие всходы. Сыр-дарьинские казахи разводили только дыни, арбузы и тыквы. Казахи рыли землю кетменем, делали гряды, а затем сажали семена бах-

---

[1] *Шахматов Г.* — Указ. соч., стр 618 — 619.

[2] *Мухаммед Галий Таукин* — Записки о хозяйстве ордынцев, кочующих в Зауральской степи. «Экономические Записки», 1861, № 41.

[3] *Небольсин П.* — Путешествующие киргизы, «Русский Вестник», т. XXIX, 1860, стр. 47 — 49.

чевых культур. Из дыни приготовляли сладости. Об этом интересные сведения сообщает оренбургский купец Д. У. Белов, долго живший среди сыр-дарьинских казахов. Он писал: «На зиму запасали дыни, вяли на солнце, изрезывая ломтями, когда провялятся — плетут вроде веревок в аршин и аршина 2 длины, потом складывают в мешки, и что лежит весьма долго, не портится».[1] Такой способ приготовления дыни сохранился среди сыр-дарьинских казахов (ныне Кзыл-Ординская область) до наших дней.

Казахи издавна занимались также звероловством, причем особенно доходной была охота на лисиц и корсаков.

Пушнина шла не только на собственные нужды, но и в значительной мере поступала в продажу. В ассортименте сбываемых русским купцам товаров значились меха волков, лисиц, корсаков и др.

Из других промыслов казахов надо отметить рыболовство. Им занималась беднейшая часть казахов — джатаки и егынши. Казахи ловили рыбу специальной сеткой (по-казахски «ау»). В больших реках, например, в Сыр-Дарье, казахи рыбачили с помощью черпалок, называемых «сузгуш». Рыба употреблялась казахами для собственных потребностей и на рынке не продавалась.

В хозяйстве казахов значительное место занимали различные ремесла, было развито кожевенное производство и изготовление пороха, красок, резьба по дереву и кости, обработка металла и шерсти.

Кочевой образ жизни казахов рано выделил специальных мастеров по изготовлению кибиточных решеток и остовов юрты. Такие мастера — керегеши — жили при аулах крупных феодалов. Особое место занимало кузнечное дело. Казахи умели плавить медь. Из привозного железа делали самые разнообразные предметы домашнего обихода и некоторые орудия производства — косы, серпы, наконечники сох. Из серебра выделывали ювелирные изделия. Изготовлялись все виды холодного оружия и ружья. Казахские женщины искусно изготовляли кошмы, ковры, вышивки, тесьму, а также всевозможные изделия домашнего обихода — войлочные шапки, шубы, армячину, обувь и т. д. Словом, значительная часть предметов широкого потребления изготовлялась самими казахами. В первой половине XIX в., по сравнению с XVIII веком, в ассорти-

---

[1] Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Рукоп. отд., ф. IV, № 551, лл. 438 — 549. «Записка оренбургского купца Белова Д. У., поданная в Русское Географическое Об-во, о хозяйстве, торговле, судопроизводстве и быте казахов, кочующих в районе Сыр-Дарьи», 1869.

менте ремесленных изделий особых изменений не произошло, производились те же предметы, что и раньше. Все эти изделия шли, главным образом, на удовлетворение потребностей самих казахов.

Отдельные виды ремесла достигали значительного совершенства. Известный востоковед В. В. Григорьев, в то время служивший председателем Оренбургской Пограничной Комиссии, писал: «Ремесла: кожевенное, скорняжное, кузнечное, токарное и другие находятся у кочевников на той же, еще высшей степени, на какой видим их обыкновенно в оседлом сельском населении».[1]

Словцов, посетивший сельскохозяйственную выставку, организованную в Кокчетавском округе, дал высокую оценку кузнечному производству казахов. Он писал: «Особенно отделкой и красотою отличались предметы кузнечной работы с накладным серебром. Топоры, уздечки, седельные наборы, ножи, стремена — качество этих вещей нисколько не уступает лучшим предметам производства этого рода у нас в России».[2]

В первой половине XIX в. целый ряд ремесленных изделий сбывался казахами на внутреннем казахском рынке. В отчете Оренбургской Пограничной Комиссии за 1847 год сказано: «Киргизы сами торговали в степи своими произведениями, как то: седлами, войлоками, тканями из верблюжьей шерсти (армячина), тесьмами, арканами, решетками для кибиток, железными и серебряными изделиями».[3]

Колмагоров,[4] много раз бывавший в Казахстане, также сообщает о существовании в степи ремесленников.

«Если в XVIII в. ремесло у казахов существовало как домашнее производство, то к середине XIX в. происходит сдвиг в сторону отделения некоторых ремесел от сельского хозяйства и специализация ремесла по отдельным районам. Выделяются специальные мастера по плотничному, столярному и кузнечному делу, которым занималась только беднейшая часть казахов».[5]

---

[1] *Григорьев В. В.* — Кочевой быт и исследования в степях, «Восточное Обозрение», 1882, № 12.

[2] *Словцов* — Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд, Акмолинской области, в 1878 г., «Записки Западно-Сибирского отдела Импер. Русск. Геогр. Об-ва», кн. III, Омск, 1881, стр. 51.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 3082, л. 86. Из отчета Оренбургской Погран. Комиссии за 1847 г.

[4] *Колмагоров Г.* — О промышленности и торговле в казахских степях Сибирского ведомства, «Вестник Импер. Русск. Геогр. Об-ва», ч. XIII, СПБ, 1855.

[5] *Колмагоров Г.* — О промышленности и торговле в казахских степях Сибирского ведомства, «Вестник Импер. Русск. Геогр. Об-ва», ч. XIII, стр. 4, СПБ, 1855.

А. К. Гейнс, в 60-х годах XIX в. побывавший в казахской степи, рассказывает о специализации отдельных районов Казахстана по изготовлению ремесленных изделий. По словам Гейнса, «лучшие деревянные вещи делаются в Карджасовской и Айдабульской волостях».[1]

Казахи Оренбургского ведомства, кочевавшие по рекам Тургаю и Тоболу, «изготовляли в достаточном количестве деревянные изделия»,[2] которые поступали в обмен.

Но все же ремесленные изделия в основном шли на удовлетворение домашних потребностей хозяйств, в которых они производились. Ремесло, по преимуществу, носило еще характер домашнего производства, и предметы промышленного труда лишь частично поступали в обмен между казахскими родами. Полностью удовлетворить растущие потребности казахов, в предметах широкого потребления (хорошие ткани, металлическая посуда и другие предметы домашнего обихода) собственное производство не могло.

Растущая потребность в промышленных изделиях, в первую очередь в предметах широкого потребления, вовлекли казахов в товарный обмен с соседними государствами. В первой половине XIX в. получила широкое развитие меновая торговля казахов с Россией.

Главными пунктами торговли с Казахстаном были Оренбург, Троицк, крепости Петропавловская, Пресногорьковская, Омская, Семипалатинская и Уральск. По данным Левшина, еще в 20-х годах XIX в. только у одних сибирских казахов русскими купцами ежегодно скупалось до 3 миллионов баранов, до 150 тысяч лошадей и до 100 тыс. быков, на сумму до 8 миллионов рублей серебром. Наряду с этим скупались еще тысячи верблюдов, тысячи тонн кожи, овчины, мерлушки, кошмы, ковры и другие товары.

Торговля России с казахами производилась с помощью татарских купцов или приказчиков в силу знания ими казахского языка.

Если русские купцы скупали у казахов скот и животноводческое сырье, то казахи покупали сукно, холст, выделанные кожи, бязь, китайку, железо, чай, сахар, табак, деревянную посуду, лекарства для лечения скота: скипидар, нефть, нашатырь.[3]

---

[1] *Гейнс А. К.* — Путешествие по Киргизской степи. «Собрание литературных трудов А. Гейнса», т. I. СПБ, 1897.

[2] *Тетеревников А. Н.* — Очерки внутренней торговли Киргизской степи. СПБ, 1867, стр. 9.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2798, л. 28, 1846.

По данным Небольсина, оборот русской торговли с Казахстаном во второй четверти XIX века за десятилетие — в 1827 — 1837 гг. выражался в сумме 10,53 млн. рублей. В 1840 — 1850 гг. эта сумма возросла в полтора раза, достигнув 15,73 млн. рублей.

В торговле России с казахской степью ввоз преобладал над вывозом. Об этом свидетельствуют данные о меновой торговле по Оренбургской губернии:[1]

Привоз товаров

1846 — 647 858 р. 44 к.
1847 — 749 769 р. 60 к.

Вывоз товаров

1846 — 469 694 р. 44 к.
1847 — 490 299 р. 64 к.

В первой половине XIX в. возросло транзитное значение Казахстана для среднеазитской торговли царской России. Из Оренбурга, Троицка, Петропавловска и Семипалатинска через Казахскую степь шла караванная торговля России со среднеазиатскими ханствами. Только лишь через территорию северных областей Казахстана проходило 5 караванных путей по следующим маршрутам:

1. Из города Петропавловска в Ташкент, Коканд и Бухару. Караван проходил через Акмолинский приказ, урочище Улу-Тау, затем пересекал р. Чу и далее через Сузак, Туркестан шел в Ташкент.
2. Из Петропавловска в Кульджу — через Баян-Аул, Каркаралы, Аягуз, Копал.
3. Из Семипалатинска в Кульджу и Кашгарию, через Аягузский внешний округ, Копал.
4. Из Семипалатинска в Чугучак — через Аягузский и Кокпектинский приказы, а затем по южным склонам Тарбагатайского хребта.
5. Из Семипалатинска в Коканд. Караван проходил через Аягуз, Каркаралы, Чу и Ташкент.

Некоторые данные о среднеазиатской торговле России, взятые из отчета Ханыкова и из материалов, составленных секретарем Британского Посольства Ломлеем, достаточно красноречиво характеризуют состояние среднеазиатской торговли.

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 3082, л. 86. Из отчета Оренбург. Погран. Комиссии за 1847 г.

Оборот внешней торговли за десятилетие с 1840 по 1850 годы выражается в следующих цифрах:[1]

Вывезено:	в Бухару	в Хиву	в Коканд	всего:
на	783 755 ф. ст.	199 830 ф. ст.	30 652 ф. ст.	1 014 237 ф. ст.
Ввезено:	из Бухары	из Хивы	из Коканда	всего:
на	1 096 380 ф. ст.	209 425 ф. ст.	39 936 ф. ст.	1 345 741 ф. ст.

По сведениям Ханыкова,[2] караванную торговлю России со Средней Азией ежегодно обслуживало от 5 до 6 тыс. верблюдов. По данным Ломлея, если в 1828 году вывоз из России товаров в Бухару, Хиву и Коканд составил 23620 ф. ст., то в 1840 году он достиг до 65675 ф. ст.

Царская Россия из Средней Азии вывозила хлопчатку, шелковые ткани, мерлушку, ковры и т. д.

Из вывозимых из Средней Азии товаров на первом месте стояли хлопок и хлопчатобумажная пряжа. Это объясняется растущей потребностью в сырье и полуфабрикате текстильной промышленности в России. Как известно, хлопчатобумажная промышленность, развивавшаяся на основе применения вольнонаемного труда, переживала в первой половине XIX в. заметный подъем. В вывозе из Казахстана заметное место занимало животноводческое, в частности кожевенное сырье, которое нередко перерабатывалось в пограничных районах. Здесь, в Оренбургской губернии, в 1837 году работало 59 кожевенных заводов.[3] Приведенные нами данные о торговле с среднеазиатскими ханствами и казахской степью свидетельствуют о том, что уже в первой половине XIX в. через посредство торговли хозяйство Казахстана и Средней Азии все более связывалось с потребностями развивающегося капитализма в России, обеспечивая ему новые рынки.

Данные о среднеазиатской торговле России свидетельствуют о превращении Казахстана и среднеазиатских ханств в сырьевую базу России. Казахстан стал не только рынком сбыта российских товаров, но и одним из важных источников сырья.

Торговля российских купцов с казахской степью носила по преимуществу меновой характер и не переросла в товарно-

---

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 169 Севастьянова, д. 20, лл. 31—45 «Выписки неизвестного автора о Хивинской экспедиции Перовского в 1839 году».

[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 169 Севастьянова, д. 20, лл. 31—45.

[3] Отчет Оренбургского военного губернатора за 1836 и 1837 годы. Архив внутр. комит. фонд. Деп. общих дел (по Совету), д. 51, лл. 77—78 (Цитируется по ст. Бунакова — К истории сношений России со среднеазиатскими ханствами, «Советское востоковедение», 1941, т. II, стр. 10).

денежное обращение, как господствующую форму обмена. Всеобщим эквивалентом служил трехгодовалый баран. В торговле с Казахской степью ясно выступали черты колониальной торговли с ее неэквивалентностью обмена, которая, однако, маскировалась меновым характером торговли. Русские торговцы, обменивая дешевые промышленные изделия на ценное сырье, наживали огромные барыши.

Так, по данным начальника Петропавловской таможни Чернявского, чугунный котел менялся на меха, причем за каждую азиатскую четверть (5 вершков) в окружности брали по одной лисице или 4 корсака, или 3 — 5 лучших тулупных мерлушек. При таком обмене котел весом в один пуд, имевший в окружности 10 — 12 четвертей, в переводе на деньги стоил около 50 рублей, а покупался он на Ирбитской ярмарке за 2 р. 70 к. Это одно дает представление о размерах барышей, наживаемых купцами.

Другой яркий пример приводит Красовский: «Русский торговец брал за миткаль, стоящий 5 коп., — 30 копеек, плис, дрянной выделки, продавался за полбарана, т. е. киргиз платил 1 руб. серебром за аршин, деревянное блюдо продавалось за барана, т. е. 1 рубль».[1]

Подробно описывая, как русские купцы в Оренбурге обманывали простодушных казахов, предварительно спаивая их водкой, граф Ян Потоцкий пишет:

«Так как у казахов нет ни малейшего представления о ценах на товары, которые им всучиваются, можно себе легко представить, что подобная обменная торговля приносит огромные барыши предприимчивым купцам».[2]

Колониальный характер торговли проявлялся и в том, что в Казахскую степь сбывались товары самого низкого качества. Во многих случаях из полученного от самих казахов сырья делались грубошерстные ткани, сбывавшиеся тем же казахам. Торговец Владимир Кузнецов писал: «В Семипалатинск доставляются русские товары средней доброты и даже низкие сорта, тогда как на Кяхте непременно требуются самые высокие».[3]

То же самое отмечал А. Тетеревников, писавший, что среди вывозимых товаров главное место «...занимает наш Московский мануфактурный товар низкого сорта, состоящий из

[1] *Красовский М.* — Область сибирских киргизов, ч. II, 1868, стр. 244.

[2] Comte Jean Potocki—Voyage dans les steppes d'Astrakhan. Paris 1829, t. I, стр. 88.

[3] Истор. архив КССР, ф. генерала Хрулева С. А. № 379, д. 11, л. 51. «Записка купца Кузнецова Вл. о Семипалатинской торговле», 1844.

китайки, тику, бязи, в особенности, из ситцев самого крупного, яркого и разноцветного узора».[1]

Благодаря усилению обменной торговли России с Казахской степью и постепенным внедрением товарно-денежных отношений начала развиваться внутренняя торговля в Казахской степи. На первых порах она, в основном, носила еще обменный характер. Обменная торговля происходила не только между родами, но и между казахами отдельных жузов. Например, сыр-дарьинские казахи в конце мая и начале июня встречались с казахами Сибирского ведомства на р. Сары-Су и производили обменную торговлю скотом и деревянными изделиями. Местами торговля производилась за деньги. А. Теретников, исследовавший внутреннюю торговлю казахов, замечает: «Стада эти продаются на наличные деньги и на часть этих денег приобретается у сгынши значительное количество хлеба».[2]

Несмотря на обширные размеры русской торговли, она не изменила старого способа производства и докапиталистических отношений в Казахстане. Еще Маркс указывал, что в какой степени торговля «влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя».[3]

Низкий уровень развития производительных сил в Казахстане, отсутствие путей сообщения, оторванность глубинных районов от торговых центров способствовали консервации старого способа производства.

Господство торгово-ростовщического капитала приводило только к ослаблению производительных сил, «вместо того, чтобы развивать их, в то же время увековечивает эти злосчастные (докапиталистические — Е. Б.) отношения, при которых общественная производительность труда не развивается, как в капиталистическом производстве за счет самого труда».[4]

С развитием меновой торговли в Казахстане широкое распространение получили ростовщические операции. К середине XIX в. значительная часть русских купцов давала в долг казахам свои товары, за это казахи обязывались погасить этот долг и проценты на него своим скотом. По поводу этого Красовский писал: «Не одни купцы, но и сибирские казаки, на значительном протяжении вовсе не занимающиеся земледелием, спекулируют на счет киргиза. Они берут у купцов товары и

---

[1] *Теретников А. Н.* — Очерк внутренней торговли Киргизской степи, СПБ, 1867, стр. 8.

[2] Там же, стр. 10.

[3] *Маркс К.* — Капитал, т. III, М., 1932, стр. 232.

[4] Там же, стр. 427 — 428.

развозят их также в кредит киргизам, обмеривая и обвешивая их при этом».[1]

Яркий пример такой спекуляции приводит в своих записках А. Влангали: «В 1847 — 1848 гг. засуха причинила такой ущерб, что цена на муку достигла бы небывалых размеров, если бы не землепашцы-казахи районов Нарыма и Куржума. Движимые добрососедскими чувствами, они доставили много тысяч пудов пшеничной муки, продавали ее по 18 — 30 копеек серебром за пуд. Зажиточная часть населения не замедлила этим воспользоваться. Она скупила муку и затем снова вздула цены до 60 — 75 коп. за пуд, нажив таким образом немалые барыши».[2]

Единоверные купцы-татары наживались на казахах ничуть не меньше, если еще не больше, чем русские купцы. Как рассказывает тот же Влангали: «Прибыль, получаемая татарскими купцами от продажи кокандских товаров в казахской степи, необычайно велика. Так, например, зеленую кожаную обувь, купленную ими в Ташкенте, по цене 200 — 250 рублей ассигнациями за сто пар, они продают казахам, беря с них от полутора до двух баранов за пару».[3]

О развитии долговой кабалы в Казахской степи свидетельствует поговорка: «Назначение дороги — по ней ездить, обязанность человека — платить долги».

Таким образом, торговый капитал выступал не только посредником в обмене, но превращался в капитал, приносящий проценты, т. е. в ростовщический капитал. Маркс называет ростовщический капитал «близнецом» торгового капитала.

Развитие торговли в Казахстане, не изменив натуральную производственную основу хозяйства казахов, все же способствовало дальнейшему внедрению товарно-денежных отношений. Среди казахов появляются торговцы, которые организовали специальные торговые товарищества (напр., Ахмет Джантюрин, Куламбаев и др.). Они же ссужали деньги в долг под ростовщические проценты.

Развитие товарно-денежных отношений способствовало появлению батрачества. Для первой половины XIX в. характерным является появление среди казахов «отхожего промысла». Появление «отхожего промысла» свидетельствует о тяжелом положении беднейшей части казахов, стремившихся избавиться от кабальной полукрепостнической формы труда путем перехода к более свободной капиталистической форме труда. Еще В. И. Ленин указывал, что «Перекочевывание (от-

[1] *Красовский М.* — Указ. соч., ч. I, стр. 415.
[2] *Wlangali's* — Указ. соч., стр. 25.
[3] Там же, стр. 26 — 27.

ходничество — Е. Б.) разрушает кабальные формы найма и отработки».[1]

По данным Артемьева,[2] общее число казахов, работавших пастухами у прилинейных русских жителей и на рыболовных промыслах Каспийского моря, доходило до 20 тыс. душ обоего пола. На одних Эмбенских рыболовных промыслах работало до 200 казахов.[3] Большинство казахов, уходивших на заработки, работало на рыболовных промыслах и нанималось к зажиточным линейным жителям. Только незначительная часть работала в горно-заводской промышленности, в частности на золотых приисках, каменноугольных копях Баян-Аула и на Каркаралинском свинцовом руднике. Хозяин этих предприятий Попов в 1843 году из Талдыгульских копей добыл 12 840 пудов каменного угля, а в 1846 году из Каркаралинского свинцового рудника — 5 292 пуда свинцовой руды.

О порядке найма казахов золотопромышленниками сообщает Григорий Колмагоров,[4] в то время служивший в Западно-Сибирском крае. По его рассказам, наемные работники-казахи делились на три категории.

1. Месячные — летние, которые работали только с мая по октябрь, им платили от 3 до 4 рублей серебром в месяц, и кроме того они обеспечивались жильем.
2. Рабочие, вскрывающие торф. Смотря по толщине наносной земли на золотоносном пласте, им платили от 3 до 5 рублей серебром.
3. Рабочие на золотых приисках, работавшие на отведенных им участках с хозяйским инструментом, под надзором приказчиков. Они получали плату только за вымытое ими золото по 1 р. 50 к. серебром за каждый золотник.

Положение работников-казахов, нанимавшихся в прилинейные русские хозяйства, было тяжелое. По этому поводу в одном донесении Оренбургской Пограничной Комиссии военному губернатору говорилось: «Казаки очень редко обеспечивают киргизов работников своих в платеже и этим, так сказать, кабалят их на долгое время».[5]

Изменение хозяйственных условий не могло не повлиять и на социальные отношения казахов, к рассмотрению которых мы и переходим в следующей главе.

---

[1] *Ленин В. И.* — Соч., т. III, стр. 185, изд. III, 1935.

[2] *Артемьев А.* — Несколько заметок о Киргизской степи Оренбургского ведомства. — «Журнал Министерства внутренних дел», октябрь 1859, стр. 89.

[3] *Колмагоров Г.* — Указ. соч., стр. 6.

[4] Там же, стр. 6.

[5] ЦГИАЛ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 9, лл. 41 — 45, 1845.

Глава 2

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАЗАХОВ

При анализе социальных отношений в Казахстане очень важно выяснить, какие изменения претерпели отдельные феодальные институты и какое место они занимали в общественной жизни казахов в интересующий нас период. Без такого рассмотрения вопроса нельзя вскрыть классовой и социальной сущности отдельных феодальных институтов. «Самое надежное в вопросе общественной науки, — говорит Ленин, — это не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы это явление проходило, и с точки зрения этого развития смотреть, чем данная вещь стала теперь».[1]

Дореволюционные буржуазные историки знали только две социальные группы в Казахстане — «ак-суек» (белая кость) и «кара-суек» (черная кость).[2] К белой кости они относили всех чингизидов, а к черной кости — все остальное население. Эти две группы во всех исследованиях фигурируют как прочно установившиеся социальные категории. Поэтому в трудах этих авторов можно встретить «белую кость» и «черную кость» и в XV в. и XVIII—XIX вв. Однако, какие изменения претерпели эти социальные группы и какое место занимали они в общественной жизни казахов в рассматриваемый период, оставалось невыясненным. Известно, что «белая кость» XV века во многих отношениях отличалась от «белой кости» XIX в., то же самое происходило и с «черной костью». В процессе разложения патриархально-родовых отношений и классовой дифференциации из среды «черной кости» выделялась родовитая знать, не уступавшая по своему положению чингизидам, и зависимые общественные группы — егынши, джатаки, байгуши.

Появление термина «белая кость» восходит к ранним периодам истории казахского народа. Очевидно, возникновение знати «белой кости» было связано с периодом господства татаро-монгольских завоевателей и формированием феодальных отношений в Казахстане. Сами представители «белой кости» называли себя потомками Чингис-хана. Как пишет султан Мендалий Пиралиев,[3] специально занимавшийся изучением

[1] *Ленин В. И.* — Лекция о государстве, стр. 97.

[2] В частности, Гродеков Н. И. писал: «В противоположность белой кости остальной народ называется черной костью, кара-суек, а также подданными караши и пукари». (Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I, Юридический быт, Ташкент, 1889, стр. 5).

[3] Султан Мендалий Пиралиев — псевдоним известного востоковеда В. В. Григорьева, в 50-х годах бывшего Оренбургским губернатором.

этногенеза казахов: «Можем заключить, что к этим народам (казахам и узбекам) понятие естественных прав белой кости на господство над черной перешло от монголов ... владельцы считаются особым от народа племенем, вследствие мифических представлений об их не совсем земном происхождении».[1]

Как указывает академик В. В. Радлов, древне-тюркский термин «тора» означал — «принц». В древне-уйгурской книге «Кудатку Билик» он тоже значит «князь» — «принц». Происхождению этого термина и его значению у древне-тюркских народов и монгол посвящена специальная работа Г. Шлегеля.[2]

Исследователь истории Средней Азии Кары-Курбан-Али-Каджи-Халид-Бек-Оглы появление термина «тюре» также относит к эпохе Чингис-хана. Он пишет:[3]

الحالة مله قضاق خانلرينه توره ديرلر. توره ديمك جنغز خاننك
چقارديقى رسم ويساغه رسم اولوب لكن خانزاده يعنى خاننك
اوغول لرينه توره ديمك معناى آخر اوزره دور

В переводе означает: «...казахских ханов обычно называют тюрями. Слово «тюре» было в свое время названием законов и уложений Чингис-хана, ставшим впоследствии титулом его сыновей и потомков».

Автор объясняет происхождение слова «тюре» от персидского «дрэ», что означает наказание подчиненных кнутом. Далее автор поясняет, что со времени Чингис-хана казахские ханы слово «тюре» употребляли по отношению к своим сыновьям и родственникам. Приказание хана беспрекословно выполнялось; хан мог казнить своих подчиненных, но его сыновья и родственники не были наделены такими правами — они могли только наказать своих подчиненных.

Тюре — это ханские родственники, по своему положению стоявшие ниже ханов. Автор пишет:

خانزادهلرى توره ديمك توره ايله تسميه قيلمق... بونلرين تلقى
اولسه كرك كه جنغز خاننك حياتى حينتده اولادينك الينه حكم كوچ
ويرلميوب نفوذلرى ناقص وضربدن زياده امرلرى يورميوب بو
منحصر اولدقيچون توره ديلوب ذكر مضراب ارادة ضارب اوله
ذهان نافع تاك زبان هندبله تور طفظى ناقص واكساك معناسنده ديديكى
و زمانمزده نفوذى آز التقدن على العموم بونلره توره ديلديكى

[1] *Султан Мендалий Пиралиго* — Письма из Зауральской степи, газета «День», 1862, № 32.

[2] *Schlegel G.* Tagin et Tura. „T'oung Pao", vol. VII.

[3] *Кары-Курбан-Али-Каджи-Халид-Бек-Оглы* — Таварих Хамсе, Казань, 1910, стр. 543.

مفهوملر كلىسى توره لفظى حكومتده خاندن دون يعنى كم و اكسك
ديمك معناده اولدغنه ظليلدر.

В переводе это значит: «слово «тюре» означает титул. В эпоху Чингис-хана такой титул был дан неполновластным чиновникам... По книге Тибиян Нафи на языках индусов слово «тюре» означало человека неполновластного, не имеющего большого авторитета... В наше время тюрями называют тех, которые стоят ниже ханов».[1]

Все это подтверждает указание султана Мендалия Пиралиева по поводу происхождения термина «тюре». Известно, что в завоеванных странах Средней Азии монгольские завоеватели обращались с местным населением, как с крепостными и применяли по отношению к ним телесное наказание.

Представители «белой кости» — тюринцы составляли отдельную феодальную касту и не входили в состав казахской родовой общины. До XVIII века включительно представители «белой кости» — ханы и султаны — занимали господствующее положение в общественно-политической жизни казахов. В силу законсервировавшихся патриархально-феодальных отношений в Казахстане и сложившейся на этой почве традиции ханом мог быть избран только представитель «белой кости». Звание султана могли носить лишь чингизиды. До XVIII века это звание закреплялось господствующим положением чингизидов в общественно-экономической жизни казахов. Но в первой половине XIX века былой однородности «белой кости» уже не наблюдалось. В основе упадка влияния этого привилегированного сословия лежал рост имущественного неравенства среди чингизидов. Их сословной однородности серьезный удар нанесла и политика царского правительства. На основе устава 1822 года и в результате политического преобразования Младшего жуза, за исключением султанов-правителей и старших султанов (ага-султанов), перешедших на царскую службу и получивших от правительства потомственное звание дворянства, остальная часть чингизидов потеряла свои привилегии. Потомки «белой кости» слились с остальной массой.

В 40-х годах XIX в. по заданию Оренбургской Пограничной Комиссии было обследовано положение отдельных социальных групп казахов — султанов, биев и тарханов. Один из обследователей, чиновник особых поручений д'Андре, так определяет положение чингизидов среди казахов: «Все султаны в западной части Средней Орды считают происхождение свое от Чингис-хана, хотя многим родословие неизвестно. Знают происхождение свое от 3 до 6 колен для того, чтобы доказать

[1] *Курбангали Халид Оглы* — Таварих Хамса, стр. 243.

происхождение свое от белой кости. Малым преимуществом пользуются в Орде подобные потомки Чингис-хана... При разбирательстве или решении какого-либо народного дела, голос султана принимается наравне с прочими голосами киргизцев. Свой голос и особенных прав на преимущества на сих не имеют».[1]

Далее, д'Андре указывает, что из былых преимуществ «белой кости» сохранился только обычай женитьбы на чингизидах. Кичась своим происхождением, «тюринцы» продолжали еще традицию выдачи своих дочерей замуж только за казаха, происходящего от «белой кости». Но и это не везде соблюдалось. В первой половине XIX в. тюринцы вступали в брак с «черной костью». Таких тюринцев называли «караман», т. е. чернью. Так, например, был прозван род тюринца Барака за вступление в родственные отношения с «черной костью».

Итак, сословие «тюре» уже не было однородным. Наряду с богатыми тюринцами были и бедные, разорившиеся тюринцы, утратившие свою кастовую обособленность. Многие из них породнились с представителями «черной кости».

Таким образом, в первой половине XIX в. звание «белой кости» имело больше историческое значение, чем сословное. Исключение составляли только султаны, занимавшие определенное служебное положение в царской административной системе. Хозяйство султана было тесным образом связано с кочевой общиной, так как обслуживалось членами общины. Наконец, в среде самих тюринцев существовали такие же патриархально-родовые отношения, как в кочевой общине.

В рассматриваемый период нельзя противопоставлять султанов и родовую знать. Отношение султанов и родовой знати к землепользованию, а также формы эксплоатации кочевой общины выступали в одинаковой форме, соответственно изменившимся условиям.

Господствующей социальной группой, выраставшей, в противоположность султанам, непосредственно из недр кочевой общины, были родовые старшины — бии. В рассматриваемый период бии также занимали господствующее положение среди казахов. Они пользовались особыми правовыми и экономическими преимуществами. Родовые старшины издавна распоряжались значительной частью общинных кочевьев, но в первой половине XIX в., в связи с усилением кризиса пастбищно-кочевого хозяйства, они начали захватывать лучшие зимо-

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2794, л. 142, 1848. Материал об обычаях казахов, собранный чиновником особых поручений д'Андре. Автор оговаривается, что его определение роли чингизидов не распространяется на султанов-правителей.

вые стойбища (кстау) в свою личную собственность. Отдельные аулы богатых родовых старшин — биев, как и аулы султанов, кочевали отдельно от родовых общин.

Наряду с этим, родовые бии, наравне с ханами и султанами, разбирали судебно-исковые дела и участвовали в дележе доходов.

Биями могли быть только представители «черной кости», чингизиды не могли быть избраны биями, хотя они участвовали в разборе судебных дел.

Происхождение слова «бий» до сих пор окончательно еще не выяснено. Курбангали Халид Оглы утверждает, что слово «бий» происходит от слова «бек» или «биюк», что в переводе означает властитель, глава народа. Вот что он пишет:

... بی اسمی بیك دن ترخیم وبك اسمی بیوك لفظندن تخفیف ایدلمشدر ...

В переводе это: «...титул «бий» происходит, конечно, от слова «бек».

Слова «бий» и «бек» приравниваются к арабскому слову كبير عظيم (кабир газим)

سيدالقوم شيخ القبائل وحاكم البلد ديمك اولور

что в переводе означает: «глава одного рода или старшина рода, или бек города».

В турецком словаре «Турк Лу-ати»[1] так определяется значение слова «бек»:

بك ــ بعض مأمورينلرك و مناصبنك عنوانى؛ قديما شاهزادهلرك خدمتلرينده بولونانلره ويريلن عنوان؛ اسكيدن حكومات اجنبيه نك بعض مأمورلرينه ويريلن عنوان؛ سفيربك قونسولوس بك... اسكيدن ايالات ممتازه و مستقله رؤساسينه ويريلن عنوان بو معناده prince مقابلى اولور

В переводе это означает:

«Бек — титул некоторых чиновников и должностных лиц; титул, присвоенный лицам, находящимся на службе у царевичей; титул, присвоенный некоторым иностранным представителям: Сефир-бек, Консулус-бек; титул, присвоенный главам автономных областей. В этом смысле титул «бек» равен титулу „prince“. Являясь хранителем и толкователем норм обычного права, бии занимали видное место в казахском обществе.

Поскольку формы эксплоатации кочевой общины султанами и родовой знатью совпадали, нет нужды описывать их раздельно. Только надо учесть, что родовая знать (бии, батыры),

[1] *Хусейн Казим Кадри* — «Турк Лу-ати», часть I, 1927, стр. 720.

как и султаны, была заинтересована в сохранении патриархально-родовых отношений, обеспечивавших ей господство над казахской общиной. Многие формы феодальной повинности маскировались оболочкой патриархально-родовых обычаев.

Если в XVIII в. султаны присваивали прибавочную стоимость в формах продуктовой ренты, а родовая знать в форме отработочной ренты, то в первой половине XIX века султаны и родовая знать получали оба вида ренты — и продуктовую и отработочную.

Концентрация скота в собственность отдельных семей приводила и к концентрации владения общинной землей. Поземельные отношения сводились к формуле К. Маркса: «Не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и совместное владение землей».

Это высказывание Маркса о поземельных отношениях азиатских стран дает ключ к пониманию земельных отношений казахов, у которых, наряду с общинным владением землей, было частное владение землей, выражавшееся в узурпации общинных земель султанами и родовой знатью. Однако это еще не полностью вскрывает характер поземельных отношений в первой половине XIX в.

В этот период к продолжавшемуся процессу узурпации общинных земель султанами и родовой знатью добавилась колониальная политика царизма, сопровождавшаяся захватом лучших общинных земель. Это обстоятельство не могло не изменить существующий порядок землепользования. Были нарушены традиционно установившиеся кочевые маршруты основных казахских родов, что послужило одной из причин кризиса пастбищно-скотоводческого хозяйства, изменившего структуру хозяйства казахов.

Отмеченный нами в предыдущей главе переход казахов к оседлости и к сенокошению и возросшее в связи с этим народнохозяйственное значение зимних стойбищ привели к тому, что в частное владение захватывались прежде всего земли, предназначенные для кстау.

В процессе оседания на зимовых стойбищах лучшие зимовки с богатыми кормовыми лугами достались феодальной верхушке. Недаром известная поговорка гласит: «У кого крепкий киут, у того и земля». В материалах по обследованию землепользования казахов приводится выдержка из рассказа одного казаха, который говорил: «Богатые устраивают по 2 — 3 зимних стоянки (помещения) и отнимают у нас, бедняков, сенокосы и стоянки».[1]

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, т. IX. Петербург — Воронеж, 1898, стр. 19.

Родовая знать и султаны уже не ограничивались правом распоряжаться лучшими зимовыми стойбищами и сенокосными угодьями рода. Они стали захватывать их в частное владение. По поводу этого имеются многочисленные указания в архивных источниках. Подполковник Метелицин и Изразцов, изучавшие обычая и быт казахов Семиреченского края, писали: «Зимовка составляет собственность лица и переходит по наследству так же, как и всякое другое имущество: зимовку отца наследует младший сын и т. д. Пользование зимовкой без позволения собственника возбраняется под опасением уплаты убытков за потраву».[1]

Захват лучших зимовок султанами, родовой знатью вызвал обострение борьбы за землю внутри казахского общества. Предпринимались попытки насильно отобрать зимовые стойбища у биев и султанов. В поисках защиты казахские феодалы обращались к царской администрации, требуя закрепить за ними в собственность принадлежавшие им зимовки. Характерно письмо феодала Д. Байсенгирова, жаловавшегося на казаха Бозиева, так как тот «намеревается насильственно занять принадлежащие ему, Байсенгирову, зимовые места, который 17 лет находился кочевкою в Уваковской волости, а ныне, прикочевав, хочет насильно занять чужие зимовки».[2]

С аналогичным письмом обратился к областному начальнику сибирских киргизов бий Джулумбет Дабасов, который писал: «Назад тому 30 лет имею зимовую кочевку в семиверстном расстоянии от редута Бобровского, ныне же места те отнимают от меня насилью Киреевской волости киргизы Мендебай и Текей Бекчины, а потому, прибегая к Вашему высокородию с сей моей нижайшей просьбою, убедительнейше прошу о разбирательстве сей моей просьбы».[3]

Подобных фактов очень много. Надо сказать, что ко всем этим просьбам власти относились очень благожелательно, о чем подробно будет сказано в другой связи.

Итак, изменившийся порядок землепользования и переход казахов к сенокошению и постоянной зимовке поаульно дали возможность родовой знати и султанам захватывать лучшие

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 4238, связ. 271, 1870. Записки подполковника Метелицина и Изразцова «О народных обычаях Семиреченской области».

[2] Истор. архив КССР, ф. 315, оп. 1, д. 332, связ. 34, л. 44, 1830. Дело «О просьбе киргиза Дербиса Байсенгирова на киргиза Кунту Бозиева, намеревающегося насильственно занять зимовые места, Дербису принадлежащие».

[3] Истор. архив КССР, ф. 315, оп. 1, д. 332, связ. 34, л. 66, 1831. Письмо бия Джулумбета Дабасова обл. начальнику сибирских киргиз.

зимовые стойбища и владеть ими на правах частной собственности.

Таким образом, происходит процесс окончательного оформления феодальной собственности на землю. Однако из этого мы не должны делать поспешный вывод, что якобы только к началу XIX века и относится становление феодальных отношений у казахов. Как раз своеобразие так называемого кочевого феодализма заключается в том, что здесь феодальные отношения уже раньше складывались на почве фактического сосредоточения общинной земли в распоряжении отдельных феодалов, в связи с концентрацией в их руках скота, как главного средства производства. Образование феодальной земельной собственности внесло крупные изменения в социально-экономические отношения казахов.

Феодальная верхушка казахов не только владела зимовыми стойбищами, но фактически распоряжалась летовками (джайляу). Чиновник Оренбургской Пограничной Комиссии Л. Баллюзек, специально занимавшийся изучением кочевых районов казахов, сообщает интересные данные о правах султанов, биев и аксакалов распоряжаться летними пастбищами казахских общин. Он указывает, что хотя на летовках устанавливаются определенные границы между различными аулами, обозначавшиеся тремя знаками: воткнутой в землю пикой, начерчиванием на песке или глине родовой тамгы и завязыванием узлов из высокой травы — все же фактическими распорядителями пастбищных районов являлись султаны, бии и аксакалы. Далее Л. Баллюзек указывает, что когда два вожака спорят о своих правах на летовку, то решение принимается в пользу старшего: «Если из спорящих один — султан, а другой — простой киргиз, то спорное место уступается первому, т. е. султану; если один из спорящих лиц — бий, а другой — известный в целом роде аксакал, старшина, то уступка делается в пользу последнего; если спор между бием и простым киргизом, то спорное место остается за первым».[1]

На право биев и султанов распоряжаться летними кочевьями указывал также Михаил Граменицкий, служивший в Пограничном управлении сибирских киргизов. Он писал: «Самые удобные кочевки, самые коренные пастбища занимаются юрта-

[1] *Баллюзек Л.* — Народные обычаи, имевшие, в отчасти и ныне имеющие, в Малой Киргизской орде силу закона. «Записки Оренбург. отдела Импер. Русск. Геогр. Об-ва». Вып. II. 1874, Казань, стр. 150.

ми и стадами богачей; на долю бедняков остаются только места забракованные».[1]

О фактическом владении султанами летовками и зимовыми стойбищами свидетельствует земельный спор, возникший между казахами Алтын-Эмельской волости и султаном Аблайхановым. Известный султан Старшего жуза Тезек Аблайханов владел летовкой и зимовыми стойбищами. После его смерти они по наследству перешли к его семье. Не имея земель, казахи Алтын-Эмельской волости стали претендовать на летовку и зимовые стойбища Тезека Аблайханова. Когда в связи с этим жена Тезека обратилась к Семиреченскому губернатору, от него последовало указание: «Об ограждении наследников полковника Тезека Аблайханова от притеснения киргизов и об оставлении в их исключительном и нераздельном пользовании как зимних, так и летних кочевок, которыми пользовался полковник Аблайханов».[2]

Очень характерна также переписка между известным бием Туртуульской волости Чона Идигиным и генерал-губернатором Западной Сибири Сельяниновым в 1830 году».[3]

В своем обращении к генерал-губернатору бий Идигин просит: «издревле занимаемые нами урочища, а именно: зимними кочевками Баин-Аул и Иреймень, а летними кочевками— Итемгень и Мамай — оставить навсегда в нашем владении».

Это ходатайство было уважено. Как говорится в ответе генерал-губернатора: «летние и зимнее кочевья, в письме поименованные, навсегда ему (бию Идигину — автор) принадлежать будут вместе с озерами к тем урочищам принадлежащими».

Можно привести и другие примеры захватов казахской знатью родовой земли. В «Материалах обследования по киргизскому землепользованию» указывается, что в 40-х годах XIX века султаном Конур-Кульджой насильственно были захвачены летовочные районы казахов рода Мамай. Эти казахи, лишенные своих родовых пастбищ, вынуждены были уйти в Бугулинские горы Акмолинского округа.

Другой султан Муса Черманов захватил летние пастбища рода Малкозы и впоследствии на захваченную территорию переселил 100 кибиток своих сородичей из рода Карджас.[4]

Сын Букей-хана, Султангары, захватив летние пастбища

[1] *Гродекицкий М.* — Степь сибирских киргизов. «Туркестанский сборник», т. 41, стр. 12 — 13 (Сборник хранится в восточ. отд. Гос. публ. библ. им. Алишера Навои в г. Ташкенте).

[2] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 4151, связ. 265, лл. 3 — 4.

[3] Истор. архив КССР, ф. 345, д. 327, л. 37 — 44, 1830.

[4] *Румянцев П.* — Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем. «Вопросы колонизации», № 5, 1909, стр. 126.

рода Садыр, переселился туда со своими рабами и тюленгутами.

При этом следует отметить, что хотя султаны и родовая знать фактически распоряжались летними кочевьями казахских общин, формально частная собственность на них еще не существовала. Султаны, родовая знать — бии сообща владели летовкой вместе с кочевой общиной. О порядке пользования летними кочевьями письмоводитель Восточной части Орды Половоротов писал: «Почти никто не владеет землей или кормом летом, кроме сохраняемых зимних кочевок, тем более прилинейных, заготовляющих сено».[1]

В сохранении общинной собственности на летовочные районы заинтересованы были сами султаны и родовая знать, так как под видом общинного владения летовкой им легче было эксплоатировать кочевую общину.

Господствующая роль феодальной верхушки—султанов, биев и др. представителей родовой знати — определилась не только возможностью распоряжаться летними кочевьями и зимовыми стойбищами казахских общин: их права на землю реализовались еще в целом ряде феодальных повинностей. Родовая собственность на землю и в первую очередь общинный характер владения летними кочевьями (джайляу) накладывали известный отпечаток на формы феодальных повинностей, которые прикрывались патриархально-родовой оболочкой. На деле это были настоящие феодальные повинности, в виде продуктовой и отработочной докапиталистической ренты.

С земледельческих районов регулярно собирали налог — ушур, со скотоводческих — закят.

Ушур происходит от арабского слова «гашара», что по-русски означает десять; гашарун — десятый или десятая часть. Слово гашар казахи произносят извращенно ушур или гусур. Этот налог взимался с казахов, занимавшихся хлебопашеством. По установившимся издавна традициям, сборщики ушура получали $^{1}/_{10}$ часть урожая. Сначала ушур собирали с сыр-дарьинских казахов, издавна занимавшихся земледелием. С распространением хлебопашества на другие районы ушур стал собираться повсеместно. В первой половине XIX в. ушур стал одним из основных источников обогащения феодальной верхушки. По сообщению толмача Оренбургской Пограничной Комиссии Ф. Субханкулова,[2] с сыр-дарьинских каза-

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2798, лл. 51—52. Киргизские обычаи. Собран. письмоводителем Восточной части Орды Половоротовым, 1846.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, д. 3225, лл. 2—3 об. 1848—1851 гг. «Рапорт толмача Субханкулова председателю Оренбург. Погран. Комиссии Ладыженскому».

хов ушур собирали с числа батманов[1] снятого урожая. Если хлеб сеяли без поливки, то брали $^{1}/_{10}$ часть батмана, а с поливных пашен $^{1}/_{20}$ часть.

Закят возник у казахов вместе с принятием ислама.[2] Вначале сбор закята преследовал цель оказания помощи обедневшим сородичам. Впоследствии закят превратился в феодальную повинность. До XIX века право собирать закят принадлежало только ханам.

По поводу этого исследователь Букеевской орды А. Евреинов писал: «В казачьих ордах вообще он (закят) составляет принадлежность ханского достоинства в изъясненных видах и в виде доставания народом хану с семейством средств к поддержанию его достоинства. По своему основанию и народному обычаю, это сбор с количества скота, из которого сороковая часть должна отделяться хану».[3] В связи с ликвидацией ханской власти, право сбора закята перешло к султанам и отчасти биям. Надо сказать, что и в этот период сбор закята производился под видом оказания помощи обедневшим и осиротевшим казахам. Но это была лишь внешняя оболочка, в действительности же этот старинный институт родового строя был приспособлен к потребностям развивающихся феодальных отношений. Закят собирался со всех владельцев скота один раз в год весной, когда казахи начинали трогаться со своих зимовок.

По данным чиновника Оренбургской Пограничной Комиссии д'Андре, порядок сбора закята был следующим:

Имеющий	40	баранов	давал	на закят	2	барана
"	120	"	"	"	3	"
"	300	"	"	"	3	"
"	400	"	"	"	4	"
"	500	"	"	"	5	"
"	600	"	"	"	6	"
Имеющий	5	верблюдов	"	"	1	"
"	10	"	"	"	2	"
"	15	"	"	"	3	"
"	20	"	"	"	4	"
"	25	"	"	"	5	"

Верблюдов, находившихся во время перекочевки под вьюком, не облагали закятом.

---

[1] Батман имел разный вес: в Бухаре и Самарканде 1 батман равнялся 6 пудам, в районе Восточной Бухары вес батмана был от 10 до 15 пудов.

[2] По поводу закята в Алкоране сказано: «Молитесь Богу, отдавайте закяты и давайте милостыню во имя Господа вашего и давайте ее от чистого сердца» (Из главы Алкорана Альмузаммиль).

[3] *Евреинов А.* — Внутренняя, или Букеевская киргиз-казачья орда. 1851, «Туркестанский Сборник», т. 382, СПБ, 1883 (Хранится в публ. библ. им. Алишер Навои, Ташкент).

С рогатого скота взыскивали следующий закят:

Имеющий	30 голов	давал на закят	1	двухгодовалого бычка
„	60	„ „ „	2	„
„	90	„ „ „	3	„
„	120	„ „ „	4	„

В первой половине XIX в. эти два налога—ушур и закят—собирались регулярно и стали узаконенным видом феодальной повинности. Наряду с ними, под видом «подарков» в пользу феодальной верхушки собирались всевозможные виды натуральных повинностей. Среди них особое место занимает «согым». «Согымом» назывался налог скотом, который взимался зимой для пропитания ханов, султанов и родовой знати. Вышеупомянутый д'Андре так характеризует назначение согыма: согым дается для того, чтобы «хан или султан мог прожить всю зиму на иждивении народа и таковой мог бы видеть и готовность ордынцев жертвовать собою в пользу начальства».[1]

Следующая таблица [2] дает известное представление о том, сколько примерно скота ежегодно забирали у казахов под видом согыма казахские феодалы.

Наименование рода	Число кибиток	Сколько следует с каждого рода согыма по числу кибиток
Адай	1503	100
Алага	2640	176
Байбакты	3205	213
Берш	5085	339
Жаппас	934	60
Исентемир	466	31
Исык	669	44
Кзыл-курт	825	55
Маскар	361	24
Ногай	1094	72

Другой вид натуральный повинности—сыбага—по существу был разновидностью согыма. В отличие от последнего сыбага взимался ханами, султанами и биями весною в виде вареного мяса. На сыбагу давали целого барана, иногда полбарана, смотря по значению и влиянию феодала.

Об этих натуральных повинностях председатель Пограничной Комиссии Ладыженский писал: «Закят, сугум, сыбага и тому подобного рода дань — по обычаю присвоено ханским потомкам».[3]

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2794, связ. 247, л. 123, 1846.
[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 1449, л. 3.
[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2166, лл. 26 — 28, 1844.

Кроме того, существовали всевозможные виды подарков султанам, биям и аксакалам. Так, например, за сообщение приятных новостей казахи должны были давать сьюнчи — подарки ценными вещами.

Таковы виды регулярных натуральных повинностей, поставляемых казахской феодальной верхушке — ханам, султанам, биям и аксакалам. Все эти повинности относились к формам продуктовой докапиталистической ренты. Наряду с этим существовал целый ряд нерегулярных повинностей, как, например, постойная повинность.

Если султан или бий по своим делам проездом останавливался на некоторое время в каком-либо ауле, то казахи обязаны были его угощать—зарезать ему барана. Этот древний обычай, сохранившийся в силу неписанного закона, адата, до позднего времени, был разорительным для бедноты. Поляк Густав Зелинский,[1] в 30-х годах XIX в. сосланный в Казахстан и живший среди казахов, образно рисует в своей поэме «Киргиз» эту постойную повинность казахов:

Гость приехал — зазвучала
Весть, аулы облетая,
Чуткий ум киргиз волнуя,
Жизнь спокойную нарушив...
Все — и стар, и мал поспешно
Собираются у бая,
Все — услуги предлагают...
Привели из стад обильных
К юрте кроткого барана
Под ножом во имя гостя...

Существование продуктовой ренты способствовало сохранению патриархально-родовых пережитков у казахов.

О продуктовой ренте Маркс писал:

«Эта форма ренты в продуктах связана с определенным характером продукта и самого производства, благодаря необходимому при ней соединению сельского хозяйства и домашней промышленности, благодаря тому, что при ней крестьянская семья приобретает почти совершенно самодовлеющий характер, вследствие своей независимости от рынка, от изменения производства и от исторического движения стоящей вне ее части общества; коротко говоря, благодаря характеру натурального хозяйства вообще, эта форма как нельзя более

[1] *Зелинский Густав* — Киргиз (поэма). Перевод с польского Гребенщикова Георгия. Томск, 1910, стр. 18.

пригодна для того, чтобы послужить базисом застойных состояний общества, как это мы наблюдаем, например, в Азии»[1]

Из вышеизложенного видно, что виды продуктовой ренты (закят, ушур) выступали в завуалированной форме патриархальных приношений. Нетрудно заметить, как старинные пережитки родовых институтов были приспособлены к потребностям развивающихся феодальных отношений в Казахстане.

Наряду с продуктовой рентой существовала отработочная рента. Отработочная рента по сравнению с продуктовой выступала в более архаической форме, переплетаясь с патриархально-родовыми отношениями, устойчиво сохранявшимися в области правовых норм. Обычно отработочная рента выступала в виде «родовой помощи». Между прочим, в первой половине XIX в. этот старинный институт родового строя ловко использовался всей феодальной верхушкой — султанами, биями, аксакалами и новой социальной группой — байством. Отработочная феодальная повинность под видом «родственной помощи» и «патронатства над осиротевшими» и т. д. была приспособлена феодальной верхушкой для беспощадной эксплоатации своих сородичей.

Отработочная рента, взимавшаяся с широких масс казахов, имела много общего с крестьянской отработкой, применявшейся в русском помещичьем хозяйстве. Только отработка у казахов в большинстве своем выступала под видом родственной помощи. В своей работе «Развитие капитализма в России» Ленин, перечисляя различные виды отработочной ренты, широко использовавшиеся в помещичьем хозяйстве, писал: «Виды отработков, как уже было замечено выше, чрезвычайно разнообразны. Иногда крестьяне за деньги нанимаются обрабатывать своим инвентарем владельческие земли — так называемые «издельный наем», «подесятинные заработки», «обработка кругов» и т. п. Иногда крестьяне берут в долг хлеб или деньги, обязуясь отработать либо весь долг, либо проценты по долгу. При этой форме особенно явственно выступает черта, свойственная отработочной системе вообще, именно кабальный, ростовщический характер подобного найма на работу. Иногда крестьяне работают за «потравы» (т. е. обязываются отрабатывать установленный законом штраф за потраву), работают просто «из чести» — т. е. даром, за одно угощение, чтобы не лишиться других «заработков» от землевладельца. Наконец, очень распространены отработки за землю, либо в форме испольщины, либо в прямой форме работы за сданную крестьянам землю, угодья и прочее. Иногда крестьянин обя-

[1] *Маркс К.* — Капитал, т. III, ч. II, стр. 271.

зывается при этом работать, «что прикажет владелец», обязывается вообще «послухать», «слухать» его, «пособлять» ему. Отработки и обнимают собой весь цикл работ деревенского обихода».[1]

Приведенные Лениным различные виды крестьянской отработки в том или ином виде имели место в земледельческих районах Казахстана. Но отработка принимала здесь завуалированный характер. Султаны и феодальная знать давали обедневшим казахам, под видом родственной помощи, орудия и семена, за это они должны были пахать господскую землю, получая небольшую часть урожая за свой труд.

В несколько иной форме отработка выступила в скотоводческих районах. Здесь она была связана со скотоводческим хозяйством. Основным объектом эксплоатации в форме отработок являлись так называемые консы. Консы — это бедняки, фактически являвшиеся полукрепостными. Они шли со своими семьями к султанам и родовой знати и за ничтожную плату обслуживали их хозяйства. Консы вечно кочевали с аулами феодалов, пасли их лошадей и выполняли всевозможные виды мелкой работы; жены консы доили коров, кобыл и овец, стирали белье и помогали по домашнему хозяйству феодала. За это консы — бедняк — во время перекочевки пользовался средствами передвижения, получал во временное пользование одну или две дойных коровы, иногда коз или овец.

Институт консы в дореволюционной историографии совершенно не разработан. Термин «консы» почти не встречается в официальных царских документах. Тем не менее, многочисленные путешественники и царские чиновники, побывавшие в казахской степи, указывали на существование этой социальной группы, хотя термин «консы» они не употребляли.

По поводу этой социальной группы Ф. Назаров, побывавший среди казахов, писал: «Близ реки Каракуч, впадающей из Нуры в Ишим, мы встретили киргизов, не имеющих никакого скота... Большая часть из них для снискания дневного пропитания находится у кочующих поблизости киргизов в услужении».[2]

Более подробное указание о наличии «консы» имеется в работах Михаила Граменицкого, который писал: «Около султана собираются и кормятся бездомные, неимущие киргизы. В мирное время они служат у него в качестве работников, пасут

[1] *Ленин* — Соч., т. III, стр. 148, 1926.

[2] «Записки о некоторых народах и землях Средней Азии Филиппа Назарова, отд. Спб. корпуса переводчика, посланного в Кокан в 1813—1814 гг.», стр. 19. СПБ, 1821.

его стада... Если бы они не находились около султана или какого-нибудь богача, то пришлось бы умирать с голоду. В кабалу их заставляет итти то, что нет у них своего имущества, своих стад».[1]

Казахские феодалы обычно не нанимали пастухов, а пользовались даровым трудом своих бедняков — консы. В числе консы могли быть обедневшие родственники данного феодала, иногда так называемые «дальние родственники». Казахи, происходившие от одного рода, например, от рода Аргын или Кирей, между собой считались дальними родственниками, тогда казахи говорят „ата тегі бір" (прадед наш один). Иногда у родовой знати в качестве консы работали даже бывшие чингизиды. Напр., у Мусы Черманова в качестве консы был целый аул «тюринцев». Из взаимоотношений феодала и консы — бедняка выросла своеобразная отработочная система — так называемая сауын (от слова «сауыуга» — доить). Консы получал у своего феодала дойную корову во временное пользование и за это обязывался бесплатно выполнять различные виды хозяйственной работы. Складывавшиеся при этом отношения выступали под видом «родственной помощи» феодала своему обедневшему сородичу, а если это был не близкий родственник, то под видом оказания помощи консы, который, вечно кочуя с ним, якобы, стал «своим» человеком. При этом феодал имел право в случае невыполнения его приказания в любое время отобрать свой скот. Таким образом, старинный институт родовой помощи в условиях феодального общества превратился в свою противоположность, т. е. стал орудием эксплоатации трудящихся казахов. Институт «сауын» являлся типичной формой отработки для скотоводческих кочевых районов Казахстана.

В первой половине XIX в. получила широкое распространение практика отдачи молодняка в кредит своим обедневшим сородичам под видом оказания «помощи» (аманат мал). За это бедняк-консы или обедневшие родственники феодала обязывались по истечении определенного срока вместо годовалого бычка или барана вернуть феодалу двухгодовалого и т. д. По поводу этого чиновник Оренбургской Пограничной Комиссии Лукин писал: «Киргизы отдают в долг скот и получают тем же. Если киргиз отдает в долг годовалого барана или бычка, то на другой год получает уже двухгодовалого, на третий — трехгодовалого».[2]

---

[1] *Граменицкий Мих.* — Указ. соч., стр. 16.

[2] Истор. архив КССР. ф. 4. оп. 1. л. 2798. л. 27. Обычаи казахов, собранные младшим толмачом Оренбургской Пограничной Комиссии Лукиным, 1846.

При отдаче скота в кредит бедняку — консы или сородичам феодал при свидетелях договаривался с ним о сроке возвращения скота с приростом. В случае невозвращения скота бедняком, кредитор прибегал к судебному разбирательству бия, который присуждал взыскать скот с поручителя. Иногда бедняк за полученный в долг скот должен был отработать у кредитора-феодала. Это был самый кабальный вид отработки.

Из этой системы феодальных отношений возникло «уртачество», т. е. коллективная помощь сородичей своему феодалу («уртач» значит сообща). Феодалы использовали уртачество во время сенокоса, постройки зимовки и, наконец, для рытья глубоких колодцев. За оказанную помощь родичей феодал обязан был досыта их накормить. Уртачество широко применялось как в кочевых, так и в земледельческих районах Казахстана.

Особую группу консы составляли бедняки, занимавшиеся земледелием. Тогда они назывались егынши (буквально «хлебопашец»). Но егынши являлись более сложной социальной группой. В нее входили не только консы, т. е. казахи, потерявшие способность вести свое собственное хозяйство, но и те, которые в силу недостатка скота не были способны самостоятельно кочевать, но могли вести самостоятельно земледельческое хозяйство. Занятие земледелием и объединяло различные группы трудящихся казахов в одну категорию — егынши. П. Небольсин, в 40-х годах XIX века побывавший среди казахов восточной части Оренбургского ведомства, так определяет общественное положение егынши. «Под выражением «игынчи» разумеют тех киргизов, которые сеют хлеб, от своего ли лица занимаясь хлебопашеством или состоя в работниках у богачей-киргизов, занимающихся земледелием».[1] О порядке найма феодалами егынши для обработки своих пашен некоторые данные сообщает оренбургский купец Д. У. Белов, долго живший среди сыр-дарьинских казахов. Он писал: «Хозяин только дает земли, семена и скотину бедняку, который землю обрабатывает на своей пище или от хозяина получает условленное количество ячменя или проса, но количество определяют работнику на месяц не более 20-ти батманов».[2] Повидимому, между феодалом и егынши не существовало определенной договоренности о порядке оплаты, очевидно егынши работал, ограничиваясь словесным обещанием хозяина. Эту работу егынши на землях

---

[1] *Небольсин П.* — Рассказы проезжего, СПБ, 1854, стр. 317 — 318.

[2] Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, рукоп. отд. IV, № 551, лл. 438 — 549. Записки оренбургского купца Белова Д. У. о хозяйстве, торговле, судопроизводстве сыр-дарьинских казахов.

своего феодала с полным основанием можно сравнить с кабальной формой крестьянской отработки в помещичьем имении. Разница только в том, что отработка егынши на земле своего феодала прикрывалась взаимной «помощью» — якобы феодал помогает егынши семенами, скотом, а егынши в свою очередь «помогает» своим трудом.

Близко к егынши по своему положению стояли джатаки (буквально — «лежащие»). За неимением скота они не могли кочевать, поэтому постоянно находились на зимовках. Характеризуя положение джатаков, И. Завалишин писал: «Джатак (бедняк) нанимается в пастухи к богатым, в батраки к казакам линейным, даже группируется целыми улусами у линейных городов, станиц, селений, но все это лишь за поданный кусок хлеба».[1]

Кочевать могли только сравнительно богатые люди — султаны, феодалы — бии, родовая знать, владельцы значительных стад. Об одном таком богаче передаются слова бедного джатака: «Мамеке имеет столько скота, что может кочевать».[2] Эти слова достаточно ясно характеризуют экономическое положение джатаков.

Самую пауперизованную часть казахов составляли байгуши. Байгуши (по-казахски — байгус значит бедняк) — это обедневшая часть казахов, в поисках заработной платы уходившая к прилинейным станичным казакам. В первой половине XIX в. они составляли значительную группу. По данным Артемьева,[3] только лишь по одному Младшему жузу они составляли около 20 тыс. душ обоего пола. Байгуши, за ничтожную плату нанимаясь к прилинейным зажиточным казакам, пасли их скот, пахали землю и справляли различные виды домашней работы. Часть байгушей работала на рыболовных промыслах. Кроме того, некоторые байгуши оставались при баях-феодалах и работали в качестве домашних ремесленников.

О положении таких байгушей один из очевидцев писал: «В другой кибитке вы увидите, как поодаль от огня, ближе к двери, сидит, поджав ноги, на голой земле, пожилой байгуш (бедняк) и за кусок мяса тянет большой швейной суровой ниткой безобразные сапоги, прокалывая наперед кожу шилом. Изорванная джабага и засаленная тюбетейка говорят о его

---

[1] *Завалишин И.* — Описание Западной Сибири, т. III, Сибирско-Киргизская степь, стр. 100, 1867.

[2] Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. III, «Этнографический материал», стр. 17.

[3] *Артемьев А.* — Несколько заметок о Киргизской степи Оренбургского ведомства. «Журнал Министерства внутренних дел», октябрь 1859, стр. 39.

бедности, занимаемое в кибитке место свидетельствует о его ничтожестве. Между тем, в глубине кибитки, около нагроможденных сундуков, на бухарских одеялах покоится сам хозяин, в шелковом бешмете, в одной руке у него табачный рог, а другой он важно поглаживает бороду».[1] О положении байгушей, нанимавшихся к станичным казакам, будет сказано в другой связи.

Один из казахских поэтов (Шортанбай) в следующих строфах характеризовал тяжелое положение казахских бедняков:

Тяжело у нас бедняку:
При зимовке он круглый год.
Роет летом бедняк арыки,
Вплоть до осени сено гребет.
День и ночь работает он
И не знает чем проживет,
Вечно голоден, гол, разут,
Нет покоя от тяжелых забот.[2]

Существование феодальной повинности в форме продуктовой и отработочной ренты отражает процесс исторического складывания феодальных отношений в Казахстане. Денежная рента, которая появляется на грани разложения феодальных отношений, в Казахстане почти отсутствовала. Только царское правительство собирало с казахов кибиточный сбор деньгами, и то сборщики кибиточных денег вместо причитающихся 1 р. 50 к. часто брали у казахов барана, а затем, перепродавая его на базаре, наживали значительные барыши. Этот факт свидетельствует о том, что у казахов денег в обращении было еще мало. То же самое следует сказать о сборе ясака с казахов Сибирского генерал-губернаторства.

Как известно, в феодальном обществе присвоение прибавочного продукта происходит на основе внеэкономического принуждения. Между тем, формы внеэкономического принуждения в казахском обществе выступали в своеобразной форме. С одной стороны, обязательность несения феодальной повинности (ушур, закят и разные подарки), определялась нормами адата, носившего императивный характер. С другой стороны, различные виды отработки, выступавшие под видом оказания «родственной помощи» и т. д., в условиях феодального общества были превращены в орудия эксплоатации широких масс казахов. По родовым традициям казахи также обязаны были

---

[1] «Воскресный досуг», № 72, 1864.

[2] «Песни степей», стр. 268, Москва, 1940.

их выполнять. Таким образом, патриархальные обычаи выступали как средство внеэкономического принуждения.

Когда отношения эксплоатации были связаны с наделением непосредственного производителя недостающими средствами производства — рабочим скотом, семенами или отдачей феодалами скота в долг обедневшим казахам — методы внеэкономического принуждения переплетались с экономическим давлением феодала на непосредственного производителя.

Таким образом, в отличие от земледельческих стран, в Казахстане методы внеэкономического принуждения приняли несколько иную форму. При этом было бы неправильно отрицать роль власти, опирающейся на военную силу. В регулярной поставке различных повинностей власть хана или султана имела большое значение.

Наряду с описанными формами феодальных повинностей, существовали и другие виды источников дохода, в которых участвовала вся феодальная верхушка — султаны, бии и родовая знать, — это разбор судебно-исковых дел.

Мы возьмем для иллюстрации только кун и айып, возникновение которых относится к периоду патриархально-родового строя. Не трудно видеть, как бии, султаны, ханы, участвуя в судебных разбирательствах, превращали эти старинные институты родового строя в источник своего обогащения.

Кун взыскивали за убитого человека взамен кровной мести. В период развития феодальных отношений кун был приспособлен к феодальному строю и стал одним из средств эксплоатации казахов. Размеры куна, взыскиваемого с рядовых казахов и султанов, были разные. Например, полный кун за убийство простого казаха состоял из лучшего одногорбого верблюда, покрытого ковром, из джаулука (женский головной убор) и нескольких халатов, шубы, пояса, шаровар, сапог, оружия и лошади убийцы, или же из 1000 баранов, 40 кобыл и кула (невольника). Иногда кун заменялся 10 верблюдами. За убийство ходжи кун состоял из 3000 баранов, за убийство султанов—7000 баранов, а кун ханский равнялся куну семи простых казахов. Это основано было на том, что хан является повелителем семи отделений или семи родов. Приведенные данные о куне достаточно ярко говорят о классовом характере неписанного закона, ограждавшего в первую очередь интересы господствующей феодальной верхушки.

В получении куна была заинтересована феодальная верхушка — султаны и бии. Поэтому нередко самими султанами и биями провоцировались междоусобные войны и родовые столкновения. Во время таких столкновений главным образом погибали рядовые казахи. По поводу этого один из русских публи-

цистов — Г. Шахматов — писал: «Пронырливые киргизы умышленно заводят дела, условясь с судьями — султанами и биями, — чтобы получить без труда выгоду от сего обоюдного умысла их, отчего одни богатеют, а другие приходят в бедность и нищету».[1]

По казахскому обычаю кун считается — олжа (находка), поэтому получатель куна должен поделиться с ханом, бием, которые разбирали дело, с муллой, который будет молиться о душе убитого и, наконец, с есаулом, посланным за получением куна. Например, из 1000 баранов взыскиваемого куна, семейство убитого казаха получало от 50 до 100 баранов, в зависимости от имущественного положения убитого. Значительную часть куна получали бии, которые, по данным чиновника Лазаревского, получали $^1/_2$, иногда $^1/_3$ часть иска, а затем ханы и султаны.

«Разбиратель дела, — пишет чиновник Битлов, — получает с виновного молодого верблюда и еще с него же взыскивается старый лучший верблюд под названием ханская часть, которая, если нет ханского поколения, то остается у претендента».[2]

Взыскание куна с виновников особенно было разорительным для беднейшей части казахов. По казахским обычаям кун платили не только одни убийцы, а в уплате куна участвовали его близкие и дальние родственники. При значительном размере куна участвовали все отделения и даже целый род. Сам убийца платил до 50 баранов, одного верблюда и одну лошадь, ближайшие родственники должны были давать по 25 баранов, а дальние родственники по 2 барана и т. д. При периодически повторяющихся междоусобицах и родовых столкновениях, бедняк несколько раз в году участвовал в уплате куна. О разорительном влиянии куна на хозяйство бедняков, чиновник Оренбургской Пограничной Комиссии Лазаревский, побывавший среди казахов западной части Оренбургского ведомства, писал: «Случается, бедняк променивает последнего теленка на 4 — 5 баранов и одного из них со слезами и плачем отдает в уплату куна, в противном случае, есаулы сами распорядятся его имуществом. Случается, при бедности отделения, с которого взыскивают кун, в уплату куна берут девок, ближайших родственниц убийцы. В ином роде, в один год, взыскивают 2, 3, 4 куна, значит на кибитку придется 2, 3, 4 барана и это

---

[1] *Шахматов Г.* — Замечание о хлебопашестве киргиз-кайсаков Средней орды, «Земледельческий журнал» 1832, № 6, стр. 617 — 618.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4. д. 2798, лл. 20 — 25. «Собрание сведений о киргизских обычаях, имеющих в степи силу законов» за 1845 — 46 гг. Материал собран Битловым.

должен заплатить часто бедняк, которому есть нечего, нечем детей кормить. Таких бедняков в степи и на Линии очень много, а год от году становится больше».[1]

Доход феодальной верхушки — султанов, биев — этим не ограничивался. Они участвовали в получении штрафа за кражу. По казахскому обычаю, вор, изобличенный в краже скота, сначала должен вернуть краденый скот, а затем на него должен быть наложен айып — штраф, состоящий из 3-х тогузов. Во главе всякого тогуза должен стоять верблюд или лошадь, или бык. Если во главе тогуза верблюд, то он называется «тое бастаган тогуз», т. е. верблюдом начинающий тогуз, а если начинается с лошади, то называется «ат бастаган тогуз», т. е. лошадью начинающий тогуз, а третий — «огуз бастаган тогуз», т. е. быком начинающий тогуз.

За кражу верблюда —	первый тогуз — 9 верблюдов
	второй тогуз — 9 лошадей
	третий тогуз — 9 коров
За кражу лошадей	первый тогуз — 9 лошадей
	второй тогуз — 9 коров
	третий тогуз — 9 баранов и т. д.

Согласно установившимся обычаям, первый тогуз начинается с краденого вида скота. Из этого штрафа в пользу хана или султана, участвовавшего в разборе, полагается ханлык, состоящий из одной лошади или верблюда по пятому году, по-казахски называемый «бесты-ат» — пятилетняя лошадь, «бесты-атан» — пятилетний верблюд. За ханлыком следует «билык», полагающийся бию за разбор судебного дела. «Билык» равнялся половине «ханлыка». Наконец, идет «жасул акы» — плата за труд есаулу, который посылался для приведения в исполнение решения бия. Кроме того, платили «даушыга жибкесер» (буквально — «перерезать веревку у виновника»). Это был символический акт, свидетельствовавший об окончании дела. После решения дела один из участников судебного разбирательства перерезывал ножом надетую на ноги вора веревку. Это было последним актом.

[1] ЦГИАЛ. ф. МВД. Земск. отд., 8 делопр., 1852, л. 23. Записки чиновника особых поручений Лазаревского Ф. М. об управлении, судопроизводстве, хозяйстве и быте казахов западной части Младшей орды. Лазаревский 6 лет служил в Оренбургской Пограничной Комиссии и лично побывал во многих казахских аулах. Цит. по V тому сб. Материалов по истории Казахской ССР. Рукоп. ЛОИИ.

Плата «жасаул-акы» и «даушыга жибкесер» равнялась стоимости билика. По установившимся обычаям казахов, из взыскиваемого айыпа, выражавшегося в 3 тогузах, ни истец, ни его родные ничего не получали. Весь полученный скот целиком распределялся между участниками судебного разбора. Львиную долю, конечно, получали султан, бий и есаулы, игравшие роль судебных исполнителей.

Суровые меры наказания за воровство сознательно поощрялись самими султанами. Тот же самый чиновник Лазаревский, когда интересовался происхождением этого обычая, получил от казахов такой ответ: «Воров в степи много, пробовали в отношении к ним различные наказания, наказывали их — не унимаются, налагали на них небольшие взыскания — не унимаются, вот султаны и определили разорять вора вконец, чтобы другой не отваживался на кражу».[1]

Казахские султаны и бии участвовали также в дележе дохода при разбирательстве исковых дел по барымте (буквально «захват»). Барымта, являющаяся также старинным родовым институтом, в условиях развивающихся феодальных отношений превратилась в разновидность феодальных междоусобиц.

В официальной переписке между казахами и русским правительством слово «барымта» впервые стало употребляться в 1740 году, когда ханом Младшего жуза Абулхаиром было дано согласие царскому правительству на задержание казахов, приезжавших в Оренбург, в «отомщение за грабежи и разбой».

Как указывает историк Оренбургского края Рычков, под барымтой в то время подразумевались «грабежи и разбой».[2]

В действительности первый случай воровства, похищение женщины, угон скота, произведенные в чужих аулах, не считались барымтой. Барымтой они становились тогда, когда потерпевшие вместе со своими родственниками предпринимали ответный набег на обидчиков, а эти отвечали новым наездом и т. д. В середине XIX в., в связи с усилением барымты оренбургские власти специально занимались изучением характера этого института. Следствием такого изучения явилась специальная записка «о барымте», составленная пограничными чиновниками, в которой следующим образом характеризуется барымта: «Барымтою обозначается не первоначальный грабеж или разбой, а ряд грабежей или разбоев, последовавших за первоначальною обидою. В этом смысле

[1] ЦГИАЛ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., 1852, д. 222, л. 26, Записки чиновника особых поручений Лазаревского Ф. М. об управлении, судопроизводстве, хозяйстве, быте казахов западной части Младшей орды.
[2] *Рычков* — История Оренбургского края, стр. 317.

принимается слово барымта областным правителем и употребляется им в своем делопроизводстве».[1]

Барымта, широко использовавшаяся султанами и родовой знатью в целях личного обогащения, тяжело отражалась на хозяйстве бедняков. А самое главное, барымта раскалывала силы, усиливала межродовые войны, что тормозило создание централизованного государства. Писатель В. И. Даль (Луганский), служивший в Оренбургской Пограничной Комиссии и в 1839 году участвовавший в Хивинской экспедиции, так описывает всю пагубность барымты для казахов: «Барымта и междоусобицы, поддерживаемые еще сверх этого султанами, которые в мутной воде рыбу удят, расплодились и размножились до бесконечности. Барымта обратилась в какой-то гибельный, разорительный промысел... все роды и племена перепутались во взаимных счетах и начетах и пользуются каждым случаем для взаимного разорения и нападения».[2]

По обычаям казахов, барымтовщики не уподоблялись ворам. Если вор презирался общественностью, то барымтовщики пользовались известным уважением, участвовать в барымте было «честью» для казахов. Эта веками освященная традиция ловко использовалась султанами и биями для своего личного обогащения. Среди казахов про барымтовщиков говорят: «Он не воровал, а отбарымтовал», подразумевая, якобы, «законное» право на барымту. Из отбарымтованного скота сам барымтовщик брал очень незначительную часть, например, из 200 отбарымтованных лошадей он оставлял себе только 20 — 30, остальную часть распределял между султанами, биями и родственниками.

К феодальной знати относилась также мусульманская знать, в лице ходжей, мулл. Ходжи, как султаны, стояли вне родовой общины и считали себя потомками первых последователей Мухаммеда.

Для характеристики того, как сами ходжи оценивали свое общественное положение, исключительный интерес представляет письмо ходжи Мухаммед Гали Успанова, адресованное председателю Оренбургской Пограничной Комиссии. Он был привлечен к суду как приверженец Кенесары. Вот что он писал: «Родом я ходжи, происхожу от потомков пророка, поэтому считаю себя из благородных, но как в здешнем тюремном замке содержатся вместе со мною люди простого звания, захваченные в воровстве, в разбоях, люди, лишенные совести, то

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 5, д. 431, связ. 26, лл. 9— 10. «О доставлении сведений о том, какие именно грабежи и воровство относятся по Оренбургскому краю к барымте», 1861.

[2] *Даль В. И.* — Соч., т. VIII, стр. 321, СПБ. 1884.

мне обидно находиться вместе с ними, почему покорнейше прошу сделать распоряжение о переводе меня в особое отделение, где содержатся люди благородного звания, как то: султаны и бии».[1]

Ходжи, как представители духовного звания, освобождались от податей и подлежали только суду султанов. Но тем не менее, по сравнению со среднеазиатскими ханствами, в Казахстане общественное положение мусульманской знати — ходжей было ничтожно. Из среды мусульманской знати выделялись лишь отдельные представители, выступавшие в роли старшин, например, в начале XIX в. ходжи Тамык Чакатаев и Шукур-Али Султанмехамметов и некоторые другие. Это объясняется, с одной стороны, тем, что ислам проник в Казахстан гораздо позже, чем в другие среднеазиатские страны, с другой стороны, кочевой образ жизни казахов не давал возможности исламу укрепиться в степи (у казахов почти не было мечетей, медресе и т. д., отсюда малочисленность мусульманских проповедников). И, наконец, сильны у казахов были пережитки языческой религии (шаманизм), отсюда широкое распространение так называемых «баксы» — истолкователей судеб.

О слабом влиянии ислама на казахов говорят многочисленные свидетели: по рассказам К. Губарева,[2] у казахов «муллы и ахуны не имеют в их глазах той святости и непогрешимости, какие приписываются этим лицам татарами».

Вот другое характерное свидетельство. По рассказу Даулыбаева в 1830 году троицкий татарин Баязит по торговым делам ездил на Тургай к казахам Аргынского рода и остался там зимовать. Однажды, когда он читал Коран, казахи просили его прекратить чтение. Он, не обращая внимания, продолжал читать, тогда казахи, со всех концов аула собравшись к нему в юрту, «забирают все книги и Коран и прямо кидают их в огонь, потом добираются уже и до самого татарина, но он видел, что дело серьезное, начал плакать и просить избавить его от смерти, говоря, что он потом не будет читать даже и молитву».[3]

Все это свидетельствует о том, что ислам не успел пустить глубокие корни среди казахов, у которых были сильны пережитки шаманизма. Понятно, что в силу этого ходжи и мусульманское духовенство не пользовались у казахов тем авто-

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2465, л. 17. Из прошения ходжи Мухаммед Гали Успанова, адресов. в Оренбургскую Пограничную Комиссию, 1845.

[2] *Губарев К.* — Киргиз. степь. «Современник», т. V — VI, СПБ, стр. 373.

[3] *Даулыбаев* — Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда, Тургайской области, с 1830 по 1880 год. «Записки Оренбург. отдела Импер. Русск. Геогр. Об-ва», вып. IV, Оренбург, 1881.

ритетом, какой они имели среди узбеков и других народов Средней Азии.

К феодальной верхушке принадлежали также тарханы. Звание тархана в XIX в. давалось русскими властями, а во Внутренней (Букеевской) орде — ханом, видным представителям феодальной знати за их особые заслуги перед государством.

Впервые звание тархана было пожаловано указом императрицы Елизаветы от 11 июля 1743 года батыру Джаныбеку. В 1821 году военным губернатором графом Эссеном в тарханское достоинство были возведены бий Яманчин Сегирбаев и Янгурчин Саламысов «за их усердную службу при походе с миссиею в Хиву».[1]

Звание тархана могло быть наследственным или личным. В первом случае сыновья тарханов назывались также «тарханами». Например, сын упомянутого тархана Джаныбека — батыр Даут — в указе Военной Коллегии за 1759 год назван также тарханом. В рассматриваемый период тарханы особым преимуществом не пользовались, они только были освобождены от платежа налогов. О правах тарханов временный Совет по управлению Внутренней ордой писал: «Они (тарханы — Е. Б.) наравне с султанами и ходжами избавлены лишь от платежа повинностей лично, и то ежели имеют грамоты ханские, другими преимуществами не пользуются».[2]

В первой половине XIX в. тарханы как социальная группа не играли существенной роли в общественно-экономической жизни казахов. Уже к середине XIX века институт тарханов стоял на грани исчезновения. С этим, очевидно, было связано ходатайство перед правительством отдельных потомков тарханов о закреплении за ними потомственного звания тархана.

По данным Оренбургской Пограничной Комиссии число тарханов к 60-м годам XIX в. не превышало 20 человек,[3] в разное время утвержденных Министерством внутренних дел.

В 1869 году на заседании Сената специально был обсужден вопрос о тарханах. В решении Сената было констатировано, что звание тархана является исчезнувшим, одновременно было постановлено оставшихся потомков тарханов освободить от подушной подати и разрешить им во всех делах именоваться тарханами.[4]

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2378, л. 15. «По поводу прошения тархана Бикбутала Бикбаева о предоставлении его потомству тарханского достоинства».

[2] Истор. архив КССР, ф. 5, д. 839, связ. 59, лл. 2 — 3, «О доставлении сведений о звании «тархана» и правах оного», 1864.

[3] Истор. архив КССР, ф. 5, д. 839, связ. 59, лл. 3 — 4, «О доставлении сведений о звании «тархана» и правах оного», 1864.

[4] *Крафт И.* — Султаны, тарханы, бии (историческая справка), «Тургайская газета» № 120, 1897.

Следующей социальной категорией, игравшей видную роль в общественно-политической жизни казахов, являются батыры. Формирование института батырства как социальной категории тесно связано с возникновением военно-феодальной знати. А само происхождение термина «батыр» уходит в глубокую древность казахов.

Слово батыр происходит от тюркского слова «багадур» и «баххатур». Еще на заре истории казахского народа, когда казахские степи подверглись нападению внешних врагов, из среды народа формировались специальные дружины со своими военачальниками для борьбы с внешней угрозой. Особо отличившихся в сражениях предводителей этих дружин казахи называли «батырами». Слово батыр в казахском и других тюркских языках означает «борец», «сильный», «герой», «бесстрашный», «храбрый».

Последующие войны казахов с калмыками как раз подтверждают это. В 1730 году во время крупнейшего сражения казахов Младшего жуза с джунгарскими завоевателями отличались своей храбростью и отвагой Букенбай, Исет и хан Абулхаир, и народ назвал их батырами. То же самое подтверждают события последующих лет. Например, Тулебая, одного из ближайших соратников Кенесары, прозвали Джеке-батыром (особо отличившийся батыр). Следовательно, батырами называли тех казахов, которые отличались своей храбростью во время крупных столкновений с внешними врагами. Через века казахский народ пронес образы батыров, сохранив их в своих устных героических былинах.

В более позднее время батырами стали называться всякие люди, отличавшиеся в межродовой борьбе, в барымте и т. д. Например, С. Трубин писал, что казахи своим удальством в барымте заслуживают «почетного названия батыра»[1].

Казахские феодалы-баи также нередко присваивали звание батыра своим людям, отличившимся в межродовых столкновениях, в кулачных драчках. Почетное звание батыра могли получить и люди бедные, вышедшие из народных низов.

Так, например, в движении Кенесары Касымова, наряду с крупными представителями военной знати, принимали деятельное участие и обедневшие батыры, такие как Бухарбай-батыр из рода Аргын (Средний жуз), Агыбай-батыр из рода Шубыртпалы (Средний жуз) и другие.

Однако все это не вскрывает социально-классовую принадлежность батыров и не определяет их классового лица.

---

[1] *Трубин С.* — Воспоминания о степном походе в ханства Хивы и Бухары, «Военный Сборник», № 4, 1864, стр. 384 — 386.

Было бы ошибкой, если, исходя из традиционного понимания термина «батыр», мы стали бы характеризовать батыров как надклассовую социальную категорию.

Прежде всего мы должны помнить, что в феодальном обществе, как бы социальные отношения не были окутаны патриархально-родовыми пережитками, ни одна социальная категория не может существовать вне классовой среды. То же самое следует сказать и о батырах. Конечно, институт батырства в своем развитии претерпел определенные изменения. Было бы неверно проводить аналогию между былинными батырами XI — XII вв. и батырами XVIII — XIX веков. Следует полагать, что батыры первоначально были военачальниками племен, родов. В связи с зарождением феодальных отношений функции военачальников стали меняться.

Независимо от своего происхождения, и в том случае даже, если они выходили из народных низов, они постепенно стали узурпировать права родовой знати и играть равную с ними роль в общественной жизни. Такую постепенную эволюцию общественного положения батыров можно проследить на ряде исторических примеров.

В первой половине XIX века Чегень-батыр — бий Аргынского рода и Исет Котибаров — старшина Тляу-Кабацкого рода были полновластными хозяевами в подчиненных им родах. Они собирали налоги, чинили суд над своими сородичами и вступали от имени своего рода в переговоры с другими казахскими родами. Это был процесс классового становления феодалов из военной знати, характерный для раннего феодального общества.

Одним из крупных батыров первой половины XIX века, активно участвовавшим в восстании Кенесары, был Джоломан Тленчиев. По данным председателя Оренбургской Пограничной Комиссии генерал-майора Генса: «Джоломан имеет 800 лошадей, 2000 баранов, 50 верблюдов, и каждый брат, сын, племянник, внук имеет отдельно свою скотину, что в совокупности составляет значительное богатство. Главою сего многочисленного семейства есть Джоломан»[1].

Джоломан безраздельно господствовал в роде Табын.

Эти примеры достаточно ярко рисуют классовое положение батыров. Процесс становления феодалов из военной знати и срастания их с родовой знатью неразрывно связан с теми изменениями в социальных отношениях ка-

---

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 165, д. 3, рукоп. Генса Г. Ф., л. 48 — 48 об.

захов, которые вытекали из общего процесса феодализации казахского общества и расслоения кочевой общины. Наряду с этим, на возвышение социальной роли батыров оказали серьезное влияние войны казахов с джунгарскими, а затем со среднеазиатскими завоевателями. В процессе этих войн батыры узурпировали права родовой знати и становились ведущей фигурой в общественной жизни. Об этом казахский просветитель Чокан Валиханов писал: «Батыр — лицо самое важное и знаменитое у киргизов после родоначальника султана... Это самый влиятельный человек, советы которого в народе всегда с весом».[1]

В этой замечательной оценке классовой природы батырства, данной Чоканом Валихановым, видно, что батыры в феодальной иерархии занимали чуть ли не второе место.

В этой связи интересно отметить, что для середины XIX в. очень характерным становится тот факт, что казахские баи и султаны стали одновременно носить титул батыра. Например, султан Тезек, он же Тезек-батыр, то же самое было среди батыров Кенесары. Этот факт свидетельствует об усилении социального положения батыров среди феодальной верхушки казахского общества.

К середине XIX в. в экономической жизни казахов видную роль стала играть новая социальная группа — «байство», тесно связанная с развитием товаро-денежных отношений. При этом следует помнить, что под термином «бай» казахи раньше подразумевали всякого богатого феодала. Отсюда слово «бай» в переводе означает «богатый». В рассматриваемый период слово «бай» приобретает другой социальный смысл. Баи стали особой общественной группой, связанной с развитием торговли и денежных ростовщических операций. Среди казахов появляется целый ряд феодалов-баев, ведущих крупные торговые и ростовщические операции. Например, султан правитель восточной части Младшего жуза Джантюрин, по словам П. Небольсина, состоял «пайщиком значительной торговой компании, составленной из киргизов, и имел у себя до 25 приказчиков».[2]

Другой казах Кулимбаев также состоял членом торговой компании, имел до 10 приказчиков. Эти баи не только торговали, но охотно давали за проценты в кредит деньги другим. Председатель Оренбургской Пограничной Комиссии Ладыженский, составивший характеристику султана Ахмета Джантюрина по случаю его представления к награде, писал директору Азиатского Департамента Синявину: «По его примеру (Ахмета Джан-

[1] Архив Академии наук СССР, ф. 23 Чокана Валиханова, д. 8, л. 24.
[2] *Небольсин П.* — Рассказы проезжего. СПБ, 1845, стр. 309.

торина — Е. Б.) в восточной части Орды нет ни одного почти киргиза, который не был бы купцом, или извозчиком, или солевозцем. Ахмет, сам занимаясь торговлей, с готовностью предлагает свои деньги, конечно, не без значительных для себя выгод, каждому киргизу, желающему заняться каким-нибудь из вышеприведенных промыслов».[1]

Баи-феодалы выходили как из среды султанов, так и родовой знати, но в большинстве своем из среды знати «черной кости». Об этом говорят сохранившиеся с тех времен народные пословицы, например: «Батыр болып бай болса патшадан несi кем?», что в переводе означает: «Если батыр вместе с тем богат, то чем он ниже хана?». Феодалы-баи начали практиковать наем работников для своего хозяйства. Если у родовой знати в качестве пастухов работали его «консы» и родовичи, под видом оказания «родственной помощи», то бай нанимал работника за определенную плату на договорных началах (словесных). По данным оренбургского чиновника д'Андре, такой работник «бакташи» получил в год до 12 баранов или одну лошадь. Кроме этого, хозяин обязывался кормить и одевать его за свой счет, а в зимнее время предоставлять жилище. Зато работник не мог уйти без разрешения своего хозяина к другому. Д'Андре писал: «Работник, подрядившись на целый год с хозяином, не может перейти к другому без согласия на это первого».[2]

Переход баев-феодалов к найму работников был предвестником капиталистического найма, но еще опутанного тяжелыми нитями кабальной отработки и патриархально-родовыми пережитками. По рассказам оренбургского купца Белова, казахи нанимались к баям-феодалам сезонно. Если работника нанимали зимой, тогда срок найма устанавливался до всхода травы, т. е. до весны, в этом случае казахи называют срок найма «Коктеу»; если работник нанимался летом, то срок определялся до осенней стрижки баранов или до замерзания воды — «Кузеу» или «Муз Хату». О размерах платы работникам Белов[3] указывает на следующие нормы: если нанимался на месяц, тогда получал годовалого барана, а если нанимался на год, то получал лошадь (бести ат).

Наряду с этим феодалы-баи занимались караванной торгов-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. МВД, земск. отд., 8 делопр., д. 8, лл. 27 — 29 об., 1848. Из докладной записки Ладыженского на имя Сенявина Л. Г.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2794, л. 153. Материалы об обычаях казахов, собранные по заданию Оренбургской Погран. Комиссии чиновником особых поручений д'Андре, 1846.

[3] Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина. Рукоп. отд. IV. № 551, лл. 438 — 450. Записки оренбургского купца Белова Д. У. о хозяйстве, торговле и судопроизводстве сыр-дарьинских казахов.

лей. Иногда сами феодалы-баи служили в качестве караван-баши и торговали в казахской степи, но в большинстве случаев они своих верблюдов предоставляли рядовым казахам и за это получали с них известную плату. По данным Небольсина, караванной торговлей занимались казахи отделения Чурен, Кабак, Торткара, изредка Тлеу и Шекты из рода Алим и часть казахов отделения Тама из Семиродцев. Феодал-бай за отдачу своих верблюдов под караванную торговлю плату получал деньгами, иногда товарами.

Итак, социальная группа — байство,—возникшая в недрах феодального строя, была новым явлением в экономической жизни казахов. Как мы говорили, баи-феодалы были тесно связаны с товарно-денежными операциями, в первую очередь, с ростовщическими операциями. Правда, в первые годы XIX в. они еще не оказывали существенного влияния на общественный строй казахов и это понятно: устои старого способа производства оставались, в основном, неизменными. Однако, несмотря на это, развитие института байства говорило о возникновении товарного производства в Казахстане. Это особенно отчетливо видно на фоне пореформенной экономики Казахстана.

Уже к середине XIX в. институт байства занял прочное положение в экономической жизни казахов. Об этом говорят сохранившиеся в народе пословицы.[1] Правда, в этих пословицах роль бая часто принижается, он по своему значению стоит ниже родовитой знати. Об этом говорит, например, такая пословица: «Хотя отец невесты и богат, но не бери дочь не родовитого». Но стали появляться другие пословицы, характеризующие растущее социальное значение баев-феодалов:

«Все звезды, вместе взятые, не составляют блеска месяца, — все бедняки не сравнятся с одним богатым».

«Богатый похвалится — найдется, бедный похвалится — разорится».

«Хотя бы чепуху говорил, выслушивай его: он сын богатого».

«У богача жена умрет — постель обновится, а у бедного умрет — голова вскружится».

«Если ты богат, будь самодоволен, если ты беден — будь услужлив».

---

[1] *Алекторов А.* — Народная литература киргизов, «Астраханский Вестник» 1893, № 1195.

Кроме того, нами использованы пословицы, приведенные Даулбаевым. «Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда. Тургайской обл. с 1830 по 1880 г.» «Записки Оренбург. отдела Импер. Русск. Геогр. Об-ва», вып. IV, 1881, а также Гродеков — «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области», т. I, Ташкент, 1889.

«С деревом нельзя бороться, с богатым нельзя ссориться».

«Лучше быть рабом богатого, чем сыном бедного».

«Дело богача — приказывать, дело бедняка — трудиться».

«Масло хорошо, хотя бы не приходилось есть его; богатый человек хорош, хотя бы он тебе не дал ничего». Казахи говорят «Пандаы бай алар» (богатые берут и богатую добычу).

Феодальная эксплоатация, прикрывавшаяся патриархально-родовыми пережитками в соединении с кабальной формой гнета баев-ростовщиков, привела к пауперизации значительной части трудящихся масс казахов.

Существование байгушей, егынши, джатаков и бакташей свидетельствует о резкой социальной дифференциации внутри казахского общества, еще больше усилившейся в связи с активной колониальной экспансией царизма в Казахстане.

К категории зависимых людей относились также рабы—кулы. В рассматриваемый период рабы в общественно-экономической жизни казахов не играли существенной роли. К этому времени рабы как социальная группа стояли на грани своего исчезновения. Рабы приобретались, главным образом, на войне. В XVIII веке казахские ханы вели длительные войны с калмыками, ойротами, башкирами и захваченных на войне военнопленных обращали в рабов. В средине XVIII века, в связи с восстанием Батырши, сами царские власти разрешили казахским ханам, султанам обратить в рабов семьи башкир, бежавших в Казахскую степь. В Высочайшей грамоте 5 сентября 1755 года на имя хана Нурали, султанов, старшин объявлялось, что им жалуются жены, дети, скот и все имущество беглых башкир. «Это был,—говорит Крафт,—первый законодательный акт признания в широких размерах рабства в Киргизской степи и им кочевники не замедлили воспользоваться в полной мере».[1]

Среди захватываемых в плен людей были не только башкиры, калмыки, персияне, но и русские. Кроме захвата на войне, кулы приобретались казахами путем купли на рынках.

На вопрос: как приобретались рабы, бии Акмолинского приказа, во главе с Тезеком Джанжигитовым, в 1830 году дали такой ответ: «Кулы у киргизов приобретались покупкою и пленением от калмыков, закаменных и черных киргизов с правом наследственного владения, продажи, отдачи в уплату калыма за невест и в подарок другому, и невольники сии не имеют права по своей воле отходить от своего владельца. Приобретение

[1] *Крафт И.* — Уничтожение рабства в Киргизской степи. «Из Киргизской старины», Оренбург, 1900, стр. 99.

же кулов из киргизов не допускается из уважения к своей нации».[1]

О покупке рабов говорится в пословице: «Не рожденные — не сыновья, не купленные — не рабы»; «Если не купишь — не будет раба».

Рабы не пользовались никакими правами. Их могли наказывать или убивать, за это владельцы не несли ответственности. Рабов ставили как приз на конских состязаниях (байга), а при заключении брака казах приобретал себе раба или рабыню в калым за жену. Кроме того, в качестве «куна» за убитого человека ответчик давал вместе со скотом раба или рабыню. О бесправном положении рабов свидетельствуют материалы обычного права казахов.

1. «Раб — вещь; господин его имеет над ним право жизни и смерти».

2. «Имущество раба принадлежит его господину».

3. «Раб не имеет права жениться, а рабыня — выйти замуж без позволения своего господина».

4. «Раб не имеет права жаловаться, если с ним жестоко поступает его господин».

5. «Господин имеет право раба своего продать, заложить, отдать в рабство».[2]

Общественное положение рабов отражено также в пословицах: «Толпа рабов не может быть начальством, а куча песчинок — камнем», «Хотя раб и на аргамака сядет, но все-таки за ним останется кличка раба; хотя бы сын надел и простой халат, но за ним остается название сына».

Труд рабов (кулов) в основном использовался в домашнем хозяйстве. Рабыни работали у крупных феодалов в качестве прислужниц. В меньшей мере рабы использовались для пастьбы хозяйского скота и т. д.

Несмотря на наличие рабов, Казахстан не прошел стадию рабовладельческой формации. В то же время, поскольку основным источником приобретения рабов был военный захват, этот источник не мог создать институту рабства прочную социальную базу. Рабство носило у казахов домашний характер. Это было обусловлено существованием экстенсивного пастбищно-скотоводческого хозяйства и сохранением патриархально-родового быта. Под видом «родственной помощи» султаны, бии

---

[1] *Зобнин Ф.* — К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в Киргизской степи. «Памятная книжка Семипалатинской области». Вып. VI, Семипалатинск, 1901, стр. 40.

[2] Юридические обычаи киргиз, о различных родах состояния и о правах им присвоенных. «Материалы для статистики Туркестанского края», т. IV, 1876.

обеспечивали себя даровым трудом своих сородичей — консы, байгушей, джатаков и т. д. Поэтому труд рабов в хозяйстве феодалов не мог играть ведущую роль.

На судьбу рабства в Казахстане оказало существенное влияние присоединение к России. Поворотным пунктом в отношении русского правительства к рабству в казахской степи было издание Устава о Сибирских киргизах 22 июля 1822 года. § 276 Устава гласил: «Невольники, до 22 июля 1822 года находящиеся у киргизов, остаются при их владетелях с правом продажи, передачи и наследственного владения, но с того времени строго запрещено вновь приобретать в неволю природных киргизов». Этот акт, положивший начало ликвидации рабства в Казахстане, несомненно явился прогрессивным шагом.

Вполне понятно, что и после издания Устава о Сибирских киргизах, казахские феодалы разными путями продолжали захватывать на пограничной Линии пленных и сбывать их на рынках Хивы и Бухары. Но это были единичные случаи. После издания Устава 1822 года значение рабства начинает быстро падать.

Уже к середине XIX в. у казахов осталось мало рабов. Об этом говорит следующая таблица, составленная нами на основании материалов Ф. Зобнина[1] (данные относятся только к Среднему жузу):

Наименование округа	Число юрт	Рабы	
		Мужчины	Женщины
Сергиопольский	17	33	24
Кокпектинский	8	20	41
Каркаралинский	29	68	64
Акмолинский	10	31	25
Атбасарский	—	24	2
Баян-Аульский	4	9	26
Кокчетавский	5	19	11
Всего	73	204	193

Борясь с остатками рабства в казахской степи, генерал-губернатор Западной Сибири в 1859 году взял подписку от султанов и почетных казахов с обязательством предоставить свободу всем рабам, находившимся у них.

С. Болотов, посетивший в 60-х годах сыр-дарьинских казахов, писал: «Рабовладельчества у киргизов нет и от прежних времен не сохранилось о том преданий».[2]

[1] *Зобнин Ф.* — Цитир. соч., стр. 96.

[2] *Болотов С.* — С Сыр-Дарьи, «Русский Вестник», т. 62, 1866, Москва, стр. 183.

По данным Н. Крафта, специально занимавшегося исследованием института рабства в Казахстане, окончательное прекращение рабства относится к 1875 году.

В дальнейшем потомки рабов, породнившись с казахами, частью приобрели себе свободу и стали равноправными членами общества, частью превратились в тюленгутов.

К началу XIX века тюленгуты относились к числу феодально зависимых людей. Слово тюленгут не казахское, оно заимствовано от алтайских калмыков — «теленгет». Развитие института тюленгутства было связано с процессом феодализации казахского общества. В первой половине XIX века институт тюленгутства не только получил широкое распространение, но и его содержание по сравнению с XVIII в. заметно изменилось. В XVIII в. тюленгуты являлись по преимуществу военными слугами хана и султанов. Нередко они выполняли и ответственные дипломатические поручения. Развитие тюленгутизма было в то время тесно связано с политической организацией казахского ханства. Изменения в социальном положении тюленгутов в XIX в. были связаны с упадком казахской государственности. Ее возрождение в отдельные моменты XIX в. сопровождалось и восстановлением прежней роли тюленгутов.

Изучение положения тюленгутов в казахском обществе XIX в. мы начнем с вопроса, из каких социальных групп вырастал институт тюленгутства. Имеющиеся данные позволяют говорить о двух путях возникновения тюленгутства. Во-первых, тюленгуты образовались из бывших потомков рабов. К сожалению, трудно проследить процесс превращения раба в тюленгута. Согласно обычному праву казахов «рабы могут быть отпущены на волю, по желанию их господ. Рабы могут выкупаться на волю, по желанию своих господ, заплатив, по их требованию, определенное ими количество денег, скота или другого какого-либо имущества».[1] Кроме того, дети, рожденные от брака свободного казаха с рабыней, делались свободными.

Таким образом, согласно обычному праву казахов, часть рабов могла получить свободу. Эти рабы, становясь полноценными членами общества, могли стать тюленгутами.

Сам факт образования тюленгутов из бывших потомков рабов не вызывает никакого сомнения. Поручик генерального штаба Гефи, в 1845 году посетивший ставку Кенесары, писал: «Скопище султана Кенесары Касымова состоит из собственных его тюленгутов до 1000 кибиток, которые достались ему от

[1] Юридические обычаи киргиз, «Материалы для статистики Туркестанского края», т. IV, 1876.

Аблай-хана, и большая часть калмыцкого происхождения».[1] Аналогичное указание имеется в других источниках. Хан Внутренней Букеевской Орды Джангер, например, писал: «Тюленгуты суть потомки людей, исстари обращенных в рабство и исключительно предназначенных в услужение белой кости».[2]

И, наконец, во время произведенной властями переписи скота у казахов Буранаймановской волости, у султанов Джусуп и Колап Клычевых оказалось 8 юрт тюленгутов, состоящих из калмыков и каракалпаков.[3]

То же самое обнаружено во время переписи, произведенной в Аталык-Матаевской волости. В этой волости только лишь у одного султана было 14 юрт тюленгутов-туркменцев.[4]

Приведенные данные достаточно ясно говорят о том, что тюленгутами становились потомки рабов.

Во-вторых, в тюленгутов превращались свободные казахи. В рассматриваемый период участились случаи поступления свободного казаха в качестве тюленгута к султанам и родовым феодалам. В связи с этим возникает вопрос, почему свободные казахи шли к султанам и крупным феодалам в качестве тюленгутов.

Это было связано с тем, что с распадом кочевой общины и усилением процесса феодализации общины не могли попрежнему охранять имущество и скот своих членов от барымты и междоусобицы, в результате чего часть казахов совершенно разорялась и вынуждена была итти к султанам из-за тяжелых материальных условий.

В 1833 году по указанию начальника Омской области было произведено обследование окружным стряпчим Скориным положения тюленгутов. На вопрос, что заставляло казахов итти тюленгутами к султанам, известный бий Среднего жуза Чабатай Сагалов дал ответ: «Во-первых, по неимению скотоводства бедные киргизы прибегают к достаточным и остаются у них из-за одного пропитания даже навсегда со своим потомством... Во-вторых, имеющие скотоводство киргизы, желая обезопасить стада и быть под покровительством, остаются при покровителе... В-третьих, во избежание какого-либо взыскания правильного или неправильного, киргизы укрываются под покровительство султана или другого влиятельного киргиза».[5]

Аналогичный ответ был получен от казахских биев во время

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, лл. 941 — 944. Из рапорта Герна к Ладыженскому, 26 VI 1845.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, д. 1587, л. 4, 1831.

[3] Истор. архив КССР, ф. 82, д. 41, лл. 93 — 95, 1844.

[4] Истор. архив КССР, ф. 81, д. 48, л. 2 — 3 об., 1847.

[5] *Зобнин Ф.* — Цитир. соч., стр. 39.

записей обычного права казахов Оренбургского края. В представленных материалах о казахских обычаях сказано, что тюленгуты «искали в прежнее время защиту у каждого ордынского властелина. От беспрерывных в то время междоусобий бывало, что целые семьи являлись к султанам, прося покровительства и средств к существованию... Нередко цель сделаться тюленгутом хана или султана была — скрыться от законного какого-либо преследования»[1].

Какие отношения складывались между тюленгутами и султанами? Было бы неправильно, применительно к первой половине XIX века, утверждать, что тюленгуты были крепостными. По поводу этого интересное указание дает материал опроса бия Базаева, который показал: «Тюленгуты имеют право отходить по своему произволу к другому владельцу или иметь отдельную, ни от кого не зависимую кочевку. Если же на отход от владельца встретятся со стороны его препятствия (расчеты имущественного характера), тогда тюленгуты отходят от него со всем приобретенным скотом, по суду, произведенному биями по киргизским обычаям».[2]

В то же время тюленгуты были собственниками скота и другого имущества. Гораздо сложнее проследить отношение тюленгутов к земле. Известно лишь, что тюленгуты были людьми, окончательно порвавшими связь с общиной. Поступая под покровительство султанов, тюленгуты могли кочевать только на землях своих владельцев. Тюленгут Кисыков в своем показании заявил: «Зимовка находится в песках Яш-Кош, на земле султана Даулеткарея Шигаева». Таким образом, из отношения к материальным условиям производства складывалось феодально зависимое положение тюленгутов.

Труд тюленгутов мало использовался в хозяйстве феодалов. Тюленгуты служили главным образом в качестве дружинников, личных телохранителей своего хозяина. Кроме того, тюленгут обязан был участвовать во всех походах своего хозяина, предпринимаемых с целью барымты и угона скота. В материалах опроса биев Тыналы-Карпыковской волости об обязанностях тюленгутов, сказано: «Тюленгуты обязаны охранять султана и его собственность, сопутствовать ему в поездках, служить для посылок и проч. В древние времена тюленгуты были исполнителями казней».[3]

Однако обязанности тюленгутов этим не ограничивались.

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2794, связ. 247, л. 124 об., 1840.
[2] *Зобнин Ф.* — Цитир. соч., стр. 39.
[3] *Зобнин Ф.* — Цитир. соч., стр. 41.

Тюленгуты посылались для сбора закята, а также с ответственными поручениями от имени владельцев в другие роды. Во Внутренней орде из среды тюленгутов назначались управители родов — старшины. Так ханом Внутренней Орды Джангиром был назначен старшиной тюленгут Чуна Идельбаев.[1]

Можно безошибочно утверждать, что большинство тюленгутов состояли из разорившихся казахов. Для подтверждения этого приведем некоторые факты. Следующая таблица,[2] составленная нами на основании материалов переписи, произведенной в Джуватай-Буранаймановской волости, наглядно показывает имущественное состояние тюленгутов по сравнению с султанами, в зависимости от которых они находились.

Султаны	Количество					
		душ		скота		
	юрт	мужчин	женщин	лошадей	рогатого	баранов
Ибраим Клычев — волостной правитель	1	3	1	106	5	150
Султан Козэп Клычев	1	1	1	150	4	400
Тюленгуты						
Джаманкут [illegible]	1	2	3	9	1	—
Куртибай Алтаев	1	3	2	2	2	2
Са[illegible]	1	2	2	2	5	—
Джурунбай	1	2	2	2	4	—
Утей К[illegible]	1	2	1	1	1	—
Тюленгуты-каракалпаки						
[illegible] Тюменов	1	2	1	2	—	—
Бурабай	1	2	1	—	—	—
Кунчилай	1	2	3	4	—	5

Для полноты картины приведем еще некоторые данные. По переписи скота Есенгул-Садыровской волости, у султана Ичак Джебасва было 452 лошади, 21 единица рогатого скота, 419 баранов, тогда как у его 7 семейств тюленгутов было 11 лошадей, 21 голова рогатого скота, 35 баранов.[3]

Из приведенных Зобниным многочисленных приказаний старшины явствует, что тюленгуты, становясь под покровительство султанов, отказывались от тамги своего рода и принимали султанскую тамгу. Это символизировало их личную зависи

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, д. 1587, л. 1, 1831.
[2] Истор. архив КССР, ф. 82, д. 41, лл. 93 — 95, 1844.
[3] Истор. архив КССР, ф. 82, д. 58, л. 1 — 1 об., 1846.

мость от султанов. Султаны, в свою очередь, должны были охранять интересы своего тюленгута. Бий Аягузского приказа Чобинтай Сагелов на опросе показал: «В случае, если у ответчика-тюленгута недостает на расплату с кем-либо скота, то султаны и прочие тюленгуты уплачивают из собственного имущества».[1] Это обстоятельство также ставило тюленгута в положение феодально зависимого.

В материалах записи обычного права казахов, произведенной в 1840 году, о правах тюленгутов сказано, что тюленгуты, «образовав отдельные аулы пришельцев из разных родов и отделений, кочуют постоянно вместе с султанами, не отличаются, впрочем, ничем от простого киргизца, кроме одного — права клеймить скот свой султанским тавром... Судятся биями и другими наравне с прочими ордынцами».[2]

Если в XVIII в. тюленгутов могли иметь только потомки белой кости—султаны, то в рассматриваемый период султаны постепенно начали терять свое исключительное право на владение тюленгутами. Теперь тюленгутов могли иметь и представители родовой знати — бия и старшины. У известного бия Ходжи Караул Бабаджанова было 200 кибиток тюленгутов. После его смерти, его тюленгуты подали прошение в Оренбургскую Пограничную Комиссию об освобождении их от налогов. Вот что писал об этом Небольсин: «В числе 200 кибиток пристали к Ходже Караулу Бабаджанову и пользуясь званием тюленгутов наравне с таковыми хана Нурали и султана Карабая, были совершенно отделены от киргизов других родов... Вследствие этого они просят избавить их от взноса закята и сугума».[3] Все это, с одной стороны, свидетельствует о сближении тюрипцев и знати «черной кости», с другой стороны, говорит о слиянии тюленгутов с общей массой казахов. В связи с переходом султанов на царскую службу отпала необходимость в дружинах. Теперь султаны стремились закрепить за собой тюленгутов как своих крепостных слуг. Но это не легко удавалось султанам. По существу этим надо объяснить отход тюленгутов от султанов и образование в составе казахского общества особых тюленгутских родов.

Небольсин в своем исследовании казахских родов Младшего жуза выделяет особый Тюленгутский род. «Род Тюленгутов, — пишет он, — прежде составлявших когорту, двор и прислугу ханов и султанов, образовался в последствии време-

[1] *Зобнин Ф.* — Цитир. соч., стр. 39.
[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2794, связ. 247, л. 124, 1840.
[3] *Небольсин П.* — Очерки Волжского низовья. СПБ. 1852, стр. 153 — 155.

ни».[1] В дальнейшем, вплоть до 60-х годов XIX в. шла борьба за превращение тюленгутов в крепостных султанов и биев.

Итак, в рассматриваемый период казахское общество распадалось на два противоположных класса — с одной стороны, на феодальную знать — султанов, биев, феодалов-баев, военную знать — батыров; с другой стороны — на казахские трудящиеся массы; в том числе наиболее обездоленных из них: байгушей, егынши, джатаков и бактачей.

Итак, нами разобран процесс разложения кочевой общины и сложившиеся на этой основе поземельные отношения казахов, а также показаны различные виды феодальных повинностей, взимавшихся султанами и родовой знатью с кочевых казахских общин, и прослежено влияние патриархально-родового быта на формы эксплоатации казахов. При этом указано, что сохранявшееся общинное землевладение придавало производственным отношениям казахов патриархально-феодальный характер.

Кроме того, кочевой аул как мелкая единица продолжал состоять из кровно родственных людей. Это обстоятельство также придавало феодальным отношениям казахов патриархально-родовой характер. Если экономическое развитие казахского общества шло по линии разложения казахской общины и развития феодальных отношений, то патриархально-родовой быт все еще крепко держался в области идеологии, быта и в организации общественной жизни казахов.

О существовании патриархально-родовых пережитков свидетельствуют сохранившиеся поговорки и пословицы:[2]

«Лучше быть пастухом в своем роде, нежели ханом в чужом народе».

«Только глупец может забыть, где он родился».

«Не ходи на охоту с человеком из чужого рода: под боком он помешает тебе выстрелить».

«Кто не знает имен своих семи предков, тот отступник».

«Лучше, чтобы победил на скачках жеребенок твоего аула, чем конь чужого аула».

«Собака не забудет места, где она наелась; муж — где он родился».

«Кто сходится, не становится еще родным, кто родной, тот не может стать чужим».

Существование патриархально-родового быта внутри рода выражалось в сохранении авторитета родового старшины —

[1] *Небольсин П.* — Очерки Волжского низовья, СПБ, 1852, стр. 153 — 155.

[2] *Алекторов А.* — Народная литература киргизов. «Астраханский Вестник», 1893, № 1222.

аксакала. Раньше аксакалами звали людей преклонных лет, к ним часто обращались за советами, как к людям, имеющим богатый жизненный опыт. В первой половине XIX в. первоначальный смысл «аксакал» теряется. Теперь независимо от возраста аксакалами звали всякого человека, наделенного властью. Например, аксакалами именовались султаны-правители и ага-султаны.

В области правовых отношений пережитки патриархально-родового быта выражались в приниженной роли женщины. Согласно нормам обычного права казахов женщины не имели права наследовать имущество своего мужа. Обычай гласил: «Женщина владеет только собой и за себя одну отвечает». Кроме того, женщина не могла участвовать в общественной жизни казахов. Женщина не привлекалась даже в качестве свидетеля во время судебных разбирательств. Если женщины обращались с жалобой к бию, то претензию их считали незаконной и не подлежащей разбору. Женщина не пользовалась равными с мужчиной правами. Об этом говорит размер куна, взыскиваемого при убийстве женщины.

В области семейных отношений сохранение патриархально-родового быта у казахов выразилось в господстве главы семьи над детьми. «Власть родителей на детей не ограничена, она простирается даже на жизнь детей».[1] За оскорбление или неповиновение отцу, сын сначала подвергался телесному наказанию, а при повторении подобного поступка, он изгонялся из дому без предоставления приюта. В случае, если отец один не мог наказать своего сына, он «...созывал родственников и все сообща наказывают непокорного». При этом характерным является то, что сын не мог жаловаться на отца. «Жалобы детей на родителей весьма мало уважительны и если оказались весьма важными, то в большей части оканчиваются увещеваниями судей».[2] Господство отца над детьми распространялось на имущественные отношения. Если сын выделялся в отдельную семью, отец мог не наделять его скотом. Сын не мог претендовать на имущество и скот отца.

Пережитки патриархально-родовых отношений сохранились и в области религии. Как мы уже отмечали, наряду с исламом, у казахов еще сильны были пережитки шаманизма, поклонение природным стихиям. В первой половине XIX в. без преувели-

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 4235, связ. 271, л. 104, «Записки подполковников Метельгина и Израилова о народных обычаях Семиреченской области», 1870 г.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2798, связ. 248, лл. 31—35. «Начало судебной правды у киргизов», соб. попечителем Александровским. 1846.

чения можно сказать, что среди казахов большей популярностью пользовались «баксы», нежели официальные проповедники ислама — муллы.

Патриархально-родовой быт у казахов сохранялся в родовых поминках. Поминание делалось три раза в году, а именно: по прошествии от смерти семи дней, сорока дней и одного года. На поминание съезжались все ближайшие родственники умершего человека. Если умерший был знатным человеком, тогда на его поминки приезжали представители целого рода.

И, наконец, о сохранении патриархально-родового быта у казахов свидетельствует существование родового урана.

«Уран» — условный пароль, девиз, собирающий родовичей во время войны, барымты, байги (скачки) и т. д. Ураном рода служило обычно имя его общего родоначальника, например, Албан. У султанов, ходжей, как и каждого рода казахов, существовали свои ураны. Казахи говорят: «Архар Уранды «торе», «Алла Уранды Коджа» и «Алаш Уранды казах».

Надо отметить, что уран оказался самым живучим из пережитков патриархально-родового быта казахов. По поводу этого чиновник Оренбургской Пограничной Комиссии Л. Баллюзек писал: «Ни один из существующих обычаев не свят для киргизов, как уран, с неимоверной быстротою собирающий всех родовичей и даже против друзей, приятелей и сватьев их в другом роде. Как заслышал киргиз призыв родного ему урана, он забывает всякие личности».[1] В условиях развивающихся феодальных отношений родовой уран, став орудием междоусобных феодальных войн, играл реакционную роль в общественной жизни казахов.

Патриархально-родовой быт сохранился также в организации общественной жизни казахов. Принцип родового старшинства в первой половине XIX в. еще имел силу. Порядок родового старшинства соблюдался при делении добычи, при перекочевках и, наконец, при вхождении в юрту и занятии места. Самое почетное место «тӧр» предоставлялось представителям самого старшего рода. Например, род Джалаир считался в Большом жузе самым старшим. При дележе добычи, во время больших угощений и т. д. сначала спрашивали, есть ли старшие из родов Джалаир? Казахи говорят: «Нокта ағасы жалайыр барма?» Такой же порядок существовал в Младшем жузе, где самым старшим считался Алимулинский род. По своему богатству и влиянию этот род отличался от остальных родов. По поводу Алимулинского рода полковник

[1] *Баллюзек Л.* — Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой Киргизской орде силу закона. «Записки Оренбург. отдела Импер. Русск. Геогр. Об-ва», вып. II, 1871, Казань, стр. 165.

генерального штаба Бларемберг писал: «В киргизских народных сеймах алимулинцы первые подают голос, первые делают определение, и принятие его старшим родом дает полную власть к общему согласию и исполнению. Предложенное же младшим родом не обязывает к исполнению алимулинцев».[1]

И в области общественных отношений и в области быта вся жизнь казаха была пропитана патриархально-родовыми пережитками. Все это мешало трудящимся казахам осознать свои классовые интересы. Патриархально-родовые отношения создавали у казахов ложное представление о классовой «солидарности» всех казахов. Поэтому не случайно в сохранения патриархально-родового быта была заинтересована родовая знать, являющаяся носителем родовых традиций.

Патриархально-родовой быт у казахов оказался живучим не только в области общественных отношений, идеологии и быта, но и в организации политической жизни. Он серьезным образом тормозил консолидацию казахов в единую государственность. Существование барымты, родового урана постоянно усиливало межродовую вражду и неизменно воспитывало у родовой знати ненависть к централизованной власти. Поэтому не случайно в период восстания Кенесары Касымова отдельные казахские роды, во главе со своими родоначальниками, являлись носителями сепаратистских тенденций. Как правило, крупная родовая знать отказывалась поддерживать организацию единой государственной власти.

Патриархально-феодальный строй и сохранение пережитков родового быта в экономической, социальной и культурной жизни казахского общества определяло его общую отсталость и явилось сильнейшим тормозом на пути его дальнейшего развития.

Глава 3

КАЗАХСТАН И ЦАРСКАЯ РОССИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Как известно, начало зависимости Казахстана от царской России относится еще к 30-м годам XVIII века, но окончательно подчинить себе Казахстан царизм смог только в первой половине XIX века.

Как неоднократно отмечал Маркс, стремление к захвату

[1] Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды, Оренбургского ведомства. Составлен полковник. ген. штаба Бларембергом. «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. XIV, ч. II, СПБ, 1848, стр. 75.

земельных пространств на востоке было «традиционной политикой русского царизма». Однако, несмотря на безостановочный ход русской экспансии в Средней Азии, до 30-х годов XIX века среднеазиатские дела оставались вне сферы «большой политики» царизма. Основное внимание занимал Ближний Восток и, в первую очередь, Турция с ее владениями. Медленно и верно укрепляя свои позиции в Средней Азии, царизм до начала второй четверти XIX века не форсировал свою политику в этом направлении и она продолжала носить довольно спокойный характер. Основным стержнем ее было стремление расширить торговые обороты со среднеазиатскими ханствами. Как писал канцлер Нессельроде министру финансов Канкрину, «торговля сия составляет основу всей нашей азиатской политики».

Активизация политики русского царизма в Средней Азии и, в частности, в Казахстане наступает в начале 20-х годов XIX века, когда в связи с так называемым «Уставом о сибирских киргизах» (1822 год) начинается усиленное внедрение российской административной системы сначала в Среднем, а затем в Малом жузах. Но еще шире развертывается этот процесс в 30-х годах в связи с обострением англо-русского соперничества. Объясняется это тем, что успехи России на Ближнем Востоке, выразившиеся в заключении Адрианопольского и Ункиар-Искелесского договоров, вызвали усиленное противодействие Англии. Правительству Николая I не удалось сохранить преобладающее положение в Турции, которое обеспечивали ему условия Ункиар-Искелесского договора. Лондонская конвенция 1841 года явилась крупным дипломатическим поражением России в ближневосточном вопросе. Тем большее значение получало для царизма укрепление его позиций в Средней Азии. Средняя Азия постепенно становилась одним из основных плацдармов англо-русской борьбы.

Если фронт англо-русского соперничества пролегал за пределами русских владений и шел по линии Хива — Бухара — Коканд — Иран — Афганистан — Индия, то Казахстан в это время становится ближним тылом, плацдармом, закрепление в котором делалось первоочередной задачей царизма.

Именно в эти годы наиболее четко обрисовывается «огромное стратегическое значение Казахстана, расположенного между Россией, среднеазиатскими ханствами и Китаем. Через Казахстан пролегали торговые пути в эти страны и далее в Афганистан и Индию. Только прочно обеспечив здесь свои позиции, можно было приступать к осуществлению походов на среднеазиатские ханства и дальнейшей экспансии в Центральной Азии.

Помимо этого, закрепление в Казахстане диктовалось и экономическими интересами растущего русского капитализма. Так же, как и вся Средняя Азия, он привлекал внимание царизма как рынок сбыта и дешевого сырья, как источник колониальных сверхприбылей.

Поскольку к началу XIX в. Казахстан подчинялся России только номинально, да и то не целиком, ибо часть его входила в сферу влияния Коканда и Китая, первое, с чего начал царизм, была ликвидация остатков политической независимости казахов. С этой целью был предпринят ряд мероприятий, в основном шедших по трем линиям:

1. По линии военного закрепления, что выразилось в форсированном строительстве укрепленных линий и отдельных укреплений, с одновременным насыщением их гарнизонами и созданием вблизи их постоянных казачьих поселений.

2. По линии политического закрепления, что выразилось в проведении реформы административного управления, в первую очередь образовании округов и окружных приказов, и затем введении дистаночной системы, в результате чего резко ограничивались политические права казахов.

И, наконец, в-третьих, по линии экономического закрепления, что выразилось в массовом захвате казахских земель, введении налогового обложения и различных монополий (вроде монополии на рыболовство, порубку леса и т. д.).

Совокупность всех этих мероприятий и составила содержание колонизаторской политики царизма в Казахстане.

Понятно, царские чиновники скрывали от общественного мнения истинную цель колониальной политики царизма в Казахстане.

Тем не менее, отдельные представители властей открыто высказывали свое мнение. В этом отношении интересно высказывание одного видного чиновника Оренбургского края. Вот что он писал Оренбургскому военному губернатору графу П. П. Сухтелену: «Я не завлекаюсь гиперболическими желаниями филантропов устроить киргизов, просветить их и возвысить их на степень, занимаемую европейскими народами. Я от всей души желаю, чтобы киргизы навсегда оставались пастухами, кочующими, чтобы никогда не сеяли хлеба и не знали не только науки, но и даже ремесла; но, вместе с тем, всемерно желал бы научить их кушать наш хлеб и употреблять наше простое сукно и другие грубые изделия России»[1].

[1] ЦГИАЛ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 134, л. 1 — 2 об., 1830. Письмо одного чиновника (фамилия не разобрана — Е. Б.) Оренбургскому военному губернатору графу П. П. Сухтелену.

О характере проводимой колониальной политики в Казахстане откровенно высказался в своей переписке с Оренбургским военным губернатором Обручевым председатель Оренбургской Пограничной Комиссии Ладыженский. Так, в одном из писем Ладыженский писал Обручеву: «Мнение господина председателя Комитета (имеется в виду Азиатский Комитет — Е. Б.) вообще проникнуто одной преобладающею мыслью, — о приведении Орды в такое положение, чтобы она не допускалась в общий круг правительственного попечения и, оставаясь недвижимою в мраке своего невежества, — была как бы слепою и безгласною данницей Линии, которая испокон веков привыкла рассчитывать на дикую простоту киргизского народа».[1] Такова подлинная суть колониальной политики царизма, по признанию ее же руководителей.

В своей захватнической политике царизм, с одной стороны, опирался на вооруженную силу, на колониальный аппарат, с другой стороны, на феодальную верхушку казахской знати. Последнее было особенно важно для закрепления завоеванных позиций. А закрепить завоеванную территорию царизм мог только опираясь на привилегированный класс казахского общества. В целях привлечения феодальной знати на свою сторону, царизм шел на признание ее привилегированного положения в Казахстане.

Во-первых, султанам и биям разрешалось владеть зимовыми стойбищами и летовками на правах частной собственности. Причем, за ними закреплялось наследственное право на земли и имущество, охранявшееся властями.

Во-вторых, султаны и бии назначались на административную службу в качестве старших султанов, волостных правителей и т. д. Поступившим на службу султанам и биям присваивалось звание потомственного дворянства.

В-третьих, султаны и бии освобождались от налогов и других повинностей. Им были предоставлены права взимать в пользу властей ясак, кибиточный и другие сборы.

И, наконец, на султанов и биев были возложены судебные функции. Хотя на местах еще действовало обычное право казахов, все же значительные судебно-исковые дела проходили через руки царской администрации при участии султанов и биев.

Политика опоры на султанов и биев, с одной стороны, усиливала гнет над народными массами и ускоряла процесс классовой дифференциации казахского общества. С другой сторо-

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, 5496, лл. 283 — 285. Ладыженский — Обручеву, 1847.

ны, закрепление прав султанов и биев на владение землей на правах частной собственности разлагало кочевую общину и объективно ускоряло этим процесс феодализации. Это несомненно имело прогрессивное значение в дальнейшем ходе исторического развития казахского общества.

Перейдем к конкретному анализу политики правительства в отношении султанов, родовой знати — биев.

Стремление сохранить господствующее положение феодальной знати путем закрепления за нею земельной собственности, приводило к тому, что когда, лишенная своих земель, казахская беднота покушалась на зимовки и летовки султанов и биев, власти неизменно поддерживали феодальную знать.

Вот характерный пример. В 1831 году султан Чама Аблайханов жаловался начальнику Омского областного управления: «Сего года Каркаралинский окружной приказ по разделению земель отвел нам таковые под кочевья места, в каковых ныне стесняет нас, всякий намеревается занять, через что мы лишаемся спокойствия, и потому прошу те места за мною утвердить».[1]

Просьба султана Чама Аблайханова была удовлетворена. Омский начальник дал распоряжение Каркаралинскому приказу «оному удостовериться и оказать просителю в просьбе его возможное удовлетворение».

С аналогичной просьбой обращался к генерал-губернатору Западной Сибири бий Кадыр Чимбулатов из Баян-Атагаевской волости. В ответ на его просьбу генерал-губернатор Западной Сибири предписал: «Приказать кому следует | отвести ему с подведомственными киргизами под хлебопашество, кочевку, сенокошение и выпуск скота места, называемые Кос-Куль и Сююректы-Куль».[2]

Правительство не ограничивалось закреплением господствующего положения феодальной знати в Казахстане, но и привлекло ее на царскую службу.

Привлечение казахских султанов, биев на царскую административную службу предусматривалось «Уставом о сибирских киргизах», 1822 года, разработанным М. М. Сперанским. Основная задача, которая преследовалась введением Устава, определялась в его заключительной части следующим образом:

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 345, д. 332, связ. 31, л. 99, 1831. Из письма Чамы Аблайханова к начальнику Омского областного Управления.

[2] Истор. архив КССР, ф. 345, д. 369, связ. 37, л. 18, 1831. «Дело по предписанию генерал-губернатора Западной Сибири об отводе сенокосных и пастбищных мест старшине Хадир Чимбулатову».

«Сибирские Линии, в значении стражи, не составляют учреждений на всегдашние времена, но по мере распространения порядков, занимаемых в киргизских землях, стража сия подвигается вперед и, наконец, должна кончить постоянным утверждением себя на действительной государственной границе».[1]

Другими словами, задача заключалась в том, чтобы уничтожить последние остатки независимости Казахстана, органически включить казахские степи в состав империи. С этой целью на землях Среднего жуза были образованы внешние округа, во главе которых поставлены «окружные приказы». Приказы должны были возглавляться «старшими султанами» (ага-султаны). К ним назначались в качестве заседателей 2 «почетных киргиза» и 2 русских.

Старший султан избирался на собрании одних только султанов сроком на 2 года. На тот же срок избирались и заседатели. Старшему султану присваивалось военное звание «майора российской службы». После трехлетней службы они имели право просить диплом на «достоинство русского дворянина».

В состав округа входили от 15 до 20 волостей. Каждый округ имел строго разграниченную территорию. Жители данного округа не могли переходить на территории других округов без специального разрешения местного начальника. Всякий самовольный переход жестоко карался.

Во главе волостей стояли волостные старшины, которые тоже избирались из преданных царизму султанов и биев. Султаны и бии, управлявшие волостями, приравнивались к чиновникам 12 класса.

Аулы управлялись старшинами — биями, приравненными к сельским головам.

Ханская власть в Среднем жузе по Уставу упразднялась. Вскоре после издания Устава ханская власть была упразднена и в Младшем жузе (1824 год), и степь Западного Казахстана была расчленена на три полосы — западную, среднюю и восточную во главе с султанами-правителями.

В ведении каждого султана-правителя находилось как управление целой частью Орды, состоявшей из племен, так и надзор за управлением биев и султанов аулами и отдельными племенами.

Каждому султану-правителю давали золотую саблю, знамя, грамоту на служебное достоинство «дабы тем дать им более весу в глазах Орды».

---

[1] Полный свод законов, т. I, стр. 38.

Кроме того, стремясь «сделать в понятии киргизских старшин звание главных султанов выгодным и привлекательным»[1], Азиатский Комитет назначил султанам-правителям по 100 рублей серебром в месяц и по 60 кулей ржаной муки в год.

Граница между западной и средней частью проходила от Илецкого городка по рекам Илеку и Большой Хобде, а затем по реке Темиру на юг до Аральского моря. Между средней и восточной частями граница начиналась от Степной крепости и проходила по верховьям рек Тогузака и Тобола, а на юге доходила до реки Сыр-Дарьи.

Вершителями судеб в казахской степи стали старшие султаны в Среднем жузе и султаны-правители в Младшем жузе. При султанах находились казачьи отряды в 200 человек. Официально говорилось, что отряды приданы султанам для того, чтобы воздействовать на казахов «в русском духе». В действительности же отряды эти охраняли султанов и несли военно-полицейские функции. Вместе с тем, через их посредство местные власти осуществляли своеобразный контроль над деятельностью султанов и при случае принуждали их действовать так, как это нужно было царской администрации.

Как мы уже отмечали, царские власти освобождали султанов от различных повинностей и уплаты налогов. Так, начальник штаба сибирского корпуса генерал-майор Броневский 17 февраля 1832 года писал пограничным властям: «Султана Аблая Габбасова, служащего председателем в Кокчетауском окружном приказе, и султана подполковника Турсуна Чингизова, служащего председателем в Каркаралинском окружном приказе, считать навсегда свободными от ясака в тысячу лошадей, 1500 быков и 1000 баранов у каждого и по смерти их право сие распространить на их потомство по прямой линии».[2]

Из анализа преобразований системы управления 20-х годов наглядно виден процесс срастания феодальной верхушки с колониальным аппаратом. В лице казахских султанов и биев, перешедших на службу царизма, олицетворялся феодально-колониальный гнет в Казахстане. Старшие султаны (ага-султаны) в Среднем жузе и султаны-правители в Младшем жузе фактически назначались правительством; так называемые выборы новых должностных лиц находились под неограниченным контролем русской администрации. Волостные и аульные

[1] Истор. архив КССР, ф. 345, оп. 1, д. 215, связ. 17. Из постановления Азиатского Комитета от 31 января 1824 г., посвященного преобразованию управления Меньшей Орды киргизов. Подписали З. Лицкий, Г. Нессельроде, Е. Канкрин.

[2] Из переписки хана Средней Киргизской орды Букея и его потомков. «Записная книжка Семипалатинской губернии» вып. IV, стр. 13.

старшины совершали вопиющие злоупотребления. Перешедшие на царскую службу казахские феодалы — старшие султаны, волостные правители, аульные старшины и дистаночные начальники — не только сохранили прежние формы феодального гнета над трудящимися, но и от имени властей собирали налоги (кибиточный сбор, ясак, ремонтный сбор, билетный сбор, деньги за кочевки и т. д.). Во время сбора этих денег казахские феодалы чинили всевозможные злоупотребления. Например, султан Сьюгалин во время сбора кибиточных денег вместо причитающихся 1 р. 50 к. брал у казахов по барану и быку. Султан-правитель восточной части Орды Оренбургского края Ахмет Джантюрин также был обвинен многочисленными казахскими родами в злоупотреблениях, во взяточничестве. На имя председателя Оренбургской Пограничной Комиссии казахами Аргынского и Кипчакского родов было подано прошение за подписями 315 человек.[1] Для расследования преступлений Ахмета Джантюрина была назначена комиссия, которая около года занималась расследованием, но в конце концов Ахмет Джантюрин был признан невиновным, а прошение казахов оставлено без последствий.

Не случайно поэтому народные массы питали исключительную ненависть к этим султанам, что не раз отмечали местные чиновники. Так, историк Оренбургского края С. Н. Севастьянов писал: «Несмотря на поддержку со стороны России, султаны-правители среди киргиз не имели выдающегося значения... Мятежные киргизы не только не уважали власть султанов, но даже просто убивали их, как это случилось, например, с султаном Джантюриным».[2]

По новому положению, как в Младшем, так Среднем жузах решительной ломке подверглась и прежняя система судопроизводства. Все дела об измене, убийстве, разбоях, барымте, захвате русских в плен, а также антиправительственные выступления, стали разбираться царским военным судом. За кражу и нападение на прилинейных жителей, за понесенный ими материальный ущерб, превышающий 20 рублей серебром, казахи судились гражданским уголовным судом Пограничной Комиссии с участием султанов-правителей. Таким образом, из суда биев были изъяты все важнейшие судебно-правовые вопросы. Отныне бии могли разбирать только второстепенные вопросы. «По искам ниже 20 рублей серебром казахи в Орде

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2939, л. 5, 1847.
[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 169, д. 1, рукопись С. Н. Севастьянова, «Об историческом прошлом Оренбургского края», лл. 11 — 12.

разбираются и судятся по народным своим обычаям, под наблюдением местного казахского начальства».[1]

В результате с разбором судебных дел казахов происходила невероятная путаница. Судебные дела накапливались сотнями и долго лежали без движения. Только лишь у султанов-правителей Арслана Джантюрина число неразобранных дел доходило до 2 — 3 тысяч, а у Баймухаммеда Айчувакова до 2 000. О хаотическом состоянии судебных дел в казахской степи статский советник Любимов, в 1845 году специально приезжавший в Оренбургский край, писал: «Султаны-правители, старшины мне говорили, что пока таким образом идет переписка по какому-нибудь делу, можно бы было, по их киргизским обычаям, решить 20 дел, и киргизы были бы несравненно довольнее. Вообще желание их — чтобы всякие дела в Орде (кроме, разумеется, важных уголовных дел) дозволено было решать им по своим обычаям (как это было прежде, до издания Положения), а не по установленному теперь порядку, который влечет за собою следствие, длинную переписку, проволочку дел и ставит, сверх того, самое киргизское начальство, по неимению средств и людей для письмоводства, как выше сказано, в самое затруднительное положение. Одних исходящих бумаг у султанов-правителей бывает от 1500 до 3000 — и это где же? — в степи, в Орде, где все, повидимому, должно бы итти, сообразуясь с бытом и потребностями киргизов».[2]

Введение царской судебной системы значительно изменило общественное положение родовой знати — биев. Авторитет, которым пользовались они в казахском обществе, был поколеблен.

О положении этих биев Красовский писал: «В настоящее время и бий уже начинает сортироваться по своей честности, стало быть и между ними киргизы успели уже найти людей, не отвечающих этому условию... Бии, жившие решением дел, стали получать меньший доход, а иногда никакого; иные остались прежними справедливыми советниками народа, другие, видя дурной пример вверху, свихнулись: таким образом, и в прекрасно устроенном некогда суде народном, взятка отыскала, наконец, себе местечко».[3]

---

[1] Истор. архив КССР ф. 4. «Оренбургская Пограничная Комиссия», д. 2798, лл. 3 — 5.

[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5750, лл. 2 — 12. Выписка из донесения действ. статского советника Любимова.

[3] *Красовский* — Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов. Часть III, 1858, СПБ, стр. 78 — 79.

Изменения в общественном положении биев отразились в народных пословицах: «У нового суда не ищи правосудия, у нового богача не бери взаймы», «Если в твоем народе два бия взяточники, — народ не спокоен, если в овчарне хорошая собака — волк не нападет на овец». «Холод любит плохой скот, а бий тяжущихся», и т. д.

Новая система управления степью и, особенно, «Устав о сибирских киргизах» настолько существенно изменяли веками установившиеся порядки в степи, что правительство, опасаясь сопротивления, не сразу решилось ввести новое управление. До основания окружных приказов среди казахов проводилась подготовительная работа. Казахов заверяли, что приказы (диваны) будут основаны для охраны от возможных нападений и что земля навечно останется в их пользовании. Действительно, первые сведения о готовящихся преобразованиях вызвали немалую тревогу и настороженность в казахских аулах. В этом отношении характерно ультимативное письмо пяти казахских родов Сиван-Найманской волости от сентября 1824 года, в котором они писали, что разрешат основание приказов в том случае, если будут приняты следующие требования:

«1) Чтобы земли, занятые летовками и зимовками, были по обмежеванию на вечные времена оставлены во владении упомянутых пяти подродов, с находящимися на этих землях местами с золотыми и серебряными и другими рудами с рыбными озерами и прочими выгодами.

2) С нас, детей наших и жен ясаку и рекрутов и прочих повинностей вечно не брать. Но если бы угодно было с нас брать подать, то легкую, например, с земли, которая нам отведена, на которой мы будем жить, из промышленности ежегодно платить с 25 кибиток по одной лисице.

3) Не открывать питейных домов, во избежание драки и убийств.

4) Не посылать войска, так как за неимением хлеба, солдат нечем было бы кормить.

5) Представить нашему магометанскому суждению все дела, случающиеся между нашим народом, кроме смертоубийства. В наши присутственные места никто бы не вмешивался, включая благородных особ, и подчинить только единому господину генерал-губернатору.

6) Из нашей волости в другую на службу людей не посылать, потому что должны волость свою сами охранять, да и для сего, если последует надобность, то на службу не брать людей с числа душ, а брать с числа кибиток.

7) «Чтобы было предоставлено право через 3 — 5 лет отправлять депутатов к государю».[1]

В этом документе изложены вопросы, затрагивавшие жизненные интересы казахов. Понятно, все эти требования были отклонены властями. Важно лишь подчеркнуть, что именно во имя этих требований казахи впоследствии отважно боролись, став под знамена Кенесары.

Подготовительная работа по открытию приказов затянулась до 1824 года. В этом году были открыты два приказа: Каркаралинский и Кокчетавский. В дальнейшем открытие приказов шло в такой последовательности: в 1831 году открыт Аягузский приказ, в 1832 — Акмолинский, в 1833 — Баян-Аульский и Уч-Булакский, в 1834 — Карагайский, в 1838 — Кокпектинский.

Подробные данные о количестве аулов и волостей, вошедших в состав этих приказов, дает следующая таблица, составленная П. Кеппеном:[2]

Название округов	Время открытия	Число			Число душ		
		волостей	аулов	юрт	муж.	женщ.	обоего пола
Каркаралинский	1824 8/IV	17	419	22861	64043	82612	146655
Кокчетавский	1824 29/V	10	144	6778	26187	30731	56918
Аягузский	1831 17/VI	13	2964	15067	31099	32277	63376
Акмолинский	1832, 22/VIII	15	118	6655	28749	38332	67081
Баян-Аульский	1833, 22/VIII	12	791	18132	28053	37404	65457
Уч-Булакский	1833, 22/VIII	11	300	15019	22426	29915	52341
Аман-Карагайский	1834, 30/VIII	33	188	11045	33971	39230	73201
		111	4924	97550	234528	290501	525029

Казахи, жившие в пределах округов, были ограничены в своих правах кочевать на прежних территориях. Кочевка разрешалась лишь в пределах своего округа и это путало прежние родовые поземельные отношения, привело к подрыву основ патриархально-родового быта, основанного на совместном кочевании родами.

---

[1] *Коншин* — Материалы для истории степного края, стр. 6 — 7, «Памятная книжка Семипалатинской области». Вып. IV, 1900.

[2] *Кеппен* — Девятая ревизия (исследование о числе жителей России), стр. 121. СПБ. 1857.

Известный казахский поэт Жираубатаев (1802 — 1874) следующим образом характеризовал окружные приказы:

Глянь — дуаны со всех сторон...
Сверх-султан ли иль сверх-судья,
Нет народу от них житья.[1]

В Младшем жузе новая крупная административная реформа была проведена в 1831 году, когда была введена так называемая «дистаночная система». Все кочевья, прилегающие к Пограничной Линии, от Гурьева до Звериноголовской крепости были разбиты на 32 участка — дистанции. Во главе дистанций стояли начальники из старшин и султанов, назначенные правительством. Они подчинялись султанам-правителям и управляли казахскими общинами через старшин, назначаемых из среды казахской знати. Эта реформа в пограничных районах уничтожила последние остатки независимости казахов.

Территориальное деление на дистанции проводилось без учета родовых кочевий, что приводило к большим осложнениям. Казахи, кочевавшие со своим родом, часто ускользали из поля зрения дистанционных начальников и переходили на территорию соседней дистанции. Поэтому в дальнейшем решено было отказаться от деления по территориальному признаку и прикреплять к дистанции роды, кочевавшие на ее территории. Введением дистанционной системы преследовалась цель не только лишить казахов политической независимости, но и установить постоянный военно-политический контроль.

Дистанционные начальники обязаны были докладывать султанам-правителям и Оренбургской Пограничной Комиссии о всякого рода недовольстве, которое могло возникнуть среди казахов. Кроме того, подчиненных казахов вверенной им дистанции они должны были «воспитывать в духе верноподданничества государю». Словом, дистанционные начальники выполняли роль надсмотрщиков и агентов русского правительства в степи.

В 1834 году у залива Кайдак, на восточном берегу Каспийского моря, было возведено укрепление Александровское. В 1840 году оно было перенесено на полуостров Мангышлак. Этим была создана опорная база для подчинения еще сохранивших свою независимость казахов рода Адай, кочевавших между Аральским и Каспийским морями.

Одновременно с ликвидацией политической самостоятельности казахов Младшего и Среднего жузов происходил пла-

[1] *Жираубатаев Д.* — Поэма.

номерный захват лучших земель и заселение их русскими казаками.

Так, в Среднем жузе под казачьи поселения была отчуждена богатая пастбищами, рыболовными угодиями и водой, десятиверстная полоса «вдоль Иртыша и Алтайского края». По подсчетам военного топографа Какулина, только в 1839 году русским казакам были отданы земли по Иртышу, от Усть-Каменогорска до Омска, площадью в 15 000 квадратных километров.

О положении лишившихся своих земель казахов один из очевидцев писал: «Бок о бок с казаками живут киргизы. Вся береговая линия на 10 верст от Иртыша отдана казакам, далее, углубляясь в степь, идут их владения, таким образом, киргизы часто бывают поставлены в положение Тантала: и близко к воде и воды пить нельзя и рыбы в ней ловить также».[1]

В 1811 году было решено приступить к постройке так называемой Новоилецкой Линии. Создание этой Линии было осуществлено несколько позже, в начале 20-х годов. В результате богатые водой и пастбищами земли между Илеком и Уралом были отняты у казахов Младшего жуза.

Старшина рода Табын Джоламан Тленчиев, не желавший примириться с потерей казахами территории между Илеком и Уралом, настойчиво требовал ее возвращения. На это председатель Оренбургской Пограничной Комиссии отвечал, что на этих землях построены дома, укрепления, где живут переселенцы, работающие на соляных разработках, и указал на бессмысленность требования возвращения земель.

В 1835 году начала создаваться «Новая» Линия. Она тянулась почти прямой линией между крепостями Орской и Троицкой. На этих пространствах кочевали Кипчакский и Джагалбайлинский роды. Накануне их выселения коллежский регистратор Андреев писал: «На земле, находящейся между старою и новою Линиями два рода киргизов, а именно Кипчакский и Джагалбайлинский, числом около 12 000 кибиток, пользуются лугами и имеют свои постоянные зимовки. Ныне по случаю назначения начальством этой земли для заселения казаками Оренбургского казачьего войска необходимо возрождается вопрос: куда поместить киргизов, находящихся в этом районе... Обозрев все пространства, лежащие между старою и новою Линиями, и посетив по возможности аулы, лежащие на моем пути, я усмотрел, что землю эту можно называть наилучшим участком всей киргизской степи, на коем уже с

[1] *Костюрин Вл.* — По западной Сибири, Омск — Семипалатинск. «Новое Время», 1832. № 2291.

давнего времени вышеупомянутые киргизы имели свое пребывание, как на удобнейшем для своих зимовок и тебеневки. Они не верят, чтобы начальство, отняв у них эту землю, не назначило им другую, равно удобную».[1]

Все земли, расположенные к западу от этой Линии, более 10 000 кв. километров, изымались из пользования казахов. Казахские аулы подлежали выселению из этого района. Правда, было немыслимо сразу выселить все аулы. Все же множество казахских общин лишилось богатых земель.

Дальнейшие земельные захваты и колонизация Казахстана лишили казахов лучших земель и пастбищ. «Царизм, — писал товарищ Сталин, — намеренно заселял лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить туземцев в худшие районы и усилить национальную рознь».[2]

Таким образом, земельные захваты, основание приказов, постройка Новой и Илецкой Линии затронули жизненные интересы казахских масс, которые не могли добровольно расстаться со своими кочевьями и лишиться былой независимости. Для казахов земельный вопрос был решающим вопросом, ибо без хороших земель, богатых пастбищами и водоемами, нельзя вести животноводческое хозяйство. «У пастушеских народов, — говорит Маркс, — собственность на естественные продукты земли — на овец например — это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются».[3]

Как отразились на положении казахов земельные захваты царизма?

В силу потери лучших земель и пастбищ кочевое животноводческое хозяйство не могло вестись в прежнем объеме. Отобрание зимовых стойбищ (кстау) и летовок (джайляу) серьезно нарушало процесс общественного воспроизводства.

Объективную оценку положения того времени дает директор Азиатского Департамента К. К. Родофиникин, специально приезжавший в Оренбургский край для ознакомления с состоянием казахской степи. Вот что он писал: «Теперь киргизы терпят, во-первых: от неумеренных плат, требуемых с них казаками за перепуск скота в зимнее время на внутреннюю

---

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5661, лл. 13 — 15. «Записки состоящего при особе его превосходительства для особых поручений коллежского регистратора Андреева».

[2] *Сталин И. В.* — Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 61, М., 1937.

[3] *Маркс К.* — Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 24, М., 1940.

сторону для тебеневки, — и затем от различных неправильных притязаний линейных жителей на места, лежащие за Линиею. Но, кроме сего, им делаются разные притеснения в отношении к зимовкам, к добыванию соли из озер, в степи лежащих... Подобные стеснения встречают киргизы и в отношении к зимовкам близ Линии. Известно, что внутри степей мало имеется приютов для скота в зимнее время. Те из киргизских родов, которые там кочуют, вынуждены бывают на зиму удаляться иногда на Сыр-Дарью и в другие отдаленные части Орды. Тем более важны для ордынцев, постоянно кочующих близ нашей Линии, места по прилинейным рекам, где еще сохранился кой-где уже редкий в степи лес и камыш, доставляющий им приют от свирепствующих в зимнее время буранов, топливо от холода и пищу для скота».[1]

В отдельных округах казахи в лишении их зимовых стойбищ и летних кочевок обвиняли старших султанов. В частности, старший султан Каркаралинского округа Чама Аблайханов писал начальнику Омской области: «Я же с моей стороны всегда готов служить России, но подведомственные мои киргизцы, от большого до малого упрекают меня тем, что де российское начальство не имеет к нам никакого внимания... Сейчас кружат мою голову и укоряют тем, что де ты будто бы просил насчет наших летних и зимних кочевок. На оных ныне как то при Эдресе и прочих горах русские чинят поставку сена и поставлен караул, куда мы для зимовок остановиться не осмеливаемся. Потому, что де нашим скотом будет делаться сену и потрава, от чего выйдет с ними тяжба... а потому я не нахожу, что им отвечать».[2]

К сенокошению и порубке леса в прилинейных степях казахи не допускались. Казах западной части Оренбургского ведомства из Бершева рода Чулы Джулбарысов был сурово наказан царскими властями за порубку леса в дачах Зеленовского форпоста.

Такие запрещения были особенно губительными в вьюжные зимы, когда скот не мог тебеневать. У многих казахов, не имеющих запасов корма, часто погибали сотни и тысячи голов скота, а прилинейные казаки предпочитали сгноить сено, чем продать его по умеренной цене казахам. Статский советник Каминский, побывавший в Оренбургском крае, писал: «Я во время командировки на Уральской Линии лично видел в крепо-

---

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5496, лл. 3 — 14. Выписка из донесения действ. статского советника Родофиникина. К. К.

[2] Истор. архив КССР, ф. 345, оп. 1, д. 70, связ. 5. Письмо султана Чамы Аблайханова к начальнику Омской области.

стях Калмыковой, Сахарной и разных форпостах уносимое разлитием Урала казачье сено, бывшее в стогах и скирдах прежних лет, совершенно сгнившее. Но казаки не хотят по умеренной цене продать их киргизам».[1]

Казахи, лишенные зимовых стойбищ, вынуждены были по дорогой цене покупать сено у станичных казаков. Насколько это было разорительным для них, видно из слов Оренбургского военного губернатора Перовского: «Киргизы претерпевают крайний недостаток, вынуждаясь для прокормления своего скота покупать высокими ценами у казаков сено, накошенное на землях, предоставленных под кочевание киргизов Зауральской орды, — так в минувшую зиму киргизы за это сено платили казакам 70 — 80 рублей за стог в 5 или 6 возов. Между тем, как за право кочевать при Линии и пользоваться прилинейной землею вносят они установленную правительством подать».[2]

Следует отметить, что колонизация казахских степей происходила в обстановке вопиющих злоупотреблений местных пограничных властей и казачьих войск. Зачастую из корыстных соображений местными властями нарушались и извращались указания центральных органов. Так, по указанию Азиатского Департамента казахам разрешалось кочевать на близлежащих к пограничному району территориях (с внешней стороны) и пользоваться рыбной ловлей на р. Урале. А между тем Уральская войсковая канцелярия считала всю эту территорию своей и не допускала к ней казахов. Действительный статский советник Родофиникин в своем циркулярном указании оренбургским властям писал: «Правительство никогда не предоставляло казакам залинейных земель в собственность, и все их доводы для оправдания своих поступков против киргизов не имеют никакого основания: ни в одном из постановлений, до ордынцев относящихся, правительство не отвергало права их (киргизов) беспрепятственно пользоваться местами при самой Линии с внешней ее стороны».[3]

Аналогичное положение существовало на Сибирской пограничной Линии. Сибирские власти сознательно натравливали пограничных жителей на местных казахов. Под предлогом нарушения пограничной Линии с казахов взыскивали непомерные

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2833, л. 23 — 23 об. Из «Записок статского советника Каминского», 1845.

[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6. д. 4934, л. 3 — 36. 1839. Из отношения Перовского наказному атаману Уральского казачьего войска полковнику Кожевнику.

[3] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5496, лл. 3 — 14.

штрафы, не возвращали случайно переходивший границу скот и т. д. Тот же Родофиникин отмечал, каким притеснениям подвергаются казахи со стороны сибирских властей. Он писал: «Непрочность так называемой Симовой черты, проведенной около границ Сибири, служит также поводом к частным стеснениям киргизов со стороны казаков, которые малейшее найденное ими на разъездах естественное обрушение искусственной пограничной черты (происходящее от собственного их небрежения) считают признаками прорывов на внутреннюю сторону, дабы иметь повод взыскивать за сие с киргизов и притеснять их».[1]

О произволе местных пограничных властей и о варварском отношении к перешедшим в русское подданство казахам один из очевидцев с ужасом писал: «Пограничные Омской области Средней и Малой Орды киргиз-кайсаки, желавшие снискать покровительство России, соделаться данниками оной, преданы теперь генерал-губернатором всей неистовой воле пограничных команд казачьих, кои, за малейшие частные ссоры их гоняют сквозь строй, пленят и ругаются над их женами и как будто нарочно употребляют все усилия сей многолюдный народ отвратить от России».[2]

Итак, колониальные захваты царизма лишили казахов лучших земель. Переход многочисленных летних кочевий и зимних стойбищ казахов в ведение царских властей нарушил веками сложившуюся форму кочевок. Эти захваты были тем более тяжелы для широких масс казахов, что в связи с общим углублением процесса феодализации, они происходили в условиях узурпации общинных земель собственной знатью.

Следовательно, борьба казахов за землю, впоследствии вылившаяся в народную борьбу, имела глубокие корни во всей системе социально-экономических изменений, происшедших в положении народных масс.

Земельные захваты сопровождались в первой половине XIX в. введением налогового обложения казахов.

В 1837 году царское правительство ввело в Младшем жузе постоянную подать — так называемый кибиточный сбор, который должны были уплачивать все казахи, — по 1 р. 50 к. с кибитки. Сбор этой подати производился дистанционными начальниками и начальниками аулов, а затем собранные деньги передавались через султанов-правителей в Погранич-

---

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5496, лл. 3 — 14.

[2] ЦВИА, д. 891, л. 2 — 4. «Сведения о Западной Сибири, управляемой генералом Капцевичем, почерпнутые от прибывшего оттуда в то время очевидца», 2 июня 1826 года.

ную Комиссию. За правильное поступление кибиточного сбора персонально отвечали султаны-правители. На почве его взимания вырастали взяточничество и другие злоупотребления.

Взамен кибиточных денег власти часто брали с населения натурой — баранами, пшеницей, просом, ячменем и др. Для уплаты кибиточного сбора иной раз приходилось отдавать по 6 — 8 пудов пшеницы с кибитки, так как в то время пуд муки на ярмарке стоил 20 — 30 копеек.

С казахов Чумекеевского, Торт-Каринского родов дистанционный начальник Асфендияр Сюгалин под видом кибиточного сбора брал рогатый скот. Казахи пяти родов, во главе с батыром Джанхожа Нурмухаммедовым, в своих письмах Оренбургскому губернатору требовали немедленного снятия и привлечения к суду этого дистанционного начальника. Впоследствии он был отстранен от сбора кибиточных денег. Все это далеко не единичные случаи.

Взимание кибиточного сбора натурой особенно тяжело отразилось на положении казахской бедноты. В одном из донесений председатель Оренбургской Пограничной Комиссии писал: «С казахов Восточной и Западной части Орды производится кибиточный сбор, вместо денег 1 р. 50 к. серебром по одному барану с кибитки; бараны эти за неимением у казахов наличных денег берутся самые лучшие».[1]

В одной поэме о тягости кибиточных поборов сказано:

Платит бай чиновникам дань,
Но не больше, чем голь и рвань.
Для уплаты подворной мзды
Губит бедный свои труды
И хиреет сам от нужды.

На почве взимания кибиточного сбора натурой развивалась спекуляция. Сборщики, султаны-правители, дистанционные начальники продавали собранный в счет налога скот, хлеб и т. п., а в казну уплачивали сбор деньгами. Разница между вырученной от продажи суммой и величиной кибиточного сбора оставалась в их пользу.

По далеко неполным подсчетам Оренбургской Пограничной Комиссии, с 1837 по 1846 год только в Тургайской области было собрано кибиточного сбора на сумму 572 344 рубля серебром. В одном из донесений Пограничной Комиссии сказано: «Во время кибиточного сбора стало ясно, что большинство из

[1] Гос. истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2832, лл. 42 — 43.

казахских бедняков не в состоянии платить кибиточный сбор»[1].

Следующая таблица[2] показывает, как постепенно росло число казахского населения, платившего этот налог:

1837 год	23 259 р. 67 к.	25 тыс. кибиток.
1838 „	17 044 р. 44 к.	12 „
1839 „	19 773 р. 85 к.	13 „
1840 „	14 945 р. 42 к.	10 „
1841 „	57 520 р. 01 к.	33 „
1842 „	72 500 р. 16 к.	48 „
1843 „	90 825 р. 52 к.	60 „
1844 „	87 873 р. 03 к.	59 „

Правительством был специально командирован в Оренбургский край статский советник Любимов для выяснения причин недовольства казахов кибиточным сбором. После обстоятельного знакомства с положением казахов Оренбургского края он писал: «Теперь беднейшие из киргизов платят кибиточные деньги наравне с самыми богатыми. Налог этот для первого в высшей степени тягостен, а для второго нечувствителен; бедные киргизы иногда находятся в необходимости продавать последнее свое имущество, чтобы заплатить требуемую подать.»[3]

В Среднем жузе казахи, кочевавшие на прилинейных территориях, платили ремонтный сбор по одной голове с каждых 100 голов скота, а затем этот сбор распространился на отдаленные аулы казахов. Кроме того, они платили постоянный налог — ясак.

12 апреля 1820 года был утвержден сбор с казахов, нанимавшихся в работники к жителям Оренбургской пограничной Линии. Сбор этот равнялся 50 коп. в месяц с каждого нанимавшегося байгуша. Для правительства было очень выгодным источником пополнения казны, в то же время все станичные чиновники обеспечивались дешевыми рабочими руками. Широко использовался труд байгушей также на рыболовных промыслах в Каспийском море, на соляных и лесных разработках.

С. Севрюгин приводит в своем дневнике слова одного рыбопромышленника, который ярко характеризует положение казахов, работавших на рыболовных промыслах. Вот что говорил рыбопромышленник: «Нанимать казаков в работники нам нельзя, невыгодно, потому что казаку всякий раз доводится переда-

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2810, лл. 45 — 47.
[2] Там же.
[3] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5750, лл. 2 — 12.

вать лишнюю плату в сравнении с даваемой киргизу платою, около 3 — 4 руб. в каждую путину; кроме этого, казака-работника кормить надобно таким же куском хлеба, как едим мы сами, а киргизы-то съедят у нас только по одной ржаной лепешке с рыбьим жиром».[1]

Впоследствии байгуши были активными участниками восстания на рыболовных промыслах, в частности Мангышлакского восстания 1870 года. Они участвовали и в восстании Кенесары Касымова.

Количество денег, собираемых за выдачу билетов, с каждым годом росло. Об этом свидетельствует следующая таблица:[2]

В 1820 году	11924 р. 00 к.
„ 1825 „	22892 р. 30 к.
„ 1830 „	27228 р. 26 к.
„ 1835 „	45116 р. 64 к.
„ 1836 „	48104 р. 42 к.
„ 1837 „	45951 р. 55 к.

Здесь взяты для сравнения только некоторые годы, которые показывают рост сумм, выплачиваемых байгушами за разрешение наниматься в работники. Всего же сбор за выданные билеты с 1820 по 1837 год составил 537 032 р. 94 к. О доходности этого мероприятия можно судить и по тому, что 7-го мая 1838 года председатель Оренбургской Пограничной Комиссии Ладыженский дал специальное указание всячески поощрять байгушей наниматься в работники и выдавать им билеты «всегда безостановочно по первому требованию».[3]

В Среднем жузе в прилинейных районах было много бедных казахов — джатаков. Они круглый год оставались на зимовке и нанимались к станичным казакам. Они заготовляли для них на зиму дрова, обрабатывали пашню и огороды, косили луга, пасли скот, работали на рыболовных промыслах. За все это джатаки получали ничтожную плату, не больше 3 руб. серебром в месяц.[4]

Особые сборы были установлены за отдачу в оброчное

---

[1] *Севрюгин С.* — Киргизы — работники на морских рыболовствах, «Туркестанский Сборник», т. 25 (рукоп. хранится в Ташкентской Гос. публ. библ. им. Алишера Навои).

[2] Истор. архив КССР, ф. 4. Оренбургская Пограничная Комиссия, д. 3338, лл. 251 — 251 об.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, дело Оренбургской Пограничной Комиссии, д. 2900, лл. 229 — 230.

[4] *Красовский* — Область сибирских киргизов, ч. I, стр. 403. Материалы для географии и статистики России, СПБ. 1868.

содержание земель, соляных копей, рыболовства в Каспийском море, в Урале, а впоследствии в Сыр-Дарье, Иргизе, Тургае, Тоболе и Аральском море. Монополизировав лесные богатства, речные водоемы и недра, власти сделали их средством жесточайшей эксплоатации местного казахского населения.

В 1837 году, по распоряжению председателя Оренбургской Пограничной Комиссии, был введен денежный сбор за кочевание казахов на прилинейных землях. Сбор производился по числу скота — с лошадей по 9 коп., с рогатого скота по 6 коп., с овцы, козы и барана — по 3 коп.

Только за три года, с 1837 по 1839 год, сбор за кочевание составил 60 078 руб.[1] Но, когда казахи оставались здесь зимовать или переходили в глубь прилинейных земель, власти брали от них письменное обязательство и одного казаха-аманата — в залог по своему выбору, до их возвращения. Казахи обязывались вести себя спокойно, не причинять никому никакого вреда, не производить порубки леса и потрав. Так как все письменные обязательства казахов носят стандартный характер, приведем для иллюстрации выдержку из обязательства Джагалбайлинского рода, Бузбецкого отделения: «Сено казенное и принадлежащее жителям крепости Макитной отнюдь своим скотом не травить и не красть, а буде случится потрава, то обязуемся обиженного удовлетворить. По реке Уралу растущий лес не рубить. И во всем том даем в залог впредь до откочевки избранного из среды атамана — казака Бузбецкого отделения Баляснена Адырова».[2]

Губительную роль в разорении казахских аулов сыграли и так называемые «воинские поиски». «Воинскими поисками» назывались карательные экспедиции, снаряжаемые в степь, якобы, в поисках злоумышленников. Карательные отряды громили аулы, угоняли скот, отбирали имущество. Карательным отрядам активно помогали султаны-правители. В 1830 году только из одной Байборинской волости каратели насильственно угнали 12 тысяч баранов, 2 тысячи лошадей, 1500 коров и 700 верблюдов.

Не выдерживая тяжелых поборов, казахская беднота часто вынуждена была продавать своих детей в рабство. Законом 1809 года покупка казахских детей была разрешена и не дворянам. В начале XIX в. в Гурьеве за один месяц было продано

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, дело Оренбургской Пограничной Комиссии, д. 3002, лл. 29 — 30, «Ведомость о приходе и расходе сумм Пограничной Комиссии».

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, д. 1449, оп. 1, л. 3.

100 казахских детей по цене от 4 до 5 кулей ржаной муки за мальчика и от 3 до 4 кулей за девочку.[1]

Царское правительство стремилось подготовить необходимые ему кадры для управления Казахстаном из самих казахов. При некоторых султанах-правителях существовали школы с 3-х годичным обучением. Они выпускали письмоводителей при родоправителях, дистаночных и местных начальниках. Преподавание сводилось к чтению и письму на русском и татарском языках, толкованию основ корана и к началам арифметики. Часть детей после окончания определялась на курсы при Оренбургской Пограничной Комиссии.

Особо проверенных и успешно закончивших курсы допускали в Неплюевское училище в Оренбурге. Большинством учащихся в нем были дети султанских родов. Здесь, например, обучался сын султана-правителя Ахмета Джантюрина Сейтенхан, его брат Махмуд и племянник Омар, братья султана Сейдалина — Альмагамбет и Тляу, султан Хамза Каржасов и другие.

Колониальная политика царского правительства не приостановила дальнейшего усиления процесса феодализации казахского общества, но эта политика приводила к сращиванию верхушки казахского общества с колониальным аппаратом, к углублению уродливых форм колониально-феодальной системы эксплоатации.

На казахские народные массы давил двойной пресс угнетения: и собственной знати, и колониальных властей. Недаром один из поэтов того времени, характеризуя эту эпоху, такими словами рисует горестные размышления народа:

Как дождаться лучших времен?
Смехом будет ли плач сменен?
Гнет сулит генеральский взор.
Втихомолку давит майор.

Бедным горло сжал произвол,
От чего не вылечит врач.
С виду князь — мулла-богомол.
Образ бия принял толмач.

Стал дуан утехой врачка.
Пасть узилища широка:
Как могила, к тебе близка.

---

[1] *Левшин А.* — Описание киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III, стр. 90, СПБ, 1832.

А стяжателям — благодать:
Стад у баев за день не счесть.
Все равно им — взятку ль содрать,
Иль копченого мяса поесть.

Наше освещение взаимоотношений казахов к России было бы неполным и неверным, если бы мы ограничились лишь изучением колониальной политики царского правительства в отношении Казахстана. К сожалению, именно этим недостатком страдает историография интересующего нас вопроса. Это не могло не привести к грубым извращениям в понимании исторического процесса.

Казахские националисты, например, в своих «исследованиях» по истории Казахстана[1] рассматривали борьбу казахского народа с царизмом изолированно от борьбы русского крестьянства в Оренбургском и Сибирском крае. Отношения казахов с русскими они пытались представить, как взаимоотношения народа-угнетателя с народом угнетенным. Понятно, что такая постановка вопроса ничего общего не имеет с марксистско-ленинской концепцией. Известно, что в рассматриваемый период внутри казахского общества происходила социальная и классовая дифференциация. То же самое надо сказать и о русских крестьянах, переселенных в Сибирь и Оренбургский край, испытавших тяжелый гнет помещиков и чиновников. Внутри оренбургского и уральского казачества также происходила социальная дифференциация. Казачья беднота жестоко эксплоатировалась зажиточными казаками и комендантами крепостей. Общность исторических судеб русских крестьян и казахского трудящегося народа в одинаковой мере испытавших гнет помещиков, чиновников и султанов, как увидим ниже, во многом определила их взаимоотношения в дальнейшей борьбе против своих угнетателей.

История русских переселенцев связана с активной колониальной экспансией царизма в Сибири и в Оренбургском крае. Заселение Сибири началось с конца XVI века при царе Федоре Иоанновиче и Борисе Годунове. Переселение русских крестьян, прежде всего, вызывалось необходимостью освоения вновь завоеванных территорий.

Значительную группу переселенцев составляли крестьяне-земледельцы или «пашенные люди». Эти крестьяне насильно были переселены в Сибирь по особому указу царского правительства. «Пашенные люди» были переведены из Вятской, Вологодской, Архангельской и Пермской земель.

---

[1] *Асфандияров С.* — Очерки по истории Казахстана. Алма-Ата, 1935.

«Пашенные люди» работали на государственной земле, т. е. пахали «государеву пашню». Кроме того они несли многочисленные повинности, известные под названием «государевых изделий». В понятие «государевых изделий» входили постройка казенных зданий, рубка и доставка леса для сооружений, постройка судов, сплав казенного леса, починка и содержание дорог, поставка подвод и т. д.

Кроме этого, переселению способствовали крестьянские восстания, предшествовавшие воцарению Дома Романовых, раскольничество и, наконец, строгие указные статьи, изданные в 1685 году о старообрядцах. В эпоху царствования Петра I переселялось много крестьян, не довольных рекрутскими наборами. В XVIII в. значительная часть населения Сибири принадлежала к приписанным к государственным горным заводам заводским крестьянам.

По данным Гагемейстера,[1] в царствование Елизаветы и Екатерины II к Алтайским заводам были приписаны 12 тысяч душ крестьян. В 1760 году по указам Екатерины II предполагалось переселить в Сибирь десятки тысяч крестьян с женами и детьми, с зачислением их в рекрутские наборы.

В XIX в. в Сибири насаждаются кулацкие элементы «из русских крестьян и казахов», составлявшие «надежную опору великодержавных стремлений».[2]

Об этих сибирских кулаках Красовский писал: «Богатый крестьянин есть самый низший и самый многочисленный род хищников-эксплоататоров в Сибири, как богатый мужик. Эти люди составляют почти особое сословие в стране: есть целые деревни, домов в 40, состоящие исключительно из богатых мужиков».[3]

Правда, в Сибири не складывалось крупное помещичье землевладение и, следовательно, не было и крепостного права. Тем не менее, народные массы Сибири испытывали на себе тяжелый гнет не только своих кулаков, но высшего чиновничества — губернаторов и окружных начальников.

Заселение Оренбургского края началось гораздо позже, чем Сибири. Это объясняется тем, что завоевание казахских степей фактически началось лишь с конца XVIII в.

Экономическое положение переселяемых из центральных областей в Сибирь и Оренбургский край крестьян было исключительно тяжелым. О положении казенных крестьян,

[1] *Гагемейстер* — Статистическое обозрение Сибири, ч. II, СПБ, 1854, стр. 52.

[2] *Сталин И. В.* — Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 71, 1937.

[3] *Красовский* — Описание киргизской степи, ч. II, с. 244, СПБ, 1865.

переселенных в Сибирь, один из очевидцев писал: «Поселенные на болотистых бесплодных местах около озер до 48 тыс. душ казенных крестьян только и могли питаться и платить подать рыбным промыслом, высочайше издавна им дарованным, — ныне генералом Капцевичем оный у них отнят и сии 48 тыс. душ повержены в совершенную нищету и отчаяние».[1]

Царская администрация совершала вопиющие злоупотребления. Беззастенчивое ограбление населения, взяточничество, казнокрадство были излюбленным методом эксплоатации народов Сибири, в том числе и русских поселенцев. Один из сибирских старожилов, С. С. Щукин, в своих воспоминаниях рассказывает: «Когда Сперанский, ехавший по Сибири в качестве генерал-губернатора в 1819 году, изумлялся неслыханным злоупотреблением разных лиц, он отрешил первого исправника Зинова, на которого вся жалоба состояла в удержании 50 рублей, следовавших крестьянам за постройку моста; но чем ехал далее, тем жалобы возрастали. Сказывали, что по приезде в Томск он приказал написать отрешенному исправнику Зинову, чтобы он, как честнейший из исправников, приехал в Иркутск, где получил новое назначение».[2]

Возмущаясь злоупотреблением местных властей, Сперанский с огорчением писал графу Кочубею: «Как я могу управлять без моральной власти?... Скажут — закопали, как будто существуют законы в Сибири, всегда управляемой самовластием, и как будто законы могут исполнять без исполнителей».[3]

Как указывает историк Ядринцев,[4] по распоряжению Сперанского за грабежи и взяточничество были преданы суду два губернатора, 48 чиновников, а всего замешанных в преступлениях было 681 человек. Кроме того, с виновных в должностных преступлениях, прежде всего, — взятках, были взысканы деньги на сумму 22 847 000 рублей.

Не лучше было положение крестьян в Оренбургском крае. Значительное количество крестьян здесь составляли крепостные помещичьи и заводские крестьяне.

О степени зависимости крестьян от своих помещиков говорят следующие данные:[5]

Помещиков, владевших от 10 до 100 душ крепостных, было

---

[1] ЦВИА, д. 891, лл. 2 — 4. Сведения о Западной Сибири, управляемой генералом Капцевичем, почерпнутые от прибывшего оттуда в то время очевидца.

[2] *Ядринцев Н.* — Сибирь как колония. СПБ, 1882, стр. 502.

[3] Там же, стр. 504.

[4] Там же, стр. 328.

[5] *Рязанов А.* — Оренбургский край (Исторический обзор). Оренбург, 1928, стр. 120.

1 216 человек; от 100 до 200 душ — 111; от 200 до 500 — 74; свыше 500 — 27; свыше 1 000 — 12; свыше 2 000 — 6; свыше 5 000 — 1 помещик.

Крепостные крестьяне обязаны были нести не только все виды натуральных повинностей, но и работать 3 дня на барском поле. Не лучше обстояло дело у заводских крестьян. Они разделялись на частновладельческих и казенных крестьян. Крестьяне, работавшие на частных заводах, получали зарплату, составлявшую мизерную сумму.

Жизнь казенных заводских крестьян строго регламентировалась. Они состояли в ведении горного начальства, на правах близких к военнообязанным.

Таково было положение сибирских и оренбургских крестьян. Экономически оно почти не отличалось от крепостных центральной России.

Среди уральских и оренбургских казачьих войск также шло классовое расслоение. По своему социальному составу казачество было неоднородным. Следует учесть, что Оренбургское казачье войско отличалось от уральских казаков. Оно было сформировано правительством в административном порядке, как оплот царской колонизации в Оренбургском крае. Уральское (Яицкое) войско начало формироваться еще в XVII в. из вольных казачьих общин, состоявших из беглых крестьян и холопов, которые по своему экономическому положению ближе стояли к крепостным. Уральские казаки, привыкшие к самоуправлению, долго не могли расстаться со своей казачьей вольностью.

Среди уральских казаков было ярко выражено социальное неравенство. Казачья беднота — «войсковая партия» жестоко эксплоатировалась зажиточной верхушкой казачества — «казацкой старшиной». В то время, как старшинная группировка верно служила правительству, являясь его надежной опорой, казацкая масса представляла собой пороховой погреб, готовый взорваться в любой момент. Ликвидация казачьих вольностей уральского войска в XVII веке лишь придавила, но не устранила существовавшее среди казацкой бедноты глубокое недовольство.

Естественно, что царские власти с опаской смотрели на казачье население Оренбургского края. В памяти оренбургских властей еще свежо было воспоминание об участии яицких и исетских казаков в Пугачевском восстании 1773 — 1775 гг.

О тяжелом положении казачьих военных поселений войсковой атаман Логутов писал Оренбургскому военному губернатору Неплюеву: «Крепостные коменданты чрезвычайно злоупотребляют своей военной властью в отношении линейного

казачества. Они стали назначать казачье население, как крепостных крестьян, на казенные работы: для рытья крепостных рвов, сооружения вала, на подвозку леса и др. работы».[1]

Не легко жилось и рядовому составу Оренбургского войска. Его бытописатель Бухарин рассказывает: «Драма разыгрывается на Линии, становясь все ужасней. Начальство (солдатское), вследствие приказания свыше, поступало с ними (казаками) не только по службе, но и в их домашнем быту как со ссыльно-каторжными. Разделив их на десятки, приставляли пришлого солдата — капрала смотреть за каждыми 6 — 7 домами. Ни квашни замесить, ни арбуза снять самовольно не смей! Бабы были в полном подчинении у капралов... Порки были за всякую малость по жалобе капрала... Я — комендант и бог, хочу казню, хочу милую! И милость коменданта покупалась разного рода живностью: гусями, утками, отсюда частые побеги нижних чинов и суд над ними».[2]

Коменданты крепостей были полновластными хозяевами. Они совершали над жителями суд, заставляли их работать над сооружением валов и других укреплений. Например, комендант Губерлинской крепости майор Бутлер приказом по крепости от 25 августа 1817 года учредил из казаков внутреннюю полицию, которая контролировала внутреннюю жизнь казачьих военных поселений. Оренбургское казачество, подвергнутое гнету своих местных начальников и «градских» комендантов, глухо волновалось. Один из очевидцев, казачий писатель Иосаф Игнатьевич Железнов с возмущением писал: «Вы хотите, чтобы казак был смирен, как овца и силен, как лев — эти два качества несовместимы, — стало быть ваше хотенио остается хотением. Вот именно этих-то несовместимых качеств и добивались от оренбургских казаков высшее и местное начальство».[3]

Трудно жилось и солдатам в условиях николаевского режима. О тяжелых условиях их жизни свидетельствует солдатская песня Оренбургского края того времени:

Жизнь в военном поселенье —
Настоящее мученье,
Только не для всех!

---

[1] *Рязанов А.* — На стыке борьбы за степь, 1835 — 1845. Напеч. в Трудах Оренбург. отд. Гос. Геогр. Об-ва, вып. I (XXVI). Оренбург, стр. 38.

[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 169, д. 1, 36, рукоп. Севастьянова С. Н. «О комендантском режиме и истории развития Оренбургского казачества».

[3] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 169, д. 136. Рукоп. Севастьянова С. Н. «О комендантском режиме и истории развития Оренбургского казачества».

Поселяне голодают,
Зато власти поживают
Очень хорошо!
Для полков здесь — заточенье,
Голод, холод, изнуренье —
Хуже, чем в Крыму.
Здесь ячмень дают уланам,
А рожь прячут по карманам —
Так заведено.

В ряд по струнке, как солдаты,
Поселянские здесь хаты,
Все по чертежам.
Чисто прибрано снаружи,
А внутри... едва ли хуже
Можно отыскать:

Комитеты, магазины,
Образцовые овины —
Только на показ.
Окружные, областные,
Все мошенники такие,
Каких не найдешь.
Казначеи, авдиторы
И квартмейстеры — все воры.[1]

Бывали случаи, что солдаты и жители казачьих поселений бежали от тяжелого гнета местных властей в отдаленные казахские степи. Так, например, один из солдат Звериноголовского батальона с 1817 г. по 1825 год совершил 6 побегов. За шестой побег он был наказан кнутом перед строем полка и сослан на каторгу. Другой рядовой солдат Иван Шелковников совершил 8 побегов, за что был повешен. Бегство солдат и крестьян особенно участилось во время крупных восстаний казахов, вспыхнувших в 30 — 40 годах XIX в. Эти побеги были одной из форм стихийного протеста против невыносимых условий жизни и гнета местного начальства.

Крестьяне-переселенцы Оренбургского края на протяжении первой половины XIX в. не раз поднимались на открытую борьбу против феодально-крепостнического гнета. Последние крупные восстания крестьян Оренбургского края совпали с

[1] Песня записана в 30-х годах XIX в., от солдат Оренбургского батальона в г. Троицке. Песня широко распространена среди солдат воинских поселений («Русская Старина», 1872, ноябрь, стр. 691 — 693).

национально-освободительным движением казахов под руководством Кенесары.

По поводу восстания крестьян Оренбургского края, полковник Авдеев писал: «В то же время, когда Кенесары волновал киргизскую степь, заставляя опасаться и за Линии, в самом крае возникли беспорядки. Поводом к ним было обращение по Положению 12 декабря 1840 года в казачье сословие некоторых волостей Челябинского и Троицкого уездов».[1]

Согласно Положению об Оренбургском казачьем войске, изданному 12 декабря 1840 года, весь Ново-Линейный район входил в состав этого войска, а население его обращалось в казаков. Внутренние казачьи кантоны также подлежали упразднению, с переселением населения на Новую Линию. Такому же переселению подлежала и часть государственных крестьян Верхне-Уральского, Троицкого, Челябинского уездов с зачислением их в состав Оренбургского казачьего войска. Не зная настроений местных крестьян, гражданский губернатор Талызин донес Оренбургскому военному губернатору Перовскому об «единодушном желании крестьян поступить в казачье сословье», о чем Перовский, в свою очередь, поспешил донести Николаю I. Между тем, выяснилось, что никто из крестьян добровольно не хочет поступить в казачество и расстаться со своей насиженной землей.

Первое же известие о переселении казаков и крестьян в Ново-Линейный район была встречена населением с большим недовольством. Казаки отказывались переселяться на Новую Линию, доказывали свои права, ссылаясь на указы Петра I, который, якобы, обещал им вольность и самоуправление. Не считаясь с этим, правительство с помощью воинских отрядов переселило на Новую Линию 2 877 казачьих семейств. По рассказам старожилов, во время переселения некоторым семьям не позволялось даже «вынуть из печки калачи». «Собрали, — рассказывает один из современников, — всех казаков в Кантонной Канцелярии (в доме Чекалина), прочитали приказ, дали сроку три дня, чтобы собраться, и на третий день чуть свет, так что бабы не успели калачей вынуть из печей, — погнали голубчиков из города».[2]

Государственные крестьяне Кундровинской, Верхне- и Нижне-Увельской волостей Троицкого уезда в числе 8 750 душ, категорически отказавшись переселяться на Новую Линию и вступить в военное сословие, подняли восстание. Боясь распространения восстания на другие волости, Оренбургский

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 96, д. 133, рукоп. полковника Авдеева «Об Оренбургском казачьем войске», лл. 256 — 257.

[2] *Юдин П.* — Граф В. А. Перовский в Оренбургском крае, «Русская Старина», июнь, 1896, стр. 533.

военный губернатор Перовский вошел с ходатайством перед Департаментом военных поселений о разрешении выселить из пределов Оренбургского войска всех крестьян, не желавших зачислиться в казаки.

Вскоре крестьянские восстания из Троицкого и Челябинского уездов перекинулись в другие районы Оренбургского войска — в Павловскую, Городищенскую и Донецкую станицы, где крестьяне решительно отказались вступить в казачье сословие. Даже карательный отряд под командой полковника Тимлера, посланный для усмирения повстанцев, не мог ничего поделать. Один из руководителей восстания — Иван Воронин — призывал крестьян не подчиняться приказам чиновников и не уходить из насиженных мест. Он внушал своим односельчанам: «Если бы на зачисление крестьян в казаки была царева воля, то был бы прочитан указ с барабанным боем, а указ был прочитан без барабанного боя, то он ложный».[1]

Царское правительство, опасаясь роста крестьянских волнений в Оренбургском крае, решило покончить с ними с помощью крутых мер. 4 мая 1843 года был издан высочайший указ, согласно которому все казенные крестьяне зачислялись в казаки. Для приведения его в исполнение в Оренбургский край был командирован флигель-адъютант Николая I полковник Туманский. Но и этот указ не подействовал. В Троицком уезде только 1 850 крестьян согласились перечислиться в казаки, а остальные 5 720 крестьян, оставив свои дома, ушли в пределы Бузулукского уезда. В Кундравинской волости удалось перечислить в казаки 525 крестьян, а остальные 1 944 семейства отказались вступить в казачье сословие. Более продолжительным было восстание в самом Оренбургском уезде. Здесь первыми выступили крестьяне Городищенской станицы и селений Николки, Дедуровка, Павловки и др. На борьбу с повстанцами было направлено до 4 тыс. солдат с двумя орудиями гарнизонной артиллерии под командованием наказного атамана, генерал-майора графа Цукато, жестоко усмирившего крестьянское восстание. За подавление восстания крестьян всем офицерам было объявлено монаршее благоволение, а нижним чинам пожаловано по 50 коп. на человека.[2]

Причины поражения всех этих восстаний объясняются их локальностью, разрозненностью и отсутствием единого руководящего центра, благодаря чему царским войскам удавалось разбивать их по частям.

---

[1] *Рязанов А.* — На стыке борьбы за степь. 1835 — 1845 гг. Напеч. в Трудах Оренбург. отд. Гос. Геогр. Об-ва, вып. I (XXVI), Оренбург, стр. 32.

[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 98, д. 133, рукоп. полковника Авдеева «Об Оренбургском казачьем войске», лл. 256 — 258.

Каковы были взаимоотношения казачьей бедноты, крестьян и солдат с казахами, жившими близ пограничных Линий?

Несмотря на разжигаемые царизмом вражду и национальную рознь, между станичными крестьянами, солдатами и казахами существовала дружба. Казахи завязывали с русскими крестьянами оживленные торговые связи, перенимали их хозяйственные достижения — переходили к оседлости, строили себе дома и т. д. В отчете по Управлению внешних округов сибирских казахов сказано: «Киргизы... от частого соприкосновения с русскими все более и более привыкают к образу оседлой жизни и подражают в этом жителям, многие строят себе дома и заводят хлебопашество».[1]

В другом документе о казахах Кокчетавского, Аман-Карагайского, Баян-Аульского и части Акмолинского округов говорится, что местные казахи «от частовременных сношений с русскими привыкают уже к оседлой жизни и, подражая русским, выстраивают для себя домы и другие заведения».[2]

Кроме того между казахами и русскими крестьянами происходила меновая торговля. По поводу этой торговли председатель Омского земского суда писал: «Киргизы сии ввозят собственные свои произведения и изделия для мены в крестьянские селения Тюкалинского округа, а как полагать должно, что таковая потаенная мена производится с крестьянами и на значительную сумму».[3]

С русскими крестьянами вели оживленную торговлю не только казахи, жившие близ пограничной Линии, но и казахи глубинных районов. Это отмечал еще генерал Обручев, писавший: «Самые же хозяева, как и вообще большая часть киргизов, кочующих в глубине степи, даже на р. Сыр- и Куван-Дарье, также в Усть-Урта приближаются на лето к Линии, дабы воспользоваться менов на оной».[4]

По данным генерал-губернатора Западной Сибири Госфорда, ежегодный вывоз хлеба в казахскую степь русскими жителями по одной Сибирской Линии составлял 736 000 пудов.[5] Казахи нередко обращались к крестьянам и занимали у них семе-

[1] Истор. архив КССР, ф. 374, оп. 1, д. 61, связ. 2. Из отчета по Управлению внешних округов в киргизской степи, 1840.

[2] Истор. архив КССР, ф. 374, д. 11-б, связ. 7, л. 283. Из отчета по Отдельному Пограничному Управлению сибирских киргизов, 1843.

[3] Истор. архив КССР, ф. 346, оп. 1, д. 84, связ. 5, л. 5. Из донесения Омского Земского Суда Тобольскому гражданскому губернатору, 1825.

[4] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 6, л. 160. Обручев военному министру, 1845.

[5] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 13, л. 55, ген.-лейт. Гасфорд. «Пояснения и заключения и. д. ген.-губ. Западной Сибири по замечаниям и предложениям ген.-ад. Анненкова о состоянии киргизской степи Сибирского ведомства», 1852.

на, иногда даже земледельческие орудия. Об этом С. Болотов писал: «Нет у киргиза семян на посев, он занимает их с обещанием отдать половину урожая и отдает непременно».[1]

Известный путешественник-исследователь П. П. Семенов в 60-х годах XIX века писал о взаимоотношениях казахов с русскими переселенцами: «Русская земледельческая колония для туземцев несравненно выгоднее военных постоев»... они стараются «жить со своими кочевыми соседями в добрых отношениях, закрепленных беспрестанной потребностью взаимной помощи и обмена предметов, производимых тою и другою сторонами».[2]

О взаимоотношениях казахов с крестьянами и, частью, с казачеством можно судить по воспоминаниям казахов Баян-Аульского округа. Так, Адилхан Коккулаков рассказывает: «В старое время каждый казах имел своего знакомого среди станичных казаков и крестьян. Бывало по нужде заедешь в Дуан (приказ), сразу остановишься у своего друга и через него приобретаешь себе нужные вещи, а иногда он сам отдает свое». На лето они приезжали отдыхать в степь к своим друзьям-казахам.

Царское правительство, следившее за действиями станичных казаков и приписных к заводам крестьян, всячески пыталось изолировать их от национально-освободительного движения казахов 30 — 40 годов XIX в. и не допустить их соединения с казахами. Все же нам известны отдельные попытки крестьян присоединиться к восставшим казахам, однако таких крестьян ловили и под конвоем возвращали обратно. Участник Хивинской экспедиции 1839 — 1840 гг. Н. П. Иванов в своих воспоминаниях писал: «Господские крестьяне давно уже задумали уйти в степь... Но до 200 семейств было переловлено близ Эмбы».[3]

В основной массе жители казачьих поселений и заводские крестьяне сочувственно относились к движению Кенесары. Об этом свидетельствует признание председателя Оренбургской Пограничной Комиссии генерала Генса, с тревогой отметившего в своем дневнике: «Неизвестно, что сделают уральские казаки. Название их уже невольно напоминает

---

[1] *Болотов С.* — С Сыр-Дарьи, «Русский Вестник», т. 62, 1866, стр. 194.

[2] *Семенов П.* — Поездка из укрепления Верного через горный перевал Сутэк-Тюбе и ущелье Буам к западной оконечности озера Иссык-Куль в 1856 г., «Туркестанский Сборник», т. XV, СПБ, 1868, стр. 178.

[3] *Иванов Н.* — Хивинская экспедиция 1839 — 1840 гг. Очерки и воспоминания очевидцев, СПБ, 1873, стр. 5.

прежние их дела, по крайней мере полагаться на них нельзя. Заводские крестьяне может быть еще опаснее их».[1]

То же самое отмечает в своей личной переписке с военным министром А. И. Чернышевым Оренбургский военный губернатор граф Перовский. Он писал: «Злоумышленники распространяют в народе всевозможные небылицы, находящие полную веру... Многие связаны взаимной порукой, не хотят выдавать виновных, подчиняться распоряжениям властей и, больше того, — хотят избавиться от меня при первой благоприятной возможности».[2] Так отзывался граф Перовский об оренбургских крестьянах, когда в соседстве с Оренбургским краем — в казахских степях началось восстание казахов, руководимое Кенесары Касымовым.

Несмотря на все мероприятия властей, крестьяне и станичные казаки с большим сочувствием относились к восставшим казахам. Как известно, в 1836 году Кенесары послал своих представителей во главе с Тобылды Токтиным и Кочумбай Казангаповым с письмом-протестом к Западно-Сибирскому генерал-губернатору Горчакову. Вручить это письмо Горчакову им не удалось, так как по дороге они были схвачены султаном-правителем Турлыбек Коченовым и отправлены под стражей в Омск. Характерно, что конвоировавшие казахов офицеры были поражены знакомством Казангапова со станичными крестьянами. На остановках крестьяне, узнав Казангапова и его товарищей, тепло встречали их. По поводу этого в своем донесении пограничный начальник Сибирскими киргизами полковник Ладыженский писал: «Кочумбай Казангапов знает хорошо русский разговор и знаком по Горькой Линии со многими станичными казаками, как это обнаружено при провозе его через те станицы в Омск. Об этом я долгом почел сообщить Комиссии военного суда».[3]

Деятельное участие принимали в движении Кенесары отдельные крепостные крестьяне и беглые солдаты. Они служили в войсках Кенесары предводителями отрядов, работали в

---

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 166, д. 3, рукоп. Генса Г. Ф., лл. 41 — 49.

[2] Отдел Рукопис. Госуд. Библиот. им. В. И. Ленина, фонд Барятинского. Бар/III и 20/25. Письмо Перовского к А. И. Чернышеву, 9 июня 1837 года. (Письмо написано на французском языке).

[3] Истор. архив КССР, ф. 82, оп. 1, д. 169, л. 29. Из донесения полк. Ладыженского в комиссию военного суда при Омском Ордонанс-Гаузе. 4 февраля 1839 года.

качестве оружейников, а один из них был даже личным секретарем Кенесары.[1]

Всех бежавших к нему крестьян и солдат Кенесары охотно принимал. К сожалению, в архивах мало сохранилось документов, характеризующих отношение Кенесары к русскому населению. Однако даже далеко неполные данные говорят о существовании известной связи восставших казахов со станичными крестьянами. Так, когда в 1838 году Кенесары потребовал от генерала Горчакова возвращения казахам земель и увода войск из казахской степи, он предупредил Горчакова, что в случае невыполнения его требования — он начнет «наступление в самый центр Сибирской власти, где имеет много приверженцев среди станичных крестьян».[2]

Вот другое свидетельство. В 1838 году по заданию Сибирского генерал-губернатора была составлена ведомость,[3] в которой перечислялся материальный ущерб, нанесенный восстанием Кенесары торговцам, чиновникам, казахским султанам и крестьянам. Из общей суммы в 1 951 994 р. 72 к. ущерб крестьян составляет всего 100 рублей, остальная сумма падает на торговцев, чиновников и на казахских султанов. Таким образом видно, что Кенесары щадил русских крестьян и станичных казаков.

И, наконец, о доброжелательном отношении Кенесары к крестьянам и солдатам говорит его отношение к военнопленным. Пленный Андрей Иванов в своем показании заявил: «Во время нашего плена жестокого обращения с нами не было. Хозяев наших Кенесары заставлял нас кормить и не дозволял делать обид».[4]

В восстании Кенесары участвовали политические ссыльные. Известно, что после подавления польского восстания 1830 года многие участники его были сосланы в Сибирь и в Оренбургский край. Об участии ссыльных поляков в восстании Кенесары имеются только отрывочные данные. В одном из своих донесений полковник Аржанухин писал: «У султана Кенесары и баты-

---

[1] Подробно об участии крестьян и солдат см. гл. «Движущие силы восстания». Севастьянов указывает, что еще в 20-х годах XIX в. казачье население часто заступалось за казахов, за что с ним свирепо расправлялись комендант Татищевой крепости ген.-майор Дударь, комендант Усть-Уйской крепости Добровольский.

(Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 169, д. 35, рукоп. Севастьянова С. Н. «О комендантском режиме и истории развития Оренбургского казачества»).

[2] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 179, лл. 159 — 161, 7 августа 1838 года.

[3] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 20, лл. 54 — 55.

[4] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2112, л. 17.

ра Юламана есть... бежавшие из Сибири до 100 поляков, из которых один называется майором, и много к нему набегает оттоль же с Линии разных беглых разночинцев».[1] Трудно судить, насколько верно сообщение Аржанухина о количестве примкнувших к Кенесары поляков. Надо полагать, что все же он преувеличивает число беглых поляков. Однако участие поляков в восстании Кенесары не вызывает никакого сомнения. Один поляк, некий Иосиф Гербрут,[2] принимавший участие в восстании, посвятил специальную песню повстанцев к их руководителю Кенесары. Текст песни найден в архиве академика Веселовского. Датирована она 1850 годом.

Другой поляк Густав Зелинский, сосланный за участие в польском восстании 1830 года, жил в казахской степи. Во время выступления Кенесары Касымова он написал большую поэму под названием «Киргизы»,[3] в которой описывает тяжелое положение казахов, испытывавших на себе двойной пресс угнетения — царских колонизаторов и своих феодалов-султанов.

В Казахстане жили также несколько декабристов. В частности, с 1829 года по 1836 год в Бухтарминском уезде отбывал свою ссылку отставной подполковник Матвей Иванович Муравьев-Апостол. Об их отношении к восстанию казахов не сохранилось никаких сведений.

Кроме того, в первой половине XIX в. в Сибири и прилегающей к ней казахской степи находилось много других политических ссыльных различных народностей.

Как ни отрывочны наши сведения о взаимоотношениях казахов с пограничным населением, их все же важно отметить. Если они не дают достаточно полной картины этих взаимоотношений, то в них с достаточной ясностью проглядывают зерна того доверия и дружбы между одинаково угнетенным населением, которым впоследствии было суждено в условиях советского строя развиться в нерушимый союз двух братских народов. На пути развития дружественных отношений, складывавшихся на почве тесных политических и экономических связей, стояло российское самодержавие и его агенты — царские чиновники, кулаки, казачьи атаманы, коменданты крепо-

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 4857, л. 144, 1838 г.

[2] *Гербрут Иосиф* — Бунт Кенесары. «Сборник песен и поэм о Кенесары» (рукоп.). Хранится в Ин-те языка и литературы АН КазССР.

[3] *Зелинский Густав* — Киргизы (поэма), перевод с польского Георгия Гребенщикова, Томск, 1910. Поэма написана в 30 — 40-х годах XIX в.

стей.[1] Они действительно захватывали лучшие казахские земли (летовки и зимовки), разоряли казахов поборами и военными набегами. Их деятельность долгое время задерживала развитие доверия между русским и казахским народом.

В последующих главах («Движущие силы») будет показано участие отдельных представителей русского народа в восстании казахов. Их участие не было случайностью, оно было обусловлено общностью исторических судеб обоих народов, испытывавших гнет своих феодалов.

Торгово-экономические и культурные связи, а также совместная борьба против угнетателей, создавали объективные предпосылки для развития дружбы казахского и русского народов. Это во многом определяло дальнейшую ориентацию казахского народа и его деятелей на Россию.

Глава 4

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЗАХОВ СО СРЕДНЕАЗИАТСКИМИ ХАНСТВАМИ

На юге кочевья казахов примыкали к трем среднеазиатским ханствам — Бухаре, Хиве и Коканду. Наиболее агрессивными из них в 20 — 30-х годах были Хивинское и Кокандское ханства. Часть Старшего жуза в эту времени была захвачена Кокандом, причем он претендовал и на львиную долю территории Среднего жуза.

Казахские кочевки, примыкающие к нижнему течению Сыр-Дарьи и Аральского моря, а также расположенные в районе Усть-Урта и Мангышлака, были захвачены Хивой.

Наряду с политическими и экономическими мерами воздействия, Хива и Коканд широко использовали средства идеологического воздействия на казахов, в частности мюридизм, яв-

---

[1] Об их отношении к казахам свидетельствует песня сибирских казачьих атаманов:

Пикой, шашкой и ружьем
Всю Сибирь мы бережем!
Перейдем мы лишь за грань
Азиатскую бить дрянь,
Мы возьмем киргиз в полон
Одною горстью миллион,
Покорим мы для царя
Степь и горы, и моря.

Зобнин Ф. — Казачьи песни, «Записки Семипалатинск. п/отд. Зап.-Сибирск. отд. ИРГО», вып. 1, Семипалатинск, 1903, стр. 3 (песня записана в пос. Плеском).

лявшийся насквозь реакционным религиозным течением. В захваченной части казахской территории они установили систему феодального гнета, значительно превосходившую по своей тяжести гнет царских колонизаторов.

Для ясного понимания развернувшихся в 30-х годах в казахской степи событий надо коротко остановиться на состоянии среднеазиатских ханств, в первую очередь Хивы и Коканда, и на их отношениях к казахам.

С начала XIX в. Хива вела активную наступательную политику. При хане Ильтезере (1800 — 1806 гг.) были расширены границы Хивинского ханства путем завоевания территории Мервских туркмен.

При его преемнике Мухаммед Рахиме (1806 — 1825) Хива стала крупным государством. Ведя неустанную борьбу со своими политическими противниками, стремившимися к децентрализации страны, он завершил борьбу за объединение Хивинского ханства, начатую при его предшественнике.

В известной мере, Мухаммед Рахима можно было назвать реформатором. Он пытался навести порядок в управлении государством. Им был упорядочен сбор налогов и основан монетный двор. Он начал чеканить золотую и серебряную монету со своим именем. Наряду с этим, он вел беспощадную борьбу с отдельными феодалами, выступавшими против централизованной власти, и подчинил своей власти ряд мелких самостоятельных бекств. При нем были присоединены к Хивинскому ханству Аральские владения и кочевья каракалпаков.

К 30-м годам XIX в. Хивинское ханство представляло государство, граница которого простиралась от впадения р. Сыр-Дарьи в Аральское море — на севере, до нынешней границы с Афганистаном — на юго-востоке.

«В эпоху смерти Мухаммед Рахима в 1825 году Хивинское ханство, — говорит Ханыков, — представляло уже одно политическое целое, действительно подчиненное Хивинскому владельцу».[1]

По сведениям царских властей,[2] Хива в военное время могла выставить от 20 до 35 тысяч конных ратников, из них только 5000 вооруженных ружьями, и располагала 7 орудиями.

По данным Гельмерсена,[3] Хивинский хан располагал 15

[1] «Записки Импер. Русск. Геогр. Об-ва», т. V, стр. 281, СПБ, 1851

[2] Чкаловский Гос. истор. архив, д. 5584, лл. 88 — 90. Записка о Хивинском ханстве и отношении его к соседним областям и кочующим народам. Без автора.

[3] *Гельмерсен Г.* — Хива в нынешнем своем состоянии. «Отечественные Записки», т. VIII, стр. 122, 1840.

пушками, отлитыми самими хивинцами. Из регулярных войск жалованье получали те солдаты, которые исправляли службу на коне. Им давали в год по 25 червонцев. Командный состав получал от 40 до 70 червонцев в год. Кроме того, в армии были нерегулярные войска, они не получали жалованья. Только во время военных действий, если воин доставлял неприятельскую голову и уши, он получал в виде премии от 5 до 10 тенге.

Подать взималась с населения ханства подворно — от 15 до 45 рублей на русские деньги со двора, причем сборщики, не получая никакого жалованья, совершали вопиющие злоупотребления. По данным А. Вамбери,[1] подати в Хиве разделялись на: а) поземельный налог — харадж. С каждого участка земли, годного для обработки, в 10 танаб (один танаб равен 60 квадратным аршинам), хан получал 18 тенге (около 4 руб. 50 коп. золотом); б) таможенный сбор, на основании которого с каждого ввозимого предмета взимается по 2,5 процента стоимости, с волов, верблюдов и лошадей — по тенге с головы. Как сообщает Данилевский, налог, собираемый хивинцами с кочевых племен, давал дохода до 1 миллиона рублей асс., а ежегодный ханский доход составлял до 3 миллионов рублей асс.

Мухаммед Рахим распространил свою власть на казахов, живших в низовьях Сыр-Дарьи. Казахи, до этого не видевшие хивинских сборщиков, оказали вооруженное сопротивление. Три раза: в 1812, 1816 и в 1820 годах Мухаммед Рахим подвергал кочевья казахов страшному разгрому. Наиболее разорительным был набег 1820 года, когда было убито несколько сот казахов, уведено в плен до 1 000 женщин, угнано 65 тыс. баранов, 15 тыс. верблюдов, свыше 7 000 лошадей и др.

Попытка одного из крупнейших политических деятелей Казахстана начала XIX в. султана Арынгазы (1815 — 1821 гг.) отстоять независимость казахов от притязаний Хивы путем укрепления Казахского ханства под верховным протекторатом Российской империи не увенчалась успехом, главным образом благодаря сопротивлению русских властей, стремившихся в это время не к сохранению вассальных отношений Казахского государства, а к включению Казахстана в состав империи. Арынгазы умер в ссылке в Калуге в 1833 году. Сыр-дарьинские казахи были вынуждены подчиниться хивинскому хану. Успеху Хивы способствовали сами казахские султаны и ханы, жаждавшие власти. Стараясь заручиться поддержкой хивинского хана, Ширгазы Айчуваков выдал свою дочь замуж за

[1] *Вамбери А.* — Путешествие по Средней Азии, стр. 166 — 167, СПБ, 1865.

Алла-Кула и вступил в вассальную зависимость хивинского хана, добившись признания его ханом Младшего жуза, хотя его власть признали только Табынский и Шектинский роды. Основная часть населения Младшего жуза ненавидела Ширгазы, как предателя, и не поддерживала его.

После смерти Мухаммед Рахима на хивинский престол вступил его сын Алла-Кул (1825-1842 гг.). Мухаммед Рахим при жизни не любил Алла-Кула и не готовил его к занятию престола. По поводу этого афганский принц Ша-Ваде-Фердух, находившийся при ханском дворе Мухаммед Рахима, сообщает следующую интересную деталь: «За несколько дней до смерти своей Мухаммед Рахим призвал к себе двух старших сыновей своих и спрашивал, как они думают управлять ханством, когда его не станет? Алла-Кул отвечал: Буду следовать советам Мухаммед Ризы куш-бега и Мухаммед Юсуфа мехтери. Второй сын Рахман-Кул сказал: Буду делать, что требует благоденствие народа и последую примеру моего отца. Недовольный ответом первого сына и обрадованный обещанием второго, Мухаммед Рахим признал последнего законным наследником».[1]

Все же, после смерти Мухаммед Рахима, по настоянию придворных кругов, ханом был признан Алла-Кул. При нем фактически заправилами были инаки, мехтери и другие придворные. Среди приближенных хана первое место занимал восьмидесятилетний мехтер, по имени Юсуф Сарт, бывший одновременно главным казначеем и командующим войсками. По отзывам русских пленных, «он жесток и ненавидит Россию».[2]

Другим фактическим правителем Хивинского ханства был кушбеги по имени Асалугам.

По отзывам русских пленных и ездивших в Хиву русских чиновников, старший брат Алла-Кула, Рахман-Кул был наделен умом государственного деятеля. Он имел звание инака, проживал в городе Туркестане. Рахман-Кул держался русской ориентации и все время «советовал хану сдружиться с Россией».

При Алла-Куле возобновились длительные войны с казахами, населявшими присыр-дарьинские степи. Борьба не была успешной для казахов. В 20—30-х годах XIX в. под властью

---

[1] Истор. архив КССР, ф. генерала Хрулева, № 379, д. 30, л. 48, «Записки о Хивинском ханстве», 1839. (Записки составлены по поручению Перовского на основе опросных данных военнопленных и лазутчиков, специально ездивших в Хиву).

[2] Истор. архив КССР, ф. 379, д. 30, л. 50.

Хивы находились часть Чиклинского, Табынского, Торткаринского, Байулинского родов.[1]

Следующая таблица,[2] составленная нами на основании описания Данилевского, дает некоторое представление о территориальном расположении подвластных хивинскому хану казахских родов.

Название казахских родов	Месторасположение казахских родов
Табынский род	Кочевали в окрестностях г. Гурне (в 43 к верстах от Хивы)
Торткаринский „	
Табынский „	„ крепости Кипчак (северо-западнее Хивы)
Байулинский „	
Табынский „	„ г. Кунград (сев.-зап. Хивы)
Алчинский „	
Чиклинский „	
Байулинский „	
Табынский „	„ г. Мангыт (сев.-зап. Хивы)

К сожалению, точных данных о количестве подвластных Хивинскому хану казахских аулов мы не имеем. Только среди оседлой части населения ханства, как указывает Данилевский, было 500 семейств казахов, а сколько было кочевников-казахов — у него данных нет.

По данным Е. Килевейна,[3] подвластных хивинскому хану казахов насчитывалось около 10 000 душ, они кочевали около озера Даукара. Но Е. Килевейн имеет, повидимому, в виду только тех казахов, через кочевья которых он проезжал. В действительности, число подвластных Хиве казахов было гораздо больше.

Хивинский хан построил на их кочевьях, по нижнему течению реки Сыр-Дарьи, крепость Джана-Кала и др. Хивинцы часто нападали на окрестных жителей казахов, собирали закят и взимали многочисленные налоги.

[1] *Иванов П.* — Архив Хивинского ханства, XIX в., Ленинград, 1940, стр. 222.

[2] *Данилевский* — Описание Хивинского ханства, 1843, «Записки Импер. Русск. Геогр. Об-ва», кн. V, СПБ, 1851.

[3] *Килевейн Е.* — Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сейд-Мухаммед-хана, 1856 — 1860 гг. «Этнографический Сборник», вып. V, СПБ, 1862, стр. 12.

Не имея возможности уплатить непосильные налоги хивинским сборщикам, казахская беднота вынуждена была продавать своих детей в рабство на хивинских рынках. «Киргизы часто продают в Хиву собственных детей, — писал Гельмерсен, — они приобретаются сартами и узбеками по умеренной цене — и больше не перепродаются».[1]

Каковы были причины, толкавшие хивинских ханов на завоевание территории соседних казахов? В начале XIX в. завоевательные походы хивинских ханов диктовались интересами феодальной знати, для которой военные походы в казахскую степь были источником обогащения и личной наживы. Поэтому военные походы хивинских ханов носили характер грабительских феодальных набегов. При этом характерным моментом было то, что хивинские ханы, в целях личной наживы, умело использовали покоренные племена для грабежа торговых караванов и соседних народов. Это отмечал еще чиновник Оренбургской Пограничной Комиссии Д. Голосов. Он писал: «Присваивая себе власть над кочующими близ Хивинских пределов и подвластными им киргизами, каракалпаками и туркменами, хивинцы силою и грабежом вынуждали у них подать (закят), а эмиссары Хивы, проникая в киргизскую степь с торговыми караванами, и под видом мулл возбуждали религиозный фанатизм и ненависть между родами, подучали их не только на грабеж караванов, но и к нападению на Линию».[2]

Однако в 30-х годах XIX в. в захватнической политике хивинских ханов преобладали другие внешнеполитические мотивы. В этот период борьба за казахскую степь преследовала военно-стратегическую цель. В связи с приближением русских владений непосредственно к границам среднеазиатских ханств, борьба за казахскую степь превращается в борьбу за буфер, отгораживающий Хивинское ханство от империи. Теперь хивинский хан боролся за казахскую территорию для того, чтобы создать заслон против наступающего царизма. После известной Хивинской экспедиции Перовского 1839 года, хивинский хан очень был обеспокоен за свою северо-западную

---

[1] Nachrichten über Chiwa, Buchara, Chokand und den nordwestlichen Theil des chinesischen Staates, gesammelt von dem Präsidenten der Asiatischen Grenz-Commission in Orenburg General-Major Gens, bearbeitet und mit Anmerkungen versehen von Gr. v. Helmersen. St. Petersburg, 1839.

[2] *Голосов Д.* — Поход в Хиву в 1839 году отряда русских войск под начальством ген.-ад. В. А. Перовского, «Военный Сборник», т. XXIX, № 1—2, СПБ, 1863, стр. 35—36.

границу. С каждым днем он ожидал повторения нового военного похода.

Действительно, царское правительство предполагало повторить поход.

Об этом свидетельствует резолюция Николая I, наложенная на последней странице донесения ген.-адъютанта Перовского: «Жаль! Очень жаль — но покориться воле Божьей должно и безропотно. Теперь нужно принять меры и безотлагательные для возобновления экспедиции при первой возможности».[1]

Пока же правительство твердо настаивало на признании всей территории Младшего жуза владением империи. В инструкции подполковнику Данилевскому, посланному в 1842 году в Хиву, указывалось, что река Сыр-Дарья, северные берега Аральского моря и северный склон Усть-Урта составляют государственную границу России, что хивинские сборщики не должны ее переходить и собирать закят с подвластных России казахов. Несмотря на это в пограничных районах между хивинцами и русскими происходили частые столкновения. Кушбеки Нурмухаммед в своем письме Перовскому требовал, чтобы русские власти не вмешивались в дела казахов и не мешали собирать с них закят. «Иначе, — грозил кушбеки, — достоверно знай, что с бесконечным войском и полным припасом я нападу на твое владение и выведу отняв у тебя все мусульманское владение».[2]

Казахи, испытавшие тяжелый гнет Хивы, не желали оставаться под ее властью. Участник Хивинской экспедиции 1839 года Н. Иванов рассказывает, как местные казахи, одобрительно относясь к Хивинскому походу, спрашивали: «А разве самому Алла-Кулу башку оставят, если он будет захвачен в плен?». Выслушав отрицательный ответ, они возражали: «Хотя это хорошо, однако не давай волку воли: прощенный враг — страшный враг».[3]

То же отмечает армянин Турпаев, посланный в 1834 году из Ново-Александровского укрепления в Хиву. В пути встречные казахи жаловались на притеснения хивинских чиновников. Турпаев пишет: «Киргизы жаловались на притеснения хивинского хана, по приказанию которого за три года перед тем

[1] ЦГИА УзССР, ф. 715, т. 2, д. 57. Донесение Оренбургского военного губернатора В. А. Перовского к Николаю I, 1840.

[2] Материалы по описанию Оренбургского казачьего войска; вып. II, стр. 411.

[3] *Иванов Н.* — Хивинская экспедиция 1839 — 1840 гг. Очерки и воспоминания очевидца, стр. 85, СПБ, 1879.

были они ограблены, причем до 400 человек киргизов перерезаны и сорок женщин увлечены в неволю. Сверх того обременяют их налогами при вывозке хлеба и товаров и берут с каждого верблюда по пяти и более рублей; хвалили русское правительство и желали единственно зависеть от него».[1]

На тяжелый гнет хивинского хана сыр-дарьинские казахи жаловались и бию Досполу, поддерживавшему Кенесары: «В году сыр-дарьинских казахов обирают трижды. Ныне по своей тягостности узбеки превзошли русских».[2]

Не менее агрессивной, чем политика Хивинского ханства, была и политика Коканда в отношении казахов. Кокандское ханство зародилось в начале XVIII в., когда одно из узбекских племен — Минг, во главе с Шахрух-бием, основало независимое государство Ферганы.

Преемником Шахрух-бия был Нарбута-бий. Столицей нового государства он выбрал город Коканд. Как сообщает его современник Ахмет Шайх,[3] Нарбута не называл себя ханом, а носил звание «бека».

При основателях династии Минг — Шахрух-бие и Нарбуте — Кокандское ханство представляло небольшой вилает. Территория ханства ограничивалась лишь долиной Ферганы и Ходжентом.

После Нарбута-бия на престол взошел его старший сын Алим (1799 — 1809 гг.). Он принял титул хана и с этого момента Фергана получила название Кокандского ханства. Алим-хан был объединителем Кокандского ханства, по словам историка Наливкина, «мечтавший и стремившийся к созданию сильного и вполне обособленного государства».[4]

По своим агрессивным планам молодой Алим-хан не уступал Хивинским ханам. О первых годах его правления Наливкин писал: «Алим-хан немедленно же устремился на арену деятельности завоевательной, заботясь не только об упрочении и благоустройстве того, что уже имелось, сколько о возможном расширении своих владений и, непосредственно связанного с этим, приумножения собственной своей казны».[5]

---

[1] Дневник переводчика армянина Турпаева, посланного в 1834 году из Ново-Александровского укрепления в Хиву. (Перев. с армянского). «Туркестанский Сборник», 1867, т. IV (хранится в Ташкент. Гос. публ. библ. им. Алишер Навои).

[2] Сборник песен и афоризмы биев. Собр. Джаканоным, стр. 203 (рукоп.). Хранится в публ. библ. им. Пушкина (Алма-Ата), отд. рукоп.

[3] Таварих-Хамсе-Шорки, стр. 10 — 11.

[4] *Наливкин В.* — Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 144.

[5] Там же, стр. 78.

При Алим-хане территория Кокандского ханства значительно расширяется. Свою захватническую политику он начал с вторжения в кочевья казахов Старшего жуза. Им были завоеваны: Чимкент, Сайрам и Курама. Походы Алим-хана сопровождались исключительными жестокостями над местными жителями, за что он был прозван «Залим» (тиран) и Шир-Гарой (лютый тигр). О походе Алим-хана на районы Чимкента, Туркестана и Аулиэ-Ата мулла Алим-Махдум-Каджи сообщает следующее:

... عالم خان قوشون ایلان تاشکنددین جوناب ایکی کونده
چمکند شهرینه کیلیب شهرنی اطرافلاب قونوب محاصره ایلاب
قورغاننی اطراف جوانبی‌دین توب میلتق جزایراتا باشلاب
تورلار جمله یکرمه کون شهرنی قماب هر کون اوروش آتیش
بولب چپاول عسکرلار دشت صحرالارده‌گی ایلاتیه‌لرنی تا اولیا آتا
و ترکستان اطراف‌لاریغه‌چه باریب تالان تاراج ایلاب کوزکه
کوروینکان خواه حیوانات و خواه آدم همه‌سینی اولجه اسیر قیلیب
تلاب اولدوروب کیلتورلر...

«Алим-хан со своим войском вышел из Ташкента и через два дня дошел до г. Чимкент. Окружив город, он начал его обстреливать. Осада города продолжалась 20 дней и каждый день происходила стрельба.

Войска, достигнув городов, расположенных в степях Дешт-Кипчака — Аулиэ-Ата и Туркестана, стали до тла их разорять и при этом захватили скот и умертвили людей».[1]

На жестокость Алим-хана также указывает автор «Тарих Шахрохи». Вот что он писал:

... باطراف جوانب تا سرحد ترکستان وتا بسرحد اولیا آتا
چپاول فرموده مانند گرگ مست بیابان دشت قبچاق را فروگرفتند
و آن بیابان وصحرا برچشم قزاقان و الدین از چشم مورتنگ
تر واز گور تاریک تر گردانیدند...
...عسکران شیر تمثال و چپاولان تیر امثال مانند مأموران
عذاب مردم قزاقیه را دران بیابان معدن السوما و چوبستان بی
سر و پا میکشتند میبستند و میبستند...

[1] *Мулла Алим-Махдум-Каджи.* История Туркестана (на узбекском языке). Ташкент, 1914.

ملا عالم مخدوم حاجی — «تاریخ ترکستان» ٤٧ بیت.

«По приказанию хана предприняли поход в окрестности Туркестана и Ташкента. Войска хана, как голодные шакалы, заняли степи Дешт-Кипчака, сделали степной простор для казахов маленьким как глаз муравья и темнее чем могила...

Войска, похожие на тигров, вихрем пронеслись по казахской степи, чтобы замучить и разорить до тла казахов».[1]

Все свое царствование Алим-хан провел в бесчисленных войнах, не раз выступая в поход на Ходжент и Ура-Тюбе. Особенно кровопролитен был поход Алим-хана на Ходжент. Зять Алим-хана, Хаджи-Мухаммед-Хаким-хан-Тюре (автор «Мунтахаб-ут-Таварих»), описывая сражение за Ходжент, восклицает: «Вода Сейхуна (Сыр-Дарьи) благодаря крови стала подобна гранатовому соку», «ветер победы подул в лицо Алим-хана, и Юнус-Ходжа, бросив имущество, войско, казну, бежал в Ташкент».[2]

[illegible] совершил два похода на Ташкент.

В конце XVIII в. Ташкентом правил потомок известного ташкентского шейха Антуара (шейх «Хавенд-И-Тахур» — чистый господин) Юнус-Ходжа. Междоусобица среди ташкентских беков помогла Алим-хану захватить г. Ташкент. С момента завоевания Ташкент становится яблоком раздора между среднеазиатскими ханствами. Ташкент в это время стал крупным торгово-промышленным центром, игравшим роль посредника в торговле России со Средней Азией.

Многочисленные военные походы Алим-хана тяжело отразились на положении народных масс. Это вызвало резкое недовольство среди народа. Как пишет Наливкин, «Алим любил войну, а в ней не видели никакой прелести остальные, в глазах которых завоевательные стремления хана были не более как личной забавой последнего, забавой, которая для народа не приносила не только никаких выгод, но даже вызывала и еще массу непроизводительных трат времени, средств, а нередко и человеческой жизни».[3]

После одного неудачного похода Алим-хан был покинут

---

[1] *Мулла-Нияз-Мухаммед-Бен-Ашур.* — Таарих Шахрохи (на персидском языке), стр. 77.

ملا نیاز محمد بن ملا عشور محمد خوقندی — «تاریخ شهرخی» 75 بت.

[2] *Хаджи-Мухаммед-Хаким-хан-Тюре* — Мунтахаб-ут-Таварих. Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии, XVII, Ташкент, 1913, стр. 107.

[3] *Наливкин* — Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 91.

своими приверженцами, и в 1809 году был убит. Автор «Таарих-Шахрохи» посвятил его гибели четверостишие, в котором нашли отражение гнев и ненависть народа к Алим-хану:

شهی گر کند تکیه بر تیغ تیز
زپهلوی او بگذرد همچو بیز
سزا وار تیغ است هر تیغ زن
مزن تو کسی را وخونت مریز

Если хан верит в острие своей сабли,
То в один прекрасный день она пронзит его самого.
Каждый человек, рубящий саблей, сам будет зарублен.
Лучше не руби без вины человека и не проливай крови.[1]

Преемником Алим-хана стал его брат Омар (1809—1821 гг.). Он считался одним из просвещенных людей своего времени. Омар-хан окружил себя известными поэтами, даже в числе своих жен он имел незаурядную поэтессу Надиру. Он покровительствовал духовенству, за что был прозван им «Эмир-Эль-Муслемин» (повелитель правоверных). Придворные поэты льстиво отзываются об Омар-хане, как о человеке, заботящемся о народе. В действительности, при нем нелегко жилось не только покоренным соседним народам, но и местному дехканству. Омар-хан значительно расширил пределы Кокандского ханства. В первую очередь его захватнические вожделения устремились на казахов Старшего жуза и на Алатауских киргизов. При нем был завоеван г. Туркестан, с прилегающими окрестностями. В честь взятия города Омар-хан устроил большой той, посетил мечеть Хаджи Ахмета-Ясави и одарил всех шейхов. Новым хакимом Туркестанского района был назначен Шейх-и-Бадаль.

Для закрепления кокандского влияния среди казахских родов, кочевавших по рекам Сыр-Дарье, Чу и Сары-Су, был построен ряд укреплений: Джана-Курган, Жулек, Ак-Мечеть, Кумыш-Курган, Чим-Курган, Кош-Курган и другие. Таким образом, среднее течение р. Сыр-Дарьи, занятое кокандскими укреплениями, составило теперь пограничную область Коканда, которая управлялась из Ак-Мечети Якуб-Беком (будущим

[1] *Мулла Нияз-Мухаммед-Бен-Ашур-Мухаммед* — Таарих Шахрохи. ملا نیاز محمد بن ملا عشور محمد خوقندی — «تاریخ شهرخی» 40 بانشه

кашгарским владельцем). Находясь в вассальной зависимости от Ташкентского кушбеки, Якуб-Бек обязывался доставлять ему налоги, собираемые с казахов, кочевавших в Ак-Мечетском округе. Сбор налогов с населения превращался в обычный феодальный грабеж. По поводу этого Ладыженский писал: «Якуб-Бек образовал при себе шайку отъявленных грабителей, начал делать с ними нападения на кочевавших по правую сторону Сыра — киргизов, отбивал у них каждый раз огромное количество скота и имущества, и потом, распродажею всего этого на Кокандских рынках, удовлетворял ненасытную жадность и Нармухаммеда кушбеки и свою собственную».[1]

Под властью Кокандского хана находилось большинство казахских родов Старшего жуза. По данным Ю. Южакова, специально занимавшегося этим вопросом, под властью Коканда были следующие казахские роды: Бестамгалы, Сейкым, Чымыр, Джаныс. Причем Бестамгалы включал в себя такие подроды, как Ысты, Ошакты, Чапрашты, Жалаир и Сыргалы. О численном составе и территориальном расположении этих родов можно судить по следующей таблице, составленной нами на основании данных Ю. Южакова:[2]

Название родов	Количество юрт	Место летних и зимних кочевок
Бестамгалы	35 тысяч	Зимовали между рр. Талас и Чу, в песках Кара-Кум, кочевали по обоим склонам Кара-Тау.
Чымыр	9 „	Зимовали по левому берегу р. Чу у урочища Итвечу, кочевали по р. Арысу и Бороддаю.
Сейкым	5 „	„
Джаныс	7 „	Зимовали около горы Казы-Курта и по р. Келес, кочевали в верховьях р. Аксу, Сайрама и Болама

Захватническая политика кокандских ханов в Старшем жузе и Киргизии преследовала не только цели феодального грабежа, но и диктовалась торговыми интересами. Сам Коканд и подвластные ему города Ташкент, Андижан, благодаря своему географическому положению, рано выдвинулись как торгово-промышленные центры. В частности, город Ташкент,

[1] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 14, лл. 9 — 10. «Записка, составленная по сведениям, полученным в 1852 году и начале 1853 года, о положении в последнее время дел в Хивинском и Кокандском владениях».

[2] *Южаков Ю.* — Наши приобретения в Средней Азии. II. Чимкентский округ. «Отечественные Записки», 1867, № 7, стр. 459.

став центром среднеазиатской торговли с Россией и казахской степью, одновременно являлся важным транзитным пунктом по торговле с Кульджой и Чугучаком. Понятно, что территория Старшего жуза и Алатауских киргиз, через которую пролегали важные караванные пути, сделались объектом завоевательной деятельности кокандских ханов. Помимо того эти области и сами по себе были важны в торговом отношении. До царского завоевания казахи Старшего жуза в основном торговали с Кокандским ханством.

Отсюда понятно, почему в завоеванной части территории Старшего жуза и Алатауских киргиз кокандские беки открывали торговые фактории. В частности, у Пишпекской крепости жили до 1 000 дворов кокандцев, здесь существовал постоянный базар. Около селения Токмак жили до 200 кокандцев, также торговавших с местным населением. Кокандские беки регулярно взимали торговые пошлины с проходивших караванов. В Кашгарии кокандцы заняли в торговле монопольное положение. Для охраны своего монопольного положения кокандцы добились права содержать особых чиновников с вооруженной кокандской стражей.

При Омар-хане власть Коканда простиралась не только на сыр-дарьинских казахов, Сайрам и Чимкент, но и на Туркестан и Аулиэ-Ата. Подвластные Кокандскому хану казахи испытывали тяжелый налоговой гнет. Налоги, собираемые с казахов, разделялись на два вида: со скота — закят и с пашни — харадж.

Самой доходной статьей для Кокандского ханства был сбор закята. Только лишь по одному Чимкентскому вилаэту хан получал до 80 тыс. рублей серебром в год. По данным Ю. Южакова,[1] ежегодный сбор закята выражался в следующем виде:

С Бестамгалинцев	— от 8 000	до 10 000	баранов
Сергалинцев	— 6 000	— 8 000	„
Сейкымов	— 2 000	— 2 500	„
Чемыров	— 2 000	— 2 500	„
Джанысов	— 2 000	— 2 500	„

Сбор закята начинался ранней весною. Предварительно высылались в степь джигиты, которые к приезду сборщиков производили подсчеты и отбирали самых лучших баранов.

Харадж собирался с земледельческого населения. Единицей измерения засеваемой площади служил так называемый

[1] *Южаков Ю.* — Наши приобретения в Средней Азии. II. Чимкентский округ. «Отечественные Записки», 1867, № 7, стр. 763.

«танапа». Один такип равнялся 1/6 гектара. На такип засевали до 12 чириков пшеницы, т. е. 78 фунтов, а на кош засевали от 3 до 5 батманов (1250 фунтов). Каждый кош заключал в себе от 15 до 25 такипов. Как указывает Ю. Южаков, кокандские беки с каждого коша брали в среднем от 40 до 70 пудов пшеницы. Однако кокандские сборщики никогда не придерживались установленных традиционных норм этих налогов. Начальник сыр-дарьинских казахов, коллежский советник О. Я. Осмоловский писал: «В противоположность всем магометанским законам, определяющим взимать со скота сороковую часть, кокандцы брали, с помощью всевозможных насилий, ежегодно до 6 баранов с кибитки, и с богатых киргизов вдвое более, в это число не входили еще подарки, даваемые киргизами как главному закятчи, так и его помощникам. С хлеба кокандцы брали треть урожая, а от некоторых киргизов, кочующих при укреплениях, взамен хараджа зерном, принимали печеный хлеб и просовую кашу. К числу хараджа еще принадлежат сборы дровами, углем, сеном. С каждой кибитки взыскивалось в год 24 мешка угля, 4 вьюка саксаула и 1 000 снопов камыша с травою».[1]

Кроме закята и хараджа, на казахов были возложены и другие повинности. Так, они вынуждены были возделывать пашни и огороды, ремонтировать крепостные стены и т. д. Во время военных действий каждый казах должен был явиться на своем коне к кокандскому беку, не получая за свою службу в войсках никакого содержания.

Кокандцы обирали казахов под разными предлогами. Насколько они были изобретательны в этом отношении, видно из рассказа казаха, записанного И. Крафтом. «Чтобы иметь понятие об изобретательности кокандских сборщиков, достаточно привести такой случай. Встречается закятчи с киргизом и видит, что у него исцарапано лицо.

— Отчего у тебя на лице царапина? — спрашивает закятчи киргиза.

— Да вот проходил через камыш и исцарапался, — отвечает киргиз.

— Я уничтожил твоего врага, — говорит закятчи киргизу, показывая на срезанный камыш, — ты должен отдать мне барана.

Или: Сопровождают киргизы кокандского чиновника и до

[1] [illegible] С. — Очерк утверждения русского владычества на Аральском море и р. Сыр-Дарье, с 1847 по 1862 годы. «Морской Сборник», № 6, 1862. СПБ, стр. 308.

рогой у одного киргиза спотыкается лошадь. Чиновник сейчас же обращается с вопросом:

— Почему твоя лошадь споткнулась?

Киргиз простодушно отвечает:

— Наткнулась на кочку.

— Покажи, где эта кочка, — говорит чиновник. Киргиз, ничего не подозревая, находит кочку и показывает чиновнику. Чиновник саблей срезает кочку и говорит киргизу:

— Отдай мне барана, я уничтожил препятствие на твоем славном пути».[1]

В народной памяти надолго сохранились тяжелые годы кокандского владычества. В одной песне, излагающей челобитную найманского бия Жанкисы кокандскому хану, поется:

Здравствуй, мой хан, виновник моего счастья!
Предстал твой верноподданный пред тобою;
Выслушай же его просьбу,
Которая, если ложной окажется, —
Вот на отсечение моя голова!

Посланный тобою в наше общество
Закятчи, твой Жузбай,
Тиранством своим всюду
Вызвал в народе плач и вопль.

В сотовариществе с ним
Каратамырец Дадан,
И сопровождают его
Человек до сорока прочей свиты,
В которой есть писец именем Шонмурун
И плут отъявленный именем Толеген;

Кормят лошадей своих даровым кормом
Из торбы, сшитой из шести полос;
Взыскивают они подать даже со ступки,
Берут кеусеном[2]

[1] *Крафт И.* — Из киргизской старины. «Тургайская газета», № 21, 1903.

[2] Кеусен — существующий издавна между хлебопашцами на Сыре обычай, когда всякого приходящего к ним во время молотьбы дарили хлебом, с пожеланием процветания их хозяйства. Кокандское правительство во время своего владычества над казахами, используя этот давний обычай, установило под именем кеусен особую обязательную подать с хлебопашцев.

Утра-закятом[1] еще
И с каждого снопа особо.[2]

Испытывавшие тяжелый гнет казахи не раз восставали против кокандского владычества. Особой ожесточенностью отличилось восстание, вспыхнувшее в последние годы правления Омар-хана. После посещения степи Дешти-Кипчак кокандским сборщиком налогов Сейд-Кул-беком, повсеместно среди казахов, населявших окрестности Туркестана, Чимкента, Сайрама и Аулиэ-Ата, вспыхнуло восстание.

Восстание возглавил Тентяк-Тюре. Вокруг него собралось 12 тыс. повстанцев, они осадили кокандские военные укрепления и стали захватывать один город за другим. О начальном этапе восстания Наливкин сообщает следующие подробности: «Киргизы (казахи) задумали отложиться от Кокандского ханства, по какой причине пригласили некоего Тентяк-Тюре принять над ними начальство и открыть военные действия против Омара. Около Туркестана у Тентяк-Тюре собралось до 12 000 киргиз».[3]

Восставшие казахи приступом заняли Кокандскую крепость Сайрам и сделали ее своим центром. Восстание быстро охватило окрестные селения. К повстанцам примкнули казахи Чимкента, Аулиэ-Ата и других городов. Размах восстания испугал кокандцев. Омар-хан вынужден был принять экстренные меры. Против повстанцев было решено послать войско во главе с Абул-Калым-Аталыком.

Узнав о приближении кокандских войск, руководитель повстанцев Тентяк-Тюре разделил свое войско на две части. Одна часть повстанцев во главе с Тентяк-Тюре заперлась в крепости Сайрам, а другая половина — в крепости Чимкент.

Кокандские войска осадили эти крепости. Повстанцы оказывали кокандским войскам ожесточенное сопротивление. Только после продолжительной осады повстанцы, истощив свой провиант, сложили оружие.

Аналогичное восстание вспыхнуло среди алатауских киргиз. В волости Кетмен-Тюбе восстали 3 киргизские рода — Багыш, Саяк и Сатика.[4]

Омар-хан предпринимал еще ряд походов против Ходжен-

---

[1] Утра-закят — чрезвычайный или усиленный закят.

[2] «Записки Оренбург. отдела Импер. Русск. Геогр. Об-ва», вып. I, Казань, 1870.

[3] *Наливкин В.* — Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 119.

[4] Глава «Кенесары и киргизские манапы».

та, Ура-Тюбе, Замин. После одного удачного похода Омар-хан решил с большой свитой отправиться на охоту в Маргелан и Андижан. Во время приготовлений к охоте Омар-хан заболел и вскоре скончался (1821 год).

После смерти Омар-хана на Кокандский престол вступил его малолетний сын Мадали-хан (Мухамед Али) — (1822 — 1842 гг.). При Мадали-хане особенно усилилась роль кушбеки, самостоятельно правивших отдельными областями ханства. Независимость кушбеки от центральной власти подчеркнул и сам Мадали-хан, говоря об одном из них — Хан-Кули-бии: «Я давно уже вручил все ханство ему, Хан-Кули-бию, а потому последний может делать то, что хочет».[1] Ташкентский кушбеки также лишь номинально признавал власть Кокандского хана. За Мадали-хана правили регенты. Все завоеванные провинции были отданы на откуп кушбеки. Завоеванная часть территории Старшего жуза и территория присыр-дарьинских казахов, вместе с г. Ташкентом, были отданы Ташкентскому кушбеки за ежегодную уплату 20 тыс. червонцев.[2]

Ташкентский кушбеки старался выжать побольше податей из населения. В одном из писем он писал своим подчиненным: «Высокостепенный же хан наш, предоставив в мое владение шесть сан каракалпаков, сорок сан прочих народов, обитающих в последней стороне Кокандского дивана и дикокаменных киргиз по реке Или, дал мне власть решать все дела, относящиеся до сих народов... затем еще принято в наше подданство несколько волостей киргизов Большой орды».[3]

С переходом казахов Старшего жуза и присыр-дарьинских казахов под власть ташкентского кушбеки, налоговой гнет еще больше усилился. Вся последующая политика ташкентского кушбеки была направлена на то, чтобы подчинить себе не только казахов Старшего жуза, но и Среднего жуза. При этом он выступал не открыто, а под предлогом оказания братской помощи казахам в их борьбе против русских, под лозунгом «газавата» («священной войны») против неверных.

В письмах, обращенных к казахским родам, он писал: «Первое его желание: вычернить кровью русских свою белую бороду».[4]

Не легче жилось казахам под кокандским господством и

---

[1] *Наливкин В.* — Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 131.

[2] ЦВИА, ф. ВУА, д. 1132, лл. 15 — 17.

[3] ЦВИА, ф. ВУА, д. 1117, лл. 14 — 15.

[4] ЦВИА, ф. ВУА, д. 1132, л. 3. Из рапорта командира отдельного Сибирского корпуса ген.-лейт. Сулимы военному министру графу Чернышеву по поводу притязаний ташкентского кушбеки, 1834.

при Худояр-хане (1845 — 1875 гг.). Он вступил на престол всего лишь 10 лет от роду. К моменту его прихода к власти в придворных кругах царили распри, каждая группа выдвигала свою кандидатуру в ханы.

При нем тяжелый гнет испытывали не только казахи, но и местное трудовое дехканство. Историк Петровский приводит рассказ одного кокандца: «С нас тащут за все: за караул лавок, которые мы сами окарауливаем, за место на базаре, где мы временно останавливаемся со своими возами, за купленную пиияку, за проданный хворост и солому. На ханские работы выгоняются тысячи людей: рабочим не только не дают денег или пищи, но еще с них берут деньги. Избави боже, если кто-нибудь уклонится от работы: бывали примеры, что таких людей на самом месте работы живыми зарывали в землю».[1]

Алчность Худояр-хана этим не ограничивалась. Он лично занимался ростовщичеством, держал у себя многочисленных агентов-торговцев, которые продавали продукцию монополизированных им промыслов. Так, «Худояр-хан завел себе верблюдов и вручил их особому чиновнику, даруга-баши. Часть этих верблюдов развозили ханскую соль по базарам Ферганы. Многие купцы были пайщиками того же хана».[2]

Как при изучении отношений казахов с Россией, так и теперь, при выяснении отношений со среднеазиатскими ханствами, мы видим, что в положении трудящихся масс казахов и соседних с ними народностей Средней Азии было много общего. Формы эксплоатации были однородны, хотя и не тождественны, и народности Средней Азии испытывали тяжелый гнет своей феодальной знати. Здесь на юге, как и на северных границах Казахстана складывались предпосылки для сближения между этими народностями. Но политика правящих классов вела не к сближению, а к вражде между народами. В особенно тяжелом положении оказались казахи. Угроза потери их независимости надвигалась с двух сторон: и с юга, со стороны Коканда и Хивы, и с северо-запада, со стороны империи.

Конечно народнохозяйственные и социальные последствия подчинения среднеазиатским ханствам или России для Казахстана были далеко не одинаковы. Господство отсталых, раздираемых феодальными войнами и междоусобицами Коканда и Хивы не могло преобразовать ни хозяйственного, ни социального строя казахов. Включение в состав империи сближало ка-

---

[1] *Петровский Н.* — Очерк Кокандского ханства. «Вестник Европы», кн. X, 1875, стр. 746.

[2] *Наливкин В.* — Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 201

захов с более высоким общественным, хозяйственным и социальным строем, и это сближение, как мы видели, несомненно сопровождалось прогрессом и в движении хозяйства и в развитии общества, хотя и было бесконечно мучительным для народных масс. Однако та и другая агрессия грозила окончательной потерей политической независимости. Основной задачей казахов в 30 — 40-х годах была борьба за спасение своей государственности, причем борьба на два фронта, и против российского царизма и против среднеазиатских ханств.

Такая борьба вспыхнула, и возглавил ее султан Кенесары Касымов.

Часть II

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАЗАХОВ ПОД РУКОВОДСТВОМ КЕНЕСАРЫ КАСЫМОВА

Глава 5

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ВОССТАНИЯ КЕНЕСАРЫ

В отличие от всех прочих крупных восстаний казахов XVIII — XIX вв. в восстании Кенесары участвовали народные массы всех трех казахских жузов. И хотя вступали они в борьбу не сразу и неравномерно, хотя отдельные области втягивались в движение, когда оно затихало в других районах, восстание Кенесары уже в первые же годы приняло небывалый размах, стало массовым народным движением.

Массовость движения, широкий размах, ярко выраженный политический характер являются специфическими особенностями восстания Кенесары.

В восстании Кенесары участвовали все основные казахские роды. Это отчетливо видно из следующей таблицы, составленной нами на основании далеко не полных сведений, почерпнутых из официальных архивных источников.

В таблице указаны названия отдельных родов и подродов, участвовавших в восстании, годы, в которые они принимали участие в борьбе, начиная с 1838 года, когда под властью Кенесары объединился ряд родов Среднего и Младшего жуза. В силу крайней отрывочности данных об участии казахских родов в движении 1837 года, т. е. в начальный период борьбы, мы приводим соответствующие сведения в очерке, посвященном событиям этого года. В сносках к таблице нами приведены свидетельства отдельных лиц, а также наиболее характерные выдержки из донесений чиновников и показания приверженцев Кенесары, подтверждающие участие данного рода в восстании. Вот почему кипчаки, например, упоминаются в 1838, 39, 41, 44 и 45 гг. За 1842 — 43 годы данных

об их участии у нас нет, и потому они в этот период в таблице не указаны. Возможно, что они и продолжали борьбу, но их борьба в эти годы не нашла отражения в сохранившихся источниках.

Название рода	Год	Кем сообщается	Ссылка на источник
Кипчакский род	1838	Показание Б[illegible]ату[illegible]наева	Истор. архив К[illegible], ф. 4, оп. 1, д. 1967, л. 1
Табынский "	"	"	"
Каратальское отд. (Аргынский род)	"	Показание пленного Лозанова	ЦВИА, ф. ВУА, д. 1161, л. 229—230
Коз[illegible]ское отд. (Аргынский род)	"	"	"
Алчин Жапасский род	"	Донесение неизвестн. чиновника	Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 179, л. 121
Джагалбайлинский род	"	"	Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, л. 20
Чумекеевский род	183[illegible]	Показание неизвестного купца	Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2134, лл. 2[illegible] — 23
Табынский род "	"	"	"
Торткаринский "	"	"	"
Чиклинский "	"	"	"
Кипчакский "	"	Рапорт Горчакова Чернышеву	ЦВИА, ф. ВУА, д. 1161, л. [illegible]3—64
Кипчакский "	1840	"	ЦВИА, ф. ВУА, д. 1161, л. 206
Жапасский "	1841	Донесение Кудебая Куканова, побывавшего у Кенесары	Истор. архив КССР, ф. 4, оп. доп., д. 156, лл. 2—3
Чумекеевский "	"	"	"
Торткаринский "	"	"	"
Алчинский "	"	"	"
Шектинский "	"	"	"
Табынский "	"	Донесение султана-правителя Ахмета Джантюрина [1]	Истор. архив КССР, ф. 4, д. 2231а, лл. 30—37
Кипчакский "	"	Донесение хорунжего Болгоджи Янбурчина, побывавшего у Кенесары [2]	Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 4376, лл. 28—29
Аргынский "	"	"	"
Таминский "	1842	Показание казака Федорова	ЦВИА, д. 1201, лл. 5—8

[1] В донесении султана Ахмета Джантюрина в качестве приверженцев Кенесары показаны не только Табынский род, но и Чумекеевский и Торткаринский роды.

[2] В этом донесении хорунжего Болгоджи Янбурчина, кроме Аргынского рода, названы в качестве приверженцев Кенесары Алчинский и Кипчакский роды.

Название рода	Год	Кем сообщается	Ссылка на источники
Баганалинский род	1843	Донесение султана Санали Мурзагалиева, побывавшего у Кенесары [1]	Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5410, лл. 7 — 8
Аргынский „	„	„	„
Два отделения Джугары и Тюмень-Чикты	„	„	„
Табынский род	„	„	„
Таминский „	„	„	„
Байбачинский „	„	„	„
Чиклинский „	„	„	„
Чумекеевский „	„	„	„
Жаппаский „	„	„	„
Алчинский „	„	Донесение Язы-Янова	А. Рязанов. Указ. соч. часть II, стр. 18
Кара[illegible]овское отд. (Аргынский род)	„	Показание Черыша Асатова	Истор. архив КССР, ф. 64, д. 140, лл. 129 — 134
Атыгаевское отд. (Аргынский род)	„	„	„
Уаковский род	„	„	„
Куреский „	„	„	„
Торткаринский „	„	Донесение войскового старшины Лебедева	ЦВИА, д. 1201, л. 59
Джагалбайлинский род	„	Докладная военному министру Чернышеву	ЦВИА, д. 1201, л. 66
Торткаринский „	1844	Докладная Оренбургского военного губернатора Обручева военному министру Чернышеву [2]	Серебренников. Туркестанский край, т. V, стр. 30, Ташкент, 1914.
Кара-Кисякский род (Назаровского отдел.)	1844	Докладная Оренбургского военного губернатора военному министру Чернышеву	„
Чиклинский род	„	„	„
Алчинский „	„	„	„

[1] «По сведениям, собранным мною, узнал я, что киргизов при Кенесары состоит около 5000 аулов, из родов: Баганалинского, Аргынского, двух племен Джугары и Тюмень-Чикты, Табынского, Таминского, Байбачинского, Чиклинского, Чумекеевского, Жаппаского и других» (из показаний султана Санали Мурзагалиева).

[2] Ген. Обручев основывал свое донесение на следующей справке Оренбург. Погран. Комиссии от 12 сентября 1844 года: «По справке, выведенной из дел Пограничной Комиссии, оказалось, что киргизы Оренбургского ведомства, присоединившиеся к мятежному султану Кенесары Касымову и вышедшие из повиновения ближайшего своего начальства, следующих родов: Торткаринского, Каракисякского, Назаровского, Чиклинского, Кабакова отделения, Алчинского, Сиркечева отделения, Аргынского, Алтай Калкаманова отделения, Баганалинского, Балталинского отд. и частью Карабалыкского». Истор. архив КССР ф. 4, оп. 1, д. 2547, л. 28.

Название рода	Год	Кем сообщается	Ссылка на источники
Аргынский род Кабанова отдел. (Чиклинский род)	1844	Там же	Там же
	„	Показания пленного урядника Иванова	Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5474, л. 75
Коксалыкский „	„	„	Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, л. 129 — 132
Козганское отд. Аргынский род	„	„	„
Казкаманское отд. (Жаппаский род)	„	„	„
Алтаевский род	„	„	„
Чоплакский „	„	„	„
Темешевский „	„	„	„
Карпыковский „	„	„	„
Таминский „	„	„	„
Торткульский „	„	„	„
Балтаалинский „	„	„	„
Аргынский „	1845	Рапорт поручика Герна ген. Ладыженському[1]	Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, л. 941
Торткаринский род	„	„	„
Чумекеевский „	„	„	„
Таманский „	„	„	„
Табынский „	„	„	„
Багаалинский „	„	„	„
Киреевский „	„	„	„
Кипчаковский „	„	„	„
Шектинское отд. (Аргынский род)	„	Сообщение Чокбута Карабоева	Истор. архив КССР, ф. 4, д. 2651, лл. 605 — 606
Алтинский род	„	„	„
Алимский „	„	„	„

Данная таблица позволяет сделать один вывод принципиальной важности, а именно то, что все основные казахские роды так или иначе участвовали в восстании Кенесары, хотя вступали они в него не одновременно.

Отход одних родов от восстания и появление на их месте других (в отдельные годы) объясняется в первую очередь передвижением Кенесары из одного жуза в другой, в силу че-

[1] «Скопище султана Кенесары состоит из его тюленгутов (до 1000 человек) и примкнувших к нему бродяг аргынцев, торткаринцев и чумекеевцев, тама и табынцев; есть также багаалинцы, кирейцы, кипчакцы и почти со всех родов Оренбургского и Сибирского ведомства».

(Из рапорта поручика генерального штаба Герна председателю Оренбургской Пограничной Комиссии ген. Ладыженскому), 1845.

го менялась и территория восстания. Не все роды могли следовать за Кенесары, многие принуждены были оставаться в районах своих кочевий и потому порой временно, а порой и совсем выходили из борьбы. Значит ли это, что они рвали с Кенесары и вовсе отходили от лагеря повстанцев? Вернее всего, что нет, что симпатии их попрежнему оставались на стороне Кенесары, который смело мог рассчитывать на них, как на свой резерв.

В таблице не упомянуто несколько известных казахских родов — Адаевский, часть Жаппаского и Аргынского родов. Это не случайно, ибо эти роды действительно не участвовали в восстании Кенесары — одни потому, что находились в стороне от районов восстания и менее других ощущали непосредственный гнет царизма (например, адаевцы),[1] либо потому, что оставались под влиянием своих родоначальников, враждебно относившихся к восстанию (например, часть Аргынского рода ведения Чегева Мусина, часть жаппасовских подродов, находившихся в ведении зауряд хорунжего Джангабыла Толегенова), либо потому, что в силу тех или иных причин не решались примкнуть к восставшим.

Наконец, следует помнить о величайшей путанице в наименованиях казахских родов и подродов в официальных данных. Детально разобраться в родовом делении казахов могли лишь очень знающие люди, каким вовсе не всегда были царские чиновники, составлявшие донесения. При плохой осведомленности в данном вопросе сведения о том или другом роде легко могли оказаться неточными.

Приведенная нами таблица показывает, как отдельные казахские роды постепенно втягивались в водоворот движения. Значительное количество родов, участвовавших в восстании, падает на 1843 — 1845 годы. Это вполне естественно, ибо это было годами подъема движения, когда восстанием была охвачена значительная часть территории современного Казахстана. Из данной таблицы видно, что наиболее активно поддерживали Кенесары кипчаки,[2] торткаринцы, джагалбайлинцы, табынцы, таминцы, чумекеевцы, баганалинцы, шектинцы,

[1] Род Адай был одним из многочисленных казахских родов. Он насчитывал до 20 тыс. кибиток. Адаевцы зимовали на Мангышлаке, на полуострове Бозачи и на Усть-Урте.

[2] «Во время бытности моей в плену, с 1838 года кипчаковцы оказывали Кенесары особенную помощь в двух случаях: первое — в апреле 1839 года в нападении на бая Балгоджу Оренбургского ведомства, и второе — в числе того же года при вторжении в Кокчетавский округ» — из показаний пленного Лобанова. (Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5071, лл. 100 — 105).

алчинцы, киреевцы, жаппасовцы, аргынцы и некоторые другие роды.

Из перечисленных казахских родов не все участвовали в борьбе против царской России. Такие казахские роды, как Чумекей и Чумышлы-табын, жившие в глубине казахских степей, почти не сталкивались с Россией. Эти роды зимовали и кочевали по рр. Сыр-Дарье и Куван-Дарье и в песках Кзыл-Кум. Территориально они граничили с Хивой и Кокандом. Чумекеевцы и чумышлы-табынцы испытывали тяжелый гнет кокандских и хивинских беков. Поэтому эти казахские роды присоединялись к восстанию Кенесары, чтобы избавиться от притеснения среднеазиатских ханств. То же самое следует сказать о казахских родах Старшего жуза (Дулат, Жалаир, Найман). Когда центр восстания переместился в районы Старшего жуза, то эти казахские роды присоединились к Кенесары не потому, что здесь они испытывали гнет царских завоевателей, а потому, что они подвергались гнету кокандских беков.

Некоторые исследователи отрицают участие Аргынского и Жаппаского родов в восстании Кенесары. Например, М. И. Стеблин-Каменская утверждает, что Аргынский род, предводительствуемый Чегеном Мусиным, не присоединился к Кенесары и на этом основании приходит к заключению, что до 1845 года в рядах повстанцев не было аргынцев. Но дело в том, что название «Аргын» имеет собирательное значение, поскольку в этот род входили многочисленные подроды, разбросанные по всей территории Казахстана, например, Карпыковский, Темешевский, Каракесекский, Атыгаевский, Караульский. Часть названных подродов, как это видно из нашей таблицы, принимали активное участие в восстании. Правда, до 1845 года часть Аргынского рода, находившаяся в ведении бия Чегена Мусина, не примыкала к восстанию. Но в связи с постройкой царских укреплений в центре кочевий Аргынского рода, и эта часть аргынцев также присоединилась к восстанию Кенесары.[1] И сам родоначальник Аргынского рода Чеген Мусин хотя и был в почете у властей, теперь начал проявлять враждебные настроения к султанам-правителям, которые без его согласия разрешили заложить укрепления на территории Аргынского рода. Вот что писал он Ахмету Джантюрину в 1845 году:

[1] «Вся орда аргынцев со всеми аулами и скотом своим уже успели откочевать из здешних окрестностей и присоединиться к шайке хищных киргизов мятежника Кенесары». — из донесения майора Томилова к Обручеву.

(Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, лл. 243 — 249, 1846).

«Вы дали мне золотые серьги. Надев их на шею, я сделался девушкой, женщиной и, надев бархатный кафтан, сделался юношей... Золотом и серебром получил деньги. На моей земле степной султан Ахмет устроил укрепление и из русских дал мне войско. Что делать? Я доволен Ахметом. Остается только надеть на голову волосы и взять в рот усы. Сделаю и это! Вера у нас одна и язык родной. Вы допустили совершить подобное дело. Я бессилен. Обещанию твоему исходатайствовать от царя милость мы изъявили было удовольствие, но произошло такое дело и не знаю отчего. Думаю, что ты от престольного султанства, а я от должности бия отстанем. Есть пословица: «Птица летает крыльями, а садится хвостом». Совещание наше не согласовалось, и поэтому не думаю, чтобы я был должностной бий, а ты престольный султан. Я полагал, Ахмет будет советоваться со мною и что я буду говорить свои мысли ему. Но это случилось не так, и я посоветовался сам с собою. Отчего это. Не знаю».[1]

Относительно Жаппаского рода надо сказать то же самое. Известная часть Жаппаского рода (Калкаман) участвовала в восстании и поддерживала Кенесары в 1838 и 1843 годах. Не поддерживали Кенесары только те Жаппаские подроды, которые находились в ведении враждебно настроенных к повстанцам зауряд хорунжего Толегенова Джангабыла[2] и Алтыбая Кобекова, аулы которых Кенесары в 1845 году подвергал разгрому. В официальной переписке властей, на основании этого факта, вообще отрицается участие Жаппаского рода в восстании, а сам Кенесары выдается за непримиримого врага Жаппаского рода. В неосновательности такого утверждения легко можно убедиться, если обратиться к фактам.

Нападению Кенесары на жаппасцев предшествовала посылка в 1844 году Наурызбая в составе 100 есаулов к Жаппаскому роду за сбором закята. В это время некоторые подроды жаппасцев, во главе с Алтыбаем и Джангабылом тесно были связаны с царской Россией и отчасти с Кокандским ханством. Жаппасцы исключительно хорошо встретили Наурызбая и его есаулов, обещали собрать причитавшийся с них закят, на вечер им устроили угощение, а затем распределили по аулам. К ночи, когда есаулы Наурызбая предались сну, зауряд хорунжий Жангабыл, собрав своих приверженцев, решил

---

[1] *Крафт.* — Из киргизской старины, стр. 1 — 10, 1900.

[2] *Джангабыл Толегенов* — зауряд хорунжий, бий, начальник 46 дистанции, управлял Карачуровским отделением Жаппаского рода. Кочевал он между Тургаем и Тоболом, а зимовку имел на р. Сыр-Дарье.

(Истор. архив КССР. ф. 4, оп. 1, д. 3404, связ. 310, лл. 83 — 106)

убить Наурызбая с его есаулами. В этих целях «Жангабыл для пользы своего решительного предприятия и ободрения своих единоверцев... распускал разглашение, что за ним следует и тотчас прибудет сильный русский отряд для уничтожения мятежников, и что кто откажется или уклонится от причинения мятежникам всевозможного вреда, тот подвергнется строгой ответственности ,и потому почти все жаппасцы, каких только Жангабыл встречал, дружно последовали убеждению его... восстали против мятежников и стали уничтожать всех попадавших из них».[1] Когда Жангабыл, совершив убийство есаулов Наурызбая, дошел до его коша (палатки), Наурызбаю было уже сообщено одним жаппасцем о готовящемся на него нападении, и он с немногими своими спутниками скрылся.

Из сотни есаулов Наурызбая было вырезано 95 человек, среди убитых был любимый батыр Кенесары — Байтабын; он долго отстреливался, но в конце концов его загнали в болотистую местность, где и застрелили.

По поводу этого зауряд хорунжий Жангабыл Тулегенов в своем рапорте Оренбургской Пограничной Комиссии писал: «Находясь в верноподданстве России, в чем и присягали, и желая отомстить врагам нашего государя, мы убили из числа врагов 95 человек».[2]

Кенесары особенно тяжело пережил гибель Байтабын-батыра. Омар Шипин в своей «Истории о 7 батырах» приводит рассказ есаула Тулегена, в то время находившегося вместе с Наурызбаем. Когда Кенесары стало известно о гибели Байтабына, то он со всеми своими приверженцами на 3 дня объявил траур. На четвертый день батыру соорудили надгробный памятник. Этот памятник сохранился до сих пор. Место, где он сооружен, называется «Байтабын донызы», а место гибели Байтабына называется «Байтабын соры».

После происшедших событий Кенесары послал своих представителей во главе с Жалпаком к Чегену Мусину, родоначальнику Аргынского рода, с просьбой выступить посредником в примирении «жаппасцев с ним по вышеозначенным происшествиям, и доставить вместе с тем ему сведения, сам ли Наурызбай виновать в этом или более жаппасцы».[3]

В то же время, желая проучить родоначальников жаппасцев, Кенесары совершил вооруженное нападение против аулов

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5450, лл. 137 — 140. Рапорт Ахмета Джантюрина Оренбургскому военному губернатору, 19 ноября 1840 года.

[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5450, л. 123.

[3] Чкаловский Гос. истор. архив ф. 6, д. 5450, лл. 137 — 140.

зауряд хорунжего Джангабыла и других организаторов убийства, в результате чего был разгромлен целый ряд аулов жаппасцев. Было отогнано значительное количество скота у Жангабыла, Алтыбая, султана Омарова, местного начальника Мурзабек Кулманова, Нимана Алтыбаева и всех тех, кто организовал убийство есаулов Наурызбая. В отдельных случаях при нападении на аулы жаппасцев допущена была излишняя жестокость в отношении мирных аулов, которые не были повинны в гибели посланцев Кенесары.

Но значительная часть жаппаских подродов, не причастных к убийству есаулов Наурызбая, продолжала активно поддерживать повстанцев. Об этом свидетельствует показание одного из организаторов убийства есаулов Наурызбая, жаппаса Елемеса Султабаева, данное султану-правителю Ахмету Джантюрину: «...султан Кенесары Касымов, как он питает на меня и зауряд хорунжего Жангабыла Тулегенова злобу за убитых нами в прошлом году приверженцев Кенесары, чтобы он не напал на нас, мы двинулись аулами к Сибирской Линии. Но из числа наших однородцев отделились 120 аулов к Тургаю, которые при всем убеждении нашем, чтобы не отделиться, отвечали, что они не откажутся от Кенесары, потому что они не участвовали в убийстве его приверженцев».[1]

Кенесары никогда не считал жаппасцев своими политическими врагами. Чтобы уладить конфликт, он в 1845 году послал к Жаппаскому роду своего представителя для ведения переговоров о заключении перемирия. Он требовал «заплатить кун только за трех — Байтабына, Каная и третьего неизвестного. Вместе с тем прислали бы ему тех лошадей, на коих они были, и три бывших при них сабли, и затем он не будет питать к жаппасцам никакой злобы и случай этот предаст салавату».[2]

Итак, мы разобрали, какие казахские роды участвовали в восстании Кенесары, и указали причины, почему некоторые казахские роды в отдельные годы отходили от восстания, а некоторые роды вовсе отсутствовали в рядах восставших. Однако картина участия различных родов в восстании была бы неполной, если бы мы не указали районы зимовок и кочевий родов, участвовавших в восстании. Следующая сводка о районах кочевий, составленная на основании материалов Красов-

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, д. 5610, лл. 102—122.
[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, л. 72.

ского,[1] Мейера,[2] Галкина[3] и одной таблицы 1840 года,[4] сохранившейся в делопроизводстве Оренбургской Пограничной Комиссии, дает представление о территориальном охвате восстанием различных районов Казахстана. В нашей таблице приводятся данные о территориальном расположении казахских родов Младшего и Среднего жузов. Казахи Старшего жуза в основной своей массе присоединились к восстанию только на последнем этапе, когда центр движения переместился из районов Тургая и Иргиза (Младший жуз) в пределы Семиречья.

Название рода	Какого жуза	Месторасположение родов	
		Зимовка	Летовка
Чиклинский род	Младший жуз	Северо-западная часть Аральского моря, Большие Барсуки	По р. Уралу
Китинский род	"	"	"
Алчинский "	"	"	"
Табынский "	"	В песках Барсуки	По р. Эмбе
Таминский "	"	"	"
Чумекеевский "	"	Кара-Кумы, р. Сыр-Дарья и Куван-Дарья	Рр. Тобол и Ульконк
Чумышлытабынский "	"	"	"
Торткаринский "	"	р. Сыр-Дарья	р. Иргиз и Мугоджарские горы
Шектинский "	"	Южнее Аральского моря и на р. Сыр-Дарье	От р. Ори и Эмбы до Иргиза
Каракисякский "	"	"	"
Джагалбайлинский род	"	р. Орь, Суванлык, Иргиз	Около Верхне-Уральска по Иргизу и Ори
Алтынский род	"	Сыр-Дарья, Куван-Дарья и Кара-Кумы	По р. Тургай, Ульконк и Тобол
Жаппаский "	"	р. Сыр-Дарья	Между Тоболом и Тургаем, около Троицка

[1] *Красовский* — Область сибирских киргизов, 1868.
[2] *Мейер* — Киргизская степь Оренбургского ведомства, 1865.
[3] *Галкин* — Этнографический материал по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПБ, 1867.
[4] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, связ. 247, д. 2794, лл. 16—17.
Кроме того, использованы материалы о казахских родах П. Небольсина, приведенные в книге «Рассказы проезжего», СПБ, 1854; материалы о казахских родах и их кочевьях записаны автором со слов султана-правителя Ахмета Джантюрина.

Название рода	Какого жуза	Месторасположение родов	
		Зимовка	Летовка
Киреевский род	Средний жуз	По р. Тоболу и Тургаю	По р. Тоболу, Убагану, Тогузаку — кочевали смешанно с аргынцами и кипчаками
Сеекечевское отделение (Алчинский род)	"	По берегам Каспийского моря, у Гурьева городка	По рр. Калдын-анте и Бунтурге.
Кипчакский род	"	На левой стороне Иртыша	Окрестности Акмолинска, Ак-Куля и Таничикуля
Баганалинский род	"	Бассейн р. Каракунуз и нижнее течение р. Сары-Су	Близ Ишима, южнее Атбасарской станицы
Алтаевский род	"	Окрестности Актавских гор и течение Атасу	Верховья рр. Ишима, Нуры, Чидерты и на Сары-Су
Карпыковское отделение (Аргынский род)	"	"	"
Темешевское отделение (Аргынский род)	"	Среднее течение Сары-Су и Голодная степь	Нура, Сары-Су и Ишим восточнее Акмолы и южнее Каркаралинска
Аргынский род	"	р. Тургай	Между р. Тургаем и Тоболом
Андабульское отделение		Горы Кзыл-Тау, Далба (южная часть Баян-Аул)	По всему течению рр. Чалерму и Уленты
Козгиновское отделение (Аргынский род)	"		

В данной таблице отсутствуют названия многих подродов, например — Калкаман, Сумрун, Чалтак — Жаппаского рода; Джакаим, Тлеукабак — подроды Чиклинского рода и др. Эти подроды и отделения нами сознательно объединены в роды под названием Жаппаский и Чиклинский и др. роды, поскольку они кочевали вместе на одной и той же территории.

Приведенные данные о казахских родах и их кочевьях свидетельствуют о чрезвычайно широком распространении восстания Кенесары. Но при этом мы должны еще раз указать, что не все перечисленные роды вступили в борьбу одновременно. Восстание Кенесары, охватившее весь Казахстан, явилось совокупностью локальных, следующих друг за другом, очагов борьбы. В этом была слабость восстания, возглавленного Кенесары.

Однако мы знаем, что казахский род в классовом отношении не являлся однородным, поэтому приведенные нами данные еще ничего не говорят о классовом составе участников восстания Кенесары.

Классовый состав участников восстания не был однородным.

Испытывая на себе двойную тяжесть — колониального гнета царизма на северо-западе и среднеазиатских ханств на юге и патриархально-феодальной эксплоатации султанов и биев, — широкие массы казахского народа пошли за Кенесары, ожидая, что его победа облегчит ставшие невыносимыми условия жизни.

О причинах присоединения к повстанцам казахи говорили, что они «претерпевали крайнее насилие и вымогательства». В частности, Джангуты Бумантаев из Сарымовской волости в своем показании Актаускому коменданту заявил: «Не из страха к Кенесары, а от одних только притеснений, налагаемых татарами и каркаралинскими русскими, удалились в глубь степи, единственно только для того, чтобы в удалении насладиться спокойствием».[1]

То же самое говорили в своих показаниях, данных Актаускому коменданту, бий Сокур и старшина Базар: «Удаление наше в глубь степей произошло не от чего-либо другого, как только от утеснений, причиненных султаном Худаймендой, татарином Бегешем».[2]

Присоединившимся к восстанию Кенесары обещал не только землю, но богатую жизнь. Об этом говорят показания приверженцев Кенесары: когда в Оренбургской Пограничной Комиссии их спросили, почему они присоединились к Кенесары, ответ у многих был один: «Кенесары нам обещал богатую жизнь». Турлубек Темагинов из Баганалинского рода на допросе заявил: «Присоединился к Кенесары для того, чтобы обогатиться».[3]

Другой приверженец Кенесары Тайман Меирманов, служивший у Кенесары сотенным начальником (жуз басы), сказал: «Присоединился к Кенесары потому, что в орде он прославился и будто бы кто в шайку его поступит, тот будет богат, сего пожелав он, Меирманов, со всем своим семейством перекочевал к Кенесары».[4]

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 82, д. 167, связ. 19, л. 399 об. 1839.
[2] Истор. архив КССР, ф. 82, д. 167, связ. 19, л. 636, 1840.
[3] ЦГИА, Глав. архив 1 — 9, д. 1, лл. 489 — 499.
[4] ЦГИА, Глав. архив 1 — 9, д. 1, лл. 465 — 466. «Выписка из показаний, отобранных 23 ноября 1845 г. от киргизов, высланных из шайки мятежного султана Кенесары в степь Оренбургского ведомства».

Кроме того, требования Кенесары, предъявленные им царскому правительству о возвращении отнятых им казахских земель и уничтожения построенных укреплений, прекращения налогового обложения и взимания всевозможных пошлин, а также его борьба с Кокандским и Хивинским ханствами за возвращение ранее принадлежавших казахам земель, — отвечали жизненным интересам казахского народа. Кенесары писал: «Нынешнее начальство... меряет земли, строит укрепления и тем беспокоит народ».[1] В другом письме он писал: «В нашем с вами веке земля стеснилась, воды усохли. Русские пришли и отняли у киргизов землю».[2] То же отмечал султан-правитель Ахмет Джантюрин: «Султан Кенесары остается совершенно недовольным заведением в степи укреплений и решительно всем своим киргизам говорит: «начальство... отнимает самые лучшие места у киргизов».[3]

Кенесары не просто возмущался захватом казахских земель, но и решительно звал народ к борьбе за возвращение отнятых земель. Он угрожал властям: «Намерен истребить и выжечь совершенно Новую Линию, потому что она заселена на принадлежащей азиатцам земле».[4]

Ведя непрестанную борьбу с кокандским ханом, Кенесары преследовал цель возвращения казахам отнятых земель Старшего жуза. По поводу этого председатель Оренбургской Пограничной Комиссии писал в Азиатский Департамент: «Старание его (Кенесары — Е. Б.) покорить Кокандские земли имеет собственно ту цель, чтобы впоследствии наделить ими киргизов».[5]

Кенесары резко протестовал также против налогового обложения казахов. В письме, адресованном Николаю I, он писал: «С народа нашего начали собирать ясак и чинить оному разные притеснения», это «для нашего народа крайне прискорбно».[6] В другом письме, адресованном генералу Горчакову, он писал: «С киргизского народа берете пошлину, следова

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, д. 2621, лл. 893 — 896. Из письма Кенесары к Оренбургскому военному губернатору, 1845.

[2] ЦВИА, д. 1201, л. 204. Из письма Кенесары Сибирскому генерал-губернатору.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2755, л. 579. Из рапорта Ахмета Джантюрина председателю Оренбургской Пограничной Комиссии, 6 сентября 1845 года.

[4] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2547, лл. 12-16. Из показания Мухаммеда Рахим Адилова и татарина Валии Халитова, побывавшего в ставке Кенесары.

[5] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 6, лл. 171 — 172. Из донесения председателя Оренбургской Комиссии в Азиатский департамент, 20 ноября 1845 года.

[6] Истор. архив КССР, ф. 82, оп. 1, д. 169, л. 14. Кенесары — Николаю I.

сильно вы нас притесняете... и с налогом жить нам в ведении вашем никак невозможно».[1]

Кенесары развернул борьбу под лозунгом «восстановления древней их (казахов) независимости»,[2] т. е. создания самостоятельного Казахского государства.

Близкие и понятные народным массам требования естественно втягивали в борьбу и казахскую бедноту, в том числе и байгушей, джатаков и егинщей.

Об участии байгушей в восстании рассказывают многие русские чиновники, побывавшие в ставке Кенесары. Военнопленный А. Иванов, захваченный повстанцами близ Екатерининской станицы, по возвращении из плена на допросе заявил, что при Кенесары находится «1 500 малолеток киргиз и пастухов».[3]

Царский лазутчик Минбай Тяукин, специально ездивший в ставку Кенесары, сообщает: «Видел бедность и безоружность Кенесары; употребляемая им пища состоит из близких к смерти измученных лошадей, — заметил совершенное безвкусие в одежде... Они живут как обыкновенные байгуши».[4]

И, наконец, имеется указание Мейера о том, что: «Стекались под его (Кенесары — Е. Б.) знамена большей частью только бездомные удальцы».[5]

Об участии байгушей и джатаков в восстании говорится и в казахской народной песне:

> Степь дымилась красными кострами,
> Степь пылала местью и войною...
> Ни один джатак не знается с изменой,
> Не бывал байгуш предателем ни разу!
> Только богачи, привыкшие к продаже,
> Погубили дело Кенесары...»[6]

Активное участие принимали в восстании также егинши — хлебопашцы. В архивных источниках встречается упоминание

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 82, оп. 1, д. 169, лл. 15 — 16. Кенесары — Горчакову.

[2] *Середа Н.* — Указ. соч., «Вестник Европы», 1870, VIII, стр. 567.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2442, лл. 23 — 33.

[4] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2560, связ. 220, л. 37.

[5] *Мейер* — Степь Оренбургского ведомства, стр. 57, 1865.

[6] «Сказ о Кенесары», «Песни киргиз-казахов», стр. 90. ГИХЛ, 1932. (Песни о Кенесары записаны на урочище Ак-Кудук в Дельбегетее, Семипалатинской обл. в 1918 году Н. Феоктистовым со слов старого казахского певца-рассказчика Акжибека Барменова, который в свою очередь эту песню слышал от своего деда акына Кудайбергенова. «Мне пелл когда-то песню эту прадед мой, акын Кудайбергенов, чьи давно лежат сухие кости в Каменной долине»).

об участии в восстании сгынцей Шектинского, Кичкине-Чектинского и Торткаринского родов,[1] живших по берегам Сыр-Дарьи.

В восстании участвовали также казахи-хлебопашцы, жившие по берегам Тургая и Иргиза. Как известно, Тургай и Иргиз были центром повстанческого движения.

В своем показании, данном полковнику Бизанову, брат Кенесары Абулгазы заявил: «Задержанные же со мною киргизы, хотя приверженцы Кенесары, но по бедности находились у хлебопашцев».[2]

В своем показании Черман Асатов сообщил: «Кроме приверженцев при султане Кенесары находится тюленгутов более 300 кибиток, они постоянно зимой и летом кочуют с ним неразлельно. Тюленгуты при нем находящиеся разных родов Средней и Малой орды, в числе коих есть караульцы атаганцы, уваковцы и Кирей».[3]

Вполне понятно, что в условиях войны тюленгуты нужны были для Кенесары в качестве военной силы. Не случайно поэтому присоединившиеся к повстанцам тюленгуты в основной своей массе выполняли роль военных дружинников. Даже отдельные казахские роды, присоединившиеся к восстанию, считали себя кенесаринскими тюленгутами. Этот факт говорит о временном возвышении роли тюленгутов как военной силы.

Однако такое временное возрождение тюленгутства как военной дружины не изменяет общую тенденцию, явно наметившуюся в развитии института тюленгутства, — отмирание его как военной дружины и превращение в феодально зависимых людей. Об этом же говорит положение тюленгутов у самих родственников Кенесары, не примыкавших к восстанию, в частности Чингиса Валиханова, у султанов Аблаевых, Рустема и других. Эти султаны вели деятельную переписку с властями по поводу превращения своих тюленгутов в крепостных. Аналогичное положение с тюленгутами было почти у всех султанов, не примыкавших к восстанию. Поскольку этот вопрос подробно рассмотрен нами в главе о «Социальных отношениях», ограничимся этими замечаниями.

Наконец, в составе войск Кенесары находились наиболее влиятельные, пользующиеся всеобщей известностью, батыры всех казахских жузов. Соратниками Кенесары были такие батыры, как Агыбай из рода Шубыртпалы (Средний жуз — Каркаралинск), Жанайдар-батыр из рода Суюндук (Средний

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2547, л. 28.

[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 5, д. 5410, лл. 184 — 185.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, лл. 941 — 944. Гери — Ладыженскому, 26 июня 1845 года.

жуз — Баян-Аул), Иман Дулатов (дед Амангельды),[1] из рода кипчаков (Средний жуз — Тургай), Жоламан Тленчиев из рода Табын (Младший жуз — Сыр-Дарья), Бугубай-батыр из рода Дулат (Старший жуз — Джеты-Су), Ангал-батыр из рода Атыгай (Средний жуз — Кокчетау), Басыгара-батыр из рода Кипчак (Средний жуз — Акмолинск), Жеке-батыр из рода Аргын (Средний жуз), Джауке, Сураншп и Байсеит-батыр из рода Дулат (Старший жуз).

Социальный состав батыров Кенесары был неоднородным. Наряду с батырами — выходцами из народных низов (Агыбай, Бухарбай, Джеке-батыр и др.) в составе кенесаринских батыров находились прославленные батыры, в частности Наурызбай — выходец из среды феодальной аристократии, султан, батыр Жоламан Тленчиев — бий Табынского рода, по словам председателя Оренбургской Пограничной Комиссии ген. Генса,[2] имел 800 лошадей, 2000 баранов и 50 верблюдов.[3]

Все перечисленные батыры поддерживали Кенесары до конца восстания. О каждом из них сохранилось множество песен, легенд и сказок. Некоторые батыры оставили личные воспоминания. Наряду с этим в архивных документах сохранились имена отдельных батыров, не до конца поддерживавших повстанцев. Это относится ко времени ухода Кенесары из степей Центрального Казахстана в пределы Старшего жуза. Например, отказался поддерживать Кенесары батыр Таук, Сыпагай-батыр и некоторые другие из Старшего жуза. За неимением указаний в архивных материалах, не представляется возможным до конца вскрыть причину отхода от восстания отдельных батыров.

Следует отметить, что внешняя угроза порабощения сплачивала силы батыров и, несмотря на разнородный социальный состав, они до поры, до времени действовали сообща. В конечном счете, разнородный социальный состав батыров не мог не сказаться на исходе движения. Наши сведения о социальном составе батыров мы черпаем главным образом из фольклорных материалов. Архивные источники ограничиваются почти исключительно характеристикой боевой деятельности батыров и сообщают о них лишь отрывочные сведения.

Ценность фольклорного материала о Кенесары и его сподвижниках увеличивается благодаря тому, что большинство этих материалов записано в конце XIX в. и в начале XX века со слов самих батыров Кенесары и второстепенных участ-

[1] Амангельды Иманов, руководитель восстания казахов 1916 года.

[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 156, д. 3, лл. 31 — 49. Рукоп. Г. Ф. Генса.

ников восстания. Некоторые материалы записаны современниками этих событий. Особенный интерес представляют воспоминания, записанные Т. Титаковым в 1900 году со слов батыров Кенесары — Шинбая Мынбаева (брат Агыбая — Е. Б.) и Бектемирова.[1] По их словам, отец Агыбая — Олджабай, из рода Шубыртпалы, вместе со своими братьями Манабаем, Танабаем, Мынбаем (которые со своими сородичами составляли 62 семейства), с первых же дней примкнул к восставшим. Все они сражались в войсках Кенесары. Танабай, в частности, был одним из военачальников Кенесары и пользовался огромным уважением среди повстанцев. Сам Олджабай был тоже батыром.

Мать Агыбая была из рода Таракты, кочевавшего в нынешней Акмолинской области. После смерти отца, 13-летний Агыбай остался со своей матерью. Все богатство их состояло «из одного верблюда, из одной лошади, другого скота не было».[2] Не имея средств на пропитание, мать Агыбая часто без всякого разрешения забирала у своих богатых соседей масло, молоко и другие продукты. Дошло до того, что однажды отец Кенесары — Касым вынужден был потребовать у нее прекратить такие выходки и перестать беспокоить своих соседей.

Агыбай участвовал в посольстве Саржана, Есенгельды и Ержана к Ташкентскому кушбеки в 1836 году. К восстанию Кенесары он примкнул уже зрелым батыром, прошедшим суровую жизненную школу. Агыбай был ровесником Кенесары и первым его военным советником. Кенесары никогда не звал его по имени, всегда шутливо звал его «Косе» (безбородый) и очень любил и уважал его. Люди, лично знавшие Агыбая, следующим образом характеризуют его внешность: «У Агыбая была реденькая, жидкая борода, начинавшаяся прямо с подбородка (казахи называли таких голощекими — «косе»). Он был высок ростом, широкоплеч, с глубоко сидящими глазами. Он был длинорук и любимым его оружием была девятиузловая пика, красиво украшенная кольцами. Она висела у него на крепком кожаном ремне из кожи кулана. На спине у него был круглый щит, а на боку — ярко блестевшая на солнце сабля и кривой короткий меч».[3]

---

[1] *Титаков Тулмык*—Материалы о Касыме Аблайханове Кенесары, Наурызбае, Агыбае Олжабаеве и др., на казахском языке. (Материал записан со слов батыров Кенесары — Шинбая Мынбаева — 88 лет, Бектемирова — 90 лет, в 1900 году). Тетр. стр. 29, хранится в рукоп. фонде Ин-та языка и литературы АН КазССР.

[2] Там же, стр. 29 — 30.

[3] *Титаков Т.* — Материалы к истории Касыма Аблайханова, Кенесары, Наурызбая и Агыбая Олжабаева и др., стр. 4 — 5. Хранится в рукоп. фонде Ин-та языка и литературы АН КазССР.

Об исключительном уважении повстанцев к Агыбаю свидетельствует следующий разговор Кенесары с одной из его жен. Однажды ханум спросила Кенесары: «Вы в своих войсках некоторым присваивали воинские звания — мын басы, бес жус басы,[1] почему не присваиваете какого-либо звания «косе» (т. е. Агыбаю)?». На это Кенесары ответил ей: «Если авангард моих войск бросается в бой с лозунгом «Аблай!», то следующие за ним воины наступают с именем Агыбая. Вот почему я не присваиваю ему воинского звания».[2]

Агыбай до конца восстания оставался преданным Кенесары. После гибели Кенесары, Агыбай с родом Шубартпалы откочевал в пределы нынешней Акмолинской области и 83-х лет умер в местечке Кайракты. Его памяти посвящена народная поэма «Агыбай-батыр», сложенная во второй половине XIX века.

Другим знаменитым батыром Кенесары был дед Амангельды — Иман, из рода кипчаков. Он родился в 1780 году в б. Тургайском уезде, в местечке Дулат Кзыл-жары. Отец Имана — Дулат имел маломощное хозяйство. Иман присоединился к Кенесары в 1839 году. Во время осады отрядом Кенесары крепости Кок-Алажар на берегу р. Есиль, гарнизон долго отстреливался, не допуская повстанцев. Тогда, незаметно подкравшись с небольшим отрядом, Иман-батыр ударил с тыла, ворвался в крепость и этим решил исход боя. После окончания боя Кенесары, собрав своих сарбазов,[3] выразил свое восхищение подвигом Имана. Он сказал: «Очень я доволен, что со мной был Аякен,[4] превзошедший по своей силе тигра, по хитрости — лисицу».[5] С тех пор Кенесары в знак уважения звал батыра — «Аяке». Иман, как старший по возрасту, также входил в военный совет Кенесары.

Бухарбай-батыр из рода Табын (Младший жуз, район Сыр-Дарьи) тоже был одним из ближайших соратников Кенесары. Интересные черты из своей биографии Бухарбай расска-

---

[1] Мын басы, бес жус басы — в переводе на русский язык: глава тысячи сабель, пятисот сабель.

[2] *Титиков Т.* — Материалы к истории Касыма Аблайханова, Кенесары, Наурызбая и Агыбая Олджабаева и др., стр. 12. Хранится в рукоп. фонде Ин-та языка и литературы АН КазССР.

[3] Сарбазы — дружина.

[4] Ласкательное имя Имана.

[5] Воспоминания об Иман-батыре записаны со слов 81-летнего Дусан Карабаева и Кошуибек Балыкова (племянник имана) Жакипбаевым — научн. сотрудником АН КазССР во время научной экспедиции в Тургайскую обл. 1940. Рукопись хранится в рукоп. фонде Ин-та языка и литературы АН КазССР, стр. 6 — 8.

зывает в своих воспоминаниях,[1] получивших широкое распространение в народе. Он сообщает один эпизод, связанный с нападением кокандцев на казахский аул Куреша.[2] Узнав о разграблении аула и уводе людей в плен, Бухарбай-батыр со своей дружиной пустился вдогонку за кокандцами. Он настиг их, отбил скот и освободил пленников. Среди них он заметил девушку-красавицу, дочь бая Куреша. По возвращении из аула Бухарбай-батыр обратился к Курешу с просьбой отдать дочь за него замуж. Куреш ответил, что он разорился, так как кокандцы угнали много скота; поэтому без калыма в размере 47 голов скота он не может выдать свою дочь за него замуж. Тогда Бухарбай-батыр сказал: «У меня нет ни одной головы скота, как же я могу дать такой большой калым?» — и взглянул при этом на девушку. Тогда она встала с места и сказала своему отцу: «Если бы Бухарбай не отбил нас от кокандцев, я была бы сейчас рабыней какого-нибудь кокандского бека. Заслуга Бухарбая достойна того, чтобы не требовать с него калыма. Я твердо решила выйти замуж только за него».[3]

Этот случай сам по себе достаточно красноречиво говорит о том, из какой бедняцкой среды вышел Бухарбай.

В других фольклорных материалах о Бухарбае говорится о его подвигах и исключительной популярности среди народа.

Некоторые отрывочные сведения имеются в фольклорных материалах и о других батырах. Так, например, ныне здравствующий акын Омар Шипин[4] в своей «Краткой истории о семи батырах», написанной на фольклорном материале, дает следующие сведения о Худайменды-батыре:

«У Худайменды-батыра, — пишет Шипин, — феодал Сандыбаев Ерден отнял невесту и, не предоставив ему пастбищ у Кара-Кенгыря и Сар-Кенгыря в Улу-Тау, прогнал его. Тогда Худайменды сбежал из своего аула и присоединился к Кенесары».[5]

О социальном лице отдельных батыров Кенесары сохранились сведения и в архивных источниках. Так, поручик генерального штаба Герн, в 1845 году побывавший в ставке Кенесары, отмечая общую бедность его приверженцев и скудность пастбищ, мимоходом замечает, что в ауле Жеке-батыра «хо-

---

[1] Рассказ «Бухарбай-батыр» записан со слов Мусульманкула Жиреншина, хран. в рукоп. фонде И-та языка и литературы АН КазССР.

[2] Аул Куреша кочевал при Сыр-Дарьинских степях.

[3] Рассказ «Бухарбай-батыр» (на каз. языке).

[4] Соратник Амангельды Иманова, живет в Кустанайской обл.

[5] *Шипин Омар* — Краткая история о семи батырах (на каз. языке). Рукоп., хранится в рукоп. фонде Ин-та языка и литературы АН КазССР.

ров не более 15 или 16».[1] Настоящее имя Жеке-батыра было Тулебай, а Жеке-батыром Кенесары назвал его за храбрость, проявленную во время штурма Акмолинска в 1838 году. Жеке-батыр в переводе на русский язык означает: «Отличившийся среди других батыров».[2]

Факт, сообщаемый поручиком Герном, что Жеке-батыр имел всего лишь 15—16 коров, означает, что аул Жеке-батыра, состоявший из 5—10 юрт, едва мог обеспечить минимальные потребности своего населения.

В другом документе отмечается, что «особенным расположением и доверием Кенесары пользуются... из других приближенных — батыры из простых киргизов: Жеке, Жанайдар, Сутен и Чокмар».[3]

Итак, видно, что часть батыров Кенесары вышла из гущи народных масс.

В движении Кенесары участвовали и представители социальных верхов казахского общества — султаны, родовая знать. Часть из них пошла за Кенесары с самого начала борьбы вместе со своими феодальными дружинами и осталась верной ему до конца. Это были, главным образом, ближайшие родственники самого Кенесары. Согласно показанию султана Сеил-хана,[4] до конца 1846 года неразлучно находились с Кенесары следующие его родственники-султаны: Наурызбай, Иржан Саржанов, Худайменды, Сейлхан Бигалиев, Ураз Болинов, Басалка Тохтамышев, шурин Кенесары, и другие.

Кроме них среди приверженцев Кенесары были оппозиционные царизму султаны и бии, лишившиеся после введения «Устава о сибирских киргизах» 1822 года своих привилегий или интересы которых были так или иначе ущемлены, или же это были обедневшие султаны. Часть из них также поддерживала повстанцев до конца восстания.

Один из оппозиционно настроенных к царизму султанов Сарымн Турсынханов на допросе заявил, что он присоединился к восставшим потому, что «из них не был сделан ни один старшим султаном, а дано было звание сие простому бию.[5]

Об активном участнике восстания султане Кошай Юлба-

---

[1] *Серебренников* — Туркестанский край, т. V. Ташкент, 1914, стр. 70.
[2] *Калеев Ж.* — Указ. соч., ч. II, стр. 180 (на каз. языке).
[3] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5450, лл. 35—38, Записки о действиях мятежного султана Кенесары Касымова.
[4] ЦГИА, Глав. архив 1—9, д. 1, лл. 491—495, Копия с журнального постановления по делу приверженцев Кенесары, во главе с Сеилькханом. 8 января 1847 года.
[5] ЦГВИАЛ. ф. 9, азиат. департ. 4 отд., связ. 208, д. ч. 1, л. 102, 1842.

рысоре чиновник пограничного управления Сердюков писал: «Состояние бедное и людей у него нет».[1]

Другая часть султанов примкнула к движению под напором масс из-за боязни потерять богатство и влияние среди народа. Среди них были даже отдельные султаны, занимавшие те или другие должности в новой системе управления степью. Не случайно начальник пограничных сибирских киргизов полковник Талызин в своем донесении в 1838 году писал о них: «К хищнику явно присоединились уже не только большая часть султанов Акмолинского округа, но даже многие из Баян-Аульского, Каркаралинского и Кокчетавского. Все остальные султаны, наружно оставшиеся верными правительству, находились в тайных сношениях с Кенесары».[2] Эти султаны были временными попутчиками восстания. Они поддерживали повстанцев только на первом этапе восстания (1837 — 1838 гг.). Когда восстание начало распространяться на значительную часть казахской территории, охватывая район за районом, тогда многие из султанов (Маман Аблаев, Конуркульджа Кудайменлин, Кучук Айчуваков, султан Даиров, Кубеков и др.) изменили движению, перешли в лагерь противника.

Кучук Айчуваков из лагеря повстанцев тайно писал полковнику Талызину: «Прошу извинить меня о неприбытии моего в приказ. От Кенесары удаляемся, мы почитаем его неприятелем».[3]

Султан Даиров в своем письме Талызину также сообщал о своей готовности уйти из лагеря повстанцев. Он писал: «Против государя сопротивляться и вооружаться никогда не намерены и вреда сделать не думаю и где бы я ни был, всегда готов служить верно царю».[4]

К восстанию Кенесары примыкала также родовая знать — бии и др. крупные феодалы, например, Чон Едигинов, Чорман Кучуков, Муса Черманов и др. Последний спас себя от разорения присоединением к повстанцам. В случае отказа «озлобленный мятежник хотел отбарымтовать весь его скот».[5]

Муса Черманов, выгораживая себя и выражая свою искреннюю преданность царю, писал оренбургским властям: «Никогда не присоединялся к Кенесары и не поддерживал его

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 162, лл. 303 — 319, 1844.

[2] ЦГАДА, Гос. архив, разряд XI, д. 1217, лл. 2 — 11, 1845. Записка о действиях мятежного султана Кенесары Касымова.

[3] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 181, л. 199.

[4] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 181, л. 225.

[5] Истор. архив КССР, ф. 82, л. 151. Из показаний Толегена Джамантелина, побывавшего в ставке Кенесары.

борьбу. Он меня приглашал, но я отказал ему. Вам известно, я всегда вел борьбу против злодейства Кенесары».[1]

Правительство через своих агентов поддерживало с родовой знатью и султанами постоянную связь. Обещая сохранить за ними богатства и земли, оно советывало им отделиться от «скопища» Кенесары Касымова. На решающих этапах восстания они действительно покинули повстанцев и перешли на сторону царского правительства.

Участие в восстании отдельных родовитых биев и крупных феодалов наложило серьезный отпечаток на весь ход восстания. Пережитки патриархально-родовых отношений и центробежное стремление крупных феодалов, биев, не заинтересованных в создании единого государства, серьезным образом мешали сплочению сил восставшего народа. Кенесары по отношению к ним действовал разными методами. Иногда он сносился с казахскими родами через голову родоначальников и распространял прокламации и воззвания непосредственно среди народа. Иногда он старался привлечь к восстанию самого бия данного рода. Однако не всегда удавалось Кенесары оторвать казахские роды от их родоначальников. Например, родовитый бий Чеген Мусин, управляющий Кушкаровским отделением Аргынского рода, до 1845 года не присоединился к восстанию. Оставались в стороне от борьбы и подчиненные ему подроды. Кенесары безусловно считался с авторитетом Чегена Мусина среди своих сородичей и не вступал с ним в открытое вооруженное столкновение.

Влияние и авторитет Чегена Мусина, как и других родоначальников, основывались на силе патриархально-родовых пережитков в казахском обществе. Эти пережитки обусловливали признание авторитета и власти своего родового «вождя».

То же самое надо сказать и в отношении Исета Котибарова.

Чем объяснить оторванность Исета от восстания Кенесары?

Главная причина этого кроется опять-таки в пережитках патриархально-родовых отношений, в родовой замкнутости и в местничестве. Исет Котибаров, являясь родоначальником Тлеу-Кабацкого подрода рода Шекты, в своих письмах, адресованных к отдельным казахским султанам, называет свой род «Тлеукабацким народом»[2] и интересы своего подрода ставил выше общенародных интересов. Когда Кенесары отказался разбирать один его родовой иск из-за давности, Исет, оби-

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, д. 28, лл. 140 — 143.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, связ. 242, л. 24. Из письма Исета к султану Айчуавкову.

девшись на Кенесары, прервал с ним сношения. Кроме того, надо учесть старую родовую вражду между шектинцами и торткаринцами. Все попытки Кенесары завязать дружественные с Исетом отношения и объединить силы восставших родов остались безуспешными.

Типичная для Казахстана локальность, замкнутость движения, а также господство патриархально-родовых отношений ярко сказались в поведении Исета. Кенесары, хорошо понимая, что Исет своей борьбой против общего врага — царизма — облегчит борьбу народных масс, не вступал с ним ни в какие военные конфликты. Оторванность Исета от восстания Кенесары только лишь подтверждает, насколько сильны были родовые предрассудки, и как они мешали объединению сил восставшего народа и, вместе с тем, наглядно показывает, как отдельные батыры в процессе борьбы срастались с родовой феодальной знатью.

По отношению к слабым и маловлиятельным родоначальникам Кенесары действовал путем запугивания, иногда применяя и военную силу.

В этом отношении характерным является поход Кенесары против султана Худаймендина. По поводу этого похода побывавший у Кенесары Тасбулатов заявил: «В самом скорейшем времени намерен выступить по направлению к Каркаралинску для угона оставшихся у старшего султана сего округа подполковника Худаймендина и таковового же Каркаралинского округа Джамантая лошадей, а равно разграбления их аулов, за то, что Джамантай между киргизами бранил Кенесары и делал совместно с Худаймендиным вспоможение русским отрядам».[1]

Следует отметить, что Кенесары очень хорошо знал и понимал настроение таких феодалов. Однако, ставя перед собой целью создание широкого фронта борьбы с царской Россией, Кокандом и Хивой, он стремился любым путем включить в него как можно больше участников. Ему нужны были союзники, пусть даже временные и неверные. Когда же не оставалось никакой надежды заполучить тех или иных султанов или родовых биев в качестве союзников, он пытался нейтрализовать их, хотя бы путем запугивания. В этом отношении характерно письмо Кенесары биям Байтюре и Каракучеку Назаровского отделения. В этом письме он просил их: «Признайте меня ханом, будьте моими; я хочу сблизиться с вами... Если раскаетесь в делах ваших, то пусть лучшие из вас прибудут ко мне. Я много милостив к вам. Ежели не явитесь, то я, прожив в

[1] Истор. архив КССР, ф. 82, д. 167, связ. 19, л. 93 — 93 об.,1838.

ожидании вас 30 лет, — 30 лет буду карать вас. Надеюсь на бога. Посылаю к вам слугу своего Бабука, верьте словам его».[1]

Таким образом, среди повстанцев Кенесары мы находим самых разнообразных представителей тогдашнего казахского общества, начиная от виднейших султанов и родовитых биев и кончая байгушами — аульной беднотой.

Само собой разумеется, что такой пестрый состав участников восстания не мог не привести рано или поздно к ослаблению движения и, в конечном счете, к неизбежному его поражению.

Особо следует остановиться на вопросе об участии в восстании представителей иных национальностей. При этом надо учесть, что в прошлом угнетенные народные массы казахов сочувственно относились к борьбе русского народа. Это особенно ярко проявилось во время Пугачевского восстания, когда казахи не только оказывали восставшим крестьянам материальную поддержку, но и сами стали под знамя Емельяна Пугачева, однако таких случаев было мало. В первой половине XIX в. были созданы некоторые предпосылки для более частого общения казахов с русским населением. Это было вызвано следующими обстоятельствами.

В 20 — 30-х годах XIX века царские власти насильственно переселяли крестьян из центральных районов России на окраины империи, в том числе и на границы с Казахстаном. Крестьяне были не довольны своим переселением на непривычные для них места и очень сочувственно относились к восстанию казахов. Не довольны были царским режимом и новобранцы, служившие в Сибирских и Оренбургских частях.

С первых же дней восстания к Кенесары присоединяются отдельные представители различных национальностей, живших в районах восстания. Вместе с казахами поднимались на борьбу с общим врагом — царизмом — те русские, татары, башкиры, которые скрывались в казахской степи от преследования властей.

Они служили у Кенесары в качестве оружейников, предводителей отрядов. Об их участии в восстании поручик генерального штаба Гери писал: «При Кенесары находится много казахов от всех родов, подвластных Сибирским и Оренбургским губернаторам. Вместе с ними были пятеро русских, четверо башкир и шестеро татар. Некоторые из них изготовляют оружие, боеприпасы для армии Кенесары».[2]

Кроме названных русских, выполнявших роль оружейных

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2125, л. 125.
[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2126, л. 17.

мастеров, были еще беглые солдаты, находившиеся на командных постах. К ним, в частности, относились солдаты Белешев и Малкин. Очень интересные сведения о Малкине сообщает в своем донесении Аюшин: «Кенесары, женив его на богатой невесте, сделал его начальником, дав ему под команду 40 человек, с которыми имеет его при своей ставке... Теперь говорят, что при Кенесары первым есаулом Хусни (башкирец), а Кичик[1] вторым... Кичик прославился там борцом, и Кенесары-хан дал ему имя Батырмурат».[2]

Правительство через своих послов и лазутчиков старалось собрать сведения о количестве беглых солдат, служивших в войсках Кенесары. Когда отправляли посольство Герна в ставку Кенесары, генерал Обручев специально поручил ему узнать, «нет ли в аулах Кенесары беглых русских подданных (что уже известно по слухам), если есть, то склонить его к выдаче нам».[3]

Беглый русский служил у Кенесары также в качестве его личного секретаря.

Русский офицер барон У-р, попавший в плен к Кенесары, рассказывает, как его по прибытии сразу представили к секретарю Кенесары, неизвестному русскому, который был бритый и носил казахский халат. Этот неизвестный русский категорически отказался говорить барону У-ру, из какой губернии он происходит. Об этом беглом русском сообщали сведения возвращенные русские пленные и лазутчики царских властей. «Для перевода у него есть два человека... один татарин из города Троицка, другой русский, выдающий себя за офицера».[4]

Некоторые беглые русские солдаты в качестве рядовых воинов участвовали в разных военных походах Кенесары. Во время сбора закята с жаппасовцев, среди 200 джигитов, возглавляемых Наурызбаем, находился Николай Губин, он был личным его адъютантом. Во время нападения жаппасовцев Губин находился в коше вместе с Наурызбаем, но, не успев сесть на коня, попал в плен. Впоследствии он был выдан пограничным оренбургским властям.

Далее характерным является то, что попавших к казахам русских пленных Кенесары уговаривал остаться, обещая им

---

[1] Кичик — имя Малкина.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. доп., д. 191, лл. 4 — 5.

[3] *Серебренников* — Туркестанский край, т. V, стр. 92. Ташкент, 1914.

[4] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5450, лл. 25 — 28. Записка о последних полученных сведениях о мятежном султане Кенесары Касымове.

хороших невест. Пленный П. Федоров, побывавший у Кенесары, на допросе заявил: «Кенесары неоднократно уговаривал меня презирать православную веру, предоставляя жениться на самой лучшей из девиц, от чего, однакож, отговорился под разными предлогами».[1]

Кенесары не придерживался лозунга «газавата» — священной войны против «неверных», так усиленно пропагандировавшегося в то время среднеазиатскими ханами и духовенством. Обычно кокандский и хивинский ханы выступали в своей захватнической, завоевательной деятельности, прикрываясь лозунгом «газавата». Так было во время восстания Саржана Касымова, когда кокандский хан, преследуя цель захвата казахских земель, призывал Саржана к священной войне с русскими и к объединению мусульманства. Это был безусловно реакционный лозунг. Кенесары же с распростертыми объятиями встречал всех бежавших к нему представителей других народов. И соответственно знаниям и опыту — доверял им соответствующие посты. В армии Кенесары служило много башкир и татар. Об их участии в борьбе председатель Оренбургской Пограничной Комиссии генерал Генс писал: «У них (казахов — Е. Б.) находится много башкирцев и татар... можно ожидать предприятий важнейших».[2]

Башкиры, как правило, были искусными мастерами по изготовлению оружия и даже, по некоторым сведениям, пытались отливать для Кенесары пушки. Так, в одном из своих донесений султан Ахмет Джантюрин, основываясь на показаниях своих лазутчиков, писал Оренбургской Пограничной Комиссии: «В настоящее время Кенесары распускает между киргизами слухи, что у него два башкирца взялись лить пушки, для чего он дал им в помощь десять человек киргизов, оставив их для этой работы при озере Ак-Куле; из числа материалов известен только один уголь, который он доставил им несколько возов, выжженный из деревьев саксауловых».[3]

В армии Кенесары служили беглые татары, большинство из них находилось на командных постах. Один татарин, Алим Ягудин, был даже членом военного совета. После поражения восстания он был сослан в г. Пелым. Известный исследователь истории Сибири И. Завалишин писал, что он в 1859 году лично знал Алима Ягудина, служившего в свое время «совет-

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 82, оп. 1, д. 170, связ. 19, л. 10, 1842.
[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 166, д. 3, лл. 31 — 49, Рукоп. Г. Ф. Генса.
[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, лл. 243 — 249.

ником, духовным другом и дипломатом у известного киргизского султана Кенесары Касымова».[1]

Трудно полностью определить степень и значение участия представителей других народностей в восстании. Но можно с уверенностью сказать, что они внесли в борьбу элемент организованности и передали повстанцам свой военный опыт.

В лагере Кенесары были также каракалпаки, туркмены, киргизы и узбеки. Среди них особенно отличился узбек Сайдак-хожа Оспанов, получивший образование в Самарканде и Бухаре. В дипломатических переговорах, а также в управлении ханством он был самым доверенным помощником Кенесары. Царское правительство придавало исключительно большое значение деятельности Сайдак-хожа Оспанова. Впоследствии Сайдак-хожа Оспанов был захвачен в плен. В официальных правительственных документах о нем сказано: «Оспанов, отличаясь особенным умом и даром слова, есть один из главных помощников Кенесары, который преимущественно употреблялся для сбора закята и склонения ордынцев на его сторону и при взятии его при нем найдены разные приказания и воззвания к ордынцам».[2]

Таков был состав участников восстания Кенесары. Несомненно, что только участие широких народных масс, боровшихся за близкие и понятные им цели, прежде всего за возврат потерянных пастбищ, обеспечило восстанию широкий размах, только благодаря поддержке народа это восстание могло длиться десять лет. Но так же несомненно, что не народным массам, а средне-феодальным слоям, заинтересованным в ликвидации прежней патриархально-феодальной раздробленности Казахстана, принадлежала в этом восстании руководящая роль. Мы убедимся в этом, когда познакомимся с ходом восстания и политическими мероприятиями Кенесары. Пока лишь отметим, что такая расстановка общественных сил в борьбе была закономерна, потому что национально-освободительная борьба Кенесары развивалась в условиях феодализма при сильных пережитках патриархально-родового быта. Народные массы не могли освободиться от господства и влияния своей феодальной верхушки, пока господствовали в Казахстане патриархально-феодальные общественные отношения и родовой быт.

[1] *Завалишин И.* — Описание Западной Сибири, т. III, Сибирско-киргизская степь, стр. 3, 1867.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2620, лл. 250 — 253.

Глава 6

СТИХИЙНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ САРЖАНА И ЖОЛАМАНА

Возмущение народных масс, вызванное активизацией колонизаторской политики царизма в Казахстане и агрессией среднеазиатских ханств, нарастало постепенно, прежде чем приняло характер широкого и длительного восстания под руководством Кенесары Касымова. В 20-х и 30-х гг. оно проходило в локально ограниченных рамках в форме сравнительно быстро затухавших вспышек, в которых уже чувствовались признаки надвигавшейся бури. Таким предвестником восстания Кенесары Касымова было движение Саржана Касымова и Жоламана Тленчиева в 20 — 30-х годах XIX века.

Батыр Жоламан Тленчиев возглавил борьбу казахов Младшего жуза. Впервые он выступил еще в 20-х годах XIX в. во главе Табынского рода против царских колонизаторов, отобравших у его рода Ново-Илецкий район, богатый пастбищами, реками и соляными копями.

Захват этих земель проходил сначала под предлогом проведения нового тракта для перевозки илецкой соли. Когда новый тракт был построен, укрепленную линию перенесли на р. Илек, якобы для обеспечения безопасности возчиков. Ново-Илецкая Линия состояла из 29 укреплений. Лучшая часть земель — 7 тысяч десятин в районе рек Урала, Илека, Бердянки и Курата — была казахами потеряна. Правительство стало заселять эти земли крестьянами и казаками Оренбургского и Уральского войск. Казахи же, по мере постройки укреплений, вытеснялись из своих кочевий. Этот захват и послужил причиной восстания Жоламана. Первоначально он пробовал отстаивать права казахов мирным путем. В письме, посланном в 1822 года Оренбургскому военному губернатору Эссену, Жоламан писал:

«При Абул-Хаир-хане киргизам дано было право пользоваться сенокосами на внешней стороне р. Урала и рыбными ловлями в половину той же реки; до 1810 года киргизы владели этим правом беспрепятственно, но после того Россия заняла р. Илек, воздвигла форпосты и издала запрещение пользоваться предоставленными в прежнее время местами, а мы с немалыми аулами в степях, не имеющих ни лесов, ни хорошей воды, претерпеваем нужду.

В степях Рын-пески около р. Узени и Самары ныне русские имеют большие караулы, которые в скотоводстве киргизам делают стеснения, а потому мы просили снять форпосты и караулы, но разрешения не получили. Вторично просим мы разрешения владеть теми правами, как было до 1810 года, и степя-

ми между р. Уралом и Илеком беспрепятственно пользоваться, но также ответа не получили...»[1]

Несмотря на то, что эта попытка добиться справедливости потерпела неудачу, Жоламан год спустя снова обратился с письмом к тому же Эссену. В этом письме, врученном 6 августа 1823 года уряднику Плешкову для передачи Эссену, Жоламан очень четко и ясно раскрывает главные причины недовольства казахов и излагает их требования.

«Твердо надеемся, — писал Жоламан, — что Высочайшая е. и. в. воля не должна быть в том, чтобы поступать с нами таким наглым образом. В каковом случае я, тархан, с прямого Вашего усердия прошу уступить нам попрежнему Рын-пески и земли по реке Узене, занимаемые нами под кочевку, как по зимним, так и по летним временам, и степную сторону р. Урала, да и реку Илек по обеим сторонам, исключая одну только Илецкую защиту, все же форпосты и отряды, учрежденные по оным местам, снять, а ежели сего учинить Вам невозможно, то прошу я всеподданнейше представить о сем е. и. в. И так за невозвращением из С. Петербурга посланников наших: султана Арунгазия Абулгазиева и тархана Юсуфа Сарымова (Жусупа — сына знаменитого батыра Срыма — Е. Б.) ордынцы наши почитаются весьма недовольными, не ведая о том, по какой причине государь император возвратиться им сюда высочайше не позволяет; когда б они наши настояния уважили и приняли во внимание, то тогда бы мы, конечно, представиться могли е. и. в. предовольными, а инако ордынцы наши отнюдь спокойными и довольными быть не могут...»[2]

Далее в письме Жоламан требовал освобождения казаха Тюленбая Кундукова, находившегося в Оренбургской тюрьме и осужденного на поселение в Сибирь, ставя его возвращение условием освобождения находившегося у него в плену есаула Падурова.[3]

Как и следовало ожидать, и это письмо осталось без ответа. Тогда Жоламан 3 сентября 1823 года обратился к Эссену с новым еще более пространным посланием. Но и на это письмо Эссен не ответил, прислав вместо того подарки Жола-

---

[1] «Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии», 1906, вып. XVI, стр. 11. *Севастьянов С.* — «События в Оренбургском крае, подготовившие экспедицию в Хиву 1839 — 1840 гг.»

[2] «Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии», 1906, вып. XVI, стр. 118.

[3] Есаул Падуров вместе с прапорщиком Медведевым был взят в плен казахом Чоку 1 июля 1823 г. и затем передан им Жоламану, который освободил его 1 ноября 1823 г., после длительных переговоров с оренбургскими властями.

ману, стоимостью в 327 рублей, отпущенных, впрочем, лишь для «вящего успеха освобождения пленных». Одновременно Оренбургская Пограничная Комиссия сообщила Жоламану, что дальнейшие переговоры он должен вести через хана Ширгазы, которого Жоламан остро ненавидел, как предателя, изменившего своему народу. Так безрезультатно окончились попытки Жоламана добиться мирным путем удовлетворения жизненных требований казахов, разоренных царскими властями.

Неоднократный провал таких попыток в конце концов толкнул Жоламана на путь вооруженной борьбы. Его отряды стали нападать на пограничные заставы, кочевья султанов-правителей и т. п.

Для преследования Жоламана Тленчиева не раз снаряжались в степь карательные отряды. Однако отважный батыр со своими джигитами легко ускользал от их преследования, иногда нанося при этом чувствительные удары противнику. Одновременно восставшие казахи вели борьбу и против хана Ширгазы — преданного агента русского царизма, активно участвовавшего во всех операциях против Жоламана Тленчиева Хорунжему Биккинину осенью 1823 года, приезжавшему к Жоламану для переговоров об освобождении пленного есаула Падурова, Жоламан заявил, что он ведет войну против России из-за учреждения Линии по реке Илеку, «внутри коей прежде он с киргизами имел удобное место для продовольствия скота своего, а теперь должен кочевать в бескормных степях, что для них все равно умирать с голоду или погибнуть за свои поступки, что если не будет отдана в пользу ордынцев Ново-Илецкая Линия, не сняты будут караулы, находящиеся при Узенях и Камыш-Самаре... то ордынцы не перестанут делать набеги на Линию».[1]

Но особо широкий размах восстание Жоламана приняло в 1835 году. К этому времени стали стихийно подниматься на борьбу казахи Джагалбайлинского, Жаппаского, Алчинского, Аргынского, Кипчакского родов, у которых были отрезаны земли в связи с проведением Новой Линии между Орском и Троицком, всего более 10 000 кв. км земли.

Положение этих казахских родов становилось невыносимо тяжелым. Чтобы спасти от гибели свой скот, они вынуждены были кочевать близ пограничной территории и платить за кочевание огромные суммы. Эти казахские роды являлись наиболее недовольными и часто нападали на прилинейные укрепления, торговые караваны и на аулы султанов-правите-

[1] Материалы по истории Казахской ССР (1775 — 1828), стр. 449. Изд. Академии наук СССР, 1940.

лей. В одном из своих донесений султан-правитель Восточной части Оренбургского ведомства Худаймендин писал: «В настоящее время между ордынцами нашими, пребывающими в здешней стороне, расстройство и спокойствия нет. Чиклинцы и джагалбайлинцы от преданных нам ордынцев угнали миллион (так в подлиннике — Е. Б.) штук разного скота, убили при том 50 человек».[1]

Нападения на аулы султанов-правителей казахи объясняли тем, что эти султаны «не стараются у правительства нашего выпросить позволения пасти стада киргизские».[2] Таким образом, это была не обычная барымта, как это утверждали царские власти, а борьба против своих угнетателей, продавшихся царизму.

Когда началось восстание казахов Среднего жуза, во главе с Кенесары Касымовым, Жоламан поспешил ему на помощь. Он явился объединителем борьбы значительной части казахских родов Младшего жуза. Через своих агентов он призывал всех казахов, кочевавших близ пограничной Линии, переходить в глубь страны и присоединяться к восстанию Кенесары.

Повстанческое движение здесь особенно возросло в 1838 году, когда в Младшем жузе появились вожди народного восстания в Букеевской орде — Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов. Таким образом, к середине 1838 года казахи, кочевавшие близ пограничной Линии от Илецкого городка до крепостей Орска и Троицка, были охвачены восстанием и начали массами откочевывать в район Тургая и Иргиза.

Для возвращения ушедших казахов и для подавления восстания Жоламана, царское правительство направило в степь три отряда. Отряд полковника Мансурова должен был выступить из Орска, другой отряд, в составе 750 солдат, под командой полковника Падурова — из Оренбурга, а третий отряд — полковника Геке — со стороны Илецка.

Однако всем этим отрядам не суждено было достигнуть успеха. Отряд Мансурова 16 августа, настигнув аулы торткаринцев, захватил множество их скота. Далее ему предстоял еще длительный путь до Иргиза.

Совершая многодневные переходы, отряд, наконец, достиг реки Иргиз, но не застал кочевья Жоламана Тленчиева; двигаться же дальше он не мог, так как люди и лошади были совершенно истощены. Полковник Мансуров со своим отрядом вынужден был вернуться.

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 1236, л. 4.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 1036, л. 195.

Отряд Падурова, имевший специальное задание во что бы то ни стало подавить восстание Жоламана, а его самого взять живым в плен, так же бесславно кончил свой поход. Полковник Падуров, питавший особую ненависть к Жоламану со времени своего пленения, идя с юга быстрыми переходами, в августе достиг Бель-Агач и Кара-Торгая. Здесь ему донесли, что батыр Жоламан с 500 аулами казахов Табынского, Тамынского, Джагалбайлинского, Алчинского, Жаппаского, Шектинского, Торткаринского родов ушел в пределы Тургая и Кара-Кумов. Это совпало с прибытием Кенесары во главе казахов Среднего жуза в пределы Оренбургского края.

Таким образом, и полковнику Падурову также пришлось вернуться обратно.

Как указывает председатель Оренбургской Пограничной Комиссии Генс, Жоламан негодовал «за то, что его в России называют разбойником, тогда как он по своему мнению воюет с Россией явно и не разбойничает. Он по крайней мере имеет в готовности 3 000 человек войск».[1]

Требуя возвращения отобранных земель, Жоламан писал войсковому атаману Уральского казачьего войска генерал-майору Бородину: «При том есть и наша просьба. Дайте Рынпески ровно и трех речек Узени, как во время ханства Абулхаира наш народ пользовался оными, а если сие сделать невозможно, хотя бы снять Новую Линию по р. Илеку заведенную. Тогда нас считайте приятелями. Когда просимые мною места отдадите, то мы будем приятелями, а если не отдадите, то врагами».[2]

Борьба за землю, за потерянные пастбища составила основное содержание движения Жоламана Тленчиева. Та же борьба лежала в основе движения и Саржана Касымова в Среднем жузе, хотя в движении Саржана были сильны и другие мотивы, чуждые восстанию Жоламана, а именно — политические мотивы, стремление к возрождению Казахского ханства, под главенством султанов, потомков хана Аблая. Толчком к движению Саржана послужило введение в жизнь «Устава о сибирских киргизах» 1822 года. К проведению в жизнь этого «Устава» царское правительство приступило не сразу. Сначала оно решило провести соответствующую подготовительную работу. С этой целью в степь, в отдельные казахские роды были посланы царские агенты — казахские султаны, которые доказывали необходимость основания приказов. Они

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 166, д. 3. Рукоп. Генса Г. Ф., лл. 31 — 49.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 1036, л. 141.

утверждали, что приказы, якобы, открываются для защиты интересов местного населения и т. д. Необходимость такой агитации вызывалась тем, что в противоположность основной части султанов широкие народные массы с самого начала были против основания приказов.

В 1824 году для открытия первых приказов в Казахской степи были снаряжены две экспедиции, одна — под командой управляющего Омской областью полковника Броневского в Каркаралинск, другая — подполковника Григоровского в Кокчетав.

Достаточно было появления экспедиции полковника Броневского в Каркаралинском районе, как казахские массы поднялись на борьбу. Стихийно восставшие массы стали сосредоточиваться в районе Каркаралинских гор.

Убедившись в невозможности уговорить казахов, полковник Броневский обратился к местным султанам, крупным феодалам-баям с просьбой оказать ему содействие в проведении Устава. Как и следовало ожидать, султаны и крупные бии действительно помогли Броневскому. На своем совещании они дали согласие, якобы, от имени народа на открытие приказов. Как писал Красовский: «Собравшиеся к месту открытия первого окружного приказа знатнейшие султаны и старшины народные не замедлили изъявить свое согласие на принятие нового устройства и, таким образом, 8 февраля 1824 года открыли Каркаралинский округ, в состав которого вошло, по примерному исчислению, до 20 тысяч кибиток».[1]

Так, 8 февраля 1824 года, при активном участии султанов и биев, царскими властями был основан первый Каркаралинский приказ, во главе которого стал старший султан, подполковник Турсун Чингисов.

В этом же году был основан подполковником Григорьевским Кокчетавский приказ. Эти приказы стали аванпостами царизма в деле дальнейшего закабаления Казахстана.

Во главе стихийно восставших масс Каркаралинского и Кокчетавского приказов стал брат Кенесары Касымова — султан Саржан, который с 1824 по 1836 год вел неутомимую борьбу с царскими колонизаторами и ага-султанами. Саржан требовал уничтожения приказов, увода войск из Казахской степи и возвращения казахам былой вольности.

В 1825 — 1826 годах под знамя Саржана Касымова встали восставшие казахи Хожанского, Таминского, Айдабульского

---

[1] *Красовский* — Область сибирских киргиз, ч. I, стр. 103 — 104. Материалы для географии и статистики России за 1868 г.

и Байдавлетовского родов.[1] К этому времени число повстанцев достигло значительной величины. В донесении Каркаралинского окружного приказа от 14 июля 1826 года говорилось: «Сии последние, имея в скопище своем до 1 000 человек, разъезжают вблизи волостей и, присылая в оные своих фискалов, устраивают нападения, грабежи на тех, кои остаются непреклонными».[2] Ряды восставших с каждым днем росли. В середине 1826 года Саржан перенес свою ставку на урочища Бугалы и Тагалы. Здесь к нему присоединились казахи Каракисековской, Уйсуновской, Джагалбайлинской и Чоровской волостей.[3] Саржан со своим братом Исенгельды разъезжал по аулам и призывал к борьбе с властями и ага-султанами. Особо острую ненависть он питал к султанам Букеевского рода, в частности к старшему султану Каркаралинского приказа Турсуну Чингисову.

Сообщая местным властям о намерениях Саржана Касымова, управляющий Омской областью полковник Броневский писал: «К Саржану стекаются все разбойники. Они нарушают общее спокойствие в Орде, возмущают легкомысленных киргизов и вредят вводимому Российским правительством порядку... Султан Саржан к 1825 году, питая ненависть к султанам Каркаралинского округа — Турсуну Чингисову и другим за покорность их России, отважился даже собрать многочисленную толпу вооруженных и напасть на округ».[4]

В августе 1826 года Саржан со своим отрядом предпринял поход на Каркаралинский приказ. Весть о появлении Саржана в окрестностях Каркаралов произвела огромное впечатление на царские власти и ага-султанов. Турсун Чингисов тотчас же обратился за помощью к Омскому областному начальнику полковнику Броневскому, который немедленно откомандировал к нему отряд под командой сотника Карбышева. Благодаря своевременному прибытию этого отряда разгром Каркаралинского приказа был предотвращен. Отряд Карбышева «успел поставить преграду злоумышлению султана Саржана Касымова». Таким образом, плохо вооруженные восставшие массы на первых порах вынуждены были отступить. Однако уже это первое выступление представляло серьезную угрозу для царской администрации. Об этом несколько позже коллежский ассесор Путинцев писал в своем рапорте полковнику Броневскому: «Каркаралинский приказ поставлен был в совер-

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 5, лл. 14 — 15.
[2] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 5, л. 16.
[3] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 5, лл. 35 — 38.
[4] Записки ген.-майора Броневского о киргизах, «Отечественные Записки», стр. 87 — 88, ч. 42, 1830.

шенную необходимость командировать отряд против султана Саржана Касымова, замышлявшего сделать возмущение между киргизами Каркаралинского округа, угрожавшего неизбежным разорением киргизов, в ведомстве оного состоящих, и даже нападением на самый приказ».[1]

Власти деятельно преследовали руководителей восстания — «главных возмутителей». В течение 1825 — 1826 годов, в частности во время нападения повстанцев на Каркаралинский приказ, был захвачен ряд боевых соратников Саржана Касымова.

Лишенные своих родных кочевий, казахи многих волостей в течение 1827 — 1830 годов начали откочевывать в глубь страны. Так, казахи Тараклинской и Карсаковской волостей в количестве 1426 юрт ушли за горы Ак-Тау.

В целях их возвращения, начальнику отряда при Акмолинском приказе полковнику Шубину было предписано оказать помощь Каркаралинскому округу. Было снаряжено несколько отрядов, однако все они возвращались ни с чем. Более того, своими нападениями на аулы мирных кочевников эти отряды вызывали озлобление казахов. Только лишь во время экспедиции Карбышева у местных казахов отобрали 100 баранов, 36 меринов, 10 ковров и т. д.

К началу 1832 года Саржан вновь перешел к активному наступлению. Из урочища Сулу-Коль он 1 марта 1832 года вместе с двумя братьями и отрядом в 400 человек напал на аулы верноподданных России биев Каркаралинского округа и отобрал 1 600 лошадей, не считая многого другого. Об этом нападении немедленно было донесено в Омск. Для преследования Саржана был направлен отряд сотника Потанина. Неподалеку от урочища Сулу-Коль завязался горячий бой. Не выдержав натиска отряда Потанина, на вооружении которого находилась артиллерия, отряд Саржана с наступлением темноты отступил. Сотник Потанин захватил в плен султана Касыма Джасыбекова, родственника Саржана, и еще четырех казахов. Достались ему и трофеи, в том числе 13 ружей, 112 лошадей и пр.

Эта неудача побудила Саржана в том же 1832 году обратиться к ташкентскому кушбеки с предложением о заключении союза для совместной борьбы против царских властей. Ташкентским кушбеки его предложение было принято. По этому

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 5. «О возмущении, учиненном киргизами Каркаралинского округа», лл. 1 — 2, 1826.

поводу барон У-р писал: «К нему (кушбеки — Е. Б.) явился Саржан с отцом и братьями и был принят как нельзя лучше».[1]

Вскоре Саржан с ташкентским кушбеки собрали значительное количество войск и разослали по степи воззвание и письма, призывая казахов восстать против царских властей.

Появление Саржана и ташкентского кушбеки в 1832 году в Среднем жузе встревожило царские власти. Западно-Сибирский генерал-губернатор Вельяминов срочно сформировал несколько отрядов и двинул их против повстанцев. И на этот раз восставшие понесли от царских отрядов значительные потери. Повстанцы были активно поддержаны только казахами Каркаралинского и Кокчетавского округов. Именно поэтому властям сравнительно так легко удалось подавить отдельные очаги этого стихийного восстания.

Преследуя повстанцев, царские отряды осадили два укрепления на р. Сары-Су, построенные ташкентским кушбеки, и овладели ими. Как пишет барон У-р: «Эти неудачи заставили кушбека отказаться от увлекательной мечты отнять у России Киргизскую степь, но не совсем охладили его воинственный жар».[2]

Однако, несмотря на неудачи, Саржан не прекращал борьбы. В течение 1833 года во главе небольших отрядов он неоднократно нападал на аулы подвластных царской России султанов и биев, а также на торговые караваны, пикеты и разъезды. Началось усиленное преследование. Так, генерал-губернатор Вельяминов приказал Омскому областному начальнику изловить Саржана Касымова, как опасного врага. «Бунтовщик султан Саржан, — писал он, — имеющий по знатности происхождения своего большое влияние вообще на всех киргизов Средней орды, предлагаю обратить на него и его сообщников и тайных агентов особенное Ваше внимание, стараясь при удобных случаях их ловить, а особливо последних, для предания их суду по всей строгости закона».[3]

Однако все попытки захватить Саржана оставались безуспешными. Саржан продолжал совершать свои набеги, скрываясь затем в пределы Ташкентских владений. Царским властям помогло неожиданное обстоятельство, а именно — гибель Саржана от руки наместника кокандского хана — ташкентского кушбеки.

В мае 1834 года ташкентский кушбеки, в сопровождении

---

[1] Барон *У-р* — Четыре месяца в Киргизской степи, «Отечественные Записки» за 1848 г., т. IX, стр. 150.

[2] Барон *У-р* — Там же, стр. 151.

[3] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 13, лл. 158 — 159, 1833.

Саржана, с шестью тысячами войска, вторгся в пределы Среднего жуза и расположился в Улу-Тауских горах, в 200 километрах от Кокчетавского округа. Кушбеки построил укрепление — «Курган» и разослал казахам до «двухсот возмутительных писем». В письме к биям Черману и Тлеулы он писал: «Мы, силой в сорок тысяч людей, с шестимесячной провизией пришли и остановились при местах Алачакан...».[1]

Для борьбы с ташкентским кушбеки был снаряжен отряд в тысячу человек при 6 орудиях, под командованием генерал-майора Броневского. Он выступил весной 1834 года из Акмолинского приказа, быстро дошел до Улу-Тау, но кушбеки, узнав об его приближении, бежал в сторону Голодной Степи, оставив небольшой гарнизон в Кургане, который вскоре сдался Броневскому. После этого ташкентский кушбеки уже не предпринимал походов против России. Саржан, теснимый царскими отрядами, попрежнему надеясь на поддержку кокандского хана, вернулся со своими сарбазами в район Старшего жуза. Здесь он пытался объединить разрозненные силы казахов Старшего жуза и присыр-дарьинских степей для совместной борьбы с царскими колонизаторами. Хотел он привлечь на свою сторону и казахов, подведомственных ташкентскому кушбеки. Это задело интересы кушбеки, желавшего использовать Саржана для подчинения себе казахов Среднего жуза. В результате возникшего на этой почве конфликта, ташкентцы летом 1836 года злодейски убили Саржана с его сыновьями. О подробностях этого убийства сообщает в своих воспоминаниях активный участник восстания Шинбай Мынбаев. Ташкентский кушбеки, узнав о деятельности Саржана в подвластных ему казахских степях, послал своего представителя к Касыму Аблайханову с просьбой прислать к нему своих сыновей для переговоров. Касым решил послать сыновей — Саржана, Есенгельды и Ержана с 20 джигитами. Среди них был тогда еще 19-летний Агыбай, впоследствии знаменитый батыр Кенесары.

«Узбекские беки, — рассказывает Мынбаев, — встретили прибывших гостей с большими почестями. Среди узбеков, выделенных ухаживать за гостями, находился один казах. Агыбай не сводил с него глаз, и, в свою очередь, казах пытался вступить в разговор с ним, но при узбекских беках это никак не удавалось. На четвертый день пребывания гостей ужин им подали поздно. Казах, воспользовавшись случаем, сказал Агыбаю, что узбекские беки готовятся их истребить, и что сам он из рода Шубыртпалы. Агыбай успел сказать, чтобы он оседлал его коня... Незаметно Агыбай выскользнул из юрты

[1] ЦВИА, ф. ВУА, д. 1117, л. 6.

и, вскочив на своего коня, первым сообщил Касыму о случившемся».[1]

По поводу убийства Саржана управляющий Омской областью полковник Талызин писал Оренбургскому военному губернатору: «Желание наше захватить его было безуспешно в течение почти 7 лет, наконец кокандский хан, во владениях коего кочевал Саржан, почувствовав всю тяжесть дурного поведения его и в отношении к ташкентцам, казнил с сыном в городе Ташкенте летом прошлого года».[2]

Царские власти придавали смерти Саржана Касымова серьезное значение. Однако их надежды на то, что со смертью Саржана Касымова прекратятся волнения в степи, не оправдались. Восстание Саржана Касымова, возникшее как стихийное выступление масс в ответ на введение «Устава о Сибирских киргизах» в Среднем жузе, сыграло очень большую роль. Оно подготовило массы к последующим боям и послужило серьезной школой политической борьбы.

В развитии борьбы 20 — 30-х годов явственно обнаружилась бесплодность разрозненных, локальных выступлений и опасность для самих руководителей восстания ориентировки на среднеазиатских владетелей. Эти уроки были учтены в восстании Кенесары Касымова — грандиозном выступлении масс, когда большинство населения казахских жузов поднялось под руководством Кенесары Касымова на борьбу с царскими колонизаторами, Кокандом и Хивой.

Глава 7

ВОССТАНИЕ В СРЕДНЕМ ЖУЗЕ

Убийство Саржана не надолго остановило дальнейший рост национально-освободительного движения казахов. Летом 1837 года началось новое, еще более мощное восстание, вскоре охватившее большую часть Казахской степи. Во главе этого восстания стал брат Саржана — Кенесары Касымов, сумевший придать движению еще невиданный доселе размах.

Внук хана Аблая, сын султана Касыма, Кенесары родился и вырос в семье, игравшей почти столетие руководящую роль в политической жизни Среднего жуза. Активная политическая деятельность была традицией семьи начиная от деда и кончая братьями и сестрами Кенесары, и это обстоятельство ока-

[1] Рукоп. фонд Ин-та языка и литературы АН КазССР. *Тштаков Т.* — О Кенесары Касымове и его приверженцах (рукоп.), стр. 21.

[2] Истор. архив КССР. ф. 64, оп. 1, д. 12, лл. 61 — 62.

зало глубочайшее влияние на формирование идейно-политических взглядов и характер будущего руководителя восстания.

Кенесары родился в 1802 году[1] в урочище Кокчетау, нынешней Кокчетавской области.

Особенно прославился дед Кенесары — хан Аблай (1711—1781 гг.) — потомок младшей линии султанов Среднего жуза, внук владетеля города Туркестана. В условиях сложнейшей международной обстановки Аблай стремился объединить разрозненные казахские земли под своей властью. Умело используя противоречия интересов своих соседей — царской России, Китая, Джунгарии, стремившихся к овладению Казахстаном — Аблай сумел отстоять фактическую независимость своей страны.

Характеризуя деятельность Аблай-хана, историк Левшин писал: «Превосходя всех современных владельцев киргизских летами, хитростью и опытностью, известный умом, сильный числом подвластного ему народа и славный в ордах сношениями своими с императрицею Российскою и Китайским богдыханом, Аблай соединял в себе все права на сан повелителя Средней орды. Уверенный в своих достоинствах, он искусно привлекал к себе приверженцев важностью своею и осторожным поведением; грозил врагам своею силою и признавал себя, смотря по нужде, то подданным русским, то китайским, а на самом деле был властитель совершенно независимый».[2]

По народным преданиям, свою юность Аблай прожил в изгнании, в нищете, работал батраком у богатых биев, а затем сражался в качестве рядового воина против джунгарских ойротов. Его необычайная отвага, мужество и находчивость быстро выдвинули Аблая в ряды известнейших батыров своего времени, а затем открыли ему дорогу к широкой государственной деятельности. В 1731 году он стал помощником хана Абулмамбета, от имени которого правил страной почти 40 лет. Лишь после его смерти в 1771 году Аблай стал ханом, официально признанным как Россией, так и Китаем.

Немудрено, что образ деда, прославленного в песнях и легендах, с детства был любим Кенесары. Он гордился Аблаем и неоднократно подчеркивал, что является продолжателем его дела и законным наследником его прав. Поэтому-то мы так часто встречаем упоминание имени Аблая в письмах Кенеса-

[1] В одной старинной песне, автор которой неизвестен, рассказывается, что Кенесары родился таким маленьким, что бий Чокай, взяв его на руки, сказал: «Он настолько маленький, что пусть будет имя ему «Кенесары», что в переводе на русский язык значит «желтый клещ».

[2] *Левшин А.* — Описание киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II, стр. 265, 1832.

ры к цар[illegible]им властям и в его воззваниях к различным казахским родам. Кенесары открыто и прямо заявил, что будет «ходить путем своего деда» и что он борется «за принадлежавшие его деду Аблаю земли». В своих воззваниях он напоминал, что «при Аблае казахи жили свободно и мирно». Имя Аблая было боевым кличем войск Кенесары.

В официальных царских документах сыновья Аблай-хана характеризуются так: «Во главе всех беспокойных стало семейство Касыма Аблайханова, которое по богатству, по родственным связям и по предприимчивости своей обладает огромным влиянием на умы киргизов и почитает происхождение свое от хана Аблая за законное право на верховную власть над всею Среднею ордою».[1]

Только отчетливо представляя отношение Кенесары к своему деду и к его политическому наследию, можно понять, насколько неправы те историки, которые пытаются изобразить деятельность Кенесары лишь как карьеристскую погоню за ханской властью. В отличие от других претендентов на ханскую власть, он выступал не как захватчик ее, а как человек, считавший, что он имеет на нее законное право, тем более, что власть означала для него возможность проведения в жизнь определенной политической программы, преемственно связанной с политической программой Аблая.

Большое влияние на Кенесары имел и его отец — султан Касым. Вся жизнь Касыма прошла в неустанной, но тщетной борьбе за продолжение дела Аблая и восстановление ущемленных прав своего рода. Касым мужественно выступал против агрессивных притязаний царизма.

Выдающиеся способности Касыма признавали даже его враги. Так, председатель Оренбургской Пограничной Комиссии Ладыженский писал о Касыме: «Он стоит выше простого разбойника, гоняющегося только за добычей и живущего грабежом. Он не из тех людей, которые появлялись в степи и при небольших усилиях со стороны правительства исчезали, не оставив после себя никаких следов. Он выше этих пришельцев и по происхождению, и по цели, и по способностям, следовательно пренебрегать им нельзя».[2]

Еще в начале 20-х годов XIX в. Касым решительно выступил против постройки укреплений на казахской земле. В письме, адресованном западно-сибирскому генерал-губернатору Капцевичу, Касым «требовал уничтожения приказа и удаления

[1] ЦГАДА, Гос. архив, разр. XI, 1845, д. 1217, лл. 2—11. Записка о действиях мятежного султана Кенесары Касымова. Автор не известен.
[2] *Рязанов А.* — Указ. соч., ч. II, гл. XV, стр. 163.

русских отрядов из степей».[1] В ответ на это требование царское правительство наводнило степь новыми отрядами и начало постройку Актауского укрепления, связанного с Акмолинском линией пикетов. Тогда султан Касым со своими сыновьями — Саржаном, Есенгельды и Кенесары— «вместе с 40 тыс. семейств из родов Алтын, Тока, Увак и др., покинув насиженные родные места Кокчетава и ушел в пределы Кокандского ханства».[2]

Направляясь в Коканд, Касым надеялся присоединить в освободительной борьбе подвластных Коканду казахов и заручиться поддержкой среднеазиатских ханств.

Однако попытка Касыма сотрудничать с кокандским ханом не увенчалась успехом. Наоборот, она привела к гибели его сыновей Саржана и Есенгельды, а позже и самого Касыма.

Попытки опереться не «единоверного» хана потерпели полную неудачу. Семье султана Касыма пришлось уйти из пределов Кокандского ханства и переселиться в урочище Улу Тау, на территория Сибирского генерал-губернаторства.

Таким образом, с детских лет Кенесары был не только свидетелем, но и участником борьбы, которую вел его отец Касым против царизма. Преследования, которым подвергали его семью власти, оставили глубокое впечатление на Кенесары.

Недаром, впоследствии вспоминая о тяжелых годах борьбы своего деда и отца, Кенесары писал: «Дед мой Аблай, родясь в Сибири и кочуя в Аягузском и Каркаралинском округах и в окрестностях их, был постоянно томим сибирскими отрядами и потому вел жизнь не совсем покойную. Отец мой Касым и дядя Саржан, кочуя в Кокчетавском округе и по р. Ишиму, тоже были беспрестанно преследуемы сибирскими отрядами».[3]

Нет сомнения, что тот факт, что Кенесары и его семье самим пришлось испытать на себе тяжесть колониального гнета, сыграл немаловажную роль в оформлении политического сознания Кенесары.

А пришлось ему испытать немало. В одном из своих писем Генсу Кенесары подробно перечисляет как его лично, по наго-

---

[1] ЦГАДА, Гос. архив, разр. XI, 1845, лл. 2 — 11.
[2] *Кенесарин Ахмет* — Кенесары и Садык (биогр. очерк), стр. 8, 1889.
[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2820, лл. 705 — 710.

вору султана Ямантая Букеева, отряды, посылаемые в степь, разоряли в 1825, 1827, 1830, 1831, 1832 и 1836 годах, потом два раза в 1837 году, 4 раза в 1838 и 3 раза в 1840 году».[1]

Таким образом, Кенесары лучше, чем кто-либо другой, мог понять и оценить страдания, которые приносило с собой наступление на Казахстан царизма и кокандского хана.

На путь вооруженной борьбы он встал еще в юные годы, сражаясь под руководством своего отца Касыма, а затем активно участвуя в восстании, поднятом его старшим братом Саржаном. Первое упоминание об участии Кенесары в рядах повстанческих отрядов Саржана относится к 1825 году.[2]

Однако до смерти Саржана в 1836 году Кенесары проявил себя лишь как отважный батыр, своей смелостью снискавший себе всеобщее уважение.

Как вождь восставших, Кенесары выступил на арену лишь после убийства его отца и брата.

В формировании политических взглядов Кенесары известную роль сыграла его семья, интересы которой были сосредоточены на борьбе за возрождение независимости казахского ханства. Этим она резко отличалась от других султанских семей, замкнувшихся в круг своих личных интересов. Это отметил еще известный казахский этнограф и собиратель фольклора Жусуп Копеев, который писал: «Кроме рода Касыма Аблаева, все прочие только беспокоятся о своем собственном благополучии и больше ни о чем не заботятся».[3]

Очень характерным моментом для семьи Кенесары является царившая в ней спаянность и дружба, вытекавшие не только из родовых связей и родственных отношений, но и идейной близости. Недаром в числе ближайших сподвижников Кенесары мы находим его братьев — Наурызбая и Абулгазы, его старшую сестру Бопай и племянника Альджана — активных деятелей восстания.

Вместе с Кенесары находились и другие его родственники — братья Кучак и Муса, его племянники — сыновья Сар-

[1] Истор. архив КССР, ф. 4. «Оренбургская Пограничная Комиссия», д. 2268, оп. 1, лл. 20—30.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1, Спб. Ком., д. 269, 1825, л. 906 «Исторические Записки», № 12, 1941, стр. 236.

[3] *Копеев Жусуп* — т. III, рукоп., стр. 81. Хранится в рукоп. фонде Ин-та языка и литературы АН КазССР.

жана — Ержан, Худайменды, Иса и Кучкарбай, султаны Даировы — Тойши, Сатыбалды и Ати, и др.[1]

Из них особо следует выделить Наурызбая, сестру Бопай и Абулгазы.

Наурызбай, младший брат Кенесары, родился в 1822 году. Еще в юношеские годы, находясь в отряде своего отца, он зарекомендовал себя как мужественный воин. Впоследствии, при Кенесары, Наурызбай возглавлял особый отряд, действовавший на самых опасных участках, и был одним из ближайших советников Кенесары».[2]

О воинских подвигах Наурызбая народом создана замечательная песня «Наурызбай-батыр». Об этой песне Затаевич — известный знаток казахской музыки — писал: «Это — эпическое сказание, эскиз для могучего финала казахской симфонии. Это вступление, подготовляющее могучие унисоны, рисующие торжественный въезд и победную мощь любимого казахского героя».[3]

Наурызбай со своим отрядом принимал самое деятельное

---

[1] Кто именно из родственников Кенесары участвовал в восстании, видно из следующего донесения командира отдельного Оренбургского корпуса военному министру:

«Список ордынцев, участвовавших в враждебных действиях с султаном Кенесары Касымовым.

Родные братья Кенесары:

Кучак
Сын его Абулфеиз
Бопа — у них дети малолетние
Наурызбай — у них дети малолетние
Муса — у них дети малолетние

Племянники Кенесары:

Худайменды — Саржановы
Иржан — Саржановы
Иса — Саржановы
Кошкарбай — Саржановы

Родственники Кенесары:

Султаны:
Тати — Даировы
Ати — Даировы
Сатыбалды — Даировы

Сын Сатыбалды:
Кадырбай.

Шесть сыновей султана Семяки, дети старшей сестры Кенесары, по именам неизвестные...»

Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2547, лл. 68 — 111. Донесение г. командира отдельного Оренбургского корпуса военному министру от 18 июля 1844 г.

[2] Как пишет в своих показаниях бывший в 1844 г. в плену Кенесары урядник А. Иванов, «по всем делам Кенесары советуется более всех с Наурызбаем, который добрее и умнее прочих и всегда защищает русских». Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2142, л. 30.

[3] *Затаевич* — 1 000 песен степей, стр. 61.

участие во всех крупнейших военных операциях Кенесары. Он всегда шел впереди своих воинов и увлекал их за собой. В народной поэме «Топ жарган» воспет героизм Наурызбая.[1]

Смолоду заблиставший орел
Опорой стал Кенеке
Юный удалец, как Наурызбай,
Превзошел всех в те дни
Силой и отвагой Наурызбай.
Дерзнувший помериться силой с врагом
Был грозен он, как Рустем.

В одном народном предании так характеризуется личность Наурызбая: «В обычное время, когда Наурызбай тюре находился у себя на родине, он по характеру был исключительно мягкосердечным человеком. А когда Наурызбай отправлялся в поход на врага, тогда он приобретал вид, похожий на сверхъестественное чудо».[2]

Подробное описание внешности Наурызбая дано в очерке киргизского историка Б. Салтабаева:

«Наурызбаю около 23 — 25 лет. Джигит, стройного телосложения и высокого роста. У него было румяное, гладкое лицо продолговатой формы, и черты его были значительно крупнее, чем обычно у казахов. Черно-карие глаза с огненным блеском смотрели спокойно. С макушки свисал опущенный чуб волос (айдар), убранный светящимися бусами жемчуга и опускавшийся на висок. Усов и бороды он еще не носил. В боях он появлялся всегда на белом коне со светлорыжим отливом шерсти. В боевых схватках правую руку он всегда держал свободной, обнажая ее почти до локтя, а рукав спускал под туго затянутый ремень... Наурызбай был грозой своих противников. Ни один киргиз не видел, чтобы он хоть раз действовал пикой двумя руками. Как правило, громадной тяжелой пикой он управлял при всяких условиях только лишь одной рукой, что говорило за его действительно богатырскую силу. На голове он носил пушистый соболий тумак, крытый сверху красным плюшем, носил шубу на сусликовом меху с множеством висящих черных хвостиков и покрытую также сверху темносиним шелковым плюшем. Воротник, края рукавов и полы шубы были окаймлены кругом мехом кундуза (выдра) темнобурого цвета».[3]

[1] Поэма «Топ жарган» (рукоп.).
[2] *Копеев Жусуп* — Указ. соч., т. II (рукоп.), стр. 25.
[3] *Салтабаев Б.* — Материалы к киргизской истории (рукоп.), стр. 394. Хранится в рукоп. фонде библ. АН КазССР. Описание внешности Наурызбая автором записано со слов киргизов, видевших его.

Своими боевыми подвигами прославилась и сестра Кенесары — Бопай. С первых дней восстания она стала активным участником борьбы. Она призывала своего мужа Самеке, его родственников — султана Сортека и Досана Абулхаировых — принять участие в восстании.

Получив отказ, она в 1837 году покинула мужа и его родственников и, забрав с собой 6 своих детей, навсегда связала свою судьбу с судьбой восставших.

Бопай возглавила особый отряд в 600 человек, который занимался сбором закята и реквизицией имущества и продовольствия у султанов, отказавшихся примкнуть к восстанию.

По поводу приезда Бопай в Аргынский род за сбором закята лазутчик Самрат Мамаев заявил: «В числе тюленгутов Кенесары приехала также известная в степи участием в делах Кенесары, сестра его Бопай».[1]

Наряду с этим, Бопай участвовала во всех крупных сражениях Кенесары Касымова и совершала отдельные партизанские рейды в тыл врага. Бопай присутствовала на всех совещаниях Кенесары, и он внимательно прислушивался к ее советам.

Сын Бопай — Нурхан также был активным участником восстания казахов. В одном из столкновений с царскими отрядами он был взят в плен. Об его храбрости сотник Лебедев писал: «В наших руках находятся ныне схваченные — родной племянник разбойника Кенесары, сын родной его сестры Бопай, султан Тюрехан Самекин (Нурхан — Е. Б.), воспитанник почетнейшего бия Инем — Тунгатаровской волости, Айдарбека Кувандыкова и тюленгут Кенесары — Сарсенбай, из коих первый при отчаянном своем действии и сопротивлении сильно изранен».[2]

Абулгазы — брат Кенесары — родился в 1821 году в Кокчетаве. После смерти своей матери он воспитывался у мачехи — Кужак-Ханум. Он известен, как советник Кенесары. Абулгазы вел всю важнейшую переписку Кенесары с властями и среднеазиатскими ханствами. Следует отметить, что он был сторонником русской ориентации и всегда советовал Кенесары поддерживать дружественные отношения с Россией. Об этом свидетельствует письмо самого Кенесары к Перовскому, где он писал: «Абулгазы Касымов, который, хорошо зная законы и обычаи Российского государст-

---

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 6610, лл. 371 — 375, 1845.

[2] Истор. архив КССР, ф. 84, оп. 1, д. 135, лл. 94 — 95. Рапорт командующего Акмолинским отрядом сотника Лебедева пограничному начальнику сибирских киргизов, 8 июня 1840 года.

ва и других владений, два года уже внушает нам наставления России, приучая держаться и следовать им».[1]

Судя по письму Кенесары, можно полагать, что Абулгазы владел русской грамотой. Его симпатии к России надо объяснить тем, что он долго находился в плену у кокандского хана и видел, какую ненависть питали к казахам кокандские беки. Некоторые сведения о себе дает сам Абулгазы: «Отец мой года четыре тому назад был приглашен кокандским ханом для примирения, прибыл со мной и означенной Кужак-Ханум, отец был задержан и там умер, а я и Кужак-Ханум были освобождены по просьбе хивинского хана Алла-Кула, который прислал за нами Юсуф-бека. После этого я находился при султане Кенесары и занимался письмоводством».[2]

Из всей семьи султана Касыма только его старший сын Кучак стоял в стороне от дела Кенесары. Отношения с ним у Кенесары были весьма напряженные. За самовольный захват скота у мирных казахских родов и самоуправство Кенесары не раз писал ему гневные письма, угрожая суровой расправой. В свою очередь Кучак боялся брата, втайне завидовал ему и мечтал, при случае, свести с ним счеты. Очень характерен в этом смысле рассказ чиновника Оренбургской Пограничной Комиссии Григорьева, в июне 1844 года побывавшего в плену у Кучака.

«На девятый день по взятии нас в плен, — пишет Григорьев, — мы прибыли в аул султана Кучака Касымова при устье реки Джиланчик, называемой Ак-Куль. После некоторых вопросов означенный султан сказал мне: «Младший брат мой Кенесары, как непримиримый враг России, пренебрег моими советами. Я его презираю, ненавижу, готов содействовать русским, указать им его разбойничьи притоны и ручаюсь, что от меня он не уйдет». Потом, понизив голос, продолжал: «Вы — мои гости, а не пленники, я кочую на Оренбургских землях и вы принадлежите не к Сибирскому ведомству. Будьте спокойны, я вас отпущу».[3]

До острого конфликта и разрыва между братьями дело не дошло, но для иллюстрации настроений Кучака вышеприведенный документ весьма показателен.

К сожалению, очень немного известно о матери Кенесары, калмычке по национальности. В народной поэме «Наурызбай ханшаим» о ней говорится:[4]

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2341, л. 24.
[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5610, лл. 184 — 185.
[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2439, л. 31.
[4] Народная поэма «Наурызбай ханшаим».

Мать Наурызбая была иная, —
Она была умнее своей среды.

Поскольку на политической характеристике Кенесары мы останавливаемся в других разделах нашей работы, здесь мы остановимся лишь на двух его личных качествах — смелости и гуманном отношении к людям.

Кенесары с детства научился верховой езде и меткой стрельбе. Он страстно любил охоту на диких зверей, водившихся в Кокчетавских горах и в Боровом. Поныне некоторые горные ущелья и перевалы в Боровом и Кокчетаве называются по его имени «Кенесары унгыры».[1]

Кенесары с юных лет отличался своей смелостью и отвагой.

Будучи юношей, он заявил однажды своим сверстникам: «Я никогда не оставлю своего батырства и умру, совершив чудеса храбрости».[2]

Впоследствии Кенесары действительно стал отважным батыром и полководцем. Историк Смирнов, характеризуя его в зрелые годы, писал: «Красиво одетый в бархатный бешмет с полковничьими эполетами на плечах, с знаменосцами позади, Кенесары скакал всегда впереди своих скопищ».[3]

Так же характеризовал Кенесары и Л. Мейер, отмечавший, что Кенесары «был храбр до-нельзя».[4]

Сами повстанцы высоко ценили Кенесары за его исключительную отвагу и звали его «храбрым батыром». Об этом султан-правитель Ахмед Джантюрин писал: «Ни один из усердных приверженцев никак иначе его не называет, как одним из храбрейших и умнейших ханов».[5]

Интересно остановиться также на отношении Кенесары к тем русским, которые побывали в его ставке, а также военнопленным.

Побывавший у Кенесары семипалатинский приказчик Уфимцев рассказывает: «Перед первым же его кордоном нас остановили и спросили, что нам надобно? Мы ответили, что имеем дело к царю Кенесары. Тогда нас повели к нему и скоро впустили меня в юрту по приказанию Кенесары... Вошедши к не-

---

[1] *«Кенесары унгыры»* означает Кенесаринское ущелье.

[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 4976, лл. 71 — 72.

[3] *Кенесарин Ахмет* — Кенесары и Садык. в обработке Смирнова. Прилож., стр. 5, 1889.

[4] *Мейер Л.* — Степь Оренбургского ведомства, 1865.

[5] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, лл. 243 — 249. Донесение Ахмета Джантюрина председателю Оренбургской Пограничной Комиссии, 19 июня 1845 года.

му, я сделал три поклона до земли и хотел было поцеловать его одежду, но он подал руку и поцеловал меня в голову; потом приказал мне сесть и начал расспрашивать — кто Вы и где были? Я сказал, что мы из России, из Семипалатинска, едем из Кульджи, были на ярмарке, и стал просить его принять от меня дары из Китая. Он изъявил желание. Когда дары были присланы, приказал их разложить; смотря на них, он смеялся и позвал своих жен. Потом приказал все убрать. После этого он спросил, чего же я желаю от него? Я сказал: прошу пропустить наш караван без обиды. Он спросил: А где же ваш караван? Я ответил: Стоит за юртами, я велел дожидаться там меня. Он сказал: Я желаю, чтобы ты погостил у меня. Мы с тобой погуляем. Я Россию люблю. Ты пьешь вино? Я ответил: пью, но только слабое — виноградное. И я пью такое же, — ответил Кенесары, приказал готовить обед и подать вина. Мы обедали каждый день только вдвоем. Так он продержал меня целую неделю, все расспрашивал меня о разных разностях. Я стал, наконец, говорить, что пора уже мне ехать в Семипалатинск, хозяин нас дожидается. Кенесары согласился меня отпустить».[1]

В этом свидетельстве любопытно указание на то, что Кенесары пил вино, вопреки религиозным запретам. Характерно, что вообще ни в одном из документов ничего не говорится о его религиозном фанатизме.

Аналогичную характеристику Кенесары дает побывавший в его ставке барон У-р; он пишет: «Кенесары сидел на огромном сундуке, прикрытом богатым бухарским ковром. Только что он меня увидел, как встал с сундука, протянул мне руку и сказал какое-то приветствие. Заметив, что я по незнанию языка затрудняюсь ответить, Кенесары приказал позвать своего переводчика и, в ожидании его прихода, мы молча рассматривали друг друга... Пришел переводчик, одетый по-киргизски, с бритой головой, но говоривший так хорошо по-русски, что я посчитал его беглым казаком, хотя он мне и не хотел в этом признаться... Кенесары со мною был ласков. Каждый день призывал он меня к себе и вступал со мною в длительные разговоры. Обыкновенным предметом этих разговоров были оправдания во всех прежних произведенных им разбоях».[2]

---

[1] *Орлов А. В.* — Русский в гостях у Кенесары. Из записок приказчика Уфимцева. «Оренбургский Листок», 1880, № 28.

[2] *Барон У-р* — Четыре месяца в киргизской степи. «Отечественные Записки», № 10, 1843, стр. 209 — 210.

Очень характерны и отзывы об обращении Кенесары с пленными русскими, разоблачающие легенду о мнимой кровожадности и свирепости Кенесары. Так, например, урядник Андрей Иванов, побывавший в плену у Кенесары в 1844 году, в своем донесении пишет:

«Во время нашего плена жестокого обращения с нами не было, а заставляли только добывать дрова и рыть колодцы. По распоряжению Кенесары все пленные были размещены по разным аулам и хозяевам, виделись между собой только во время перекочевок, а в прочее время к свиданию друг с другом старались не допускать. Хозяев наших Кенесары заставлял нас кормить и не дозволял делать обид».[1]

Зарисовок внешности Кенесары не сохранилось, однако до нас дошли описания его внешности. По свидетельству казаха Наурызбая Чегенова, Кенесары был «роста среднего, сухощав и несколько курнос».[2]

Аналогичную характеристику внешности Кенесары дает побывавший в ставке Кенесары барон У-р, который пишет, что Кенесары был «невысокого роста и худощав, с калмыцкими чертами лица, узковатые глаза его сверкали умом и лукавством, физиономия не обличала жестокости».[3]

Более полное описание внешности Кенесары дал в своем очерке Б. Салтабаев: «Кене-хан был сухощав, среднего роста с толстой шеей. У него было смуглое живое лицо, сверкающие орлиные красноватые глаза и раздувающиеся ноздри. Небольшие усы и густая, заостренная клином, бородка желтобурого цвета. Он говорил мало и держался сурово и спокойно, с большим благородством. На голове он носил окаймленный кундузом небольшой меховой тумак. Поверх всей одежды был наброшен серый чекмень, вытканный из верблюжьей шерсти, а под ним он надевал шубу на меху выдры. Рубаха и штаны были у него белые домотканные».[4]

Интересную характеристику личности Кенесары дает Н. Н. Середа: «Кенесары умел быть достойным повелителем своих дружин, — пишет он. — Духу, которым они были одушевлены, позавидовал бы любой полководец европейских войск... Стремительный в своих набегах, подобно все сокрушающему степному урагану, Кенесары не останавливался ни

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2412, л. 24.

[2] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1. д. 182, л. 102, 1838.

[3] Барон У-р — Четыре месяца в киргизской степи, «Отечественные Записки», 1848, № 10.

[4] *Салтабаев Б.* — Материалы к киргизской истории (рукоп.), стр. 394. Хранится в рукоп. фонде библ. АН КазССР. Описание внешности Кенесары со слов видевших его киргизов.

перед каким препятствием. Напротив, всякая преграда, казалось, только раздражала его непреклонную волю и делала его стремительнее, дерзче в своих предприятиях, пока, наконец, не сокрушились перед его энергией все препоны на пути к достижению желаемой цели. Все эти качества высоко чтились в Кенесары нашими кочевниками и сердца его соучастников бились безграничной, до самоотвержения преданностью своему предводителю».[1]

Таков был Кенесары Касымов, вставший в 1837 году во главе восстания казахского народа.

Как мы видели, к моменту начала восстания Кенесары уже прошел суровую школу борьбы и накопил богатый жизненный опыт. Уроки борьбы с внешними агрессорами, которую вели его дед Аблай, отец Касым и старший брат Саржан, Кенесары учел, и это помогло ему избежать ряда ошибок его предшественников.

В деятельности Кенесары ясно выступает стремление преодолеть родовую вражду и феодальную раздробленность казахского общества, добиться укрепления единой государственной власти. Действительно, только при этом условии можно было защитить страну от угрозы порабощения.

Непосредственному выступлению Кенесары весной 1837 года предшествовал ряд его попыток убедить царские власти отказаться от постройки системы укреплений в Кокчетаве и Акмолах, т. е. на родине самого Кенесары. С этой целью Кенесары, который кочевал в то время в пределах Кокандского ханства, адресовал царским властям ряд писем протеста.

«Завещанные нашими предками, — писал он в одном из таких писем, — Есил, Нура, Актау, Ортау, Каркаралы, Казылык, Жаркайн, Обоган, Тобыл, Кусмурун, Окинт, Токзак до Урала — при нынешнем царе отобраны у нас и там построены укрепления. Теперь, с каждым днем захватывая наши земли, на них закладывают укрепления и этим доводят население до отчаяния. Это не только для нашей будущности, но и для сегодняшнего существования опасно».[2]

Как и следовало ожидать, письма эти остались без ответа. Между тем, сам Кенесары, лишившись братьев и хорошо понимая, что никакой помощи от среднеазиатских ханств, не только от Коканда, но и Хивы и Бухары, он не получит, решил покинуть пределы Кокандского ханства и возвратиться в свои

[1] *Середа Н.* — Бунт киргизского султана Кенесары Касымова, «Вестник Европы», кн. 8, стр. 530, 1870.

[2] *Середа Н.* — Бунт Кенесары Касымова. «Вестник Европы», кн. 8 1870.

родные кочевья. Весной 1837 года, вместе со своими ближайшими соратниками, Кенесары появился в Акмолинском округе Среднего жуза. Это было искрой, попавшей в пороховой погреб. Казахи, до этого глухо волновавшиеся, начали массами стекаться под знамя Кенесары Касымова.

В 1837 году восстали казахи Байдалинской, Алексинской, Кайлюбай-Чаграевской, Жанай-Калкамановской, Темешевской, Тыналинской волостей Акмолинского приказа. По поводу этого полковник Талызин в своем донесении писал: «в августе месяце шесть волостей Акмолинского округа откочевали в пределы Малой орды, чтобы присоединиться к семейству Аблайханову, обещавшему освободить их от власти русских».[1]

К концу 1837 года к ним присоединилась большая часть казахов Кипчакского и Киреевского родов. Массовый уход казахов из пределов Акмолинского приказа и присоединение их к Кенесары произвели сильнейшее впечатление на сибирские власти и на время вызвали среди них растерянность и переполох.

Возникновение такого массового движения казахов из территории Акмолинского приказа не было случайным. К этому времени Акмолинский приказ стал опорным пунктом царской колонизации. Наряду с Акмолинском была построена Актауская крепость, связанная с ним линией пикетов, и от нее шли дороги к другим укреплениям.

Казахи, жившие в пределах Акмолинского приказа, особенно испытывали на себе тяжелый колониальный гнет царских властей и их агентов — старших султанов, которые отобрали у них хорошие земли, богатые пастбищными угодьями, реками и озерами, заставляли казахов работать на укреплениях, брали с них непосильные налоги. Во время строительства Актауской крепости, якобы для доставки лесоматериалов, у казахов забирали лошадей, верблюдов, а затем их не возвращали.

Массовые выступления казахов Акмолинского приказа, расположенного в центре Среднего жуза, были предвестником предстоящей борьбы и открытым вызовом царским властям.

Сибирские власти решили послать в отложившиеся области титулярного советника Менковича и старшего султана Конур-Кулжа Кудаймендина с тремя султанами. Однако их миссия не увенчалась успехом. Казахи заявили, что они не возвратятся на свои прежние кочевья, пока не добьются уничтожения приказа на своих родных местах.

---

[1] Архив АН СССР, ф. 25, оп. 1, д. 22/2. «Записки о действиях мятежного султана Кенесары Касымова».

Менкович и султан Копур-Кулжа Кудаймендин не только поняли невозможность мирным путем вернуть казахов отложившихся волостей на прежние места, но и убедились в их решимости к борьбе. После этих переговоров они не стали углубляться в другие казахские волости, расположенные ближе к ставке Кенесары, и возвратились обратно.

Менкович в своем донесении от 4 октября 1837 года писал: «Сильно поколеблены умы киргиз, ибо за всеми моими стараниями я не мог совершенно успокоить киргиз здешнего округа. Едва ли возвратятся они на постоянно занимаемые ими места».[1]

С каждым днем восстание охватывало все новые районы.

Восставшие казахи мелкими группами совершали вооруженные нападения на разъезды и пикеты, захватывая при этом в плен чиновников и торговцев.

Пограничные начальники стали настойчиво просить, чтобы им выслали на помощь отряды для борьбы с восставшими казахами. 31 октября 1837 года Менкович писал управляющему Омской областью полковнику Талызину: «Для обуздания их необходимо принять строгие меры посредством отрядов, без чего нельзя ожидать никакого успеха, ибо киргизы тех волостей, с давнего времени привыкнув к независимости, считают подчинение тяжким гнетом».[2]

Однако омская администрация решила предварительно использовать посредничество духовенства, чтобы с его помощью внести раскол в ряды повстанцев. С этой целью в конце 1837 года был послан в Акмолинск глава омской магометанской мечети ахун Мухаммед Шариф Абдрахманов. Он получил строго секретное поручение доставить сведения о численности войск Кенесары и о настроениях казахов, кочующих вместе с ним. Попутно с этой шпионской работой он должен был убедить казахов в необходимости возвращения на прежние места кочевок. Ахун Мухаммед Шариф Абдрахманов со своей свитой был срочно доставлен в Акмолинск и оттуда выехал в отложившиеся волости. По прибытии к волостному управителю Айтюжа-Карпыковской волости в урочище Кара-Агач, он собрал казахскую знать во главе с биями Сапеком и Таныбергеновым, расспрашивал их о настроении отложившихся казахов, стараясь доказать на основе корана необходимость их возвращения обратно. Характерно, что казахская знать отнеслась к нему довольно доброжелательно, в то время как со стороны народа он встретил холодный прием.

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 13, лл. 83—86.
[2] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 13, лл. 105—110.

Для усиления разведывательной работы вслед за ахуном к восставшим казахам должны были отправиться представители султанских родов. Но никто из султанов, боясь за свою жизнь, не хотел ехать добровольно. Управляющий Омской областью полковник Талызин настаивал на посылке в отложившиеся волости сыновей Конур-Кулжа Кудаймендина. «Я в последний раз требую, чтобы Вы с получением сего непременно через 24 часа отправили своих детей по назначению приказа для усмирения киргиз и разведывания предприятий мятежников. Это Вы обязываетесь исполнить со всей точностью».[1]

Старший султан Конур-Кулжай Кудаймендин, подчинившись приказу царских властей, послал в лагерь повстанцев своих сыновей Джаналы и Чингиса. Джаналы поручалось всеми мерами удерживать казахов Акмолинского округа от удаления в глубь степей и присоединения к Кенесары Касымову. Кроме того, он должен был собрать сведения о предстоящих походах Кенесары. Наряду с разведывательным заданием, Чингис должен был добиться освобождения султана Котыбаева и русских торговцев, захваченных в плен повстанцами.

Оба, они, достигнув кочевки Тыналы-Карпыковской и Темешевской волостей, не решились двинуться дальше в ставку Кенесары. Они встретили не обычных мирно кочевавших казахов, а воинственно настроенных мстителей, полных решимости бороться с врагом. Они не могли получить достоверных данных о предстоящих походах Кенесары, но установили наблюдение за кочевавшими с ним казахами, аулы которых были похожи на военный лагерь, готовый к длительному походу. Убедившись в невозможности возвращения отложившихся казахов и опасаясь за свою собственную жизнь, Джаналы и Чингис Кудаймендины возвратились обратно.

Старший султан Кудаймендин, изо дня в день ожидавший нападения Кенесары, вел частую переписку с Талызиным, прося прислать вооруженный отряд для защиты его и семейства от повстанцев. При этом он указывал, что его ненавидят все казахи, присоединившиеся к Кенесары. В одном из таких писем он писал: «Кенесары Касымов изыскивает средства нанести мне ощутительный вред за преданность мою к Российскому правительству, чему способствуют казахи здешнего округа, преданные Касымову».[2]

После неудачной поездки султанов в степь был послан карательный отряд под командой Чирикова. Не представляя масштабов восстания, последний предполагал, что достаточно

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 13, лл. 422 — 423.
[2] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 13, лл. 416 — 417.

будет появления вооруженного русского отряда, чтобы «легкомысленное сборище» казахов было рассеяно. Отряду Чирикова было поручено возвратить отложившихся казахов и наказать «злостных зачинщиков» восстания. Отряду было передано 200 экземпляров воззвания Талызина «к кочующим степным казахам», где тот предупреждал об опасности противозаконных действий и грозил жестоким наказанием. «В Акмолинский округ, — писал он в своем обращении, — вторгнулись шайки разбойников независимых киргиз под предводительством безумных султанов Кенесары и Кочека Касымовых. Некоторые худые киргизы по своему легковерию увлеклись ложными внушениями, предались гнусным замыслам отложиться от округа, допустили на свои земли разбойников, были с ними в сношении и не донесли об этом начальству. Если где они явятся или другие какие подозрительные люди, то все и каждый обязываются хватать и представлять в свои приказы».[1]

Угроза царских властей не испугала восставших, а наоборот, еще больше сплотила их вокруг Кенесары.

Небольшой отряд Чирикова не мог противостоять многочисленным повстанцам Кенесары. Потеряв в отдельных стычках значительное количество людей и вооружения, он вернулся обратно. Воззвание полковника Талызина не имело успеха. Наоборот, ознакомившись с воззванием, казахи убедились, что власти ничего, кроме угроз, им не обещают.

Неудачная экспедиция Чирикова озлобила омских правителей. Не желая признать собственное бессилие, омская администрация возложила всю вину за неудачу на старшего султана Акмолинского приказа Конур-Кулжа Кудаймендина, обвиняя его в «бездеятельности».

В одном из своих отношений Талызин писал Кудаймендину: «Когда у вас в округе общий беспорядок, волости расходятся, пристают к вероломным султанам Касымовым, шайки этих султанов нападают и грабят наших и, захватив одного нашего толмача, дерзают замышлять на ниспровержение нашего в степи управления с разорением Акмолинского приказа. Вы, султан, оставивший присутствие в приказе, в ауле Вашем спокойно спите».[2]

Между тем Кенесары усиливал вооруженные нападения на царские отряды, пикеты и разъезды, на аулы ненавистных старших султанов. Через Актауское укрепление часто проходили торговые караваны из Троицка и Петропавловска в Ташкент и Бухару. В связи с начавшимся восстанием казахов, эти

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 13, лл. 511 — 512.
[2] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 13, лл. 137 — 139.

торговые караваны стали конвоироваться вооруженными отрядами. 27 ноября 1837 года исправляющим должность Актауского коменданта войсковым старшиной Симоновым был отправлен отряд под командой хорунжего Рытова из шести урядников и 48 казаков для конвоирования купеческого каравана из Петропавловска в Ташкент. В 50 километрах от границы, 4 декабря, хорунжий Рытов, оставив 22 человека с провиантом и фуражом при урочище Куйлобай-Булат, сам с остальными казаками отправился обратно к границе. Вскоре после этого Кенесары со своим отрядом напал на оставшихся казаков и, полностью истребив их, пошел по следам хорунжего Рытова. 5 декабря, в результате трехдневного боя, отряд Рытова был полностью разгромлен, а сам он убит. 21 казак были тяжело ранены. Лишь двое из оставшихся в живых вырвались из окружения и добрались до Актауского укрепления. Там они доложили о происшедшем войсковому старшине Симонову, который в тот же день бросился на преследование Кенесары. Ему не удалось его настигнуть, но на обратном пути он захватил 8 соратников Кенесары. Вскоре они были доставлены в Омск, где были осуждены судом при Омском ордонансгаузе и сосланы в Восточную Сибирь на каторжные работы. Так царское правительство начало преследование участников разгоравшегося восстания.

К концу 1837 года к восстанию присоединились казахи, жившие в окрестностях Актауского укрепления. Они массами снимались с родных кочевок и уходили в сторону Балхаша и реки Чу. Царскими властями к ним был послан султан Кучук Айчуваков для выяснения причин их ухода. Кувандыковцы открыто заявили, что они не возвратятся до тех пор, пока не будет уничтожено Актауское укрепление и не будут возвращены отобранные земли. На уговоры султана Кучук Айчувакова они ответили: «Когда в волость приезжал толмач с казаками, то брали к себе молодых женок и девок, спали с ними. Для еды же брали самопроизвольно курт и масло. Для езды брали лошадей-бегунцов, а затем не возвращали. Если бы мы не потерпели таких обид, то с родных своих вод не ушли бы. Если бы государь оказал свою милость и уничтожил бы Актауский диван, то и мы бы возвратились».[1]

Ответ кувандыковцев показывает, что они протестовали против колониального произвола, но не теряли надежды на справедливость верховной власти. Казахи помнили, что при основании Актауского укрепления правительство обещало взять их под свое покровительство, защищать от возможных напа-

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 180, л. 86.

дений и притеснений, а права, обычаи и быт оставить неприкосновенными. Полковник Талызин в одном из своих обращений к казахам Актауского укрепления писал, что царь сделает все для того, чтобы «казахи жили мирно, спокойно, благоденствовали в семействах и размножали свои стада».[1]

В начале 1838 года казахи, откочевавшие из пределов Актау, обратились с коллективным письмом к царским властям, которое было передано казахом Косубай Торбыковым. «Нас заверяли, — писали казахи, — что места и воды будут попрежнему в нашем распоряжении, но напротив сего по устройству оной упомянутые места и воды нам во владение не предоставили».[2]

В одном из донесений царских чиновников, ездивших выяснять причины удаления казахов из пределов Акмолинского приказа и окрестностей Актау, указывается три основных причины, заставивших их откочевать в сторону Балхаша и присоединиться к восстанию Кенесары. Причины эти следующие:

1. Учреждение Актауского укрепления и пикетов между ним и Акмолинском и между Аягузом и Каркаралами и предположение учредить такие же пикеты между Каркаралами и Актау.

2. Отбирание лошадей и верблюдов на постройку Актауского укрепления и пикетов, строящихся по тракту к Аягузу. Лошади, как и верблюды, обычно отбирались под предлогом перевозки провианта и леса, а затем не возвращались.

3. Выезд в степь заседателя Тахоновича для переписи имеющегося у казахов скота. Обычно такие переписи скота проводились для обложения казахов податями. Тахонович показал у многих казахов завышенную цифру количества скота, чем вызвал их недовольство.

На исходе 1837 года и начале 1838 года к восстанию Кенесары присоединились почти все волости Каркаралинского округа. К восстанию примкнула значительная часть казахов следующих волостей: Джембай-Чакчаковской, Кара-Актымбетовской, Киреевской, Карсон-Керисевской, Куянчи-Тагаевской. Полностью ушли к восставшим Киргизская волость, состоявшая из 634 кибиток, за исключением малого количества кибиток, принадлежавших султану Ачимтаю Батырову, Надей-Тобуклинская волость, состоящая из 891 кибитки, и волости Тюленгутовская, Альтюбинская и Альтеке-Сарымовская.

Известный поэт Каркаралинска Кудеры-хожа в следующих

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 17, лл. 164 — 165.
[2] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 18, л. 89.

словах описывает расставание казахов со своими родными кочевьями:

Ну и горы Каркаралы!
Для похвал подыщу ль слова?
Не заслуживают хулы
Эти склоны, эта трава!
Ухожу я от них силком,
Оттого, что враги — кругом,
Оттого, что бич занесен,
Над кочевьем, где я взращен...[1]

Одним из активных деятелей восстания Каркаралинского округа был султан Худаймենды Газин. До этого он был волостным правителем Карсон-Кернеевской волости, а потом, с 1837 года, по предписанию начальника Омской области, был снят с этой должности за «стеснительные противные закону и несоответственные должности волостного управителя действия».

Со своим отрядом Худайменды Газин нападал на чиновников и на аулы старших султанов. Он призывал народ к отложению от царской России. Неоднократно посылавшиеся против него карательные отряды успеха не имели. В конце концов решено было возбудить против него судебное дело, передав его на рассмотрение Омского окружного суда.

Худайменды Газин был одним из тех немногих султанов, которые до конца поддерживали восстание Кенесары. Причинами, побудившими Худайменды Газина к выступлению, были, по всей вероятности, введение нового управления в степи, основание приказов (диванов) и ограничение его в правах.

Впоследствии, вырвавшись из продолжительного тюремного заключения, Худайменды Газин снова деятельно участвовал в восстании, ведя жестокую борьбу с продажными султанами.

В результате восстания у многих султанов не осталось или почти не осталось в подчинении аулов. Старший султан Каркаралинского приказа подполковник Чингисов был вынужден даже запросить управляющего Омской областью Талызина, как ему поступать с такими султанами и выплачивать ли им жалованье. «После ухода из здешнего округа в глубь степи в продолжение минувшего лета, — писал Чингисов, — каза-

[1] *Кидеры-Кожа* — Песни, посвященные Каркаралинским горам, казакский журнал «Тан», стр. 100, Семипалатинск, 1925.

хов при одних волостях вовсе не осталось, а при других так их мало, что далеко не достигает до последней пропорции».[1]

Вслед за восстанием казахов Каркаралинского округа мощная волна возмущения начала охватывать другие районы Среднего жуза. Царские власти стали думать теперь о судьбе всех приказов, основанных в Казахской степи. Пограничные начальники попробовали действовать новым методом. К восставшим каркаралинцам они отправили небольшой отряд, который, по возможности избегая столкновений, должен был склонять отдельные волости к возвращению на прежние места кочевок. Отряду было передано воззвание Талызина «К моим добрым каркаралинцам». В этом воззвании он уже не угрожает, а, наоборот, ласковым обращением пытается воздействовать на казахов. Приведем выдержку из его воззвания:

«Добрый же народ Каркаралинского округа да предаст всякие подобные глупые замыслы и внушения лишь непреложному презрению, — не расставайтесь со своими родными местами и не допустите себя до ужасного преступления».[2]

Казахи Акмолинского и Каркаралинского округов все в больших и больших массах стекались под знамя Кенесары. Восставшие направлялись в сторону Балхаша и реки Чу, ставших своеобразным местом сбора. Все отряды, посланные для возвращения казахов, покинувших Каркаралинский округ, ничего не могли поделать. Старший султан Каркаралинского округа, подполковник Турсун Чингисов, убедившись в невозможности мирным путем возвратить отложившихся казахов, вынужден был вызвать на помощь вооруженный отряд. Он писал: «Казахи здешнего округа, ушедшие к мятежному султану, на прежние места в округ никто не возвратились».[3]

К движению Кенесары стали примыкать казахи и других округов. К исходу 1837 года из Аман-Карагайского округа к восстанию Кенесары присоединилось более 2 тысяч казахов. Аман-Карагайский округ был расположен на границе между Западно-Сибирским и Оренбургским губернаторствами и населяли его Тумен-Аргынский, Кипчаковский и Киреевский роды. Эти казахские роды, избегая уплаты податей, часто переходили то в пределы Западно-Сибирского губернаторства, то Оренбургского.

Тогда же к вооруженной борьбе Кенесары Касымова присоединились казахи Баян-Аульского окружного приказа. Од

[1] Истор. архив КССР, ф. 64 «Степного генерал-губернаторства», д. 18, лл. 532 — 533.

[2] Истор. архив КССР, ф. 64, «Степное генерал-губернаторство», д. 17, лл. 33 — 34.

[3] Истор. архив КССР, ф. 64, д. 179, оп. 1, л. 191.

ним из деятельных организаторов восстания казахов этого округа был Сейтен Азнабаев, который первым присоединился со своей Каржасовской волостью к Кенесары и стал его ближайшим сподвижником.

Сейтен Азнабаев был человеком с большим кругозором. Он рано испытал на себе всю тяжесть колониального гнета царизма и был очевидцем того, как царские колонизаторы вместе с султанами отбирали у казахов лучшие земли и пастбища и лишали их жилищ.

Его брат Тайжан в борьбе против царских колонизаторов был убит, а его семья была сослана на вечное поселение в Туринск.

Сейтену Азнабаеву недолго пришлось бороться вместе с Кенесары. Царским властям удалось захватить его. Им казалось, что теперь, после поимки зачинщика восстания, казахи Баян-Аульского округа вернутся на свои прежние кочевья. Но они ошиблись. На смену Сейтену Азнабаеву выдвинулись другие.

За доставление Сейтена Азнабаева в руки царских палачей предатель Кубатов был представлен к большой награде. По получении известия о поимке Сейтена Азнабаева начальник штаба Сибирского корпуса генерал-майор Фондерсон писал: «Немедленно прислать в Омск Сейтена Азнабаева под строгим караулом и закованным».[1]

Сейтен Азнабаев предстал перед судом при Омском Ордонанс-Гаузе. Во время судебного процесса полковник Ладыженский предупреждал Горчакова: «Сейтен по влиянию своему вреден для степи и оставлять его в ней значит нажить другого разбойника. Он несравненно хитрее и гораздо виновнее казненого брата».[2]

Предводителем восставших казахов Турткульской волости Баян-Аульского окружного приказа был Таймас Бектасов. Впоследствии ему пришлось сыграть при Кенесары видную роль и стать одним из его ближайших советников по военным вопросам. Таймас Бектасов пользовался исключительным уважением и любовью Кенесары. В официальных правительственных документах того времени о Таймасе Бектасове говорится: «Он был безотлучным от Кенесары и по всяком нападении на русские отряды находился действующим лицом, давал нередко Кенесары советы, как проти-

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 28, лл. 17—18.
[2] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 28, лл. 93—95.

водействовать русским, за что его любил Кенесары, который почти из одной чаши делил с ним пищу».[1]

Из-за боязни лишиться богатства и авторитета среди казахских родов примкнули к восстанию казахов Баян-Аульского округа некоторые бии и султаны, тесно связанные с царской администрацией. Присоединились крупный феодал Муса Черманов с 150 кибитками, Бабатай — с 125 кибитками и султан Елемес Джаинапов. Однако в дальнейшем ходе борьбы они изменили движению.

Старший султан Баян-Аульского окружного приказа Маман Аблаев и русские отряды, находившиеся при нем, были бессильны что-либо предпринять. Сам Маман Аблаев был захвачен в плен в своем ауле сторонниками Кенесары. Царское правительство вынуждено было снять его с поста старшего султана, якобы, за «бездеятельность». Но и после снятия Мамана Аблаева положение не улучшилось. Восставшие начали переходить на территорию Акмолинского приказа и массами присоединяться к Кенесары.

Царское правительство назначило старшим султаном Баян-Аульского приказа бывшего заседателя Бочтая Турсунбаева. Он издавна отличался своей преданной службой царскому правительству. Одним из первых он доносил сибирским властям о начавшемся брожении среди казахов Баян-Аульского округа в связи с призывом Кенесары к вооруженной борьбе.

В одном из своих писем полковнику Талызину он просил разрешить ему срочный выезд в Омск для личных объяснений. «Имея сведения о замыслах казахов об удалении к мятежнику Кенесары Касымову, считаю нужным быть в городе Омске для личных объяснений».[2]

Вскоре выезд был ему разрешен, и он, захватив с собой разработанный им план разгрома восстания в Баян-Аульском округе, прибыл в Омск. Омские власти были рады его приезду и за преданность правительству ему был оказан исключительный прием.

Совместно с Турсунбаевым был разработан план предстоящей карательной экспедиции в Баян-Аульский округ.

Восстание казахов Баян-Аульского округа продолжало нарастать.

На рубеже 1837 — 1838 годов отдельные разрозненные восстания, происходившие на территории Среднего жуза, начали под руководством Кенесары Касымова объединяться в единое движение.

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 28, лл. 133 — 134.

[2] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 18, л. 513.

Весной 1838 года Кенесары отправил 5 казахов во главе с Тобылды Тохтиным и Кочунбай Казангаповым к Западно-Сибирскому генерал-губернатору князю Горчакову со специальным письмом-протестом против политики царских властей.

Ввиду важности этого документа приведем его полностью:

«Имею честь сим Вас известить, что желание мое есть то, чтобы двух владений народ пребывал в спокойной жизни, но ныне же Вы подозреваете меня, будто бы я подданных ваших людей присваиваю к себе; напротив того я говорю, что Вы на принадлежащих деду нашему хану Аблаю местах учредили окружные диваны и с киргизского народа берете пошлину, следовательно вы нас притесняете, и мы тем остаемся недовольны и с налогом жить нам в ведении вашем никак невозможно; например, каково бы было, если бы другое владение заведывало Россией — так то и нас возьмите в соображение: я, конечно, взял на свою сторону несколько Баян-Аульского, Каркаралинского и Акмолинского своего народа, но еще есть мое намерение привлечь народ наш на мою сторону, но полезно было бы для блага общего киргизского народа, если бы киргизский народ остался в прежнем своем положении, и тогда бы покойна была жизнь и между нами, и вами. Но ныне начальники диванов во время разъездов своих берут под отъезд свой от киргиз самых лучших лошадей, по возвращении же оных через вымогательство берут от хозяев лошадей, по халату, казаки же в один день режут для пищи своей по три барана, имение же хорошее у киргиз не оставляют обирать, о чем хотя и жалуются начальникам диванов, но удовлетворения получить не могут. Хотя законом государя и запрещено убивать, грабить и захватывать наших людей, но оно не соблюдается, ибо ныне в недавнем времени захвачены у Турткульской волости мурзы Азнабая одна жена, две снохи, дочь и еще одна жена, которые до сего времени где-то содержатся, неизвестно.

Желая быть с Вами навсегда в дружественных отношениях, прошу Ваше Сиятельство: 1-е — уничтожить Актауское укрепление; 2-е — уничтожить также и Акмолинский диван; 3-е — уничтожить все прочие заведения, в степи находящиеся, и 4-е — и освободить содержащихся наших людей из-под стражи, равно посланных двух киргиз к султану Кунуру...

На все сие через посланных от меня людей прошу не оставить меня уведомлением».[1]

В этом письме содержится не только протест казахского народа, но и изложена политическая программа Кенесары

[1] Истор. архив КССР, ф. 82, оп. 1, д. 164, лл. 15 — 16.

Центральное место в письме занимает земельный вопрос. Это вполне понятно, ибо земельные захваты, усиленно происходившие в 30-х годах XIX в., непосредственно затронули интересы широких слоев казахского населения. Не случайно Кенесары перечисляет казахов Акмолинского, Баян-Аульского и Каркаралинского округов в качестве своих приверженцев. Именно в этих округах особенно остро чувствовались разорительные последствия земельных захватов царизма.

В этом письме Кенесары прямо предупреждает, что в случае невыполнения его требований он выступит против царских властей и что под знамя его встанут казахи не только указанных округов, но и других районов Казахстана. Далее Кенесары жалуется на налоговой гнет и на произвол чиновников. Наконец, Кенесары требует оставить казахов в прежнем своем положении, т. е. восстановления прежних отношений между Россией и казахским народом, существовавших при его деде Аблай-хане, когда казахи, находясь под протекторатом России, имели территориальную и государственную самостоятельность. В этом вопросе особенно сказывается наивность Кенесары, он говорит с Россией как равный с равным, не учитывая грандиозных изменений в международной и внутриполитической обстановке, происшедших со времени Аблая. Правда, в последующие годы Кенесары стал понимать глубокие перемены во взаимоотношениях между казахами и Россией и предпринял ряд мер для нормализации отношений с Россией. Но об этом подробно будет сказано далее.

Представителям Кенесары не удалось вручить это письмо лично князю Горчакову. По дороге к Омску они были перехвачены старшим султаном Коченовым и под конвоем отправлены в Омск.

Только в начале октября 1839 года военный суд при Омском Ордонанс-Гаузе вынес приговор по их делу. Приговоренных предписывалось наказать «шпицрутеном каждого через тысячу человек по одному разу, с отдачею годных в службу, а негодных к отсылке в Восточную Сибирь на поселение».[1]

[1] Истор. архив КССР, ф. 82, оп. 1, д. 169, л. 38 — 39. «О предании военному суду киргиз: Тобылды Тохтина и других сообщников Кенесары Касымова».

Приговор вскоре был приведен в исполнение.[1]

Между тем срыв переговоров с Сибирской администрацией заставил Кенесары начать активные вооруженные нападения на укрепления и казачьи пикеты. Во время одного вооруженного нападения на разъезды, расположенные между Акту и Акмолинском, Кенесары нанес чувствительное поражение отряду войскового старшины Симонова, который, не выдержав натиска повстанцев, бежал, бросив вооружение. Кенесары досталось 10 пистолетов, 9 ружей, 13 сабель, 7 пик, 495 ружейных патронов, 490 пистолетных патронов и другие трофеи.

Одновременно Кенесары и его соратники совершали нападения на аулы преданных царизму султанов. В начале 1838 года отряд Кенесары совершил вооруженное нападение на аулы старшего султана Акмолинского приказа подполковника Конур-Кулжа Кудаймендина и его родственников. В результате нападения было угнано 12 000 одних только лошадей. По поводу этого вооруженного нападения капитан Кулеке Искенин писал адъютанту Западно-Сибирского корпусного командира Спиридонову:

«Сего числа я осведомился, что султан Кенесары Касымов угнал всех лошадей старшего султана Конур-Кулжа Кудаймендина и братьев его».[2]

Конур-Кулжа Кудаймендин вынужден был обратиться за военной помощью к управляющему Омской областью Талызину.

Талызин, занятый разработкой плана военного похода для подавления восстания, предложил Кудаймендину в качестве компенсации обложить контрибуцией подведомственные ему

---

[1] Осужденные казахи во главе с Тобылды Тохтиным и Кочубаем Казангаповым были преданными сподвижниками Кенесары. Они происходили из Кокчетавского, Акмолинского, Баян-Аульского округов, где у них были отобраны родные кочевья и воздвигнуты приказы. Особо выделялись Тобылды Тохтин и Кочубай Казангапов.

Тобылды Тохтин родился в 1803 г. в Малой Жадыгер-Туртгульской волости, Акмолинского округа. Кочевку имел на урочище Терсаккане. В 1811 г., сбежав из ссылки в Восточной Сибири, он снова присоединился к Кенесары. Тобылды Тохтин стал предводителем казахов Кипчакского, Таминского, Козганского, Коксальского родов.

Кочубай Казангапов, рождения 1805 года, происходил из Атагаевской волости, Кокчетавского округа. Он хорошо говорил по-русски и дружил со многими станичными крестьянами по Горькой Линии. В своем сообщении, адресованном князю Горчакову, полковник Ладыженский, давая краткую характеристику о каждом арестованном, особо отмечает Кочубая Казангапова. Он писал: «Из числа тех киргиз, Кочубай Казангапов буйного характера, развратного поведения и, полагать надобно, есть из приверженных Кенесары».

[2] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 18, л. 691.

роды. В своем отношении Талызин писал: «Я предписываю собрать с подведомственных Вам киргизов, ибо в настоящее время нет средств к возвращению ограбленного».[1]

Кенесары продолжал активизировать военные действия на пограничной Линии, нападая на укрепления, разъезды и пикеты. За это время только лишь из окрестностей Акмолинска было угнано 2 594 головы скота, принадлежавшего местным чиновникам.

Ярким моментом в этом движении было выступление отряда, возглавлявшегося сестрой Кенесары — Бопай. Она совершала неоднократные нападения на аулы родственников умершего хана Вали в Кокчетавском округе.

В 1838 году Бопай со своим отрядом предприняла глубокий рейд в северо-западные районы Западно-Сибирского губернаторства. Здесь она напала на Аман-Карагайский приказ. Было угнано значительное количество скота. На обратном пути Бопай подвергла опустошению аулы родственников своего бывшего мужа, находившегося в урочище Сырымбет. По этому поводу заседатель Редько писал в своем донесении Талызину:

«Султанша Бопай Касымова с 200 человек у киргиз Аман-Карагайского округа угнала значительное количество скота и на обратном пути, прибыв в урочище Сырымбет, взломала замки и двери и увезла находившиеся в кладовке кошмы, мерлушки и довольное число припасов».[2]

В связи с частыми вооруженными нападениями Кенесары, полковником Талызиным было предложено всем пограничным начальникам до вступления в пределы Казахстана крупной воинской экспедиции формировать отдельные отряды из имеющихся резервов и отправлять их в степь для преследования Кенесары Касымова. В своей инструкции Талызин писал: «Вы должны иметь единственную цель — истребление разбойника Кенесары и возвращение откочевавших волостей».[3]

В течение 1838 года было сформировано несколько таких отрядов от разных округов.

В 1838 году царский отряд, в составе 500 солдат, напал на аулы султана Саржана и на аулы Алатавского, Карпыковского и Темечевского родов, кочевавшие на Тургае и на Джандаре-Керубе. Было убито 400 человек и уведено в плен 100 человек, в том числе бий Баянлин.

В этом же году из Кара-Откула (Акмолинский округ) выступил отряд в составе 500 солдат во главе со старшим сул-

---

[1] Истор. архив КССР. ф. 64. оп. 1. д. 18. л. 438.
[2] Истор. архив КССР. ф. 64. оп. 1. д. 18. лл. 969 — 971.
[3] Истор. архив КССР. ф. 64. оп. 1. д. 182. л. 179.

таном Конур-Кулжа Кудаймендиным и войсковым старшиной Карбышевым. Они напали на аулы Кучака Касымова и Сайдака, кочевавшие при Айраккуме, и убили 21 девушку, 8 женщин, 25 мужчин и 80 человек взяли в плен.

Все эти отряды, сформированные специально для преследования Кенесары, не выполнили возложенных на них задач. Своими грабежами мирного населения они лишь еще больше озлобили казахов. Конур-Кулжа Кудаймендин доносил по возвращении полковнику Талызину: «Акмолинский окружной приказ с прискорбием доносит о безуспешном возвращении отряда».[1]

Западно-Сибирскому генерал-губернатору и управляющему Омской областью стало известно, что восставшие казахи собираются откочевать в сторону Тургая для того, чтобы объединиться с казахами Младшего жуза. Эти слухи вызвали серьезное беспокойство среди местной администрации. Разрабатывались различные планы разгрома восстания, шли горячие споры о сроках наступления. Некоторые предлагали начать наступление зимой, мотивируя это тем, что в это время отряды, находящиеся при Кенесары, расходятся по своим аулам и тогда легче изловить главарей восстания. Другие настаивали на том, чтобы выступить весной. В конце концов решено было начать наступление летом 1838 года.

Суть военного плана, разработанного титулярным советником Менковичем, сводилась к следующему: когда с наступлением весны казахи направятся в сторону Тургая, т. е. в пределы Оренбургского ведомства, русские отряды, выйдя из Актауского укрепления и обогнув горы Улу-Тау, должны выйти им в тыл.[2]

Пограничные начальники вместе со старшими султанами наводнили степь воззваниями. Ссылаясь на коран, они предупреждали, что в случае невозвращения казахов на прежние кочевья, их постигнет небесная кара. Вот выдержка из подобного воззвания: «Иначе за нарушение сказанных выше святых обетов ожидает вас в сей жизни нищета, голод, болезни и самая тяжкая по клятвопреступлению смерть, а в будущей жизни нет вам сладостных гурий, а ожидает вас плач, скрежет зубов и вечные муки. Это воззвание, основанное во многих терминах на святой книге нашего Алкорана, да убедит вас и просветит разум ваш, туманом покрытый, для возвращения на родные ваши места. И там да насладятся сердца ваши ожида-

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 184, лл. 3 — 4.
[2] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 13, лл. 26 — 27.

ющим спокойствием».[1] Правительство широко использовало такие воззвания, как идеологическое средство борьбы.

Но казахи, испытывавшие двойной гнет — царизма и своих собственных феодалов — и пережившие тяжесть расставания с родными кочевьями, не могли поддаться агитации властей, какую бы форму она ни принимала.

К осени 1838 года вооруженные столкновения Кенесары с карательными отрядами приняли характер длительных и упорных военных действий. Особенной ожесточенностью отличалась борьба за Акмолинский приказ.

Акмолинский приказ был сильно укрепленным районом. Вокруг него были вырыты глубокие рвы. Все ближайшие подходы были забаррикадированы. Акмолинск охранялся отрядом старшего султана Конур-Кулжа Кудаймендина и гарнизоном крепости во главе с войсковым старшиной Карбышевым.

Наступление Кенесары началось на рассвете 7 августа 1838 года. Его стрелки обстреливали крепость из луков, прикрепляя к остриям стрел легко воспламеняющиеся осмоленные тряпки. В крепости возникли многочисленные пожары. В тот момент, когда часть гарнизона бросилась на борьбу с огнем, один из отрядов Кенесары, возглавляемый батыром Басыгара, ворвался в город. Во время штурма крепости смертью героя пал сам Басыгара-батыр. Его отряды начали под напором гарнизона отходить, но Кенесары приказал ни в коем случае не оставлять тела Басыгара и не отступать от занятых позиций. Воодушевленные призывом Кенесары, отряды батыров Агыбая, Имана и Наурызбая снова проникли в укрепление.

Начался жестокий уличный бой, длившийся с неослабевающим упорством до наступления темноты. Ночью войсковой старшина Карбышев и Конур-Кулжа с небольшими отрядами бежали. На следующее утро крепость, превращенная в развалины, все еще пылала пожарами. Кенесары достались трофеи и военнопленные.[2]

После разгрома Акмолинска Кенесары в течение осенних месяцев 1838 года продолжал партизанскую борьбу, систематически нападая на приказы, пикеты и разъезды, уничтожая фураж и прерывая коммуникации. Он часто опустошал аулы предателей-султанов, угонял скот у прилинейных чиновников и толмачей и захватывал торговые караваны.

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 64 «Степное генерал-губернаторство», д. 18, лл. 820 — 823.

[2] О взятии Акмолинска. *Копеев Жусип* — Указ. соч. в 2 х томах (рукоп. на каз. языке хранится в Ин-те языка и литературы АН КазССР).

Характерна приводимая ниже ведомость,[1] составленная по требованию Сибирского генерал-губернатора князя Горчакова, в которую занесены все данные о потерях, вызванных восстанием Кенесары по отдельным округам Среднего жуза в течение 1838 года.

В каких округах захвачено	На какую сумму у означенных лиц разного имущества и скота (в рублях)
В Баян-Аульском округе:	
у казахов	34 654 — 75
у торговцев	63 025 — 93
В Кокчетавском округе:	
у торговцев	3726 — 70
В Каркаралинском округе:	
у торговцев	118 865 — 79
у крестьян	100
В Учбулакском приказе:	
у торговцев	42 790 — 50
В Акмолинском округе:	
у чиновников, толмачей и других лиц Акмолинского приказа и Актауского укрепления	582 347 — 15
у людей военного звания	23 085 — 50
у разных торговцев	663 818 — 40
Сверх того, у кир. из Акмолинского округа, состоящих ныне нал-но	419 678
ВСЕГО по всем округам	1 951 994 — 72

Как видим, в этой таблице значительное место занимают потери, понесенные «ныне налицо состоящими» казахами Акмолинска. Эта сумма падает главным образом на султанов и прочих крупных феодалов, во главе с Конур-Кулджа Кудаймендиным, которые не примкнули к повстанцам. Добрая доля всех предпринятых Кенесары походов падала именно на аулы Кудаймендина и его родственников и на аулы жены хана Вали — Айнамгуль. При этом у них были отобраны значительные количества скота и имущества.

Значительное место занимают также убытки, понесенные торговцами. Систематически нападая на торговые караваны, шедшие из Троицка или из Петропавловска через Акмолинск в Ташкент и Хиву, Кенесары преследовал определенную политическую цель. Полагая, что среднеазиатская торговля приносит царской России большие выгоды, он стремился ее паралп-

[1] Истор. архив КССР. ф. 64, оп. 1, д. 20, лл. 54 — 55.

зовать. Кенесары наивно полагал, что если это ему удастся, власти сами снимут все построенные приказы (диваны).

Понятно, что эти предположения Кенесары были ошибочными. В этом Кенесары убедился, когда центр освободительного движения был перенесен в район Тургая и Иргиза. Не случайно, что в приведенной выше ведомости почти отсутствуют данные о нападениях на станичных крестьян, если не считать небольшую сумму убытков, понесенных крестьянами Каркаралинского округа.

Однако деятельность Кенесары к концу 1838 года не ограничилась организацией партизанских нападений. Он практически приступил к давно намечавшейся задаче — объединению казахов Среднего и Младшего жузов для совместной борьбы.

Этот важный вопрос, имеющий существенное значение для выяснения характера и особенностей движения, дворянско-буржуазными историками замалчивался. Не разработан он и казахскими историками. Многим этот процесс объединения казался случайным фактом. В действительности дело обстояло иначе.

Руководя разрозненными движениями казахов, возникавшими на территории Среднего жуза, и объединяя их в единое движение, Кенесары одновременно поддерживал связь с руководителем восстания в Младшем жузе — Жоламаном Тленчиевым.

Без такой предварительной подготовки нельзя было бы добиться присоединения казахов Младшего жуза во главе с их руководителями к Кенесары в районе Тургая и Иргиза. В обычное время, когда у казахов часты были распри и конфликты из-за пастбищ, нельзя было даже случайно заехать на территории чужих родов, не говоря уже о переселении целого округа. Теперь же это произошло на почве взаимного понимания общности борьбы.

Кенесары через своих есаулов всегда поддерживал связь с отдельными казахскими родами Младшего жуза (Джагалбайлинский, Жаппаский, Тама-Табынский роды и др.), которые также испытывали на себе тяжелый гнет царизма и султанов-правителей и к 30-м годам были лишены своих лучших пастбищ. Накануне присоединения указанных родов к восстанию приезжавший в Оренбургский край действительный статский советник К. Родофиникин, на месте ознакомившись с тяжелым положением этих родов, писал оренбургским властям: «На сем пространстве кочуют теперь роды Кипчак, Жаппаский, Джагалбайлинский. Они, по многочисленному скотоводству своему, считаются самыми достаточными из ордынцев. Но пастбища, необходимые для их скота, и теперь уже стесняются войсковы-

ми оренбургскими жителями; при удалении же их за черту Новой Линии, они тем большему подвергнутся бедствию, что места за Новой Линией, будучи сравнительно гораздо скуднее, заняты, причем другими родами киргизов. Ордынское начальство, по этим уважениям, просило об исходатайствовании дозволения киргизам, кочующим между обеими Линиями, остаться на пространстве, еще не занятом казачьими селениями, впредь до приискания удобных кочевок за Линиею; иначе они должны будут продать большую часть своего скота и рассеяться мелкими аулами по всему пространству орды, с неминуемым расстройством своего степного хозяйства».[1]

Понятно, что казахи Кипчакского, Жаппаского, Джагалбайлинского родов с большим сочувствием относились к восстанию в Среднем жузе и предлагали свою помощь Кенесары. Об этом свидетельствует казах Беккожа Тиесов из Карпыковской волости, побывавший в ставке Кенесары: «Киргизы Малой орды, кочующие против Оренбургской Линии, доставили Кенесары значительные подарки, приглашали его к себе с аулами для постоянного нахождения, с обещанием снабжать его в случае надобности для усиления шайки людьми».[2]

Осенью 1838 года казахи Среднего жуза во главе с Кенесары начали переходить в пределы Младшего жуза, в районы Тургая и Иргиза, в восточной части Оренбургского ведомства. Эти районы, находившиеся на сравнительно большом расстоянии как от Западно-Сибирского губернаторства, так и Оренбургского, имели для Кенесары большое стратегическое значение. Не случайно поэтому эти районы надолго сделались центром национально-освободительного движения.

Когда сибирским властям окончательно стало известно об отложении значительной части аулов Среднего жуза и об их массовом уходе в пределы Младшего жуза, они обратились к казахам с новым воззванием, в котором, запугивая их наступающей зимой, указывали на безрассудность предпринимаемого похода. «Прошло лето, настала осень и грозит морозами зима, куда же вы, безрассудные, пустились в голодные степи?»[3]

Казахи, ушедшие из ведения сибирских властей, расположились в следующем порядке: волости Акмолинского и Каркаралинского округов — Алекинская, Байдалинская, Тналы-Карпыковская, Алчин-Джагалбайлинская, Каракесекская, Ай-

[1] Чкаловский Гос. истор. архив ф. 6, д. 5496, лл. 3 — 14. Выписка из донесения действ. стат. советника Родофиникина.
[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 140, л. 90.
[3] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 180, л. 140

кожа-Карпыковская, Тюбе-Темешовская заняли кочевья по урочищах Кара-Кума и Ак-Кума и при устье Джоланчи Торгая.

Часть волостей Акмолинского и Баян-Аульского округов — Кайлюбай-Чаграевская, Малай-Калкаманская, часть Тналы-Карпыковской, Казганская, Айдаболская, Каржасовская вместе с Баганалинской, Торайгыр-Кипчаковской волостями расположились на устье Кара-Торгая, недалеко от ставки Кенесары.

К концу 1838 года отдельные волости восставших казахов Среднего жуза во главе с Кенесары, Алеке-Алтаевская, Бидаль-Алтаевская, Тюбет-Тюменовская, Тналы-Корпыковская, Айткожа-Карпыковская, Кайлюбай-Алтаевская, Алчин Джагалбайлинская соединились «с алчин-жаппасовцами, кочевавшими против Оренбургской Линии в степи».[1]

Вскоре в районе Тургая во главе со своим руководителем Жоламаном Тлевчиевым присоединились к Кенесары казахи Табынского, Таминского, Чиклинского, Чумекеевского, Шектинского, Торткаринского родов, отличавшиеся своей воинственностью. Кроме того, есть сведения, что ему сочувствовал ушедший из Внутренней (Букеевской) орды султан Каип Галиев. Вождь народного движения в Букеевской орде — Исатай Тайманов к этому времени (осень 1838 г.) был уже мертв. Его сподвижник, известный поэт Махамбет Утемисов, ушел с небольшим отрядом в Хиву и стал рассылать письма казахам с приглашением вступить в подданство Хивы. Зная враждебное отношение хивинского хана к казахам, Кенесары не стал поддерживать Махамбета Утемисова и порвал с ним всякую связь.

Султаны, ставшие на сторону Кенесары, по прибытии на новое место стали переписываться со старшими султанами и с отдельными феодалами-баями. Они подготовляли почву, чтобы отложиться от Кенесары.

Кенесары и его соратникам предстояла большая работа по сплочению сил казахского народа. Некоторые влиятельные роды, как, например, Аргынский род, не присоединились еще к восстанию. Руководитель этого рода Чеген Мусин в это время все еще лавировал между Кенесары и правительством. Ряд казахских родов — Чиклинский, Кичкине-Чиклинский, кочевавшие в пределах Сыр-Дарьи, во главе с Жанходжой Нурмухаммедовым, продолжали бороться в отрыве от остальных повстанцев Младшего жуза. Так же обстояло дело и с Адаевским родом, кочевавшим между Аральским и Каспийским морями.

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 179, лл. 121 — 122.

Кроме того, среди родов, участвовавших в восстании, часто происходили распри, возникавшие на почве старинной родовой вражды. Некоторые родовитые феодалы, примкнувшие к восстанию, искали удобного случая, чтобы отложиться от повстанцев.

Кенесары немало трудился над тем, чтобы вырвать из-под влияния султанов-правителей и «ага-султанов» подвластные им роды.

Не скрывая своего враждебного отношения к этим султанам, Кенесары писал властям: «Подведомственные Сибири киргизы: Конур-Кулжа Кудаймендин, Кулджан Кучуков Алтайского отделения, Аккошкар Кишкинтаев Караулова отделения, Яукашар, правитель принадлежащих Оренбургскому ведомству киргизов султан Ахмет Джантюрин, Жаппаского рода, Джангабыл, Кукир, Бигаджан... Наименованные здесь 8 человек нам злые враги».[1]

Враждебно относился Кенесары и к тем представителям родовой знати, которые отказывали в материальной помощи повстанцам или вели раскольническую политику, препятствуя подвластным родам общаться со сторонниками Кенесары. Такие бии не только мешали собирать есаулам Кенесары зякят, но зачастую организовывали убийство представителей Кенесары, посланных для ведения переговоров. Кенесары жестоко расправлялся с ними и подвергал разгрому их аулы.

Итак, борясь за объединение, Кенесары вел неустанную борьбу с султанами-правителями и теми крупными феодалами, которые сознательно мешали объединению казахов в единое государство под его властью. Кенесары жестоко расправлялся с целыми подразделениями родов, которые отказывались признавать его власть и платить зякят.

Активная борьба, часто переходившая в вооруженные столкновения, которую вел Кенесары в 1837 и особенно в 1838 годах, послужила основанием для утверждения, что Кенесары стремился к полному отделению от России. Этот вопрос считался настолько ясным, что он в историографии Казахстана почти не подвергался специальному исследованию. Между тем он не настолько очевиден, как может показаться с первого взгляда. Выше мы цитировали письмо Кенесары к Горчакову, где Кенесары говорит не об отделении от России, а об установлении с империей отношений, существовавших при хане Аблае.

Ввиду важности данной проблемы для понимания характера движения, остановимся на ней подробнее.

Известно, что казахи Младшего жуза во главе со своим

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 6575, лл. 5 — 6.

дальновидным ханом Абулхаиром в 1730 году добровольно приняли русское подданство. Принятие этого подданства было вызвано внешними и внутренними причинами; в 30-х годах XVIII в. нависла серьезная угроза порабощения со стороны джунгарских завоевателей. Казахи, во главе с Абулхаиром обратились к своему могущественному соседу — России за военной помощью. Одновременно к принятию русского подданства толкали казахов экономические и торговые связи с империей. По условиям подданства у казахов сохранялись территориальная и государственная самостоятельность. Начало русского подданства Среднего жуза относится к 1740 году, когда русскому правительству присягнул Аблай, дед Кенесары Касымова. Несколько позже, в 50-х годах Аблай принял двойное подданство — России и Китая.

Отношения между царской Россией и Аблаем приняли характер протектората империи над Средним жузом. В период ханства Аблая казахи Среднего жуза сохранили свою политическую самостоятельность и территориальную целостность. Так выглядело первоначально добровольное принятие казахами русского подданства.

К началу XIX в. произошли существенные изменения во взаимоотношениях казахов и царской России. Царизм в первой половине XIX в. берет курс на превращение протектората над Казахстаном в реальное подчинение, с применением всех методов активной колониальной экспансии. Уже к 20—30-м годам XIX в. царская Россия, наступая на Казахскую степь с двух сторон — со стороны Сибири и Оренбурга, — захватила значительную часть лучших казахских земель и вплотную продвинулась к центральным районам Казахстана. На захваченных территориях воздвигались военные укрепления — крепости, приказы (диваны) и т. д.

При таких изменившихся внешнеполитических условиях предстояло Кенесары вести переговоры с властями о протекторате.

С первых дней своей деятельности он завязывает сношения с царским правительством, надеясь найти с ним общий язык, и в то же время отказывается идти на подданство среднеазиатским ханам. По этому поводу султан-правитель Ахмет Джантюрин писал: «Кенесары совещался с ними (приверженцами — Е. Б.), решил в твердом своем намерении не быть под властью Хивы».[1]

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2277, л. 4. Кокандское ханство было исконным врагом Кенесары, с ним он не вступал ни в какие переговоры.

Кенесары говорил своим приверженцам: «Россия больше всех государств и русский царь старше всех царей».[1] В другом письме он русского царя называет «старшим братом», а Аблая и Валихана — «младшим братом царя».[2] Но при этом, повторяем, в своих дипломатических переговорах с властями Кенесары настаивал на восстановлении отношений, существовавших при его деде Аблае. Кенесары изъявлял согласие стать под протекторат России, но требовал сохранения политической независимости и территориальной целостности казахов. Именно так ставился вопрос об отношениях с империей в письме Кенесары Горчакову, посланном с Тобылды Тохтиным и Кочумбаем Казангаповым, которое мы цитировали выше.

Аналогичное письмо было послано им и на имя Николая I. Все эти письма остались без ответа. По поводу этих писем Кенесары несколько позже Западно-Сибирский генерал-губернатор писал: «Не признавая приличным входить в переговоры с первыми виновниками беспорядков в степи, а тем менее подавать им малейший повод надеяться, что они могут предлагать Государю Императору какие-либо условия, кроме неограниченной покорности, оставил я письмо Кенесары без ответа».[3]

Дипломатические неудачи Кенесары объясняются тем, что он не понимал происшедших со времени Аблая изменений во внешнеполитических отношениях казахов и царской России. Ко времени Кенесары царская Россия прочно обосновалась в важнейших районах Казахстана, укрепила там свои аванпосты, построила укрепления и отнюдь не собиралась покинуть завоеванную территорию. Сообразно изменившейся обстановке, Кенесары надо было найти другой путь, более приемлемый для царской России.

Бесплодность своих попыток в конце 30-х годов он объяснял только враждебностью сибирских властей. В конце 1838 года, покидая со своими приверженцами пределы Среднего жуза, Кенесары писал: «Я имею много врагов, а сибирское начальство кроме клеветы ничего доброго ко мне не питает».[4] В

---

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5410, л. 32. Из донесения Чокбуты Карабаева Генсу.

[2] *Серебренников А. Г.* — Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края, т. II, стр. 225. Из письма Кенесары Николаю I.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2180, л. 4 — 4 об., связ. 191, декабрь 1840. Из ответного письма генерал-губернатора Западной Сибири к Оренбургскому военному губернатору на его запрос о присылке Кенесары послов.

[4] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2341, л. 24. Кенесары — Перовскому, 1841.

другом письме Кенесары писал, что сибирские власти «как пиявки высасывали кровь киргизскую».[1]

Впоследствии свой уход из пределов Среднего жуза в районы Иргиза и Тургая, подведомственные Оренбургскому военному губернаторству, Кенесары в письме Горчакову мотивировал так:

«Уже 9 лет кроме непрестанного преследования нас никакой милости и снисхождения со стороны Вашей не было нам. Прежде всего, мы послали посла с письмом, заключавшим просьбу нашу; Вы изволили вознегодовать на посланного и отпустили, содержав его под арестом; это мы не принимали себе в обиду, а в доказательство покорности нашей и после того еще послали два письма, но Вашего ведомства старшие султаны и волостные управители у посланных людей отбирали лошадей и письмо сожгли, не допустив до Вас. Потеря надежды получить какие-либо милости со стороны начальства Сибирского края была причиною отложения и измены нашей в течение нескольких лет».[2]

Обосновавшись со своими приверженцами в районе Иргиза и Тургая, Кенесары завязал переговоры с оренбургскими властями.

В отношении восставших казахов и самого Кенесары В. А. Перовский держался иных взглядов, чем Горчаков. Западно-Сибирский генерал-губернатор Горчаков, имевший большую поддержку со стороны военного министра Чернышева, считал, что только путем вооруженной борьбы можно покончить с повстанцами и завершить колониальное завоевание Казахстана. «Возбуждение страха, — писал Горчаков, — есть существенный способ для успеха переговоров с азиатцами».[3]

Поэтому с первых же дней восстания Горчаков ни разу не вступал в переговоры с повстанцами, оставляя их письменные обращения без всякого ответа. Отсюда понятно, почему Кенесары в своих письмах часто жалуется на Горчакова, обвиняя его в беззаконных грабежах своих аулов.

Оренбургский же военный губернатор граф В. А. Перовский держался противоположной точки зрения. Он также имел большое влияние, причем его лично поддерживал Николай I. Говоря о Перовском, историк Оренбургского края Лобысевич писал: «Пользуясь особенным доверием государя, имея, стало

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2622, лл. 1055—1062, 6 октября 1845 года.

[2] ЦГИА, Глав. архив, I—9, д. 1, л. 122, 1845. Кенесары — Горчакову.

[3] Истор. архив КССР, ф. 82, д. 31, лл. 53—54. Горчаков — Николаю I, 24 июня 1846 года.

быть, сильную опорную точку во всех своих действиях, граф Василий Алексеевич был, особенно во второй период своего управления краем, чрезвычайно смел, предприимчив и в высшей степени самостоятелен».[1]

Перовский стремился к мирному урегулированию конфликтов с повстанцами, без применения репрессивных мер. Министр иностранных дел Нессельроде и сам Николай I на первых порах разделяли точку зрения Перовского и поддерживали его планы в отношении восставших казахов. Только после неудачной Хивинской экспедиции 1838 — 1839 годов отношение к Перовскому и к его политике изменилось, и правительственные круги все больше стали поддерживать князя Горчакова, продолжавшего беспрестанное преследование восставших казахов.

Перовский стремился найти общий язык с повстанцами и добиться добровольного принятия ими подданства царской России. Об этом свидетельствует донесение председателя Оренбургской Пограничной Комиссии Ладыженского в Азиатский Департамент: «Довести Кенесары до добровольного принятия и верного соблюдения условий, налагаемых законами подданства, есть та мудреная задача, которую предложено нам разрешить».[2]

Примирительное отношение Перовского к повстанцам объясняется, в первую очередь, той своеобразной обстановкой, которая сложилась в конце 30-х годов на юго-восточном плацдарме колониальной экспансии России. Как известно, к этому времени относится массовое вооруженное выступление крестьян и казачьих военных поселений в Оренбургском крае, вызванное жесточайшим феодально-крепостническим гнетом. Оренбург оказался в тисках двух враждебных сил, с одной стороны, оренбургских крестьян, а с другой — казахских повстанцев. В такой сложной обстановке перед военным губернатором Оренбургского края графом В. А. Перовским предстала задача максимально разрядить накалившуюся атмосферу. Не имея реальной возможности одновременно подавить вооруженное выступление русских крестьян и казахских повстанцев, он решает изменить свою политику в отношении казахов. Идя навстречу желаниям руководителей повстанцев о прекращении военных действий, он охотно вступает в переговоры с Кенесары. При этом Перовский не только хотел добиться прекращения военных действий, но и добровольного

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. Севастьянова, д. 34, лл. 3 — 5. Выписка из соч. Лобысевича о главных начальниках Оренбургского края.

[2] ЦГИА, Глав. архив, I — 9, д. 1, л. 395, 6 февраля 1845 года. Из донесения Ладыженского в Азиатский Департамент Министерства иностранных дел.

принятия казахами российского подданства. Как дальновидному политику, ему была ясна бессмысленность посылки отдельных отрядов в казахскую степь. Поэтому Перовский старался мирным путем урегулировать казахский вопрос.

Наряду с этим, на политику Перовского в казахской степи оказала некоторое влияние окружавшая его среда. Известно, что в 30 — 40-х годах в Оренбурге проживали представители передовой прогрессивной интеллигенции. В то время с Перовским работали в Оренбургском крае В. В. Вельяминов-Зернов, известный своими учеными трудами по истории Туркестана и Казахской степи; писатель В. Даль (казак Луганский) — автор «Толкового словаря русского языка»; В. В. Григорьев — крупнейший востоковед--ориенталист. Кроме того, с Перовским находился Г. Ф. Генс, долгое время работавший председателем Оренбургской Пограничной Комиссии — он явно симпатизировал казахам. По рассказам старожилов, Г. Ф. Генс устроил у себя приют для беспризорных казахских детей. После своей смерти Генс оставил ценное исследование (в рукописи) по истории и этнографии казахов. Сам Перовский общался с передовыми людьми того времени, он был близок с А. С. Пушкиным и В. А. Жуковским. Брат Перовского был известный писатель Антон Погорельский, его племянником был поэт граф А. К. Толстой. Наконец, в эти годы в Оренбургском крае находилось много польских ссыльных, среди них были Томаш Зан — известный друг А. Мицкевича, основавший Оренбургский музей; талантливый И. В. Виткевич, в то время работавший в Оренбургской Пограничной Комиссии. Впоследствии ему суждено было играть видную роль в качестве тайного агента правительства при афганском эмире Дост-Мухаммеде.

Помимо всего этого, политику Перовского поддерживали влиятельные круги в Петербурге, в частности, его поддерживал председатель Азиатского Департамента К. К. Родофиникин, с которым он был повседневно связан.

Существование разногласий между Оренбургским и Западно-Сибирским губернаторами по вопросу об отношении к восставшим казахам и о методах проведения колониальной политики в Казахстане не раз отмечалось исследователями.

Один из активных проводников царской колониальной политики в Средней Азии Туркестанский генерал-губернатор Романовский писал: «С самого почти начала своего подданства России киргизы были разделены в отношении управления и представлены в ведение генерал-губернаторов Сибирского и Оренбургского. Эти два независимых друг от друга начальника не всегда согласовались о своих видах как по вопросу пан-

лучшего способа управления киргизами, так и вообще по вопросу ведения дел в степи. Нередко случалось, что взгляды их на то и другое были прямо противоположны».[1]

Надо сказать, что в связи с восстанием Кенесары между Перовским и Горчаковым происходила ожесточенная полемика, временами доходившая до личных столкновений.

После перенесения центра восстания в Младший жуз, Кенесары обратился со специальным письмом к генералу Перовскому: «Я — султан Кенесары, — писал он, — со времени деда моего хана Аблая жил с русскими так дружно, как со своими братьями, но причина, побудившая меня ссориться с ними, та, что жители Омска и Петропавловска (что на Сибирской Линии) не давали нам спокойствия... Приехав к сей стороне, объявляю, что я никогда не был врагом России, о чем и прошу довести до сведения высшего начальства».[2]

В ответ на это Перовский писал Кенесары: «Из доставленных ко мне председателем Пограничной Комиссии генерал-майором Генсом писем Ваших к нему я с удовольствием видел, что Вы изъявляли готовность предстать пред начальством и оправдать себя в невинности, что хотите повиноваться начальству и что желали бы видеться с генералом Генсом, имея много просьб... я поручил генералу Генсу указать Вам места для вашего кочевания и узнать о ваших просьбах, какие Вы имеете, чтобы сделать Вам удовлетворение».[3]

Поверив в искренность желания Кенесары сблизиться с царской Россией и стать под ее покровительство, Перовский решил вести с ним переговоры. В этот период ни Кенесары, ни Перовский не знали, какими путями будет урегулирован возникший конфликт. Пока намечались лишь первые пути к мирному разрешению споров. Кенесары желал добиться прекращения грабежей, совершаемых карательными отрядами, возвращения отобранных земель и договориться об условиях протектората России над казахами. От того, как будут разрешены эти жизненно важные вопросы, зависело установление

---

[1] *Романовский Д. И.* — Заметки по среднеазиатскому вопросу, СПБ, 1868, стр. 19.

О существовании разногласий между обоими губернаторами писал также Долинский: «Оренбургский край и Западная Сибирь, между коими разделена Киргизская степь, издавна составляли как бы два отдельные, с различными интересами владения, не имевшие никакой административной и торговой общности».

(*Долинский В.* — Об отношениях России к среднеазиатским владениям и об устройстве Киргизской степи, СПБ, 1865, стр. 20).

[2] ЦГИА, Глав. архив, 1 — 9, д. 1, л. 143. Кенесары — Перовскому, 1841.

[3] ЦВИА, д. 1251, лл. 51 — 52. Перовский — Кенесары.

дальнейших отношений Кенесары с властями. Первое обращение Кенесары к властям было воспринято в Оренбурге весьма благожелательно. Об этом свидетельствует переписка Перовского и Генса с центром. Так, Генс писал коллежскому советнику Ларионову: «Начальство Западной Сибири в распоряжениях своих касательно киргизов руководствуется каким-то духом ненависти к этому народу и поэтому склонно к мерам насильственным, направленным часто против имущества ордынцев и не всегда основанным на строгой справедливости».[1]

В. А. Перовский решил взять Кенесары под свое покровительство. Письмо Кенесары он отправил военному министру Чернышеву и вице-канцлеру Нессельроде, прося их об исходатайствовании Кенесары высочайшего помилования. «Из приложенного при этом письма мятежного султана Кенесары Касымова, — писал он, — Ваше сиятельство может усмотреть, что он безусловно ищет милости Его Величества и желает покориться установленным властям, если только на него будет распространена милость Государя».[2]

В конце письма Перовский указывал, как на причину недовольства казахов и волнений в степи, — на притеснения казахов сибирскими властями. Он просил государя потребовать от генерал-губернатора Западной Сибири Горчакова прекратить вмешательство в дела кочевавших в Оренбургской губернии казахов. Военное Министерство поставило об этом письме в известность Горчакова, и тот, оскорбленный, немедленно ответил Перовскому: «В число моих желаний отнюдь никогда не входило вмешательство в управление племенами киргиз-кайсаков Оренбургского ведомства. Все мои стремления клонятся лишь к одной цели — оберегать пределы моего генерал-губернаторства от вторжения хищнических шаек, т. е. от Кенесары Касымова, мятеж которого тем опаснее, что свое грабительство султан прикрывает политической маской, обещая кайсакам возвращение их былой вольности. Оттого-то он имеет в киргизских степях столько сподвижников, обольщенных не одной выгодой легкой наживы, но и мечтой о восстановлении их древней независимости».[3]

В начале 1840 года Кенесары получил амнистию; возвращены были из плена его родственники во главе с его дядей Карачевым. Но вопрос о характере протектората России над каза-

---

[1] *Добросмыслов А. И.* — Тургайская область, Тверь, 1862.

[2] *Середа Н.* — Бунт Кенесары Касымова (1837 — 1847). «Вестник Европы», т. IV. 1870, стр. 566.

[3] *Середа Н.* — Бунт Кенесары Касымова (1837 — 1847). «Вестник Европы», т. IV, 1870, стр. 230.

ками оставался нерешенным. Надеясь на мирное разрешение этого вопроса, Кенесары прекратил всякое вооруженное сопротивление в Оренбургском крае.

После перемирия Западно-Сибирский генерал-губернатор Горчаков, озлобленный поведением Перовского, не прекращал вооруженные нападения на подведомственные Кенесары аулы. Одновременно Горчаков жаловался военному министру Чернышеву, что Кенесары только внешне покорился, а в действительности усиливает свои «хищнические действия». В одном из своих писем Горчаков снова писал Перовскому: «Удалите Кенесары от границы Сибирской, или же предоставьте мне наказывать его самого и его сообщников в самом гнездилище их».[1]

Поддерживая дружественные отношения с Кенесары, Перовский не допускал мысли о том, чтобы тот мог снова нарушить «верноподданническую присягу», тем более, что на Оренбургской Линии все было спокойно. Перовский незамедлительно ответил Горчакову: «Решительно же заключения о виновности султана произвести не могу, так как между войсками Оренбургского ведомства он никаких возмущений не производит, сведения же об его участии в грабежах основаны только на показаниях нескольких кайсаков, которые едва ли могут служить непреложными уликами.[2]

Председатель Оренбургской Пограничной Комиссии Генс обратился со специальным письмом к Кенесары, в котором требовал сообщить — правильны ли обвинения, предъявленные ему Горчаковым. На это Кенесары ответил: «После манифеста Государя Императора никогда против России не восставал, справедливость моя в этом случае известна богу. Враги мои осуждают меня перед Вами, я готов предстать перед начальством и уверить, что я совершенно не виновен. Враги мои не терпят меня и хотят, чтобы я не был в близком сношении с Вами».[3]

Среди историков Казахстана, особенно дореволюционных, прочно укрепилась мысль, что сношения Кенесары с Оренбургской администрацией были не более, чем восточной хитростью, что Кенесары и в этот период был непримиримо настроен к России. В это укоренившееся мнение нам представляется важным внести одно уточнение. Кенесары искренне готов был пре-

---

[1] Архив штаба Сибирского округа, 2 отд. Сибирск. корпуса, 1842, № 35. *Серебренников* — Материалы к завоеванию Туркестана, т. IV, стр. 18.

[2] Там же, стр. 19.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2340, л. 126. Кенесары — Генсу. 26 марта 1843 года.

кратить борьбу, но при условии возвращения к тем отношениям, которые существовали между империей и Казахстаном при хане Аблае. Это было, конечно, неосуществимым условием, и сложившуюся обстановку гораздо более трезво оценивал Горчаков, чем Перовский. Возможно, что неосуществимость своих требований сознавал и Кенесары. Тем не менее, для понимания движения Кенесары существенно подчеркнуть, что на пути сближения между повстанцами и Россией стояла не слепая национальная вражда ко всему русскому, а непреодолимая для Кенесары сила — российское самодержавие с его системой колониальной экспансии.

Глава 8

БОРЬБА С КОКАНДОМ. ВОССТАНИЕ В ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ

Заключенное в конце 1840 года перемирие с оренбургскими властями, согласно которому Кенесары дал обещание прекратить всякое вооруженное нападение на пограничную Линию, продолжалось до 1842 года, хотя и в это время отдельные вооруженные столкновения с сибирскими отрядами не прекращались.

Эта передышка имела весьма важное значение для развития движения Кенесары. Движение в Среднем жузе носило еще характер локальной борьбы, Кенесары в более решительной форме лишь продолжал дело своего брата Саржана. В районе Тургая Кенесары возглавлял освободительное движение казахов как Среднего, так и Младшего жуза. База движения становится более широкой, само движение перестало быть территориально ограниченным восстанием части родов Среднего жуза. Второе крупное отличие развития борьбы 1840 — 1845 годов от предшествующего этапа заключалось в том, что стремление Кенесары к возрождению Казахского ханства получает свое оформление в избрании его казахским ханом.

О первых подготовительных совещаниях представителей казахских родов, обсуждавших кандидатуру Кенесары, сообщает Кулебай Куканов — из Джагалбайлинского рода: «Кенесары принял меня благосклонно — аул его имеет не более 40 кибиток. Но киргизов много к нему собралось, а именно: жаппасцы, чумекеевцы, торткарийцы, алчинцы и чиклинцы... Киргизы же совещаются над избранием султана Кенесары ханом всех родов... Ордынцы же, собранные в его ауле, соглас-

ны все, как я мог заметить из слов их, помириться с собою и избрать ханом Кенесары».[1]

Следившие за деятельностью Кенесары власти всячески старались через лазутчиков и султанов-правителей разжигать родовую вражду между восставшими, не давать им возможности объединиться в единое государство. «При старом режиме, — говорил товарищ Сталин, — царская власть не старалась и не могла стараться развить государственность на Украине, в Азербайджане, Туркестане и других окраинах, она боролась с развитием государственности на окраинах».[2] На этот раз все ее старания были тщетны. В одном из донесений военному министерству задним числом сообщается об избрании Кенесары ханом: «В сентябре Кенесары присвоил себе ханский титул и стал посылать от себя повеления в киргизские волости Сибирского ведомства».[3]

Действительно, в сентябре 1841 года представителями казахских родов, по традиционному обычаю, Кенесары был поднят на белую кошму и избран ханом.

И это было закономерным явлением.

Всякое национально-освободительное движение, опирающееся на поддержку широких народных масс, стремится к созданию своего национального государства.

В. И. Ленин писал: «Что такое «национальное» восстание? Восстание, стремящееся создать политическую независимость угнетенной нации, т. е. особое национальное государство».[4]

Ахмет Кенесарин в своих воспоминаниях указывает на одну интересную деталь: во время избрания Кенесары ханом часть родов Младшего жуза, населявших прилинейную пограничную степь, просили Кенесары, чтобы он пока не называл себя ханом в переписке с оренбургскими властями, и заявили, что «они за это тайно будут поддерживать Кенесары, а на словах заявят о своей преданности царским властям и непричастности к восстанию Кенесары». Когда Оренбургскому военному губернатору Перовскому сообщили об избрании Кенесары ханом, он потребовал от Кенесары объяснения, «действительно ли он избран ханом?» Кенесары, отвечая Перовскому, отрицал факт своего избрания. Это объяснялось, очевидно, тем, что

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. доп. д. 156, лл. 2 — 3. Из сообщения старшины Джагалбайлинского рода Кулебай Куканова коменданту Орской крепости полк. Маеву, 14 июня 1841 года.

[2] *Сталин И. В.* — Марксизм и национально-колониальный вопрос. 1939, стр. 101.

[3] ЦВИА, д. 1201, лл. 5 — 8, 1841.

[4] *Ленин В. И.* — Соч., т. XIX, стр. 224.

избравшие его роды, кочевья которых расположены близ пограничной Линии, боялись преследования.

Таким образом, Кенесары пришел к власти не в результате междоусобной борьбы и родовых интриг, а был избран ханом, как общепризнанный руководитель восстания.

Другая особенность данного этапа борьбы заключается в том, что, возглавив освободительное движение, Кенесары твердо решил отказаться от политики своих братьев, искавших опору в «единоверных» среднеазиатских ханствах. Кенесары решил вести борьбу на два фронта: как с царской Россией, так и среднеазиатскими ханствами, в первую очередь с Кокандом и ташкентским кушбеки.

Дальнейшую борьбу Кенесары с Кокандом нельзя рассматривать лишь, как попытку объединить подвластных Коканду казахов; Коканд представлял серьезную угрозу независимости казахов и без борьбы с ним нельзя было создать единое независимое государство. Именно поэтому в борьбе с Кокандом целью Кенесары являлось полное освобождение казахов от какой бы то ни было зависимости от южного соседа.

Деятельность Кенесары по организации возрожденного в 1841 году казахского ханства определялась задачами борьбы за независимость. Поэтому рассмотрим, как развивалось национально-освободительное движение в рассматриваемый период. Перемирие, установленное в 1840 году, было неустойчиво, тем не менее оно позволило Кенесары повернуть фронт борьбы на юг.

Еще в 1838 году Коканд и ташкентский кушбеки сделали попытку использовать Кенесары в своих целях и предлагали ему кокандское подданство. Вот что сообщает об этом в своем показании Искара Утембаев, из Тока-Карпыковской волости: «в аулы Кенесары Касымова, кочующего на урочище Коницы, Качерлы... прибыл владелец ташкентский кушбеки с войском двух тысяч человек с тем предположением, что если Кенесары со всеми удалившимися от зависимости от Российского правительства волостями будет согласен подчиниться Ташкенту, то, сделав с ним примирение, он пригласит для кочевок в Ташкент, если на это Кенесары не согласится, то кушбеки оттуда не возвратится, не сделав с ним решительного действия».[1]

Кенесары отказался вступить в подданство ташкентского кушбеки. По поводу этого В. А. Перовский писал графу Нессельроде: «Ташкентский правитель прислал в октябре прошлого года к возмутившемуся Кенесары подарки, испрашивая

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 18, л: 597—598. 2 ноября 1838 года.

дружбу его и позволение основать в степи укрепления, обещая в этом случае Кенесары свою помощь. Но последний, не доверяя недавнему врагу своему, от того отказался».[1]

Ташкентский кушбеки все же не прекращал попыток склонить отложившихся казахов Среднего жуза к вступлению в кокандское подданство. Казах Байбек Бекбулатов сообщает такой характерный факт: «Во время нахождения откочевавшего из пределов Среднего жуза Дюсембая в Чакчаковскую волость, в районе реки Или, к ним приезжал специальный представитель кокандского кушбеки с требованием вступить в кокандское подданство. Он предлагал им от имени кокандского владельца взять в каждую волость по одному из ташкентцев письмоводителем, но киргизы тех волостей просили от имени их извиниться перед владельцем, что они этого принять не могут».[2]

В борьбе с Кокандским ханством Кенесары умело использовал вспыхнувшую в 1840 году войну между Бухарой и Кокандом.

Дореволюционные историки, при характеристике внутреннего состояния среднеазиатских ханств, обычно приводят старинную арабскую пословицу — «В Руме (Турция) блаженство, в Дамаске — благотворительность, в Багдаде — ученость, а в Туркестане ничего, кроме злобы и вражды». Эта поговорка оправдывается, в частности, событиями, которые развернулись в Средней Азии в 40-х годах.

В этот период во главе Бухарского ханства находился эмир Насрулла, прозванный народом «Эмиром-мясником» (Эмир Хасап) за его чрезмерную жестокость. Насрулла боролся за установление неограниченной власти и вел борьбу с остатками феодальной раздробленности, которая сопровождалась исключительными жестокостями.

Бухарское ханство давно зарилось на богатства кокандского хана и подвластные ему провинции. Выгодное положение Кокандского ханства давало возможность господствовать над караванными путями, идущими из Оренбурга в Ташкент, Бухару и Хиву. Формальный повод к войне с Кокандом нашелся. В это время кокандским ханом был Мадали-хан. Он влюбился в свою мачеху, красавицу Хан-Паджа-Аим (младшая жена покойного Омар-хана), проживавшую в Ура-Тюбе, и женился на ней.

Узнав об этом, Бухарский эмир Насрулла послал к Мада-

---

[1] ЦГИА, Глав. архив, I — 9, д. 1, л. 39. Ген. Перовский — графу Нессельроде, 10 января 1839 года.

[2] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 18, лл. 69 — 80.

ли-хану Раимкалмака с письмом (риваятом), в котором объявил его кафиром (неверным) за незаконный брак с женой своего отца. Взбешенный Мадали-хан арестовал посланных бухарского эмира, что послужило поводом к войне с Кокандом.

В 1840 году бухарский эмир двинулся на Ура-Тюбе, после непродолжительного сопротивления взял город, а затем направился к Коканду. Войска эмира застали Мадали-хана врасплох, к тому же многие видные кокандские сановники сами были заинтересованы в занятии Коканда бухарцами. Об этом свидетельствует письмо Кинжетай аксакала, петропавловского купца второй гильдии, своим родным, в котором он писал: «Между тем подданные Коканда пребывали в беспечности, потому что младший брат хана Лари-Хан имел сильную сторону, говорили, что эти возьмут Коканд, только для переворота в ханском поколении».[1]

В этой борьбе как Коканд, так и Бухара были заинтересованы в поддержке со стороны Кенесары. Но не менее в этом было заинтересовано и Хивинское ханство. Хивинское ханство, после похода Перовского в 1839 году, напуганное возможностью его повторения, заинтересовано было, заключив союз с Кенесары, заставить его охранять западную границу Хивы от царских войск. В этих целях, осенью 1840 года, Алла-Кул-хан прислал письмо Кенесары с приглашением поселиться «в укреплении, построенном хивинцами на Сыр-Дарье». На это Кенесары весьма дипломатически ответил, что «он не может постоянно жить в том укреплении, а желает быть в середине киргизской степи и продолжать только с Хивою обыкновенные дружеские отношения».[2]

Такой отказ свидетельствует, что Кенесары вовсе не желал стать подданным Хивы, а тем более заключать с нею военный союз. Иным было его отношение к Бухаре. Стремясь к ослаблению Кокандского ханства, Кенесары во время войны Бухары с Кокандом поддерживал бухарского хана. По поводу этого начальник Сибирского Таможенного округа в своем секретном донесении министру финансов писал: «Хан бухарский предпринял неприязненные действия против Кокани и Ташкени... Вследствие этого бухарский хан употреблял Кенесары для открытия военных действий».[3]

В начале сентября 1841 года Кенесары выступил с 4 тысячами отборных войск из казахов Чумекеевского, Торткарин-

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 10, лл. 2 — 13

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2277, л. 2.

[3] ЦГИА, Глав. архив. 1—9, д. 2, л. 32. Выписка из секретного донесения начальника Сибирского таможенного округа его сиятельству господину министру финансов, 12 января 1842 года.

ского и Табынского родов, на Ташкент.[1] Однако вспыхнувшая в его войсках эпидемия задержала его. Зато другая часть его войска осадила крепости Сузак, Яны-Курган, Жулек и Ак-Мечеть. Особенно ожесточенным был бой за крепость Сузак. Очевидец рассказывает, что «Кенесары осаждал Сузак в продолжение 18 дней; у него были сделаны деревянные лестницы для того, чтобы влезть на вал».[2] Кенесары, разрушив Сузак и другие укрепления, присоединил к себе окрестных, подвластных Коканду казахов и заставил их откочевать в сторону Тургая.[3]

Осада Сузака и взятие ряда укреплений и крепостей явилась крупнейшей моральной победой Кенесары, поднявшей его авторитет в казахских народных массах. В результате поражения кокандский хан вынужден был предложить Кенесары вечный союз. Но Кенесары отказался от этого и потребовал возвращения принадлежавшей казахам территории.

В начале апреля 1842 года бухарскими войсками был взят г. Коканд. Предание гласит, что когда эмир бухарский въезжал в город, к нему навстречу вышел Мадали-хан. Насрулла привел его в собрание ученого духовенства и спросил, как надо с ним поступить за его противозаконное дело, на что «ученые предложили приставить к жерлу пушки и выстрелить». Как пишет Наливкин, Мадали-хан по приказанию бухарского эмира был зарезан.

Предвидя осложнения отношений Бухары с Хивой из-за обладания кокандскими владениями и не желая чрезмерного усиления Бухары, Кенесары вступил в переговоры с Хивой для того, чтобы усилить распри между ханствами и тем самым ослабить их. Его расчет оправдался. В 1842 году началась ожесточенная борьба между Хивой и Бухарой из-за Коканда, продолжавшаяся с переменным успехом.

В этот период Коканд, превращенный в провинцию бухарского хана, пришел в упадок. Подвластные ему казахские и киргизские роды начали борьбу за свое освобождение. Восстали казахи Чумекеевского, Торткаринского и Табынского родов, кочевавшие по берегам Сыр-Дарьи. Они обратились за помощью к Кенесары, прося его взять на себя руководство их борьбой. Кенесары согласился. Султан-правитель Ахмет Джантюрин писал по этому поводу в Оренбургскую Пограничную Комиссию: «Сие предприятие, как слышно, сделано не

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, д. 2231и, лл. 36 — 37. Из отчета Оренбургской Комиссии за 1841 год.

[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 10, лл. 8 — 13. Из письма Файзуллы Рамазанова к родственнику Мирхалимбай, 30 января 1841 года.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2300, лл. 1 — 2.

столько по собственному желанию Кенесары, сколько убедили его к тому киргизы означенных родов, которые, кочевавши около Сыр-Дарьи, подвергались часто временным нападениям ташкентцев».[1]

Воспользовавшись ослаблением Коканда, значительная часть киргизских родов, кочевавших в окрестностях Иссык-Куля, признали себя независимыми и «выгнали кокандцев из небольших укреплений, устроенных на речках Кара-Коле, Барскауне и Конур-Улене».[2]

Хивинский хан, желая заручиться в борьбе с Бухарой хотя бы нейтралитетом Кенесары, послал ему через своего представителя Базарбая в подарок «15 отличнейших ружей и одного аргамака». Кенесары подарки принял и даже похвалил качество полученных ружей, сказав своим соратникам, что при стрельбе из таких ружей «ни одна птица на 300 сажен и более не улетит от пули».[3]

Воспользовавшись борьбой между Бухарой и Хивой, жители Коканда восстали и освободили свой город. Кокандцы предложили ханский престол родственнику Мадали-хана — Шир-Али. По словам Абул-Гафар-бека «с удалением бухарцев мир и тишина водворились в Кокандском ханстве. Шир-Али-хан, в то время довольно пожилой человек, оказался правителем добрым и кротким. Он носил прозвище «пустяк» (т. е. меховой коврик для обтирания ног, а в переносном смысле — тряпка)».[4]

После первых успешных военных операций против бухарского эмира, в конце ноября 1842 года умер хивинский хан и на престол вступил его сын — инак Рахман-Кул. С первых же дней своими жестокими репрессиями он вызвал ненависть народа: «Хивинцы не совсем расположены к нынешнему хану. Чрезмерная строгость его и нередкое отсутствие правосудия в распоряжениях Рахман-Кула породили даже к нему негодование жителей».[5]

Не желая усиления ни Хивы, ни Бухары, Кенесары продолжал лавировать между ними. За сохранение дружественного

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2331н, л. 30, 1841.

[2] Заметки о дикокаменных киргизах. Материалы для статистики Туркестанского края под ред. Маева, вып. III, стр. 384 — 385, СПБ, 1874.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, д. 1757, л. 166. Из сообщения лазутчика Кульжан Кулменова.

[4] *Петровский Н.* — Очерки Кокандского ханства, «Вестник Европы», кн. X, 1875, стр. 737.

[5] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5584, лл. 89 — 90. Записка о Хивинском ханстве и отношении его к соседним областям и кочующим народам.

нейтралитета хивинский хан Рахман-Кул одарил Кенесары «тремя аргамаками с верховой позолоченной сбруей, тремя саблями, двенадцатью ружьями и свинцом».[1]

Кенесары умело использовал свои дружественные связи с Хивой для установления с ней торговых отношений. В это время приверженцы Кенесары вели бойкую торговлю на среднеазиатских рынках, пригоняли скот и на вырученные деньги покупали ружья, порох, свинец и другие необходимые товары.

Военные действия Кенесары против Коканда вызвали беспокойство оренбургской администрации. Оренбургский военный губернатор Перовский потребовал объяснений. Почему, спрашивал он у Кенесары, «Вы вмешиваетесь в войну бухарского хана с Кокандом, собираете для этого значительные партии киргизов?».[2]

В своем ответе Кенесары четко формулировал причины войны казахов с Кокандом: «Находившиеся при нас роды отняты кокандцами, которые прежде еще убили старших братьев моих: Саржан султана, Есенгельды султана, Алджан султана, Касыма. Ныне в 1841 году мы отправили на Коканд войско, чтобы выручить находившиеся там роды... Из этих родов остались 6 600 кибиток».[3]

Специально посланные царские лазутчики для выяснения причин военных действий между Кенесары и Кокандом подтвердили правильность доводов Кенесары. В частности, начальник Сибирского Таможенного округа писал: «Кенесары перешел в Кокандское владение с значительным числом киргиз-кайсаков в намерении вывести из Коканда передавшихся туда в последнее беспокойство киргиз, подвластных России».[4]

Однако объяснения Кенесары не удовлетворили правительство: враждебные действия на юге султана, подданного империи, грозили подорвать интересы русской среднеазиатской торговли. От Кенесары было потребовано прекратить враждебные действия на юге и прикочевать к русским границам. Кенесары внешне покорился, но глубоко затаил обиду. Ему было ясно, что русское правительство отказывается признать за ним какую бы то ни было долю самостоятельности.

В то же время в начале 1842 года в составе русской администрации произошли важные перемены: Перов-

---

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5584, лл. 91 — 95.

[2] ЦГИА, I — 9, д. 1, л. 182. «Список с письма Оренбургского военного губернатора султану Кенесары Касымову от 2 сентября 1842 года».

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2343, лл. 18 — 19. Из письма Кенесары генералу В. А. Перовскому, 1841.

[4] ЦГИА, Глав. архив I — 9, д. 29, л. 30. Выписка из секретного донесения начальника Сибирского таможенного округа от 19 ноября 1841 года.

ский был отозван из Оренбурга и на его место назначен генерал Обручев, который не доверял Кенесары и не верил в возможность мирного урегулирования конфликта. Это облегчало положение Горчакова и позволяло принять решительные меры против Кенесары. Перемирие, установившееся со степью, было нарушено Горчаковым в том же 1842 году. Сибирский отряд под командой Сотникова напал на аулы Кенесары, угнал большое количество скота и увел в плен до 10 человек, в том числе жену Кенесары Куным-жан. Несколько позже Сибирским отрядом были разбиты аулы Кенесары, кочевавшие при Аксакалтобе, и угнаны 1 000 верблюдов, 3 000 лошадей, 10 000 баранов и убито 100 человек и уведено в плен 25 человек.[1]

Брошенный Горчаковым вызов попал в цель. Кенесары вынужден был выступить против сибирских властей.

С наступлением 1843 года он усилил нападения на пограничную Линию Западно-Сибирского губернаторства и разгромил дружественные России аулы султана Алтыбая Кубекова из рода Жаппас и Алтын, причем султан Алтыбай был убит. Одновременно Кенесары возобновил и набеги на Кокандские владения.

Это выступление Кенесары послужило причиной нарушения перемирия. Вновь начались вооруженные столкновения с царскими отрядами.

Положение Кенесары оказалось очень трудным. Он потерял всякую надежду на примирение с царскими властями. В одном из своих писем Кенесары с негодованием писал ген. Обручеву: «В прошедшем 1839 году проживающие в Оренбурге г. военный губернатор и генерал Генс объявили нам всемилостивейший манифест Государя Императора и прощение сделанным нами проступкам. Вполне поверив такой личности, мы остановили стрельбу и действия саблями и спокойно пребывали в пространных владениях Его Величества... 21 числа Наурыза во время отлучки нашей на охоту ограблена часть наших аулов, убито несколько человек и уведена султанша Куным-жан выезжавшим из Омской области отрядом под начальством Сотникова... После чего мне осталось предположить, что милость надобно ждать от одного бога, а от русских начальников ее не дождешься».[2]

Возобновление военных действий в степи побудило генерала Обручева в начале 1843 года представить специальную до-

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2340, л. 258. 8 августа 1843 года. Кенесары — Генсу. (Приводимые цифровые данные взяты из письма Кенесары).

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2540, лл. 10 — 12. Кенесары — Обручеву, 18 ноября 1844 года.

кладную с обоснованием необходимости и подробным изложением плана карательной экспедиции против Кенесары и просить военного министра об отпуске необходимых средств. Он просил об отпуске на военные расходы 14 тысяч рублей и, сверх того, 3 тысячи рублей на премию за доставку головы Кенесары. При этом Обручев предупреждал, что Кенесары имеет теперь целую армию и угрожает нападением на Оренбургскую крепость. Его докладная была дана на отзыв В. А. Перовскому, как бывшему военному губернатору Оренбургского края. Перовский написал подробные замечания на план Обручева, в которых попрежнему защищал Кенесары. Он писал: «Мне кажется, что г. Обручев напрасно и не в меру встревожен действиями Кенесары и неблагонамеренностью ордынцев. Донесение его большею частью составлено из толков киргизских и не заключает ничего положительного»; далее он продолжал: «К сожалению, план экспедиции и самый состав отряда кажутся мне так ошибочны, что не предвидя от предпринимаемых мер никакой пользы, можно почти наверное предсказать различного рода неудачи».[1] Несмотря на замечания Перовского, 27 июня Николай I разрешил поход в степь с отнесением расходов за доставку головы Кенесары за счет кибиточного сбора.

10 июля 1843 года Обручев направил в степь отряд в 300 человек под командою войскового старшины Лебедева. Встреча Лебедева с Кенесары произошла на р. Иргизе. Но и на этот раз Кенесары, избегая столкновения с царским отрядом, убедил Лебедева, что подчиняется приказанию властей, навсегда отдается в подданство России и перекочевывает к границе Оренбургского ведомства. Лебедев запросил указаний Оренбургского военного губернатора. Тот незамедлительно ответил: воздержаться от враждебных действий против Кенесары, но с отрядом оставаться в степи. Одновременно султанам-правителям было поручено срочно сформировать отряды, причем запрещалось разглашение целей похода. Так, например, султану восточной части Орды Ахмету Джантюрину, прибывшему в конце апреля на вершину Тобола, было предписано:[2]

1. Собрать благонадежных и преданных царизму казахов с хорошими верховыми и подъемными лошадьми;

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 4, л. 127. «Замечания ген.-ад. Перовского по предмету предложенной экспедиции против султана Кенесары», 30 июня 1843 года.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2276, лл. 4—9.

2. О целях похода не объявлять, а распускать слухи, что поход предпринимается с другим назначением.

Однако султанам-правителям не удалось во-время сформировать свои вооруженные отряды. Ахмет Джантюрин явился к месту назначения с опозданием, а султан Баймухаммед Айчуваков собрал только 500 казахов.

В августе 1843 года отряд из 5 000 человек под общим командованием полковника Бизанова, вместе с султанами-правителями Арсланом Джантюриным и Баймухаммедом Айчуваковым, выступил из крепости Сахарной для уничтожения «мятежного султана Кенесары». Другие отряды, сформированные в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве, выступили из Омска, Петропавловска и Каркаралинска.

Одновременно оренбургский военный губернатор Обручев обратился с воззванием к «кочующим казахам»:

«К вам, — писал он, — обращаюсь я с советом, полезным для вас; отриньте заблуждения ваши, оставьте злодея, пораженного теперь страхом, возвратитесь на прежнее место ваших кочевок. Для собственного спасения вашего я делаю это воззвание, чтобы отвратить от вас те бедственные последствия, которые вы можете навлечь на себя и семейства ваши, продолжая оставаться в сообществе с Кенесарой».[1]

К этому времени силы Кенесары возросли. Ему были подвластны более 5 000 аулов из родов Баганалы, Аргын, Табын, Тама, Байбакты, Шекты, Шомекей и др.

Отряд полковника Бизанова, вместе с султанами-правителями Баймухаммедом Айчуваковым и Арсланом Джантюриным, двинулся сперва по р. Иргизу, а затем по нижнему течению р. Улкояк, где кочевали аулы Кенесары. Здесь он столкнулся с небольшим отрядом Наурызбая, специально высланным в разведку. При столкновении Наурызбай был тяжело ранен, однако ему удалось с боями скрыться в степь. Бизанов, утомленный длительными, изнурительными переходами, не стал его преследовать. Вместо этого он направился в сторону аулов Кенесары и захватил там значительное количество скота. Но дать бой самому Кенесары ему не пришлось.

Отряд Ахмета Джантюрина, шедший со стороны Тобола, опоздал и не смог присоединиться к отряду Бизанова.

Прибыв 17 сентября 1843 года в Тургай, султан Ахмет Джантюрин узнал, что отряд Бизанова, измотав в боях силы и ничего не добившись, вернулся в Орск. Джантюрин был вынужден возвратиться к Тоболу. Так бесславно окончился поход Бизанова.

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2340, лл. 324 — 325.

Остальным царским отрядам также не удалось навязать сражение Кенесары. Со своими джигитами он маневрировал в степных просторах, изматывая силы противника. Обессиленные отряды, в связи с ранним наступлением холодных осенних дождей, вынуждены были прекратить военные действия и покинуть степь.

Военные действия против Кенесары предполагалось возобновить в следующем, 1844 году.

Воспользовавшись временной передышкой, Кенесары стал готовиться к новой борьбе. По свидетельству властей, к этому времени он «имел при себе хорошо вооруженных 8 000 человек».[1]

В конце 1843 года вместе с Ержаном Саржановым Кенесары во главе 3 500 джигитов напал на аул султана-правителя средней части Оренбургского ведомства Арслана Джантюрина, расположенный по р. Уилу. Нападение Кенесары было настолько внезапным, что жители аула не успели призвать помощь с ближайшей пограничной Линии. Нападавшие нанесли султану чувствительный ущерб, захватив у него 5 500 лошадей, 3 500 верблюдов, 970 коров и 7 000 баранов.

Султан Арслан Джантюрин, вместе с присланным ему на помощь отрядом, численностью в 500 солдат, отправился вдогонку Кенесары. Однако, прибыв к р. Ори, он узнал о значительном перевесе вооруженных сил Кенесары и потому решил прекратить дальнейшее преследование. По возвращении Арслан Джантюрин писал председателю Оренбургской Пограничной Комиссии: «Султан Кенесары снова готовит нападение на собственный мой аул, потому что, как доходят до меня сведения, первое его намерение есть посягнуть на мою жизнь и погубить семейство мое».[2]

В ответ на это донесение Оренбургский военный губернатор приказал султану-правителю западной части Орды полковнику Баймухаммеду Айчувакову оказать вооруженную помощь Арслану Джантюрину для преследования «степного разбойника Кенесары». Кроме того, решено было усилить отряд Арслана Джантюрина артиллерией и другим вооружением. Однако и это не помогло. Восставшие во главе с Кенесары попрежнему продолжали нападения на пограничные Линии и на аулы непокорных султанов. Одновременно Кенесары вторгся со стороны Улу-Тау в пределы степи, подчиненные Западно-Сибирскому генерал-губернатору. Это вынудило Горчакова

---

[1] *Серебренников А. Г.* — Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края, т. IV, стр. 141. Ташкент, 1914.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2120, лл. 1—2.

обратиться к канцлеру Нессельроде за разрешением занять Улу-Тау и Арганаты путем поселения там казачьих семейств и выделения специального отряда из состава второго сибирского полка. Просьба Горчакова была удовлетворена.

Опыт предшествующих лет борьбы с Кенесары убедил правительство, что отдельным отрядам, посылаемым против восставших, не достигнуть успеха, так как Кенесары, маневрируя в степных просторах, легко избегал преследования. Поэтому правительство решило снарядить весной 1844 года в степь 3 отряда. Отряды должны были комбинированным наступлением со стороны крепости Орск, от гор Улу-Тау и от реки Тобола на кочевья Кенесары в районе Тургая, взять Кенесары в клещи и отрезать ему пути отступления. Оренбургскому и Западно-Сибирскому губернаторам предложено было объединить силы и осуществить единство действий.

Со стороны Оренбургского губернаторства был сформирован отряд в составе 500 человек под командованием войскового старшины Лебедева.

Султану-правителю восточной части Оренбургского ведомства Ахмету Джантюрину было предложено сформировать отряд из преданных казахов, которым правительство обещало, в случае смерти на поле боя, назначить их семьям пенсию.

Этот отряд в полной боевой готовности должен был находиться в верховьях р. Тобола.

Со стороны Сибирского генерал-губернаторства были сформированы 2 отряда: один, под командой есаула Лебедева в составе 250 человек при двух орудиях, а другой, под командой сотника Фалилеева, в составе 150 казаков.

Общее командование войсками было возложено на генерал-майора Жемчужникова. Согласно разработанному им плану, оренбургский отряд, возглавляемый войсковым старшиной Лебедевым, не позднее 5 мая должен был выступить из крепости Орск и, следуя в направлении к Камышакле и далее по нижнему течению р. Иргиза, к 20-му мая прибыть в Тургай, к месту нахождения кочевья Кенесары.

Отряд Ахмета Джантюрина должен был выступить со стороны Тобола и двигаться по р. Кабырга и Улькуяк, и далее, следуя от брода Тайлак, к 29 мая соединиться с отрядом войскового старшины Лебедева.

Отряды, вышедшие со стороны Оренбурга, по прибытии сибирских войск, должны были преградить путь отступлению Кенесары из района Тургая в сторону Кара-Кумов, Барсуков и Мугоджарских гор.

Сибирский отряд, под командованием есаула Лебедева, должен был выступить не позднее 1-го мая со стороны Улу-

Тау и двигаться на соединение с оренбургскими отрядами на р. Тургай. Задача отряда сводилась к тому, чтобы прижать повстанцев к Тургаю, тем самым завершив их окружение. Горчаков в донесении военному министру писал: «По занятии сибирским отрядом гор Улу-Тау и устья реки Сарысу мятежник будет отброшен к Тургаю или Иргизу».[1]

Занятию горного района Улу-Тау сибирскими властями придавалось исключительно важное значение, так как горы Улу-Тау для Кенесары были важны не только как джайляу, богатые сочными лугами, они имели крупное стратегическое значение. Находясь на стыке между Младшим и Средним жузами, на значительном расстоянии от границ как Оренбургского, так и Западно-Сибирского губернаторств, Улутауские горы служили центром средоточия казахов, куда стекались повстанцы из всех жузов.

Посылка другого сибирского отряда, под командой Фалилеева в сторону Сарысу, преследовала цель отрезать путь отступления Кенесары в пределы среднеазиатских ханств и Старшего жуза.

На посылку этих отрядов местная администрация возлагала большие надежды. Предполагали, что комбинированным ударом удастся раздавить восстание, лишив Кенесары возможности маневрировать в степи, поскольку ему будут отрезаны пути отступления на Кара-Кумы и Барсуки, а также в сторону Старшего жуза. Горчаков писал: «Если Кенесары будет находиться между укреплениями на речках Тургае, Улькояке и Талькаре, тогда употребить все меры нанести мятежникам решительный удар из обоих укреплений в одно время».[2]

Оренбургский отряд, под командованием войскового старшины Лебедева, выступил 5 мая. Совершая тяжелые переходы, он прошел озеро Ак-Куль, реку Джиланчик, двигаясь по направлению к Иргизу. На соединение с Лебедевым с верховьев р. Иргиз шел отряд султана-правителя Ахмета Джантюрина.

Кенесары в это время находился со своими кочевьями на правом берегу Иргиза. Узнав через своих агентов направление движения царских отрядов, он распространил ложные слухи о своем отступлении. Задача его сводилась к тому, чтобы не дать возможности силам оренбургских и сибирских войск соединиться в районе Тургая. Кенесары понимал, что, если бы им это удалось, то пути отступления для него были бы отрезаны.

---

[1] Истор. архив КССР. ф. 4. оп. 1. д. 2559. л. 2.
[2] Истор. архив КССР. ф. 4. оп. 1, д. 2651, лл. 798 — 799.

Но вскоре Лебедев, получил через торткаринских биев и старшин достоверные сведения о месте нахождения Кенесары и спешно двинулся в сторону Иргиза. По пути к нему присоединился отряд султана-правителя Ахмета Джантюрина. Отряд Лебедева, двигаясь вниз по р. Иргизу, к концу мая достиг р. Талдык, где обнаружил свежие следы кочевок. Чтобы отрезать пути отступления отряду Кенесары на Кара-Кумы Лебедев решил итти на Тургай. Этот маневр ему удался: путь отступления на Кара-Кумы был для Кенесары отрезан.

Но здесь обнаружилось, что сибирский отряд, который должен был к этому времени прибыть в район Тургая и совместно с отрядом Лебедева окружить Кенесары, не явился, и о движении его не было никаких сведений. Это дало возможность отрядам Кенесары безнаказанно направиться в сторону Улу-Тау.

В связи со срывом плана экспедиции войсковой старшина Лебедев доносил военному губернатору Обручеву: «Сибирскому начальству было известно, что я около 30 мая буду находиться на устье Тургая. Знаю, что отряд этот не находится между Улу-Тау и Тургаем и, следовательно, не может преградить Кенесары дальнейшее отступление».[1]

Войсковой старшина Лебедев был намерен продолжать преследование отряда Кенесары. Но когда ему стало ясно, что сибирский отряд прибудет на помощь не скоро, он решил вернуться к пограничной Линии. При движении к Орску Лебедев, дезориентированный распускаемыми Кенесары слухами, разгромил аул бия Байкадамова, человека, преданного властям.

Султан Ахмет Джантюрин со своим отрядом отделился и направился к Тоболу.

Когда Оренбургскому военному губернатору стало известно, что отряд войскового старшины Лебедева, не добившись ничего существенного в борьбе с Кенесары и даже не соединившись с шедшим со стороны Улу-Тау отрядом генерал-майора Жемчужникова, вернулся к Орску, он написал Лебедеву: «Вы совершенно отклонились от настоящей цели экспедиции, которая непременно должна быть основана на совокупных действиях вверенного Вам отряда с таковыми же сибирскими, находящимися на Улу-Тау и Сарысу... Вы же, напротив, по учинении натиска на мятежные аулы, 4 числа сего месяца, отбив у них значительное количество скота, вместо того, чтобы преследовать бегущих и самого Кенесару, который, по донесению Вашему, взял направление к горе Улу-Тау».[2]

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2547, л. 181.
[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2547, лл. 59 — 61.

Вскоре войсковой старшина Лебедев был отозван в Оренбург, отстранен от должности и предан суду по обвинению в грабеже аула преданного царизму бия Байкадамова. Вместо Лебедева начальником отряда был назначен командир 3-го Оренбургского казачьего полка полковник Дуниковский.

Отстранение Лебедева, по существу единственного человека, знавшего специфику условий степной войны, имело для властей самые печальные последствия. Не в пример прочим офицерам, свысока глядевшим на Кенесары, Лебедев хорошо понимал, какого опытного противника он имеет в лице восставшего султана. В частности, он совершенно правильно учел, что одним из сильнейших преимуществ Кенесары является маневренность и мастерское руководство кавалерийскими операциями. С целью придать своему отряду такую же маневренную способность, Лебедев впервые в истории русских походов в Среднюю Азию отказался от малоподвижного верблюжьего обоза и применил сконструированные по его указаниям легкие повозки для транспортировки провианта, боеприпасов и пр. Это намного ускорило темпы передвижения его отряда и дало ему возможность вести успешное преследование повстанцев. В лице Лебедева Кенесары встретил серьезного противника и по достоинству оценил его.

В противоположность Лебедеву, Дуниковский не знал условий степной войны. Он начал с того, что отменил все распоряжения и нововведения своего предшественника. Отряд Дуниковского, с тяжелым обозом, в начале июля двинулся на соединение с сибирским отрядом генерал-майора Жемчужникова, направлявшимся со стороны Улу-Тау. Кенесары, через своего лазутчика Курамыша из Чумекеевского рода узнав все подробности об отряде Дуниковского, решил выслать навстречу ему в качестве заслона небольшой отряд. Этот отряд, избегая решительного столкновения, должен был изматывать силы противника. Тем временем Кенесары готовил решительный удар. В ночь с 20 на 21 июля 1844 года на р. Улкояке в верховьях Тобола Кенесары окружил отряд Ахмета Джантюрина и полностью разгромил его. В бою было убито 44 видных султана. Основные силы отряда Дуниковского находились недалеко от лагеря султана Ахмета Джантюрина, были даже слышны стоны и крики людей. Но, боясь ловушки и гибели, Дуниковский не решился оказать помощь султанам. Раненый казах Косбаков, находившийся в отряде Ахмета Джантюрина, на допросе в Пограничной Комиссии заявил: «Во время нападения на нас Кенесары Касымова военный отряд (Дуниковского — Е. Б.) находился от нас в таком расстоянии, что можно

было слышать крики, особенно ружейные выстрелы. Но из отряда нам не было дано никакой помощи».[1]

Гибель 44 султанов поразила Оренбургского и Западно-Сибирского губернаторов. На рапорте Дуниковского Обручев наложил резолюцию: «Позор, неприятная весть, не верится, что подобная вещь могла совершиться».[2]

25 июля отряд Дуниковского и остатки ополчения султана Ахмета Джантюрина соединились у озера Ак-Куль, близ Тургая с сибирским отрядом генерал-майора Жемчужникова. К этому времени, однако, Кенесары все свои аулы успел перевести с устьев рр. Талдыка и Чит-Иргиза на западный склон Мугоджарских гор. Окружение не удалось. Более того, в начале августа отряд Кенесары вышел в тыл врага и появился вблизи пограничной Оренбургской Линии. Здесь им были разгромлены аулы биев и старшин Торткаринского и Джагалбайлинского родов, отказывавшихся примкнуть к восстанию. У одних только джагалбайлинцев, кочевавших близ реки Орь, было отогнано 700 лошадей, 3 000 баранов и 160 голов рогатого скота.

Оперируя в тылу противника, Кенесары обратился к местным казахам с воззванием, в котором раскрыл свои планы предстоящего похода на Оренбургскую пограничную Линию и призывал присоединиться к его отряду. «Сначала я сожгу, — говорит Кенесары, — Екатерининскую станицу, а затем подвергну опустошению Наследницкую и Атаманскую станицы, и после этого выйду к Оренбургской и Троицкой Линии».[3] Воззвание это имело успех, и к Кенесары стали присоединяться местные казахи.

В средине августа Кенесары внезапно осадил Екатерининскую станицу. Нападение было до того стремительным, что казачьи войска, находившиеся в станице, не сразу смогли оказать организованное сопротивление. Отрядами Кенесары был сожжен и разрушен форштадт станицы. В результате нападения на Екатерининскую станицу, Кенесары достались трофеи, в том числе 18 ружей, 2 пистолета, 18 сабель, 27 пик. Было угнано значительное количество скота. В своем донесении коллежский регистратор Немчинов писал председателю Оренбургской Пограничной Комиссии: «Жители Екатерининской станицы, лишившись всего скота, домов, хлеба и разного имущества, находятся в самом жалком положении».[4] Быстрота и манев-

[1] Истор. архив КССР, ф. 4. оп. 1. д. 2559, л. 2.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4. оп. 1. д. 2559, лл. 9 — 13.

[3] Казахский журнал «Айкап», март 1914 года, стр. 111. Документ переведен с казахского текста.

[4] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1. д. 2520, лл. 13 — 14.

ренность войск Кенесары и появление его в тылу оперировавших в степи войск произвели на властей ошеломляющее впечатление. «Ушел (Кенесары — Е. Б.) безнаказанным, оставив по себе легендарные сказания, как о каком-то заколдованном непобедимом герое-разбойнике».[1]

Отряды, действовавшие против Кенесары, получили строгое предписание во что бы то ни стало настигнуть его кочевья и разгромить восставших. Но генерал-майору Жемчужникову в это время не было известно не только местонахождение ставки Кенесары, но даже и его аулов. Обоим отрядам было приказано двигаться с Тургая в сторону Иргиза. 25 августа генерал-майор Жемчужников узнал через своих лазутчиков, что аулы Кенесары, опасаясь преследования, ушли на юг, в Мугоджарские горы. Жемчужников понимал, что после длительных и тяжелых переходов трудно будет со всеми силами преследовать противника. Поэтому решено было сформировать специальный отряд, способный бороться в условиях горной войны. Такой отряд был создан из 280 казаков оренбургского войска и 170 сибирского при двух орудиях. Остальным отрядам, под командованием войскового старшины Сычурова, было приказано выйти на Чит-Иргиз и предупредить возможное нападение Кенесары с тыла.

Отряд генерал-майора Жемчужникова к 22 августа достиг Мугоджарских гор. Здесь ему донесли, что основные аулы Кенесары уже вышли к верховьям реки Эмбы, а часть оставшихся аулов успела укрепиться в горных ущельях. После этого Жемчужников понял бесполезность дальнейшего преследования и решил вернуться обратно.

К началу сентября сибирский отряд отправился в сторону Улу-Тау, а оренбургский отряд полковника Дуниковского направился вниз по р. Иргиз в Орскую крепость. Так бесславно кончился поход 1844 года во главе с генерал-майором Жемчужниковым.

Неудача военной экспедиции генерал-майора Жемчужникова объясняется целым рядом причин. Одна из них заключается в незнании условий степной войны. В оперативном плане, без учета местных условий, устанавливались сроки движения отдельных отрядов. Но не все отряды успевали во-время прибыть к месту назначения. Сибирский отряд под командой генерал-майора Жемчужникова из-за своей неподготовленности к походу смог выступить только в начале июля. Отряд же войскового старшины Лебедева, совершив многодневный переход, во-время прибыл к месту назначения. Сибирского отряда

---

[1] *Симагин В.* — Оренбургский Листок, № 26, 1889.

он, понятно, не встретил. Такая несогласованность в проведении оперативных планов в конечном счете привела к провалу основного стратегического плана похода, предусматривавшего одновременный удар по отряду Кенесары в районе Тургая.

Кроме того, отряды не были подготовлены к степному походу в отношении обеспечения транспортом и продовольствием. Предполагалось, что отряды пробудут в степи максимально два — три месяца, и соответственно этому рассчитывалось количество боеприпасов и продовольствия. В действительности войскам пришлось пробыть в степи с мая по сентябрь включительно. Естественно, что отряды испытывали большие трудности в снабжении продовольствием и средствами передвижения. После длительных и изнурительных переходов часть лошадей выбыла из строя. Их не всегда легко было заменить. Казахи неохотно снабжали войска продовольствием. Начальник штаба генерал-майор Озерский писал: «По недостатку продовольствия и утомлению лошадей не предстоит никакой возможности продолжать действия».[1]

Везде, где проходили отряды, чувствовалось враждебное отношение местного населения. Проводники-казахи часто направляли отряды по ложным следам. Еще войсковой старшина Лебедев в 1843 году в одном из своих донесений писал: «По ближайшему кочеванию в средней части Орды к Оренбургу я надеялся найти в этих киргизах более повиновения, но, к сожалению, в них не в пример меньше преданности, чем в отдаленной восточной части».[2]

После ухода противника из казахской степи, Кенесары, оставив небольшие отряды повстанцев вдоль пограничной Линии, ушел в свои аулы, кочевавшие за Мугоджарами, по рр. Уйлу-Калу и Атыжаксы, впадающих в р. Эмбу. С наступлением осени аулы Кенесары снова перекочевали на восточный склон Мугоджарских гор. Ожидая нового наступления противника, Кенесары заранее укрепился в Мугоджарах.

Действия мелких партизанских отрядов, оставленных им в пограничных районах, не прекращались. Они нарушали нормальную жизнь пограничных русских поселений и дезорганизовали их хозяйство. В дневнике Оренбургской Пограничной Комиссии день за днем отмечались все происшествия на пограничной Линии. Приведем для иллюстрации наиболее характерные факты:

9 августа пять неизвестных всадников из засады напали на казака Етчисанова, ехавшего с казенными бумагами из ста-

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2547, лл. 59 — 61.
[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2340, лл. 183 — 184.

яицы Софинской в Александровскую. Отобрав все документы, всадники быстро скрылись.

1 сентября у станицы Михайловской на 2 казаков напали пятнадцать человек, отобрали у них лошадей и возы и затем скрылись.

10 сентября группа казахов напала на жителей Рымникской станицы и отогнала скот.

14 сентября небольшой отряд казахов совершил нападение на Полтавскую станицу.

21 сентября близ станицы Наследницкой появился отряд казахов, во главе с Ерджаном Саржановым. В ночь на 21 сентября они атаковали отряд Кулмена Бабаева, специально высланный в степь султаном-правителем восточной части Орды.

11 октября у казаков Наталинской крепости был отогнан скот.

Все эти мелкие стычки и нападения повстанцев создавали очень тревожное настроение на Линии и сковывали значительные силы противника.

В военных операциях 1844 года ярко проявилось военное искусство Кенесары. Он сумел, используя ошибки русского командования, вывести из окружения свои отряды и затем нанести противнику серьезный моральный удар.

Особое значение для дальнейших событий имел провал экспедиции полковника Дуниковского. Как пишет В. А. Потто: «Такой неудачный исход экспедиции, естественно, подорвал в киргизах (т. е. казахах — Е. Б.) последнее доверие к нашему могуществу, и в то же время вселил страх и уважение к их непобедимому хану, этому «киргизскому Шамилю», как выражается один из современных историков этих событий».[1]

Но Кенесары не обольщался успехами 1844 года. Он хорошо сознавал трудности предстоящей борьбы. Хозяйство поддерживавших его аулов было подорвано. Казахи лишились своих лучших земель в пограничных районах и испытывали острый недостаток в пастбищах. К тому же от джута у них погибло значительное количество скота, и они устали от продолжительных военных походов.

Оторванность от пограничного торга создавала острую нужду в самых необходимых продуктах, в том числе и в хлебе. Кроме того, кокандские и хивинские беки не прекращали свои разорительные набеги на подведомственные Кенесары казахские роды, кочевавшие близ сырь-дарьинских степей.

В конце 1844 года, по инициативе Кенесары, между ним и

---

[1] *Потто В. А.* — О степных походах, «Военный Вестник», 1873, № 4, стр. 255.

ген. Обручевым снова начались переговоры о перемирии и обмене пленными.

Кенесары решил пойти на известные уступки правительству. Если на первом этапе борьбы Кенесары настаивал на восстановлении отношений, существовавших при его деде Аблай-хане, и соглашался стать под протекторат России лишь при условии обеспечения политической независимости казахов и их территориальной целостности, то теперь ему стало ясным, что царскую Россию не заставить очистить Казахскую степь, что его требование восстановить прежние вассальные отношения в создавшихся условиях невыполнимо. Это видно из его переписки, относящейся к 1844 — 1845 годам. На новом этапе борьбы, когда царская Россия прочно обосновалась в основных, жизненно важных для казахов районах, Кенесары уже не требовал возвращения всей захваченной территории Казахстана, а только просил оставить не занятую еще властями территорию — Актау, Исиль-Нура до р. Урала. Кенесары писал: «Мы не просим тех земель, которые захвачены прежними начальниками и в которых основаны диваны; настоящая просьба наша заключается в том, что если б начиная с Актау, Исиль-Нура до р. Урала не были производимы съемки, заводимы диваны и не выходили в степь отряды».[1]

Кроме того, к этому времени Кенесары не настаивал на принятии казахов под протекторат России на правах вассальной зависимости, а, наоборот, четко ставил вопрос о вступлении казахов в подданство царской России.

По этому поводу в своем донесении Оренбургской Пограничной Комиссии Черман Асатов передавал слова Кенесары, сказанные им султану Турлыбеку: «так как Турлыбек близок к князю, то пусть испросит разрешения о принятии Кенесары в подданство и чтобы для него сделали на Улу-Тау приказ, после чего он успокоится, будет мирно исполнять все приказания Государя».[2] Об этом сам Кенесары говорил Долгову: «...я обязуюсь исполнять все требования начальства и дать присягу. Я желал бы иметь место кочевания на Улу-Тау до Аксакал-бары».[3]

А князю Горчакову он писал: «Исходатайствуйте нам Улу-Тау, Сары-Су и Уч-Кенгире до Еланчик-Тургая, то мы готовы принять клятвенное обещание и сдержать оное, в каком бы то

[1] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 6, лл. 130 — 131. Из письма Кенесары Оренбургскому военному губернатору, 1845.

[2] Истор. архив КССР, ф. 81, д. 4, л. 175.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, лл. 705 — 710.

роде предложено не было, чтобы никогда не вооружаться против народа, подвластного Государю Императору».[1]

На новом этапе борьбы, при изменившихся внешнеполитических условиях, такая постановка Кенесары вопроса о подданстве и закреплении территории, на которой кочевали подведомственные ему казахи, была для него единственным выходом. К этому времени повстанцы кочевали в центральных районах Казахстана — в Тургае, Иргизе, на Улу-Тау и Исиль-Нуре. Потеря этих территорий грозила им разорением.

Убедившись, что одними карательными экспедициями и посылкой войск в казахскую степь в короткий срок нельзя покончить с повстанцами, правительство решило принять предложение Кенесары о прекращении борьбы и обмене пленными. Для окончательных переговоров решено было послать в ставку Кенесары специальное посольство. В конце 1844 года в ставку Кенесары прибыл представитель Оренбургской Пограничной Комиссии бий Баймухаммед Ямакчин — из Кабакова отделения, Чиклинского рода — и привез письма Оренбургского военного губернатора Обручева. При возвращении он должен был увезти русских пленных. Кенесары был очень обрадован его приездом. Баймухаммед Ямакчин писал:

«Лишь только Кенесары узнал о приезде моем в его аул, тотчас потребовал к себе и спросил — какие привез я вести. На ответ мой, что хорошие, — отозвался: «Не такие ли, как и Санали привозил?». Но когда я передал ему словесное приказание г. председателя Комиссии, выслушанное им с почтительным вниманием, то он с довольным видом сказал: «Посмотрим, если ты говоришь правду, то тоже должно быть и в письме». Прочтя переданное мною письмо, Кенесары стал громко молиться богу за председателя и за меня, как доставившего ему радостнейшую весть и потом, обратясь ко мне, сказал: «Ни от одного из начальников не получал я еще таких писем. Истину слов этого письма я вполне понимаю и все что требуется от меня тотчас готов исполнить».

После того старался от меня узнать, не будут ли русские его преследовать, говоря, что они и прежде давали слово его не обижать, но не исполнили... Вполне уверившись в справедливости мною переданного и в милости начальства, сказал: «Справедливость, доброта и попечение нового генерала об ордынцах давно известны мне по громкой молве между киргизами и я согласен совершенно покориться русскому правительству»...

[1] *Серебренников А. Г.* — Туркестанский край, т. V, стр. 151 — 152. Из письма Кенесары к Горчакову.

В первый же день прибытия моего к Кенесары приказал он пленников, размещенных по разным аулам, собрать и подкрепить на дорогу хорошею и с избытком пищею, снабдив их платьем, лошадьми, кошмами, большой кибиткой и дал на пищу во время пути 44 барана...

При отъезде явился я к Кенесары проститься и он, помолившись со мною богу, взял меня за руку и сказал: «Передай мою руку доброму генералу и скажи ему, что я клянусь именем Пророка исполнить всю его волю, но пусть он не заставит меня плакать, и в уважение его отпускаю всех русских пленников».[1]

Из этих слов Баймухаммеда Ямаичина видно, что Кенесары был уверен, что на этот раз ему удастся окончательно договориться с властями и добиться удовлетворения своей просьбы.

Все же и теперь отношение правительства к Кенесары оставалось неясным. Правительство готово было многое простить Кенесары. Об этом писал Оренбургский военный губернатор Обручев: «Доколе Кенесары не знает вполне обязанности своей в отношении правительства и ордынцев — подданных и не поклянется исполнять их не нарушимо, дотоле ставить в большую вину поступки, не одобряемые нашими законами, но оправдываемыми Кораном обычаями, как кажется не следовало бы».[2]

Но правительство не могло согласиться на восстановление Казахского ханства хотя бы в тех ограниченных пределах, о которых говорил теперь Кенесары.

К 40-м годам XIX в. царская Россия далеко продвинулась в глубь казахской территории. Линии укреплений, идущие со стороны Сибири и Оренбурга, должны были соединиться в районе Старшего жуза.

Теперь перед царской Россией стояла задача завершить окончательное присоединение Казахстана к России, превратить его в плацдарм для дальнейшего наступления на среднеазиатские ханства и территорию Алатауских киргиз. Это диктовалось не только интересами торговли в Средней Азии, но и усилением англо-русского соперничества в Средней Азии. Не закрепившись в Средней Азии, царская Россия не могла отстоять свои интересы в Центральной Азии.[3]

---

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5450, лл. 211 — 214. 23 декабря 1844 года.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2620, лл. 250 — 263. Из докладной ген. Обручева в Азиатский Департамент, 6 февраля 1845 года.

[3] Об этом подробно изложено в главе «Заключение».

Еще Петр I говорил: «Киргиз-Кайсацкая степь — ключ и врата в Среднюю Азию». Ясно, что царская Россия не могла оставить у себя в тылу территориально целостное государство. Давно миновали времена, когда она только территориально граничила с Казахской степью и была заинтересована в поддержании связей с казахами для обеспечения государственных границ. XIX век выдвинул перед царской Россией новые задачи наступления на Среднюю Азию; Казахстан был лишь одним из этапов на этом пути.

Еще за год до переговоров с Кенесары — в 1844 году — на докладе графа П. Д. Киселева о положении в Букеевской Орде Николай I наложил знаменательную резолюцию:

«В царстве другого царства быть не может».[1]

В этой короткой формуле содержался смертный приговор не только куцой автономии Букеевской Орды, но и всем помыслам о независимости, с чьей стороны они бы ни исходили. Ясно, что при таких условиях и при такой принципиальной установке царя требование Кенесары было явно и безнадежно утопическим.

Ясность во взаимоотношениях Кенесары и властей внесло посольство в ставку султана попечителя прилинейных казахов — Долгова.

Это посольство было отправлено в ставку Кенесары 19 февраля 1845 года. Другое посольство возглавлял поручик Генерального Штаба Гери. Отправляя Долгова и Гериа в ставку Кенесары, правительство поставило перед ними задачу — во что бы то ни стало склонить Кенесары к безусловному подчинению. Одновременно им поручалось изучить место расположения повстанцев. Под строгим секретом Гериу было поручено выбрать место для возведения двух укреплений на рр. Иргиз и Тургай, в центре восстания. Чтобы не вызвать лишних подозрений, Гериу было дано официальное поручение отвезти пленных Кенесары. В состав посольства был включен доктор Майдель — для изучения этнографии и болезней казахов.

В начале апреля 1845 года, после 45-дневного перехода, посольство Долгова прибыло в ставку Кенесары. Несколько позже прибыл поручик Гери, вместе с которым была возвращаемая из плена жена Кенесары. Из привезенного Долговым письма Кенесары еще раз убедился, что правительство отнюдь не собирается сотрудничать с ним на равных правах.

В письме говорилось:

1. «Все киргизы Оренбургского ведомства, кочующие на зем-

[1] «Из воспоминаний Леонида Федоровича Львова». Русский Архив, 1885, № 2, стр. 218.

ях Киргиз-Кайсацкой Степи, составляют неотъемлемую собственность Российской Империи, платят по 1 рублю 50 копеек серебром с кибитки.

2. Запрещается собирать с оренбургских киргиз закят, так как они платят в казну кибиточные деньги.
3. Уголовные и тяжкие преступления судятся по законам Российской Империи. Кроме того, исковые дела, превышающие сумму 50 р., должны разбираться в Пограничной Комиссии.
4. Запрещается укрывать беглых русских, татар и башкир». Кенесары предлагалось немедленно возвратить их в Россию.
5. Как верноподданному русского монарха Кенесары предлагалось оставить все сношения с теми лицами и правительствами, которых Россия будет считать своими неприятелями».
6. «Ни вам, г. султан, ни Вашим родственникам и приверженцам, никому из ордынцев не дозволяется присваивать себе титул и именовать себя званием, от правительства не дарованным».[1]

Таким образом ни одно из требований Кенесары не было удовлетворено. На просьбу Кенесары об оставлении за его казахами районов Иргиза, Тургая, Улу-Тау, Сары-Су и Исиль-Нуры председатель Оренбургской Пограничной Комиссии Ладыженский ответил: «Для летней и зимней кочевки Вашей с приверженными Вам киргизами я назначаю урочище Кара-Кута с окрестностями, обширное место».[2]

В своем предписании Долгову Ладыженский строго предупреждал: «Относительно места, избранного мною ему с приверженцами для кочевания — объясните, что оно считается удобнейшим, он может на зиму отодвигаться южнее, а в летнее время приближаться к этому урочищу, не переходя однако на левый берег рек Каргау и Иргиза и не распространяя кочевки свои по Тургаям и вверх по Иргизу от речки Чит-Иргиза».[3]

Оскорбившись предложенными ему унизительными условиями, Кенесары иронически сказал Долгову через своего есаула Кендже: «Зачем русские дарят нас теми землями, которые и без того принадлежат нам?».[4]

Кенесары не предоставлялось никаких политических прав.

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2620, лл. 315 — 321. 13 февраля 1845 года.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2620, лл. 294 — 304. Ладыженский — Кенесары, 13 февраля 1845 года.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2620, лл. 337 — 552. Ладыженский — Долгову.

[4] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2620, лл. 315 — 321.

Ему предлагалось подчиниться султанам-правителям, как рядовому султану.

Убедившись в бесполезности ведения переговоров, Кенесары, избегая свидания, целые два месяца возил посольство по степи, ежедневно меняя место кочевок и заставляя посольство «кочевать» вместе с ним. На требование Долгова прекратить непрерывные кочевки, Кенесары ответил, что это вызывается необходимостью прокормить скот. Осторожный Кенесары предусмотрительно изолировал послов от внешнего мира, не давая им возможности ни с кем сноситься. Окончательно убедившись, что договориться с Кенесары не удастся, Долгов вынужден был уехать обратно в Оренбург. Перед отъездом Кенесары вручил ему подробное письмо на имя Оренбургского военного губернатора, в котором изложил мотивы, почему он не может согласиться на принятие условий правительства. В конце письма он писал: «Я буду спокойно жить тогда, когда мои казахи будут заниматься хлебопашеством, звериной ловлей и другими мирными занятиями».[1]

После отъезда посольства Долгова и Герна переписка между правительством и Кенесары прекратилась.

Вскоре после возвращения посольства Долгова в Россию правительство заложило среди кочевий Кенесары два укрепления: одно на реке Иргизе, другое — на Тургае. Первое было названо Уральским, второе — Оренбургским. Цель этих укреплений была следующим образом определена председателем Оренбургской Пограничной Комиссии: «Укрепления эти должны служить надежной опорой для решительных действий во всякое время против Кенесары или подобных возмутителей, если бы они появились и вздумали распространять между ордынцами волнения».[2]

Постройка укреплений в центре кочевий повстанцев не только осложнила их дальнейшую борьбу в этих районах, но и лишила их последних земель. «По личному обозрению моему, — писал Обручев, — я нашел, что выбор мест для укрепления сделан в середине самых лучших и богатых урочищ, где осенью и зимою располагается с аулами и скотом значительная часть киргизов Оренбургского ведомства».[3]

Царские власти могли теперь со своих укреплений ежедневно совершать нападения на кочевья.

Кенесары резко возражал против постройки укреплений на Иргизе и Тургае. Он жаловался, что русское начальство «от-

---

[1] Истор. архив КССР. ф. 4, оп. 1, д. 2520, лл. 315 — 321.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2511, лл. 2 — 13, 1845.

[3] ЦГИА, Глав. архив I — 9, д. 1, л. 195. Из рапорта генерала Обручева военному министру Л. Г. Сиявину, 2 октября 1845 года.

нимает самые лучшие места у киргизов, именно, заводят укрепления на Тургае, Иргизе и Улу-Тау».[1]

По словам К. Исельгарина, Кенесары хотел уйти к озеру Кукы, расположенному в восточной оконечности горы Хазрет-Ала-Тау. Если же и здесь не будет возможности оставаться, он предполагал уйти в Бухару, по пути присоединив к себе известного батыра Табынского рода Жоламана.

После постройки укреплений повстанцы не могли сноситься с дальними казахскими родами. Кроме того, из-за боязни преследования, казахские роды больше не стали перекочевывать в район Иргиза и Тургая. О положении повстанцев в своем показании оренбургским властям родственник Кенесары Сейлхан заявил следующее: «До возведения в степи укреплений все вообще киргизы имели с приверженцами Кенесары сообщение и передавали все, что было нужно; но с устройством укреплений это прекратилось. С сибирскими киргизами Кенесары также никакого сообщения не имеет».[2]

Прежде, чем покинуть район Иргиза и Тургая, Кенесары послал своих послов к бухарскому хану, к далеким Адаевским родам с просьбой о предоставлении кочевий, а бухарского хана просил прислать пушки и шамхалы.

Кенесары послал также 100 джигитов во главе с Наурызбаем к своему двоюродному брату султану Рустему Аблаеву, жившему в районе Ала-Тау (Старший жуз). Кенесары просил принять его с подведомственными казахами и сообщал ему «о постройке на Иргизе, Тургае и Улу-Таве укреплений и что уже ему нет здесь удобных мест для кочевания».

Рустем Аблаев хорошо принял посланцев и оставил у себя из их числа 50 человек. Остальным во главе с Наурызбаем он предложил поехать обратно и сказать Кенесары: «Мой совет оставить упомянутые места, пока бог терпит грехи его, и прикочевать ко мне».[3]

Кроме того, Кенесары созвал большой совет с участием представителей казахских родов, виднейших своих советников и батыров. На этом совете был разработан план дальнейшей борьбы и намечены возможные районы кочевий, было также решено обратиться за поддержкой к соседним государствам, в частности в Китай. Некоторые отрывочные сведения об этом

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, д. 2511, лл. 2 — 3.

[2] ЦГВИА. Глав. архив, 1 — 2, д. 1, лл. 465 — 466. Выписка из показаний киргизов, участвовавших в шайке мятежного султана Кенесары, 23 ноября 1846 года.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2756, л. 286 — 286 об. 1845. Из докладной султана Арслана Джантюрина председателю Оренбургской Пограничной Комиссии.

сообщил Оренбургской Пограничной Комиссии султан-правитель Ахмет Джантюрин. Он писал: «Видя опасность от России и обдумывая, что она скоро или рано улотит его, он советовался со своими ордынцами, как бы найти удобное место, где бы он мог скрыться».

Более подробные сведения приводят Кошимбер Балыков (племянник Иман-батыра) и Досан Карабаев[1].

«На совет, созванный Кенесары, съехались представители разных родов, в частности на совете присутствовали: Иман-Тауке — батыр из рода Бегымбет, Жауке батыр из рода Аргын, отделения Тулек, Баубек из рода Караул, Кошкар-батыр из рода Керей, Бейгельде и Айгер из рода Торткара, Согурбай из рода Берды. Председательствовавший на этом совете Кенесары указал собравшимся батырам на необходимость откочевать в глубь степей. На это Кошкарбай-батыр сказал: «Атта жал, адамда кам жок, кыс ішінде кайда көшпекбіз (Лошади худые, люди не готовы к походу. Как же можно зимою тронуться с насиженных мест)». Тогда Иман-батыр, вскочив с места и посмотрев на Кошкарбай-батыра, сказал: «Вместо того, чтобы поддержать Кенесары, который взялся предводительствовать над забитым народом, не державшим в руках шашку и не переступившим порог своего дома, ты, Кошкарбай, поддавшись влиянию переживаемого момента, начал обрушивать на голову людей выдуманные тобою трудности. Разве борьба против наступающего врага не является проявлением заботы о народе?»[2]

На совете было решено покинуть район Тургая и Иргиза.

Уход Кенесары из степей Центрального Казахстана (Сары-Арка) был тяжелым ударом для повстанцев. Один из них — поэт Досхожа так рисует их переживания:

Если с этих кочевий уйдем,
Не увидим больше с тобой,
Как цветет долина Ишим,
Как течет Ишим голубой,
Наш Ишим, что радует взор.
Издалека в степи глухой
Глубоко волнует глаз.
О земле затоскуют родной

---

[1] Ныне живет в Тургайском районе. Ему свыше 80 лет.

[2] Рукоп. фонд Ин-та языка и литературы АН КазССР. Воспоминания об Иман-батыре, стр. 5. Записано со слов Карабаева и Балыкова научным сотрудником Жакупбаевым во время научной экспедиции в Тургайский район в 1940 г.

Все мурзы, что на резвых конях
Гарцевали в одежде цветной.[1]

Вместе с Кенесары ушли Таук-батыр, Иман, Жауке-батыр, Толебай и др. Первым снялся с районов Тургая и Иргиза Бегембетовский род во главе с Иман-батыром.

При переходе в районы Старшего жуза Кенесары решил продолжать борьбу с Кокандским ханством, чтобы отвоевать подвластные ему казахские роды.

Глава 9

ВНУТРЕННИЙ СТРОЙ ХАНСТВА КЕНЕСАРЫ

Перейдем теперь к рассмотрению политического строя ханства Кенесары. Его мероприятия по укреплению казахской государственности тесно были связаны с задачами освободительной борьбы.

Хронологически они падают главным образом на начало 40-х годов XIX века.

Кенесары понимал, что без создания единого государственного центра, объединяющего казахов, нельзя рассчитывать на успешную борьбу с мощным царизмом и среднеазиатскими ханствами. Кенесары не раз указывал, что казахов губит их разобщенность, родовая вражда и барымта. В письме к хорунжему Балгожа Яибурчину[2] Кенесары ясно излагал свои мысли о централизованном государстве. Вот что он писал:

Русские — с севера, Коканд — с юга,
Заложив укрепления, притесняют нас.
От кого претерпели бы притеснение
Мы — дети казахов,
Если бы было у нас единство?
До сих пор мы раздроблены
Оттого, что у нас нет единства.[3]

---

[1] Песни степей (казахская антология), стр. 180, 1940, Москва.

[2] Балгожа Яибурчин — сотник, управляющий Узунским отделением Кипчакского рода. Кочевал между р.р. Тургаем, Тоболом и Аятом. По мнению Оренбургской Пограничной Комиссии, он имел «сильное влияние на однородцев своих как по управлению ими, так и вообще по делам орды и, нося название бия, он известен не только в Восточной орде, но и в других, под первым классом биев в разбирательствах их претензий». (Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 3401, связ. 310, лл. 83 — 86, 1850).

[3] Сборник песен и поэм о Кенесары Касымове. (Рукоп., подгот. к печати Ин-том языка и литературы АН КазССР), стр. 160.

Акын Нысамбай в своей поэме также говорит о пагубном влиянии родовой вражды, барымты и отсутствии единства.

Кто бы мог обидеть (казахов),
Если бы было единодушие,
Нас — детей казаха?[1]

Родовая вражда раздирала казахское общество. Так, например, давняя вражда существовала между «своевольными» казахами родов Шомекей и Торткара, кочевавших близ пограничной Линии, с казахами Джагалбайлинского рода, последние враждовали с родами Кипчак и Жаппас. Причиной вражды были споры из-за пастбищ.

Понимание пагубности родовой вражды отражено также в народных пословицах, например:[2] «Если каждый станет судьей, тесно будет и на огромной горе. Если имеешь старшего, не сгоришь и в огне». «Если шестеро в раздоре, они упустят даже то, что у них во рту, но если четверо сплочены, они захватят и то, что на небе».

Государство, созданное Кенесары, было феодальным государством. Это было обусловлено тем, что феодальные основы производственных отношений казахского общества не были изменены преобразовательной деятельностью Кенесары. Более того, феодальный характер производственных отношений был усилен Кенесары. Он рассматривал территорию Казахстана как собственность его ханского рода и неоднократно подчеркивал это в своих выступлениях. Он требовал через Герна, чтобы правительство возвратило ему горы Улу-Тау «издавна принадлежавшие его роду».[3]

В одном из своих писем он писал: «Доставшиеся в наследство от отца нашего Аблая земли усеяны укреплениями».[4]

«Вы, — писал он в одном из обращений к Горчакову, — на принадлежащих деду нашему, хану Аблаю, местах учредили окружные диваны».[5] Соответственно феодальным представлениям он смотрел и на казахский народ, как на собственность ханского рода. Он заявлял: «Аблай был ханом в Казахских ордах, следовательно, они принадлежат ему».[6] Он обещал «осво-

---

[1] *Нысамбай* — Поэма о Кенесары. Записки Оренбургского отдела Импер. Русск. Геогр. Об-ва, вып. III, Оренбург, 1875, стр. 335.

[2] *Кунанбаев Абай.* — Соч., т. II, стр. 237 — 238, Алма-Ата, 1940.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2622, 1845 л. 1059 — 1059 об.

[4] Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845, л. 805 об.

[5] Там же, ф. 82, оп. 1, д. 169, 1839, л. 14. Также *Стеблин-Каменская М. И.* — Указ. соч., стр. 250.

[6] Там же, ф. 64, оп. 1, д. 179, 1838, л. 198.

бодить киргизский народ от ига русских, ибо по праву деда, его, хана Аблая, все киргизы принадлежат ему».[1] Сообразно феодальному праву распоряжения родовыми кочевьями, он нередко лучшие пастбища захватывал себе. По сведениям русских лазутчиков, табуны его лошадей находились «в исправности», т. к. «паслись на лучших лугах», в то время, как скот подведомственных ему аулов из-за отсутствия хороших пастбищ, находился «в весьма дурном теле».[2] Однако в рамках феодальной экономики Кенесары провел ряд крупных реформ, имевших глубоко прогрессивный характер, т. к. эти реформы способствовали консолидации сил казахского народа, укреплению казахской государственности. Мы должны только помнить, что эти реформы были направлены к усилению феодального государства, и что иным, по условиям того времени, казахское государство быть не могло.

Социальную основу ханской власти при Кенесары составляли средние слои биев и другие незнатные феодалы, в том числе батыры.

Говоря о роли батыров в феодальном государстве Кенесары, следует сказать, что батыры не только играли видную роль в самом восстании, но и были деятельными создателями феодального государства казахов. Многие из них ведали отдельными ведомствами в ханстве, не говоря уже о том, что в состав Ханского Совета входили по преимуществу батыры.

В создании единого государства казахов заинтересованы были, главным образом, средние слои феодалов, в нем они видели свое спасение. Крупные же родовитые феодалы выступали против создания единого государства, ибо централизация власти означала конец их суверенитета.

Преобразовательная деятельность Кенесары коснулась всех основных сторон организации власти. Остановимся прежде всего на мероприятиях по организации государственного аппарата.

Во главе Казахского государства стоял сам Кенесары. При нем существовал Совет, состоявший из его ближайших соратников — батыров, биев и отдельных родственников хана. Ханский Совет был совещательным органом; решающий голос оставался за ханом. Этим он отличался от Совета Старейшин, существовавшего при хане Абулхаире, ограничивавшего волю хана.

В Ханский Совет Кенесары не допустил тех представите-

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 13, 1837, л. 542. Также *Стеблин-Каменская М. Н.* — Указ. соч., стр. 251.

[2] *Стеблин-Каменская М. Н.* — Указ. соч., стр. 251.

лей родовитой феодальной знати, которые являлись носителями сепаратистских тенденций. В Совет Кенесары вошли только те люди, которые в процессе освободительной борьбы снискали себе уважение и доверие хана, например, его брат батыр Наурызбай, батыры Агыбай, Иман и прославившиеся своими дипломатическими успехами бии Чукмар Бактыбаев, Сайдак-Кожа Оспанов и другие. На Ханском Совете обсуждались все важнейшие вопросы внутренней и внешней жизни страны. Совет всегда считался с авторитетом Кенесары. «Ни один из усердных приверженцев его никак иначе не называет как одним из храбрейших и умнейших ханов».[1]

Управление государством Кенесары осуществлял через отдельных лиц, которые занимались вопросами судебными, дипломатическими, финансов, реквизиций имущества и военным делом. При этом надо иметь в виду, что государственное управление Кенесары еще не успело окончательно дифференцироваться.

Ведение дипломатических переговоров было поручено людям, зарекомендовавшим себя на этом поприще. К ним относились Чукмар Бактыбаев, Исенгельды Саржанов и Сайдак-Кожа Оспанов, татарин Алим Ягудин. Они непосредственно участвовали в дипломатических переговорах с киргизами, Китаем и царской администрацией. Об Алиме Ягудине, сосланном в ссылку в Пермь, И. Завалишин впоследствии в 1859 году писал, как об активном советнике и дипломате Кенесары.[2]

Поручик Гери следующим образом описывает порядок приема Кенесары дипломатических представителей. «Когда русский чиновник с Оренбургской Линии с сопровождателями был недалеко уже от аулов султана Кенесары, — сообщает Гери,— тогда Кенесары распорядился поставить как для чиновника, так и для султана Карибая с прочими три кибитки, расстоянием от своего аула версты за две и с того времени им всем отпускается по вкусу азиатскому самое лучшее приготовление в пищу».[3]

В другом документе описывается порядок визита к послу. «По прибытии в аул Кенесары Гери был принят со всевозможными почестями и на другой день его приезда выслал к нему Кенесары депутацию из 100 почетных есаулов, в числе которых находились султаны: Наурызбай и Кудайменды. Депута-

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, лл. 248 — 249. Из донесения султана-правителя Ахмета Джантюрина председателю Оренбургской Пограничной Комиссии, 19 июня 1845 года.

[2] *Завалишин И.* — Описание Западной Сибири, т. III, Сибирско-киргизская степь, 1867.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, л. 167.

ция эта, по объяснению Герна, имела поручение поклониться ему».[1]

Финансовое ведомство ведало сбором налогов и взиманием пошлин с торговых караванов. Возглавлял это ведомство Сеил-хан, родственник Кенесары. В одном из писем Кенесары писал: «Уведомляю караванных начальников: Рахимбая, Хаджибая, Абулжапара, Шаг-Гизия и Муллу Арыибая и всех купцов Бухарского владения... что мною посланы к вам для закята султан Сеил-хан, бий Чукмар и мулла Габдулла Саттар, которым предписываю вам отдать с каждого коша одну девятую часть».[2]

Верховная судебная власть была сосредоточена в руках самого Кенесары. Для решения междуродовых судебных дел им назначались бии. О порядке судопроизводства можно судить по распоряжению Кенесары руководителям отдельных родов. «Да будет вам известно, что ссоры и драки между вами поручено лично разбирать султану Сеил-хану и бию Чукмару и даже решать дело о смертоубийстве, на что и дано им на сей предмет предписание».[3]

Реквизициями имущества и скота крупных родовитых феодалов руководила сестра Кенесары Бопай. Реквизиции подлежало имущество и скот тех крупных феодалов, которые отказывались помогать повстанцам. Прежде чем насильно отбирать имущество и скот, их владельцы заранее предупреждались об этом.

Исполнительная власть на местах осуществлялась через есаулов, именуемых в архивных документах «кенесаринскими эмиссарами». Есаулы Кенесары прикреплялись к отдельным родам. Они следили за сбором налогов, за выполнением распоряжений верховной власти, определяли районы кочевья, изучали настроение примкнувших к Кенесары родов и т. д. Разъезжая по аулам, они распространяли прокламации Кенесары и поднимали народ на борьбу.

Для исполнения важных поручений использовались также тюленгуты, причем обычно они наделялись широкими правами. В своем показании тюленгут Алданазар Джантаев сообщает: «Проезжая под названием кенесаринского тюленгута, я беспрепятственно пользовался приютом и по мере надобно-

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4. оп. 1, д. 2622, л. 965.

[2] ЦГИА, Глав. архив, I — 9, д. 1, л. 471. Из письма Кенесары караванным начальникам, 1847.

[3] ЦГИА. Глав. архив, I — 9, д. 1, л. 470: Из письма Кенесары неизвестным казахским родам, 1847 г.

сти лошадьми, по уважению тому, что все баганалинцы в ныне прошедшую осень заплатили добровольно Кенесаре закят».[1]

На территории, занятой Кенесары, беспрекословно выполнялись его указания. «Между приверженцами Кенесары господствует строгая дисциплина. Из страха все приказания его выполняются, за ослушание и всякую ошибку он рубит саблею по голове один или два раза».[2]

Таким образом, при Кенесары порядок управления страной приводится в определенную систему, государственный аппарат разбивается на отдельные отрасли — с наделением каждого исполнителя определенной государственной функцией (судебной, военной, дипломатической и др.).

Реформа государственного аппарата Кенесары несомненно сыграла положительную роль в деле централизации власти.

Судебно-правовая реформа имела целью улучшение разбора судебно-исковых дел, прекращение барымты и междоусобицы и примирение враждующих родов.

В построении судебной реформы Кенесары имел предшественников, оказавших на него серьезное влияние. Одним из таких предшественников Кенесары был крупный судебный реформатор Тауке-хан (1680 — 1718 гг.), вошедший в историю как автор свода законов обычного права, названного «Жеты-Жарга». Законы Тауке были направлены на укрепление созданного им государства. Путем приспособления норм обычного права к потребностям развивающихся феодальных отношений он вел беспощадную борьбу с родовой междоусобицей, ограничивал самостоятельность отдельных султанов и старшин. Вместе с тем, вводя новые элементы в обычное право казахов, он сосредоточил всю полноту судебной власти в своих руках. Впервые законом Тауке было установлено, что право суда принадлежит органам государственной власти. Этим самым был нанесен серьезный удар раскольническим тенденциям родовых биев, султанов, не заинтересованных в укреплении централизованного государства.

Другой крупной личностью первой половины XIX века, оказавшим известное влияние на законодательную деятельность Кенесары, был султан Арынгазы (1815 — 1821 гг.). Его реформаторская деятельность носила несколько иной характер, чем Тауке. Тем не менее, судебная деятельность Арынгазы была направлена на укрепление ханской власти. Его объединительная политика строилась на феодальной основе.

---

[1] ЦГИА, Глав. архив, 1 — 9, д. 1, лл. 519 — 520, 1844.

[2] ЦГИА, Глав. архив, 1 — 9, д. 1, лл. 489 — 499. Из показаний казака Инжебай Байнакова, данных в Оренбургской Пограничной Комиссии.

Арынгазы ограничивал судебные права родовой знати — биев. Судебно-исковые дела между родами разбирались назначаемым им муллой — казы. Новым в законодательной деятельности Арынгазы было то, что он сделал впервые попытку судить не по законам обычного права казахов, а по шариату. Это несомненно было прогрессивным шагом и означало определенный этап в развитии правовых отношений казахов. По поводу законодательной деятельности Арынгазы, Мейендорф писал: «Он правосуден, чтобы привлечь к себе народ, но суд его не по закону предков, а по закону Мухаммеданскому, никому не ведомому».[1]

Хотя в деятельности Кенесары не заметно прямое отрицание им обычного права казахов, тем не менее он не всегда его придерживался. В этом отношении у него есть много общего с Арынгазы.

Судебно-правовую реформу Кенесары проводил в непримиримой борьбе с родовыми биями, всячески мешавшими созданию единой казахской государственности.

Свою законодательную деятельность Кенесары начал с внесения ряда изменений в обычное право, в частности, он упразднил суд родовых биев и передал судебные функции в руки назначавшихся им биев и есаулов. В частности, в качестве почетных биев Торткаринского рода им были утверждены бии Байтен Бекмурзаев и Казангап Утебасов. В Чумекеевском роде Тагбан Мамбетбаев был «возведен в звание бия».[2] Уличенных в злоупотреблениях биев Кенесары немедленно отстранял и назначал на их место пользующихся доверием масс новых биев, иногда присваивая им звание «граф». Хорунжий Кусяпгали Урманов, побывавший в ставке Кенесары, сообщал председателю Оренбургской Пограничной Комиссии генерал-майору Ладыженскому, что Кенесары назначил почетным бием чумекеевцев Утетлява Китебаева, присвоив ему звание графа. В заключение Кусяп-Гали Урманов писал: «Кенесары прислал письма, адресованные на имя вышеозначенных биев, названных на сих же адресах графами, да сверх того, султанша также писала им через моего муллу письмо, именуя их графами».[3]

Важнейшие судебные дела, касавшиеся междуродовой вражды, а также судебные иски, предъявляемые не подведомственными ему родами, разбирал лично Кенесары или посылаемые им на места есаулы.

---

[1] *Вяткин М. П.* — Очерки по истории Казахской ССР. ОГИЗ, 1941, стр. 234.

[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5450, лл. 117 — 124.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, лл. 823 — 824.

В основном разбор исковых дел можно разбить на три группы: 1) разбор судебных дел по барымте и убийству, касавшихся родов, подведомственных Кенесары; 2) разбор судебно-исковых дел не подвластных Кенесары родов, часто обращавшихся к нему; 3) разбор судебно-исковых дел между подведомственными Кенесары казахами и царскими подданными.

Рассмотрим каждую из этих групп в отдельности.

При разборе вражды между родами Кенесары стремился к ее прекращению и обеспечению единства среди своих приверженцев. Он строго запрещал самовольно захватывать скот у подведомственных ему казахов, в случае захвата он немедленно возвращал скот владельцам. Брату своему султану Кочеку Кенесары приказал вернуть отогнанных лошадей «до одного жеребенка», объявив, что он «прибыл не для барымты и грабежа, а чтобы освободить киргизский народ от ига русских».[1]

Подвластные Кенесары казахи часто обращались к нему с просьбой разрешить возникавшие у них конфликты. Так, когда представители Аргынского рода — Мынбай, Талпак, Байман обратились к Кенесары с иском из кипчаков, он приказал своим есаулам Масаку и Кенджибу «отправиться с просителем в орду багаралы-кипчаков для учинения разбирательства и непременного удовлетворения претензий аргынцев».[2] Есаулы с представителями Аргынского рода, прибыв в аул кипчаков и вместе с биями разобрав дело, удовлетворили претензии аргынцев.

Таким образом, по отношению к подведомственным родам Кенесары всячески старался уладить межродовые столкновения, возникавшие на почве барымты и спора из-за пастбищ. Сохранившийся в народной памяти «Рассказ Бухарбай-батыра» ярко подтверждает эту политику Кенесары. «Это было время, — вспоминает Бухарбай, — когда мы, батыры Кенесары, днем и ночью находясь на своих конях, вели борьбу с Кокандом, осаждая крепости Сузак, Туркестан и Ак-Мечеть. Однажды, находясь среди кипчакских аулов, расположенных в южной части сыр-дарьинских степей, вдоль реки Чу, мы заметили красавицу Кураш — дочь одного кипчакского бая. Я, Агыбай и Наурызбай, все трое влюбились в эту девушку. Когда мы обратились к ее отцу — за кого он отдаст замуж свою дочь, он ответил, что без калыма своей дочери никому не отдаст, тем более, — сказал он — что «вы — вечно скитающиеся бродяги — сегодня тут, а завтра в другом месте». Тогда обидевшись, мы втроем обратились к Кенесары за разрешением,

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 13, л. 542.
[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2661, лл. 505 — 508.

чтобы насилью отобрать его дочь и отогнать скот. Кенесары, посмотрев на нас, сказал: «Вам нужен народ или невеста? Не одолев дальних врагов, вы вздумали нарушить единство подвластных нам народов. Если вам нужна невеста, идите возьмите крепость Сузак и женитесь на узбечках, а разорять своих людей вам не разрешу».[1]

Нередко к Кенесары обращались за разрешением тяжебных дел казахи не подведомственных ему родов, и Кенесары никогда не отказывал им. Так, тюленгут Искар Коскадамов показал: «Алчиновцы просили Кенесару, чтобы он постарался примирить их с баганалинцами, имеющими между собою с давних времен распри, на что Кенесары согласился и прислал от себя письмо к биям Калыру, Джузену и султану Басалке».[2]

К нему часто обращались представители дальних адаевских и чиклинских родов.

Так, батыр Котибар с сыновьями Дарыбаем и Исетом обратились к нему с просьбой о разборе «старинных претензий»[3], возникших у них на почве спора из-за пастбищ с торткаринцами. Кенесары отказал им в иске по той причине, что «претензия их давнего времени, слишком 20 лет».[4] Кенесары советовал им помириться с торткаринцами, но они не согласились и обиженные уехали в свои аулы.

Наконец, последний вопрос — о судебных конфликтах, возникавших между приверженцами Кенесары и аулами «верноподданных» империи — биев. Подобные конфликты часто провоцировали сами царские агенты, подстрекая к барымте своих подданных на подвластных Кенесары казахов. Для улаживания таких конфликтов Кенесары посылал своих представителей в те роды, которые отбарымтовали скот у его приверженцев. Когда это не приводило к желательным результатам, Кенесары обращался к султанам-правителям и просил их уладить конфликт. Если и эти старания не увенчивались успехом, он обращался в Оренбургскую Пограничную Комиссию или непосредственно к губернатору со специальной докладной, объясняя, почему он обращается к ним, минуя султанов-правителей. Для иллюстрации приведем несколько отрывков из его писем: «Киргизы Назаровского отделения угнали у меня много лошадей, через некоторое время я со многими аргынца-

[1] Сборник песен и поэм о Кенесары (Подгот. к печати Ин-том языка и литературы АН КазССР). Рассказ «Бухарбай-батыр». Записано со слов Мусулманкул Жиреншина.
[2] Истор. архив КССР, ф. 82, д. 167, связ. 19, л. 781, 1841.
[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2651, лл. 605 — 606.
[4] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. доп., д. 156, лл. 2 — 3.

ми поехал к ним, чтобы кончить между собою это дело, но они учинили против нас драку, пленили многих из моих людей и многих убили».[1]

И в другом письме: «Киргизы тлеукабацкого и карабашевского отделения ежегодно беспокоят нас. Мы послали от себя к ним людей для приведения к окончанию дела по угону у нас лошадей, но они никогда не удовлетворяли их. Об этом просили мы султанов-правителей, и они не обращали никакого внимания на нашу просьбу».[2]

В письме Оренбургскому военному губернатору генералу Обручеву Кенесары писал: «Тлеукабакцы, назаровцы и чуреновцы, возобновив прежние злодейства свои, разграбили сначала несколько аулов Джагалбайлинского рода и угнали лошадей, потом у торткарницев сделали семь угонов лошадей и три раза грабили аулы, а у чумекеевцев девять раз воровали скот».[3]

К сожалению, трудно установить, брал ли Кенесары за судебное разбирательство ханлык (ханскую долю) или отменил этот порядок. Точно так же нам не удалось выяснить, какие изменения внес Кенесары в систему куна (цена крови) и аипа (штраф за воровство). По вопросу о куне мы обнаружили в архивах только один любопытный документ. Как известно, рабы у феодалов не пользовались никакими правами, владелец мог лишить жизни своего раба, не неся за это никакой ответственности. У известного феодала-бия Сейтена Азнабаева более 20 лет находился его раб Тлеген Кнетеев. За попытку к бегству Азнабаев сжег его кибитку с матерью и сестрой и просил Кенесары разрешить ему убить своего раба. «Кенесары этого сделать не позволил, а велел за долговременное служение показателя (свидетеля — Е. Б.) уплатить 40 трехлетних кобыл или 20 с жеребятами больших и отпустить показателя на волю с уплатою куна за мать и сестру, сожженных Сейтеном на огне».[4]

Приведенная выдержка взята из собственного показания раба Тлегена Кнетеева, который слышал распоряжение от самого Кенесары. Эти данные позволяют нам судить не только о сохранении Кенесары куна, но и о распространении его на рабов. Пока трудно из этого факта сделать обобщающий

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2340, л. 126. Письмо Кенесары председателю Оренбургской Пограничной Комиссии генералу Генсу, 1843.

[2] ЦВИА, д. 1201, лл. 51 — 55.

[3] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5575, л. 7, 1845.

[4] Истор. архив КССР, ф. 374, оп. 3, д. 16, связ. 5, лл. 3 — 3 об. Из показания казаха Темешевской вол. Тлегена Кнетеева, данного заседателю Сердюкову, 1839.

вывод по данному вопросу. Отметим лишь, что во всех просмотренных нами архивных источниках не обнаружено наличие у Кенесары и вообще среди повстанцев рабов. Распоряжение Кенесары об отпуске раба на волю и о распространении на него прав свободного казаха (уплата куна) представляет особый интерес. По всей вероятности, на такое решение Кенесары о рабах оказала влияние политика властей, которые вели борьбу против рабства в Казахстане.

Характерно отношение Кенесары к барымте и родовой междоусобице, основным предметам судебных тяжб казахских родов.

Показания отдельных приверженцев Кенесары и донесения царских лазутчиков показывают, что Кенесары отрицательно относился к барымте. Так, приверженец Кенесары Данетиров на допросе заявил: «Кочуют вместе с султаном Кенесары, который хотя не позволял им ехать на хищничество, но он и товарищ отправились самовольно».[1]

В показаниях Ногура Таймасова — бия Каинджигалинской волости, ездившего к Кенесары, сообщается: «Угнано было лошадей без ведома его, какового поступка не одобрил и с виновных взыскал штраф, а просителя удовлетворил 40 лошадьми».[2] Весьма примечателен следующий факт. Есаул Кенесары — Дюсембай с 5 товарищами прибыл в Аргынский род, представился от имени Кенесары и передал его устное приказание дать «закят отборными лошадьми и в числе их кобылицами». Когда проверили, действительно ли он приехал от Кенесары, оказалось, что тот ему такого поручения не давал. Узнав об этом, Кенесары специально направил Сеил-хана уверить Аргынский род, что «требование Дюсембая было самовольное, за которое он приказал также наказать как Дюсембая, так и его товарищей нанесением сабельных ударов по голове».[3]

Наконец, об отношении Кенесары к барымте свидетельствует его письмо к председателю Оренбургской Пограничной Комиссии, в котором он доказывал лживость донесения султанов, обвинявших его в отбарымтовании скота у назаровцев, чуреновцев и тлеукабаковцев. Вот что писал Кенесары: «Ныне мы с назаровцами, чуреновцами и тлеукабакцами имеем вражду, поэтому они стараются очернить нас неправильными доносами к начальству. Я, услышав об этих обстоятельствах,

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 229п, 11. Из отчета Оренбургской Пограничной Комиссии за 1841 год.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2340, л. 85—86.

[3] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5610, лл. 63 — 67.

очень страдал. Ваше превосходительство, если вам будет благоугодно, то пришлите к нам одного благонадежного человека, чтобы он, собрав главных биев помянутых родов и нас, о том делал между нами разбирательство, тогда, если мы окажемся виновными в краже от них одного лошаденка, то не оставьте нас на этой земле».[1]

Следившие за деятельностью Кенесары власти также обратили внимание на его распоряжение о прекращении барымты. «Кенесарою отдано приказание приверженным к нему киргизам быть совершенно покойными и отнюдь не осмеливаться делать ни барымты, ни воровства, отчего около его кочевок совершенно покойно».[2]

Кенесары всячески старался уладить родовые конфликты, возникавшие на почве барымты, и, в частности, добился прекращения барымты между чумекеевцами и торткаринцами. По этому поводу войсковой старшина Лебедев писал: «Кенесары сдружился с вышеупомянутыми родами и подает им свои хорошие советы к оставлению барымты».[3]

Все это говорит об отрицательном отношении Кенесары к барымте. Однако это не исключало отдельных случаев самочинной барымты сторонниками Кенесары. При этом, конечно, не следует смешивать с барымтой реквизицию имущества и скота у крупных феодалов, отказывавшихся примкнуть к восставшим и не желавших оказывать им материальную поддержку.

Обращались к Кенесары с просьбой вернуть отбарымтованный скот и враждебно относящиеся к нему бии.

Так, в 1842 году у известного Чегена Мусина — родоначальника Аргынского рода — был отогнан скот подвластными Сибирскому ведомству баганалинцами, но затем этот скот, в свою очередь, был отбит приверженцами Кенесары. Узнав о случившемся, Чеген Мусин тотчас же отправил своего сына Казбека к Кенесары с просьбой о возвращении отбитого скота. По приказанию Кенесары, «возвратили Казбеку почти всех угнанных у него лошадей».[4]

Особо серьезное значение Кенесары придавал примирению враждующих родов. Он понимал, что без преодоления родо-

[1] *Серебренников А. Г.* — Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края, т. III, стр. 73. Из письма Кенесары к председателю Пограничной Комиссии. 7 июня 1841 года.

[2] ЦГИА, Глав. архив, I — 9, д. 1, л. 481. Из доклада Ладыженского военному губернатору Обручеву, 1845.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. доп., д. 155-г, л. 13. «Список с рапорта г. начальнику штаба отд. Оренбургского корпуса управляющего 5-ю дистанцией войскового старшины Лебедева от 2 февраля 1841 года».

[4] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2340, лл. 85 — 86.

вой вражды и междоусобицы нельзя обеспечить государственное единство. Уже во время избрания Кенесары ханом, он первым условием поставил прекращение барымты и примирение враждующих родов. Кенесары «старается их помирить между собой... аргынцы же, собранные в его ауле, согласны все... помириться между собою и избрать ханом Кенесары».[1]

Султан-правитель Ахмет Джантюрин, всегда с осторожностью относившийся к сведениям своих лазутчиков, в одном из своих донесений Лебедеву писал: «Кенесары сдружился с мирно кочующими племенами киргизов Чумекеевского, Торткаринского и Чиклинского родов, которые по его убеждениям и советам не только оставили барымту, но даже возвратили прежде угнанный ими скот у разных владельцев».[2]

Этой стороне деятельности Кенесары правительство придавало исключительно важное значение. Об этом свидетельствует письмо председателя Оренбургской Пограничной Комиссии-генерала Генса: «Довольно дурно и то, что он (Кенесары — Е. Б.) принялся за роль примирителя и распорядителя, а стало быть начальника в Орде: чем усерднее и удачнее он будет действовать в этом отношении, тем больше он приобретает приверженцев и влияния на Орду, и тем больше может быть опасным».[3]

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что деятельность Кенесары способствовала изжитию родовой вражды и внесла серьезные изменения в обычное право казахов, придав ему значение общегосударственного права. А примирение враждовавших между собой родов способствовало прекращению феодальной междоусобицы.

В области налоговой политики основное изменение заключалось в стремлении Кенесары заменить поборы отдельных феодалов единым обложением в пользу ханской казны. Это был шаг к замене феодальных поборов государственным обложением. Конечно, аулы, признававшие власть Кенесары, переставали платить какие-либо налоги хивинскому и кокандскому ханам,[4] а также и покибиточный сбор русскому правительству

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. доп., д. 156, лл. 2 — 3.

[2] *Середа Н.* — Бунт киргизского султана Кенесары Касымова. «Вестник Европы», 1870, август, стр. 555.

[3] *Рязанов А.* — Указ. соч., ч. 1, стр. 94.

[4] Кокандцы взимали с казахов подати трех категорий: «1) т ю н л ю к-з а к я т — по овце с юрты; 2) я л а л-з а к я т — по одной голове скота с 50-ти (2 процента); 3) х а р а д ж — с земледельцев по три овцы с гумна. Кроме того, время от времени взимали военную подать в размере одной тилли (золотой монеты), или три барана с юрты».

А к а д. *Бартольд В. В.* — Киргизы (ист. очерк). стр. 52, Фрунзе, 127.

(Продолжение на след. стр.)

Это было значительным налоговым облегчением для казахов. Но требования военного времени заставляли Кенесары жестко требовать взноса различных налогов в ханскую казну, которые ложились тяжелым бременем на подвластных ему казахов.

Кенесары сохранил «закят» для скотоводческих районов и «ушур», взимавшийся с хлебопашцев. Кроме того, он взимал особый поаульный налог и многочисленные экстроординарные сборы, по укоренившемуся обычаю, в виде подарков и подношений.

При взимании закята Кенесары придерживался определенной нормы: стадо до 40 голов скота вовсе не облагалось налогом. Со стада от 40 до 100 голов — взималась одна голова, далее с каждых 40 голов взималось по одной голове.[1] Многочисленные показания приверженцев Кенесары и донесения царских лазутчиков подтверждают эти нормы закята. С подведомственных родов Кенесары взимал закят одеждой, оружием, конской сбруей. Собранный закят шел, по преимуществу, на нужды войска.

О взимании особого поаульного налога говорят многочисленные свидетели.

Так, Дангар Надырбеков, из Аргынского рода, на допросе показал, что он был очевидцем, как есаул Кенесары, Сеилхан, приехав с 20-ю своими подчиненными казахами для сбора налога, — «собрали с 2-х аулов у киргизов Кипчакского рода по одной лошади с каждого аула, при каковом сборе действительно находился он».[2]

Иманкул Сарыбаев из Жаппаского рода показал в своем донесении Оренбургской Пограничной Комиссии, что, находясь в Аргынском роде, он видел прибывших к ним тюленгутов Кенесары в числе 130 человек «для собрания закята с каждого аула по одной лошади и халату».[3]

Термин закят здесь, очевидно, применен не верно: единя

Хивинские сборщики податей брали следующий закят с присыр-дарьинских казахов: «владелец 100 голов крупного рогатого скота платил два тилли, с владельца 13 голов крупного рогатого скота и 40 баранов взято также два тилли».

Иванов П. — Архив хивинских ханов XIX в. Ленинград, 1940, стр. 209 — 210.

В одном из документов Оренбургской Пограничной Комиссии о налогах, платимых казахами Хиве, говорится: «Подать взимается не подушно, а с каждого дома от 15 до 45 рублей асс.».

Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5584, лл. 91 — 95, Записка о состоянии Хивинского ханства.

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2755, л. 1186.
[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2851, л. 5.
[3] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5610, лл. 371 — 375.

цей обложения при закяте никогда не являлся аул. Но подушный и покибиточный налог Кенесары, как это было у кокандцев и хивинцев, не вводил.

Из архивных документов видно, что наряду с закятом, казахские роды вносили так называемые «добровольные пожертвования», зачастую превышавшие размеры закята. Эти «добровольные пожертвования», по существу, были дополнительным налогом, причем делались такие «добровольные пожертвования» очень часто. Так, «казахи Младшей орды доставляли Кенесары муку в немалом количестве».[1]

По сообщению урядника Лобанова, «алчиновцы хивинские и оренбургские имеют сношение с Кенесары, признают его ханом и снабжают хлебом и скотом».[2]

В другом документе сообщается, что киргизы Баганалинского рода в подарок Кенесары послали «самых лучших жирных 30 кобыл».[3]

Сам Кенесары в одном из писем писал, что «тыналы — карпыковцы сами предлагали мне взять у них продовольствие».[4]

Наряду с закятом, существовал налог «ушур». «Ушур» платили только те роды, которые занимались хлебопашеством. Они отдавали сборщикам с гумна $^1/_{10}$ часть урожая. К этому времени значительная часть приверженцев Кенесары занималась хлебопашеством по берегам рек Сыр-Дарьи, Сары-Су, Или и по притокам рек Иргиза и Тургая. Весь собранный налог обычно поступал в общегосударственную казну и шел на нужды повстанцев и содержание армии.

В целом налоговое бремя Кенесары было значительно увеличено, но налоговая политика Кенесары способствовала укреплению созданного им государства. Если раньше налог мог собирать каждый родовитый феодал и это было одной из причин слабости государственной власти, то теперь налог могла взимать только верховная власть, и это, наряду с укреплением материального положения власти, усилило устойчивость казахского государства.

В области организации военных сил Кенесары, по сравнению с предшествующей эпохой, не ввел ничего существенно нового. Все же некоторые новшества, введенные им в организацию вооруженных сил, представляют значительный интерес.

Кенесары создал армию, состоявшую из двадцати тысяч джигитов. Основным костяком ее были дружины во главе с

---

[1] *Серебренников А. Г.* — Материалы для истории завоевания Туркестанского края, Ташкент, 1914, стр. 245.

[2] Там же, стр. 224.

[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, л. 72.

[4] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, л. 329.

батырами и тюленгуты: в момент опасности к Кенесары собирались джигиты-ополченцы. Во главе войск Кенесары стоял он сам, его братья и ближайшие друзья, образовавшие нечто вроде военного совета. Сюда входили его преданные сподвижники — брат Наурызбай, Сайдак-Кожа Оспанов, Кенже, Таймас Бектасов, Джеке-батыр, Агыбай-батыр, Жоламан Тленчиев и др. На военном совете разрабатывались планы военного похода и принимались ответственные решения перед большим наступлением. Всем делопроизводством ведал долго живший в Бухаре узбек Сайдак-Кожа.

Его воины всегда были обеспечены походной палаткой и продовольствием. Кенесары имел даже маркитантов в лице орских купцов Хусаина и Мусы Бурнаевых. По пути следования войск находились заранее подготовленные стоянки, где его отряды могли остановиться на отдых, заменить негодных лошадей и запастись продовольствием и фуражом.

Войска Кенесары делились на сотни и тысячи. Один из восставших казахов — Абылгазы, находясь в царской тюрьме, написал письмо Кенесары, в котором некоторых из своих товарищей называет по должности «начальствующим над войском, мын-баши, юз-баши»[1], т. е. начальниками тысячи и сотни. Кроме них были мерген-баши[2] — начальники особых отрядов отличных стрелков, куда входили джигиты, в совершенстве владевшие своим оружием и метко стрелявшие по целям. Надо сказать, что такой порядок управления войсками существовал во всех среднеазиатских государствах еще со времен Чингис-хана. Живучесть такой системы управления, по всей вероятности, объясняется характером степной войны, с ее своеобразными методами ведения боевых действий.

Кенесары впервые ввел регулярное обучение военному делу. Часть его воинов постоянно обучалась военному искусству. Как заявил в своем показании, данном Оренбургской Пограничной Комиссии, бий Чукмар Бактыбаев: «200 человек обучаются управлять оружием и пехотному положению»[3]. Военному делу обучали повстанцев присоединившиеся к восстанию беглые русские солдаты и башкиры. Согласно показанию Бегалина, казаха из Уваковской волости, Кушмурунского приказа, «находящиеся в аулах Кенесары русские и баш-

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2165, л. 18. Абылгазы — Кенесаре, 1845.

[2] Мерген (по-монгольски) означает меткий стрелок — снайпер. Мерген-баши — начальник стрелков.

[3] ЦГИА. Глав. архив, 1 — 9, д. 1, лл. 489 — 499. «Копия с журнального постановления, состоявшегося в Оренбургской Пограничной Комиссии 8 января 1847 года».

киры приучают приверженцев его стрелять из пушки, строю и солдатским маневрам».[1]

Существование постоянного лагеря для обучения солдат Кенесары отмечал также приезжавший для переговоров с Кенесары представитель киргизских манапов Калигул. Он писал: «Около тысячи джигитов обучались меткой стрельбе, отдельные группы джигитов тренировались в рубке, а другие овладевали искусством пикирования»[2] (т. е. владеть пикой— Е. Б.).

Особое внимание было уделено борьбе за строжайшую воинскую дисциплину. Всякое нарушение ее жестоко наказывалось. За измену Кенесары карал смертною казнью. Барон У-р, попавший в плен и побывавший в ставке Кенесары, по поводу одной казни писал: «Киргиз этот был караульным, которого Кенесара, возвращаясь в аул, нашел спящим, и приказал казнить в пример другим».[3]

О дисциплинированности войск Кенесары свидетельствует также султан-правитель Ахмет Джантюрин. В своем донесении от июня 1845 года Обручеву он писал: «Только стоит Кенесары сесть на коня и сказать слово, то с неимоверной быстротою люди бывают уже готовы и вооружены на лошадях».[4]

То же отметил и один из русских агентов — Ханкожа Янбуршин, побывавший в ставке Кенесары. Однажды, пишет он, Кенесары приказал своим воинам быть готовыми к бою. Достаточно было ему появиться, как сразу все его воины оказались на конях и были готовы немедленно двинуться в путь. Подобные факты иллюстрируют дисциплинированность войск Кенесары и строгий порядок, царивший среди них.

Его лагерь всегда был в состоянии полной боевой готовности. Это специально отмечается в донесении Долгова, где говорится: «Беспечность, высказываемая Кенесарой, притворна, что обнаруживает его беспрерывная бдительность и предосторожности. Ставка его имеет всегда вид временного лагеря, ожидающего всякую минуту нападения или погони».[5]

Против нарушителей его приказаний Кенесары ввел особый вид наказания, так называемый «чик». По этому поводу посетивший ставку Кенесары попечитель Долгов писал: «Большей частью все они (13 человек, прибывшие его встречать —

[1] ЦГИА. Глав. архив, I — 9, д. 1, л. 493, 1847.

[2] *Солтанбаев Б.* — Материалы к киргизской истории, с. 382 (рукоп.), хранится в рукоп. отд. библ. АН КазССР.

[3] Барон У-р — «Отечественные Записки», т. IX, стр. 209. СПБ, 1848.

[4] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, л. 2757; лл. 243 — 249.

[5] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2521, л. 883. Донесение Долгова председателю Оренбургской Пограничной Комиссии, 7 июня 1845 года.

Е. Б.) имели на голове знаки наказания — особый род наказания, который состоит в том, что виновному наносили по голове саблей или кинжалом рану, и это называется «чик» и получивший ее считается до тех пор бесчестным и не имеющим права вмешиваться в какие-либо дела, пока не получит прощение от Кенесары».[1]

Кенесары впервые ввел знаки воинского различия. Его воины носили на груди и на плечах нашивки из красного и синего материала. О порядке ношения знаков различия Курей Аблаев в своем показании сказал: «Все эти мятежники... имеют на груди знаки из красного шнура в три ряда».[2] Почетные люди и командиры имели при себе сабли в чехлах из красного сукна. Сам Кенесары носил русские полковничьи эполеты.

Особо отличившихся в боях джигитов Кенесары поощрял, не считаясь с различием их общественного положения. Даже рядовые казахи назначались есаулами. По свидетельству поручика Герна, в войсках Кенесары «за отличие в действии первая награда есть выдача казенного оружия, в коем порядок соблюдается следующий: после обыкновенного древка или укрюка выдается пика с наконечником; потом большой прямой нож... потом кривая сабля; далее жалуется есаулом».[3]

Основным видом вооружения повстанцев было, понятно, холодное оружие, но имелось и огнестрельное. Так, в войне с киргизами в 1846 году 5-тысячный конный отряд Кенесары был вооружен «саблями, пиками, айбалтами (секирами — Е. Б.), фитильными ружьями, при нескольких пушках».[4]

О значительном количестве огнестрельного оружия, имевшегося у Кенесары, говорит тот факт, что после разгрома его отряда киргизами в местности Май-Тюбе, близ Токмака, манапу Ормону в числе прочих трофеев досталось «больше тысячи фитильных ружей».[5]

Такое количество было у Кенесары, впрочем, не всегда. Так, например, в 1845 году при посещении ставки Кенесары посольствами Долгова и Герна, оба они отмечали недостаток у него оружия. Как пишет Герн: «ружей в аулах султана всего не было сотни и те все с фитилями и большей частью на рожках; сверх того, у него три длинных ружья, которые постоянно возятся близ его кибитки, во время же действия находятся при

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, лл. 757 — 778, 1845.
[2] Истор. архив КССР, ф. 82, д. 170, связ. 19, л. 25. Из донесения полк. Фалецкого командиру отд. Сибирского корпуса, 1843.
[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, лл. 926 — 931.
[4] *Степняк К.* — Материалы к истории султана Кенесары Касымова (воспоминания кара-киргиза К. Алибекова), Ташкент, 1923, стр. 6.
[5] Там же, стр. 8.

нем. Ружья эти достались от бухарского эмира и возятся на верблюдах. Сабли большей частью бухарские, впрочем есть и много златоустовских клинков».[1]

У многих были и забранные в виде трофеев русские саперные ножи.

Оружие основных сил Кенесары хранилось в специальных подвижных арсеналах — так называемых «кунак-хана» (оружейных палатах), помещавшихся в строго охраняемых кибитках. В 1845 году таких арсеналов при ставке Кенесары было семь. Перед каждой операцией из них выдавалось оружие участникам похода, а по возвращении вновь сдавалось, как казенное имущество. Сабли, ножи, пики изготовлялись на месте, но большая часть добывалась в качестве трофеев в боях или покупалась.

Как писал Долгов: «В аулах Кенесары проживает несколько беглых башкирцев, скрытно приготовляющих ему разного рода вооружение, из русского оружия доставляемого, как нужно полагать, торгующими в степи татарами. Порохом Кенесары снабжается из Бухары».[2]

То же подтверждает и Герн, упоминающий про двух башкир, один из которых «серебряк и обделывает вместе с беглецом Кокана султанское оружье, другой — оружейник и вьет стволы».

С их помощью Кенесары собирался даже наладить производство пушек, для чего, по словам Герна, «приказал собрать с каждой кибитки по одному тагану и по одной мотыге с тем, чтобы башкирец из этого железа сделал ему пушку. Работа эта будет производиться в песках Тусун, богатых дровяным материалом».[3]

Согласно показанию Омарбай Аманбаева, из Жаппаского рода, «У Кенесары есть железная пушка, в аулах его живет киргиз Сибирского ведомства Бегич, который делает пушки и ружья и нынешней весною последних сделали 100».[4]

Воинам Кенесары были известны некоторые виды строевой подготовки. Обычно его конные и пешие отряды строились в две шеренги. Чиклинские бии во время посещения ставки Кенесары были встречены почетным караулом джигитов, вооруженных саблями, «выстроенным в два ряда».[5] Чиклинцы

[1] Истор. архив КССР, ф. 4. оп. 1, д. 2521, л. 929.
[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, лл. 879 — 892.
[3] Истор. архив КССР, ф. 4. оп. 1. д. 2622, лл. 970 — 979.
[4] ЦГИА, Глав. архив, I — 9. д. 1. л. 493, 8 января 1847 года.
[5] Истор. архив КССР, ф. 4 оп. 1, д. 2560, связ. 220. Из показания Джумур Юзмухаммедова, Чиклинского рода, ездившего в ставку Кенесары.

были поражены таким приемом и в первый момент встревожились, подумав, что это сделано для того, чтобы их задержать, но затем успокоились, узнав, что такой порядок существует у Кенесары с давних пор.

Ставка Кенесары всегда имела вид военного лагеря. Его юрта была обвешана разным оружием. В 200 метрах от его юрты стояли часовые, которые без специального разрешения никого не пропускали. Помимо этого, аулы Кенесары охранялись сторожевыми пикетами, выставляемыми в определенных местах.

Военнопленный урядник Лобанов писал: «Во всякое время Кенесары принимает большие предосторожности; зимою располагает пикеты на трактах, а летом более по речкам, составляя каждый из двух человек одвуконь и высылая их в виде разъездов за 50 и до 100 верст в те стороны, откуда ожидает нападения».[1]

В армии Кенесары сравнительно неплохо была поставлена военно-полевая и агентурная разведка. Он специально выделял из проверенных людей разведчиков, которые доставляли ему необходимые сведения о противнике. В большинстве случаев разведчики действовали в тылу противника, но иногда проникали и в лагери его войск. Во время совместного похода оренбургских и сибирских войск 1843 года в рядах Уральского казачьего отряда полковника Бизанова находился разведчик Тулебай. Собирая необходимые сведения о численности войск, вооружении и маршрутах отряда, Тулебай своевременно доносил обо всем Кенесары. Это дало Кенесары возможность принять соответствующие меры обороны.

Во время приезда царского посольства во главе с Долговым в 1845 году, имевшего помимо дипломатических целей и разведывательные, благодаря хорошей постановке разведки у Кенесары, Долгов не мог получить каких-либо данных о численности повстанцев и о количестве кочевавших с Кенесары казахов. Еще за несколько дней до прибытия посольства Долгова к нему навстречу было послано 13 почетных казахов во главе с Кенже. 20 марта, встретив его близ озера Айби-Аккум, они прервали всякую связь посольства с окружающими аулами. Из среды прибывших 13 казахов только Кенже имел право вести официальный разговор с Долговым. Остальные следили за тем, чтобы по пути следования никто не мог снестись с посольством. Долгов был удивлен малоразговорчивостью со-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 2, лл. 351 — 352. Из показания Сибирского Линейного казачьего войска урядника Лобанова, бывшего в плену у Кенесары Касымова.

провождавших его казахов, которые даже на задаваемые вопросы давали уклончивый ответ. По возвращении из ставки Кенесары Долгов в своем донесении писал: «Сведения о числе аулов Кенесары собрать не мог, потому что все сообщения с ними были пресечены».[1]

Во время отъезда Долгова при посольстве под видом сопровождающих находились Баймухаммет Яманчин и Бикбатыр, имевшие от Кенесары специальные разведывательные задания. По прибытии с посольством в Оренбург, они должны были раздобыть сведения о дальнейших намерениях оренбургских властей в отношении восставших. Кенесары имел постоянных разведчиков среди своих противников. Один из таких разведчиков Мин-Яшар находился всегда близ пограничной Линии и сообщал Кенесары данные о движении отрядов противника.

Во всех казахских родах и аулах Кенесары имел своих есаулов-агентов, которые наряду с выполнением административных функций имели и разведывательные задания. Они своевременно доставляли сведения о настроениях казахов, об их отношении к властям и о замыслах враждебно настроенных к повстанцам султанов, биев. В одном из своих рапортов коллежский регистратор Немчинов писал: «Кенесары во всех казахских родах имеет своих агентов. Они действуют в пользу его неутомимо и с успехом».[2]

В армии Кенесары строго соблюдалась военная тайна. Даже опытный лазутчик царской службы Хангожа Янбуршин из Кипчакского рода, побывавший в ставке Кенесары со специальным заданием разведать планы предстоящего похода Кенесары, не мог ничего узнать о походе. Янбуршин с огорчением доносил о своем провале: «Как ни старался узнать от оставшихся в аулах людей о столь неожиданном отправлении Кенесары, ни от кого не мог получить удовлетворительного ответа».[3]

Но этим дело не ограничивалось.

Кенесары широко использовал также метод дезориентации противника. Создавая у противника ложное представление о своем движении, он направлял его по ложному маршруту. Так было во время наступления сибирских и оренбургских войск под общим командованием генерал-майора Жемчужникова. В одном официальном донесении русского чиновника от 1844 года сказано: «Кенесары с аулами своими делал беспрерывные передвижения и фальшивые кочевки, стараясь скрывать свои

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621.
[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2192, лл. 26 — 29.
[3] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, лл. 243 — 249.

следы и, остановившись днем на каком-либо месте, ночью уходил с него на другое, в совершенно противоположном первому направлении».[1]

Немудрено, что в официальных документах часто отмечаются неудачи тех или иных чиновников и агентов, посланных в аулы Кенесары со специальными разведывательными заданиями. Один из таких чиновников с горечью писал: «О намерениях мятежников в их предприятиях основательных сведений по скрытности казахов доставить не могу».[2]

Конечно, было бы неправильно думать, что у Кенесары настолько хорошо была поставлена агентурная разведка, что никто из царских агентов не проникал к нему. Несмотря на то, что Кенесары уделял этому серьезное внимание, завербованные правительством султаны и бии под видом преподнесения подарков Кенесары или под видом обиженных проникали в его ставку и получали необходимые сведения. Благодаря доставленным ими сведениям карательные отряды неоднократно подвергали разгрому аулы приверженцев Кенесары.

Кенесары, как талантливый полководец, применял в бою разные виды военной тактики. Степные просторы Казахстана позволяли ему широко применять тактику маневрирования. Джигиты Кенесары, как искусные наездники, хорошо зная местность, нередко ускользали от преследования. Они часто совершали обходные движения и, внезапно появляясь, нападали на противника с тыла. Так, в 1844 году отряд султана-правителя Ахмета Джантюрина, преследовавший Кенесары, неожиданно оказался атакованным и почти полностью уничтоженным.

Войска Кенесары искусно использовали для засады естественные укрытия (камыши, кустарники, холмы и т. д.). Царские отряды больше всего опасались внезапной атаки казахов. Западно-Сибирский генерал-губернатор Горчаков по поводу нападения Кенесары на пикет Тленды-Читский, недалеко от Актауской крепости, писал начальнику штаба генерал-майору Фондерсону: «Если бы камыши и кустарники и прочие скрытые места заблаговременно тщательно были осмотрены, в которых казахи сделали засаду, то не могло бы и быть внезапного нападения».[3]

Во время штурма отдельных укреплений и крепостей отряды Кенесары прибегали к атаке рассыпным строем, который затем смыкался, и наступающие со всех сторон окружали крепость. Этот прием обычно производил ошеломляющее впеча-

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, д. 2540, лл. 136 — 139.
[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 13, лл. 500 — 501.
[3] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 181, лл. 124 — 125.

тление на противника и заставлял его рассредотачивать силы. Такую тактику Кенесары широко использовал еще в 1838 году во время нападения на Акмолинский приказ и на Актаускую крепость. Один из таких боев описан комендантом Актауской крепости капитаном Кастюриным. «22 минувшего июня, часов в семь, сделано казахами нападение на укрепление из-за гор до двух тысяч человек под предводительством буйного султана Кенесары Касымова и рассыпной атакой в четверть часа окружили укрепления».[1]

Особая тактика применялась Кенесары и при отступлении. В качестве прикрытия близ пограничных Линий оставлялись мелкие партизанские группы, которые успешно действовали против пикетов и разъездов и нападали на обозы. Чтобы затруднить и замедлить передвижение войск противника, Кенесары, отступая, приказывал выжигать степь и разрушать колодцы, что в условиях степной войны создавало для врагов дополнительные трудности, оставляя их без фуража и воды. Это отмечает, например, В. А. Потто, который пишет: «В аулах киргизы защищаются редко, стараясь, при приближении войска, заблаговременно уйти в бесплодные или безводные пространства степи. А чтобы задержать преследование, они заваливают вслед за собой колодцы, или зажигают степь, истребляя этим кормы и водопои».[2]

Кроме основных вооруженных сил, Кенесары имел еще особые отряды, возглавлявшиеся его сестрой Бопай, братом Наурызбаем, Жоламаном Тленчиевым, Саржаном Саржановым, Джеке-батыром и другими. Эти отряды совершали стремительные рейды в тылу противника, а также реквизировали имущество султанов и крупных феодалов, отказывавшихся присоединиться к восстанию.

А. Рязанов при освещении военных походов Кенесары утверждает, что с наступлением зимы восстание казахов затихало и все джигиты, принимавшие участие в движении, расходились по своим зимовкам, а к весне — лету, когда с появлением сочных трав быстро поправлялись лошади, а сами казахи, «напившись первого кумыса, становились более предприимчивыми», народ снова собирался вокруг Кенесары на очередной поход. Такое утверждение Рязанова не выдерживает критики.

Кенесары предпринимал походы и в зимнее время, но к этому он заранее готовился.

В начале 1838 года из Акмолинского окружного приказа

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 182, л. 129.

[2] *Потто В. А.* — «О степных походах», «Военный вестник», 1873, стр. 38

были направлены в ставку Кенесары лазутчики царской службы — бий Джакан Копия и Сасык Копынбаев. Под видом преподнесения подарков они проникли в ставку Кенесары, где увидели массу вооруженных людей, подготовленных специально для зимней кампании. В своем донесении они писали: «Все казахи вооружены. Кенесары приказал ставить кос (палатки), каковых в самое короткое время было построено двести штук, и до тридцати помещений из снега, которые все заполнились казахами, в каждом косе от 7 до 10 человек. Все скопище простирается до 2 700 казахов, в числе коих были кипчакские родоначальники Иман (дед Амангельды — Е. Б.) и Джартыбай».[1]

Кенесары также ввел своеобразную тактику ведения степной войны. В открытом поле, когда противник оборонялся в каких-либо укрытиях, воины Кенесары наступали на него с помощью пуленепроницаемых средств. По поводу этого в своих воспоминаниях Садык Кенесарин писал: «Мой отец Кенесары-хан при нападении на таких остановившихся и засевших русских обыкновенно атаковал их, защищаясь от пуль толстым, непроницаемым валом».[2]

В военной тактике Кенесары особое место занимала посылка парламентеров в лагерь противника, которые не только вели переговоры о прекращении военных действий, но и одновременно проводили разлагательную агитацию в лагере противника, особенно среди казахов. В этом отношении характерно поведение парламентера Салытан Абулхаирова, который, «употреблял разные хитрости, дабы выманить в шайку часть казахов и самого офицера».[3]

Наряду с этими новшествами в армии Кенесары применялись отсталые средневековые методы борьбы. Во время столкновения с киргизскими манапами бой начинался с единоборства батыров. Кроме того, по отношению к трупам своих противников применяли скальпирование и т. д.

Итак, создав дисциплинированную армию, Кенесары стремился обучить ее доступным формам военного искусства того времени. И этим была вызвана его попытка ввести некоторые новшества в организацию военных сил.

Особый интерес представляют мероприятия Кенесары в области хозяйственной деятельности. Он стремился распростра-

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, д. 13, оп. 1, лл. 541 — 544.

[2] *Кенесарин Ахмет* — Султаны Кенесары и Садык. Ташкент, 1889, стр. 43

[3] Истор. архив КССР, ф. 82, д. 167, связ. 19, л. 31. Из донесения заседателя Момогеева к управляющему Омской обл., 1838.

вить среди казахов земледелие. Идея перехода к оседлости и земледелию по существу была унаследована им от хана Аблая. Еще в 1764 году Аблай обратился с просьбой к Екатерине II прислать 10 семейств крестьян для обучения подведомственных его казахов хлебопашеству.[1] Стремление деда воспринял его внук Кенесары. В связи с начавшимися военными действиями, подведомственные Кенесары казахские роды не могли попрежнему закупать хлеб у пограничных русских жителей, а также у хивинцев и кокандцев. Единственным выходом у Кенесары было расширить хлебопашество казахов.

Стремление перевести казахов к оседлости и земледелию Кенесары не раз высказывал в своей переписке с властями. В одном из писем Оренбургскому военному губернатору Обручеву он писал: «Пусть добрый генерал попросит мне милости у царя и тогда я буду жить спокойно, заставлю моих киргиз заниматься хлебопашеством, звериной ловлей и другим мирным занятием».[2]

Однако оренбургские власти во главе с генералом В. А. Перовским были против перехода казахов к оседлости и хлебопашеству. Перовский и другие считали выгодным для меновой торговли сохранить скотоводческий характер хозяйства казахов. Поэтому оседлые поселения, возникавшие поблизости пограничной Линии, по приказанию графа Сухтелена, а затем и генерала Перовского, часто уничтожались.

Эта политика отчетливо выражена в донесении одного из чиновников Пограничной Комиссии на имя военного губернатора графа Сухтелена: «Я от всей души желаю, чтобы киргизы навсегда оставались пастухами, кочующими, чтобы никогда не сеяли хлеба и не знали не только науки, но и даже ремесла».[3]

В противовес тяге казахов к земледелию, Перовский настойчиво рекомендовал оренбургским жителям и казачьим войскам заниматься хлебопашеством с тем расчетом, чтобы казахи за сходную цену покупали у них хлеб. Тогда, полагал он, у казахов не будет надобности заниматься хлебопашеством, и

---

[1] Указ КИД, 9. 11. 1764. № 130. Архив быв. Оренбургск. генерал-губернат., вып. I. Изд. Оренбург. Архивн. ученой комиссии, 1899, стр. 214.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, лл. 705 — 710. Донесение попечителя Долгова к председателю Оренбург. Погран. Комиссии ген. Ладыженскому, 1845.

[3] ЦГИАЛ ф. МВД, Земск. отд. 8 делопр., д. 134, лл. 1 — 2 об., 1830. Из письма неизвестного чиновника Оренбургскому военному губернатору графу П. П. Сухтелену.

они «оставят возникающее земледелие, могущее сделаться столь вредным для меновой торговли».[1]

По поводу этой политики оренбургских правителей известный публицист Артемьев резонно замечал: «Едва ли справедливо отклонять народ от такого промысла (хлебопашества — Е. Б.), который, с одной стороны, спасает его от конечной бедности, а с другой, — приучает к оседлости, к быту мирному, составляющему новый шаг вперед на пути общечеловеческого развития».[2]

То же отмечал впоследствии Оренбургский губернатор Катенин, который писал: «Предшественник мой генерал-адъютант граф Перовский в особенности смотрел непрнязненно на обнаруживавшееся между ордынцами расположение к земледелию и постройке землянок, и употреблял все зависящие меры к удержанию их от того. Причина сему заключалась преимущественно в мысли укрепить зависимость киргизов от России, заставляя обращаться их за нужным хлебом к нам, а не производить его собственными средствами».[3]

Несмотря на противодействие оренбургских властей, Кенесары настойчиво проводил свою идею в жизнь. Родам, занимавшимся земледелием, он оказывал всяческую поддержку и побуждал перейти к хлебопашеству роды, ранее им не занимавшиеся.

В центре национально-освободительного движения — в районах Иргиза и Тургая — значительная часть казахов занималась поливным земледелием. Так, в районе Иргиза и Тургая более 1.000 семейств[4] занимались хлебопашеством. Земледелием занимались и другие роды, в частности, Чумекеевский род, населявший район между озерами Кара-Куль и Кызыл-куль,[5] Джагалбайлинский род, кочевавший вблизи Ори, на урочищах Ачили-Бутак и Таш-Бутак, и другие роды.

Казахи хорошо знали поливное земледелие, искусно проводили арычную систему, специально приспособив ее для поливки пашен. Так, казахи-хлебопашцы, жившие между реками Джиланчиком и Тургаем, использовали множество мелких озер для полива пашен, соединив их каналами.[6]

---

[1] *Рязанов А.* — На стыке борьбы за степь, 1835 — 1845 гг. Труды Оренбург. отдела Гос. Геогр. Об-ва, вып. 1, 1928, стр. 21.

[2] *Артемьев А.* — Несколько заметок о киргизской степи Оренбургского ведомства. Напеч. в журнале Министерства внутренних дел, октябрь 1859, стр. 37.

[3] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 20, л. 106. Из докладной записки ген.-ад. Катенина военному министру, 1858.

[4] *Серебренников А. Г.* — Туркестанский край, т. V, стр. 37, Ташкент, 1914.

[5] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2652, лл. 8 — 15.

[6] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, лл. 879 — 892.

О том, как прививалось земледелие у казахов в Оренбургской степи, говорит известный востоковед В. В. Григорьев, бывш. председатель Оренбургской Пограничной Комиссии, в свое время выступавший против перехода казахов к земледелию. Он писал: «В западной части земледелие, при всех к тому препятствиях, усилилось до такой степени, что киргизы стали снабжать хлебом даже уральских казаков».[1]

Переход казахов к земледелию в Оренбургских степях дал свои плоды. С этого времени у известной части казахов, главным образом — бедноты, земледелие стало основным занятием.

Мысль о переходе к земледелию и оседлости не покидала Кенесары, даже когда он, теснимый войсками, вынужден был перенести свою ставку в Старший жуз. И здесь он уговаривал своих приверженцев немедленно заняться земледелием. По этому поводу в отчетах Оренбургской Пограничной Комиссии сказано: «...не имея возможности возвращаться в пределы России, он убеждал своих приверженцев заняться хлебопашеством по берегам Или и ее притоков».[2]

О занятиях приверженцев Кенесары земледелием рассказывает также побывавший в ставке Кенесары Давлеткельды Беспаев из Назаровского отделения. «Находясь в крайности, (Кенесары) предложил своим приверженцам заняться также хлебопашеством, как единственным и достаточным средством к пропитанию».[3]

Итак, покровительственная политика Кенесары в отношении к хлебопашцам способствовала дальнейшему развитию земледелия у казахов. Уже в 50 — 60-годах XIX века земледелием занималась значительная часть родов.

Надо полагать, что одним из путей улучшения материальных условий участников восстания Кенесары считал переход казахов к хлебопашеству. Это подтверждается словами соратника Кенесары, Марала Курманова, который «обещал их обогатить трудами от земледелия».[4]

Значительный интерес представляет отношение Кенесары к торговле. Вначале он отрицательно относился к русской торговле, рассматривая ее как один из путей проведения колони-

---

[1] *Григорьев В. В.* — по его письмам и трудам. 1816 — 1881 гг., составил Н. И. Веселовский, СПБ. 1887, стр. 222 — 223.

[2] Истор. архив КССР, оп. 1, д. 2810, лл. 9 — 10. Из отчета Оренбург. Погран. Комиссии, 1846.

[3] *Серебренников А. Г.* — Туркестанский край, т. V, стр. 276, Ташкент, 1914.

[4] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 1016, л. 9. Из копии объявления разными азиатцами, явившимися в Киргизскую степь, о Марале Курманове.

заторской политики царизма. Поэтому он всячески старался парализовать торговлю, нападая на караваны русских купцов, направлявшихся из Петропавловска, Оренбурга и Троицка через казахскую степь к среднеазиатским рынкам. По данным Западно-Сибирского генерал-губернаторства, только в 1837 — 1838 гг. Кенесары своими нападениями на торговые караваны нанес торговле ущерб на сумму 277 550 рублей.[1] Среди потерпевших были казанские, вятские, рязанские и петропавловские купцы. Однако общая сумма потерь была значительно больше, так как, не ограничиваясь нападениями на караваны, Кенесары конфисковывал еще купеческие товары в занятых им районах.

В следующей таблице,[2] составленной на основании официальных данных, представленных генерал-губернатору Западной Сибири князю Горчакову, виден ущерб, причиненный торговле действиями Кенесары в 1838 году. Наибольшие потери понесло купечество Акмолинского округа (свыше $^2/_3$ всей суммы), что вполне понятно, если учесть крупные размеры торговли в Акмолинске.

Название округа	Сумма причиненного ущерба
Акмолинский	663 818 р. 40 к.
Каркаралинский	118 865 р. 79 к.
Баян-Аульский	63 125 р. 83 к.
Чубуланский	42 780 р. 50 к.
Кокчетавский	3 726 р. 70 к.
Всего:	8 2227 р. 32 к.

Кенесары наивно полагал, что прекращение среднеазиатской торговли с Россией вынудит власти снести укрепления на казахской территории и увести войска. Это подтверждается показаниями купцов Мухсимова и Ибрасова, побывавших в ставке Кенесары.

«Замыслы Кенесары сводятся к тому, чтобы прекратить все торговые сношения нашего купечества с Ташкентским, с смежно лежащими с оной землями и киргизской степью и тем пресечь выгоды, получаемые российским правительством от заграничной торговли, которое в то время, не предвидя для

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 181, лл. 110 — 190.
[2] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 20, лл. 54 — 55.

себя пользы, вынужденным найдет снять внешние округа и Актаускую крепость, основанные в степи».[1]

Вскоре после перенесения своей ставки в районы Иргиза и Тургая (Младший жуз), Кенесары понял ошибочность своих взглядов и убедился, что корень зла не в торговле, а в военно-колонизаторской политике царизма. Кроме того, он отлично знал, что казахи, населявшие пограничную Линию, вели оживленную торговлю с местным русским населением. Бии Тлеуова и Кабакова отделений, приезжавшие в аулы Кенесары, советовали ему оставить неприязненные действия против русских, «в которых имеют всегдашнюю нужду, приобретая хлеб и прочее».[2] Часть приверженцев Кенесары обслуживала торговые караваны в качестве возчиков и караван-баши,[3] как, например, казахи родов Джагалбайлы, Чумекей, части Торткара, отделения Жаппас из рода Байул, отделений Карабалык и Турайгыр из рода Кипчак.

Предвидя известные выгоды от торговли, Кенесары от нападений на торговые караваны перешел к обложению их пошлиной. Характерно, что к взиманию пошлин он подходил дифференцированно, учитывая отношение отдельных караван-баши к восставшим и их подданство. О порядках взимания торговых пошлин сообщает султан-правитель Ахмет Джантюрин: «С возчиков киргизов Жаппаского рода с каждого коша (или артели) — по три верблюда и 24 вещи, с татар с каждого коша — по одной лошади и 8 вещей, а с бухарцев с каждого коша — по 9 вещей, с бывших в том караване возчиков киргизов Аргынского рода ничего не брал».[4]

Здесь в первую очередь бросается в глаза высокая пошлина, взимавшаяся с караван-баши из Жаппасского рода и с татарских возчиков; с бухарцев взималось гораздо меньше, и вовсе не брались пошлины с аргынцев. Объясняется это их различными взаимоотношениями с повстанцами. Известно, что родоначальники Жаппаских родов — заурядхорунжий Джангабыл Тюлегенов, Алтыбай Кубеков — с самого начала восстания враждебно относились к повстанцам. То же самое было и с татарскими караван-баши. Поэтому Жаппаские караван-баши и татарские возчики платили высокую пошлину. Иначе

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 61, оп. 1, д. 18, лл. 177 — 178.

[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5150, лл. 162 — 165. Записка о мятежном султане Кенесары Касымове, составлена на основании показаний его приверженцев и лазутчиков неизвестным автором.

[3] *Небольсин П.* — Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом, стр. 9, СПБ, 1856.

[4] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5410, лл. 255 — 258. Из рапорта султана-правителя Ахмета Джантюрина Оренбургскому военному губернатору, 4 января 1841 года.

обстояло с бухарцами и аргынцами, ибо они были в дружбе с Кенесары. Приверженцы Кенесары вели даже бойкую торговлю на бухарских рынках; пригоняя скот, они покупали нужные им для хозяйства товары.

Не всегда облагались высокой пошлиной и русские торговые караваны. Например, после перемирия в 1841 году с оренбургскими властями Кенесары даже способствовал расширению торговли с казахской степью.

Изменение отношения Кенесары к русской торговле объяснялось еще тем, что Кенесары до последних переговоров с властями в 1845 году был убежден, что ему удастся заключить дружественный договор с властями. Тогда казахи, как он говорил, сумеют установить прочную экономическую связь с Россией. Об этом свидетельствует его обращение к Оренбургскому губернатору с просьбой «сменить всех султанов, дистаночных и старшин, управляющих частями по Оренбургской Линии; все орды предоставить ему в полное распоряжение, тогда он оправдает себя на службе царю и всю ответственность в нарушении спокойствия принимает на себя... Причем имеет случай и надежду усовершенствовать от оной коммуникации в пространстве до Оренбургского края, т. е. в безопасной торговой промышленности».[1]

В этой связи следует привести сообщение Небольсина про один русский торговый караван, вышедший 13 сентября 1811 года из Троицка. Этот караван должен был двигаться через Ак-Мечеть в Бухару. Однако начавшаяся война между Бухарой и Кокандом приостановила его дальнейшее продвижение. Кроме того, распространились слухи, что со своей дружиной Кенесары направился на помощь бухарцам, осаждавшим Ак-Мечеть. Поэтому, из-за боязни ограбления, караван-баши решил отправить нарочных, чтобы узнать о положении в Ак-Мечети и «испросить у Кенесары разрешение на свободное следование, для чего и предложил ему от каравана 350 бухарских тилля».

В ожидании караван простоял на одном месте больше месяца, а затем пришел долгожданный ответ Кенесары. Как передает Небольсин: «Кенесары очень охотно принял предложенный ему подарок, очень ласково обошелся с теми, кто ему отдавал его, и принял все зависевшие лично от него меры к охранению каравана от всякого дальнейшего беспокойства... Сам

---

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 4976, лл. 28 — 29, 8 апреля 1841 года.

Кенесары, бывший тоже под Ак-Мечетью, хлопотал о незадержке торговцев и о том, чтобы их здесь не обидели».[1]

Однако каравану так и не суждено было благополучно дойти до Бухары. В пути около Кзыл-Кумов на него напали «хищные киргизы» и отогнали до 500 верблюдов.

Для характеристики отношения Кенесары к среднеазиатской и русской торговле большой интерес представляют следующие показания торговцев Рахима Адамова и Валия Халитова:

«По приходе моем к самому султану Кенесары, он спрашивал меня, не имею ли такого товара, который нужен для его киргизов, для размена чего он и хотел было меня отправить за присмотром в его аулы, находящиеся от его ставки 3 дня ходу, но убедившись, что у меня нет нужных для его киргизов товаров, отпустил меня, дав мне на свободный проезд до Орска приложенную на бумагу именную его печать. Между тем поручил мне сказать караванному начальнику Мирзабаю Азимжанову, чтобы он его не опасался, а отправлялся бы в Бухару, куда он его прикажет проводить своим киргизам; наших же торговцев приглашает для мены в свои аулы, обещая покровительствовать».[2]

После провала посольства Герна и Долгова в 1845 году, убедившись в невозможности заключения дружественного договора с царской Россией, Кенесары решил вести оживленную торговлю с Бухарой и Хивой. Собранный с помощью закята скот Кенесары перегонял на бухарские рынки и на вырученные деньги покупал оружие и боеприпасы. Так, собранный у торткаринцев и чумекеевцев скот в количестве 2 400 баранов он перегнал на хивинский рынок с тем расчетом, чтобы купить две пушки и 200 шамхалов для отражения русских.[3]

В другом документе сообщается: «бараны, пригнанные от Кенесары в Хиву, проданы там по вольным ценам и на вырученные деньги куплены ружья».[4]

Кенесары поощрял торговлю на своей территории. Он держал у себя купцов, которые торговали в примкнувших к нему родах. Султан Санали Мурзагалиев, ездивший к Кенесары по заданию властей, рассказывает: «В аулах Кенесары видел я

[1] *Небольсин П.* — Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом, стр. 53 — 54. СПБ. 1856.

[2] ЦГИА, Глав. архив. 1 — 9, д. 1, л. 292 об. Из показаний торговцев Рахима Адамова, Валия Халитова, побывавших у Кенесары в 1844 г.

[3] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5450, лл. 162 — 165.

[4] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5584, лл. 89 — 90. Записка о состоянии Хивинского ханства и отношениях его к соседним областям и кочующим народам, составленная по показаниям прибывшего из Хивы каравана русского купечества приказчика. Автор неизвестен.

торгующих из татар купцов, выехавших из Орской крепости Хусаина и Мусу Бурнаевых, которые по отъезде моем в Оренбург с данными бумагами Кенесары, остались еще там».[1]

Кенесары разрешал купцам, торговавшим в его аулах, продавать товары беспошлинно и оберегал их интересы. Как сказано в одном донесении генералу Генсу: «Бывшие в аулах у этих мятежников торговцы приобрели большую выгоду, ибо от них не приказано трогать тех, кои торгуют в аулах их и сами к ним приезжают».[2]

Кенесары сам производил значительные закупки у примкнувших к нему родов. В донесении пограничного начальника сибирских киргизов сообщается, что Кенесары, находясь со своими приверженцами на местах между киргизами Аблановского и Дулатского родов, запасся значительным продовольствием, закупая у киргиз лошадей (бегунцов) по дорогой цене».[3]

Поощрительная политика Кенесары способствовала расширению торговых связей казахов с местным русским населением и создавала предпосылки разрушения натуральной основы хозяйства. В последующие годы торговля в казахской степи получила еще больший размах, хотя она и сохранила в основном меновой характер.

Характеристика внутреннего политического строя ханства Кенесары была бы неполной, если мы кратко не остановились бы на своеобразии созданного им государства. Известно, что азиатские государства издавна отличались своей неустойчивостью, они быстро распадались. Еще Маркс отмечал разницу, существующую между поразительной устойчивостью и неподвижностью экономической структуры «азиатских обществ» и «постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий». «Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики».[4]

Наглядным примером этому может служить казахское государство XVI — XVIII вв., которое отличалось своей непрочностью и неоднократно распадалось. Казахское государство относилось к типу кочевых государств. Его непрочность вы-

---

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 5410, лл. 7 — 8. Из рапорта султана Санали Мурзагалиева Оренбургской Пограничной Комиссии, 5 апреля 1843 года.

[2] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 4976, лл. 1 — 2, 3 июня 1839 года.

[3] Истор. архив КССР, ф. 82, лл. 43 —48. Из донесения пограничного начальника сибирских киргизов командиру отдельного Сибирского корпуса Горчакову 2-му, 28 июня 1846 года.

[4] *Маркс К.* — Капитал, т. I. М, 1930, стр. 270 — 271.

текала из патриархально-феодального характера производства, связанного с экстенсивным пастбищным кочевым хозяйством. Кочевое хозяйство мешало созданию единого государственного центра, и способствовало сохранению патриархально-родового быта. В конечном счете, все это обусловливалось низким уровнем развития производительных сил. Из характера экстенсивного пастбищного кочевого хозяйства со слабо дифференцированными отраслями хозяйства, связанного с общей отсталостью экономики Казахстана, вытекала непрочность политических надстроек, слабость вассальных отношений.

Каждый феодал сам собирал налоги и чувствовал себя независимым от верховной власти. Это обусловило слабое сцепление между соподчиненными частями государственного объединения. Именно такой порядок стремился упразднить Кенесары. Налоги могла взимать только верховная власть, что усилило ее могущество и ослабило позиции феодалов. Ту же цель преследовало подчинение полунезависимых казахских родов государственному началу (управление через есаулов), создание единой системы управления. В частности, упразднение Совета Старейшин и создание взамен него Ханского Совета говорит о централизации власти Кенесары. Его попытки привести казахов к оседлости, к хлебопашеству, мечты основать в Казахстане городские центры (об этом сохранилось предание в одной из народных песен[1] — все это, в случае осуществления, создало бы материальные предпосылки для устойчивости Казахского государства.

Своими реформами Кенесары разрушал старые формы патриархально-родовых институтов, задерживавших общественно-экономическое развитие казахского общества, и создавал предпосылки для развития более передовых форм хозяйства — земледелия, торговли и т. д. После Тауке-хана, Кенесары был одним из крупнейших государственных деятелей, заложившим основу для более прогрессивных форм общественного строя на феодальной основе.

Было бы, однако, неправильно на этом основании утверждать, что Кенесары своими реформами добился резкого перелома. В силу исторических условий он не мог ликвидировать вековые пережитки патриархально-родовых отношений, с их родовой враждой, территориальной разобщенностью народа. Вся деятельность Кенесары и была направлена на преодоление этих пережитков, на создание единого государства. Однако

[1] Рукоп. фонд Ин-та языка и литературы АН КазССР. Поэма «Жасаул Хыргызы». Записано в 1925 г. со слов сказителей Урмановым Утеном.

до конца жизни Кенесары не удалось объединить все три жуза в единое государство.

Некоторое представление о государстве казахов, созданном Кенесары, дает «Историческая справка», составленная в 60-х годах XIX в. в связи с движением Садыка Кенесарина. Составителями были чиновники, являвшиеся современниками самого Кенесары. Сообщаемые в ней данные, с точки зрения исторической правдивости, не вызывают сомнения. В этом документе, напечатанном в газете «Голос», так характеризуется Кенесары: «Происходя по прямой линии от Аблай-хана, внук его Кенесары своим отважным наездничеством приобрел себе громкую славу батыра, огромную популярность между киргизами и, наконец, силу, власть хана киргизов Большой орды и даже некоторых родов Средней и Малой орд, бывших в ведении русских. Почти всю нынешнюю Туркестанскую область до Ташкента, более половины Семипалатинской области, часть Малой орды и половину киргизов Внутренней орды Сибирского ведомства он подчинил себе и был полновластным хозяином».[1]

При существующих исторических условиях, когда имелась реальная угроза Казахстану со стороны царской России и среднеазиатских ханств, Кенесары не мог отстоять созданное им государство. Его деятельность явилась лишь запоздалой попыткой возрождения казахской государственности.

Заканчивая анализ внутриполитического строя ханства Кенесары, следует указать, что широкие слои народных масс, испытывавшие всю тяжесть междоусобицы и барымты и колониальный гнет царизма, Коканда и Хивы, издавна понимали необходимость власти, объединяющей и сплачивающей силы народа.

Стремление Кенесары к созданию единого централизованного государства отвечало жизненным интересам народа. По этому поводу известный историк А. Левшин, в то время служивший в Оренбургской Пограничной Комиссии, писал: «Все мыслящие киргизы, исключая честолюбивых султанов и старшин, не могущих быть ханами, видят в отдельном управлении каждого начальника источник вечных ссор и междоусобий. Мы были гораздо спокойнее и счастливее, говорят они, когда всеми нашими ордами управлял один хан; стало 3 начальника, сделалось хуже; явится еще более повелителей, и нам тогда еще будет хуже».[2]

---

[1] О Садыке Кенесарине. Напеч. в газете «Голос», № 169, 1868.

[2] Замечания, представленные в Азиатский Департамент столоначальником этого департамента А. И. Левшиным по инструкции МИД полк. Ф. Ф. Бергу, 1823. Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828), т. IV, 1940, стр. 439.

Глава 10

БОРЬБА В КИРГИЗИИ. ГИБЕЛЬ КЕНЕСАРЫ

К моменту ухода Кенесары из районов Тургая и Иргиза в район Сыр-Дарьи для него сложилась довольно благоприятная обстановка.

Война между Хивой и Бухарой, которая возникла еще в 1842 году, продолжалась с неослабевающей силой до 1844 года. Обе стороны были окончательно истощены. Ростовский купец 2-й гильдии Пичугин, в то время проживавший в Хиве, рассказывает: «...эти три владельца через войну, продолжавшуюся более двух годов, истощили свои силы и финансы и едва ли будут в состоянии вести оную далее; в особенности Хива весьма истощена и этому свидетелями были наши торговцы: когда хан приготовил экспедицию свою в поход под Меря (в сентябре месяце), то собирал со своих богатых людей, не исключая и чиновников, большую сумму денег на раздачу войскам с большим вынуждением и насильством и потому народ ныне относится к ним весьма недовольно и робеет, чтобы эмир вторично не ветупил в их пределы со всеми своими войсками».[1]

Многочисленные показания проживавших в Бухаре российских торговцев свидетельствуют об аналогичном состоянии Бухарского ханства, также истощенного длительной войной.

Перемирие между Бухарой и Хивой состоялось только весной 1845 года. Не менее было истощено и Кокандское ханство, в течение ряда предшествующих лет разорявшееся бухарскими войсками.

Заметно ослабленные длительной междоусобной войной среднеазиатские ханства теперь представляли меньшую, чем прежде, опасность для казахов. Основным врагом попрежнему оставалось Кокандское хаиство. В то же время для Кенесары ясно вырисовывалась неизбежность разрыва с Хивой, поскольку она покровительствовала Коканду.

В переговорах 1844 года о перемирии с Бухарой хивинский хан требовал отказа от притязаний на Коканд и Ташкент. Поэтому естественно, что Кенесары вступил в переговоры с бухарским эмиром. Бухарский эмир в знак дружбы прислал Кенесары «в подарок серебряный колчан и золотую саблю. Сверх того, в прошлом году бухарский хан прислал Кенесары, по

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, д. 1718, лл. 2 — 6, 1845. Извлечение из писем, полученных оренбургскими торговцами от проживающих в Хиве русских приказчиков и из рассказов одного из них, возвратившегося в Оренбург.

просьбе его, два батмана шелку для соткания из него Кенесары кафтана, называемого по-киргизски каттау, который не бывает пробиваем ни пулею, ни саблею, ни пикою».[1]

Все же, несмотря на благоприятную обстановку, сложившуюся для Кенесары в районе Сыр-Дарьи, он не решился на одновременную борьбу и с Хивой и с Кокандом.

В отношении Хивы Кенесары ограничился оказанием вооруженной поддержки Джанхоже Нурмухаммедову — батыру Чиклинского рода — в его борьбе с хивинскими войсками. Сам Джанхожа часто обращался к Кенесары за помощью: «Родственник султана Кенесары — бий Чиклинского рода Джанхожа, кочующий около Малых Барсуков, прислал к Кенесары киргизов с просьбой о даче ему пособий в вооруженных людях для отклонения намерения хивинцев, угрожающих напасть на аулы его и разграбить».[2]

Основные свои силы Кенесары направил против Коканда.

Целью борьбы с Кокандом являлось для Кенесары приобретение в районе Сыр-Дарьи кочевий для ушедших с ним из Сары-Арка аулов. Следует признать, что направление перекочевки было выбрано Кенесары весьма разумно. Этот район был близок как к южным кочевьям Младшего и Среднего жузов, так и к расположению родов Старшего жуза. В то же время сюда еще не распространялась власть царизма. О слабости среднеазиатских ханств уже говорилось. Начиная в конце лета 1845 года борьбу с Кокандом, Кенесары обратился за помощью к Джанхоже Нурмухаммедову. Вот что писал ему Кенесары: «Прошу Вас, батыр Джанхожа, кокандцы не дают нашим киргизам покоя: грабят и убивают; кокандские начальники убили еще Вашего старшего брата Сарманбия, — поэтому прошу, если Вы согласны разрешить, и я соберу из Большой орды и из Средней орды джигитов и приеду в город Сузак, а Вы тоже соберете из Малой орды джигитов, приезжайте воевать с кокандцами в Сузак».[3]

Джанхожа охотно согласился помочь Кенесары. Со своими джигитами Джанхожа явился к Кенесары и совместными усилиями они осадили кокандские крепости Джана-Курган, Жулек и Сузак.

Председатель Оренбургской Пограничной Комиссии генерал-майор Ладыженский в донесении, основанном на показа-

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 28 — 29, лл. 1 — 2.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, д. 2757, лл. 67 — 68.

[3] *Муса* — Рассказ о батыре Джанхоже Нурмухаммедове. (Перевод с казахского сделан И. В. Аничковым в 1894 г.). Известия Об-ва археологии истории и этнографии при Импер. Казанском Университете, Казань, 1894 стр. 242.

 них лазутчиков, писал, что Кенесары «послал (людей) на Сыр-Дарью к киргизам, кочующим на кокандских землях, успел угрозами привлечь из них до 700 человек и вместе с ними в числе 1 200 киргиз разбил три кокандских укрепления».[1]

Кенесары обратился за помощью и к казахам Чумекеевского, Киреевского, Чиклинского, Алтынского и Алимского родов. Этот призыв нашел горячий отклик. Казахи упомянутых родов тотчас же снарядили добровольческие дружины и отправили их к Кенесары. К его войскам присоединились: батыр Туганас Байтюков, Дариан Самраков и Караш Бугалаков от Чумекеевского рода, бий Джубан и султан Тугум Асанов из Киреевского рода, султан Учур Садырбек из Чигинского рода, Кишкенбай Мажагулов из Алтынского рода и Джангожа из Алимского рода — «все эти вышесказанные батыры с большим числом вооруженных людей присоединились к общей силе Кенесары».[2]

Другая часть войск Кенесары направилась к Туркестану и Ташкенту. Основные же силы Кенесары двинул против кокандской крепости Ак-Мечеть (ныне Кзыл-Орда) и осадил ее, однако, вследствие охватившей его лагерь эпидемии холеры, унесшей много жертв, осаду пришлось снять. Кроме того стало известно, что Кокандское и Бухарское ханства заключили союз и готовили против казахов совместное наступление. Все это заставило Кенесары в начале 1846 года откочевать на юго-восток, в район озера Балхаш и р. Или.

Заранее узнав о появлении Кенесары в районе р. Или, старший султан Аягузского округа Булен Шанхаев писал властям: «Кенесары начал приближаться вновь в реке Или, делает постоянные грабежи и угон скота, приглашает к себе посторонних киргиз, некоторых ласками, а малочисленных угрозами. Нельзя надеяться, что он оставил в совершенном спокойствии Семиреченский край».[3]

Действительно, к восстанию Кенесары присоединились казахи северных районов Старшего жуза (родов Дулат, Найман, Уйсун), на территории которых были построены укрепления и лучшие земельные угодья которых были отобраны под постройку приказов (диванов).

Казахи этих районов писали: «Мы поступили, правда, на верноподданство, но присягнули полковнику Костюрину с

[1] Чкаловский Гос. истор. архив, ф. 6, д. 6610, лл. 371 — 375. Донесение ген.-майора Ладыженского ген. Обручеву, ноябрь 1845.

[2] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2651, лл. 605 — 605. Из рапорта хорунжего Красноярцева, составленного на основании показания лазутчика Самрат Мамаева, 22 октября 1845 года.

[3] Истор. архив КССР, ф. 61, д. 4, лл. 122 — 123. Канцелярия пограничного начальника сибирских киргизов.

тем, чтобы остаться на своих местах в черте округа (Кок-Терек) Кокпектинского. Зачем же против желания нашего перевели нас в ведение Аягузского приказа?»[1]

Правительство выделило для борьбы с Кенесары войска под командованием генерал-майора Вишневского.

Приближалась зима. Кенесары решил перезимовать на одном из недоступных полуостровов на озере Балхаш — Камал. Полуостров Камал занимал очень выгодное стратегическое положение: со всех сторон он был огражден естественными рубежами — озером Балхаш, рекой Или и множеством болотистых рек. Единственный подступ к полуострову шел со стороны болотистого залива, глубиной в рост лошади. Через этот залив переправлялись только на верблюдах. Длина полуострова простиралась до 70 верст, а ширина—от 6 до 12 верст. Кроме того, территория полуострова имела много естественных рубежей, заросших саксаулом, камышом и т. д. Начальник войскового отряда Есаулов писал: «Он (Кенесары — Е. Б.) занял один укрепленный самой природой полуостров на Балхаше, называемый Камалом, в котором кочует со всеми своими приверженцами и так как в этом месте нет переправ через реку Или, то они полагают, что он намерен здесь сопротивляться отчаянно».[2]

Генерал-майор Вишневский с казахскими султанами принял решение блокировать отряд Кенесары. Не выдержав продолжительной осады, Кенесары с боями вышел на левый берег Или, а оттуда перекочевал в центральный район Старшего жуза, в предгорьях Ала-Тау и реки Чу.

В кочевьях Старшего жуза Кенесары столкнулся со сложной обстановкой. Основным фактором, определявшим политическую жизнь Старшего жуза в этот период, было укрепление русского влияния в южных районах Казахстана. Еще в 1824 году часть султанов Старшего жуза во главе с Сыюком Аблайхановым приняла русское подданство.[3] Однако до 30-х годов XIX в. царская Россия, в силу целого ряда обстоятельств, не могла форсировать наступательные действия как в Старшем жузе, так и в районах алатауских киргиз. Это объяснялось тем, что Россия не хотела портить отношений со среднеазиатскими ханствами, а самое главное — с Китаем, в номинальном подчинении которого находились восточные районы Старшего

---

[1] *Коншин Н.* — Открытие Аягузского округа. «Памятная книжка Семипалатинской обл.», вып. IV, 1900.

[2] Истор. архив КССР, ф. 82, д. 54, л. 114 об. Из рапорта нач. военного отряда есаула Нюхалова пограничному начальнику сибирских киргиз ген.-майору Вишневскому, 1846.

[3] Об обстоятельствах этого подданства см. Путевые записки лекаря Зибернтейна. Истор. архив. № 1, 1936.

жуза. В то время всякое столкновение царских войск с китайскими могло привести к осложнениям, а это, несомненно, отразилось бы на кяхтинской торговле, высоко ценившейся русскими купцами. По данным Любимова,[1] кяхтинская торговля ежегодно давала русскому купечеству 15 миллионов рублей серебром дохода.

В 40-х годах XIX в. положение несколько изменилось. Китай только что пережил крупное восстание в Восточном Туркестане и во внутреннем Китае. Внук Бурхан-Эддина, соратника Амурсана, Ходжа Джангир с помощью кокандцев и киргизов вторгся в Восточный Туркестан. Разбив китайские войска, Джангир занял Кашгар и провозгласил себя ханом. Одновременно вспыхнуло восстание во внутреннем Китае, организованное тайным обществом «Белого водяного цветка Ненюфара».

Едва закончилось усмирение этих восстаний, как в 1839 году вспыхнула война между Китаем и Англией. Поводом к войне послужило уничтожение в Кантоне английских складов опиума. От продажи опиума английское правительство выручало большие суммы. Война с Англией кончилась для Китая плачевно. Китайское правительство вынуждено было открыть английским купцам вместе с Кантоном еще Шанхай, Амой, Нинпо, Фучжоу и другие портовые города. Все это ослабило позиции Китая и на Западе. Русское правительство не имело оснований серьезно опасаться и среднеазиатских ханств. В результате междоусобной войны, начатой в начале 40-х годов XIX в. и продолжавшейся до 1845 года, силы Бухары, Хивы и Коканда были подорваны. Вполне понятно, что среднеазиатские ханства не могли вступать в открытое столкновение с таким мощным государством, как царская Россия. Кроме того, после прекращения войны между среднеазиатскими ханствами, серьезно нарушившей торговлю с другими государствами, началась бойкая торговля с Россией. Все эти обстоятельства не могли не повлиять на курс внешней политики среднеазиатских государств. К 1843 году относится подписание дружественного договора России с хивинским ханом Рахман-Кулом, по которому российским купцам разрешалась беспошлинная торговля в Хиве. Хивинский хан обещал не простирать свою власть на подведомственные России народы. Несмотря на это, продвигаясь к пределам Средней Азии, русское правительство действовало очень осторожно и стремилось не обострять отношений со среднеазиатскими владельцами. Еще

[1] *Любимов* — Кульджинский трактат, «Памятная книжка Западной Сибири», Омск, 1882, стр. 71 — 72.

в 1844 году во время объединенного похода Сибирских и Оренбургских войск во главе с генерал-майором Жемчужниковым против Кенесары, было дано твердое указание всячески избегать столкновения с войсками среднеазиатских государств. «Для избежания недоразумений уклоняться от всякого вмешательства во взаимные распри владетелей Средней Азии и не простирать поисков в Оренбургские степи далее Сыр-Дарьи и озера Телекуль, а в Сибирской — реки Чу, избегая всякого столкновения с бухарцами и кокандцами».[1]

Исключительно благоприятная почва для проникновения в пределы Старшего жуза создалась для русского правительства в связи с принятием в 1845 году султанами и биями Старшего жуза российского подданства.

При этом надо иметь в виду, что принятие подданства казахами Старшего жуза происходило в несколько иных условиях, чем в Среднем и Младшем жузах. Казахи Старшего жуза, испытывая двойной гнет — кокандских беков и китайских властей, считали, что принятие российского подданства избавит их от тяжелого чужеземного гнета. Этим, по существу, объясняется добровольное принятие российского подданства казахами Старшего жуза. Власти безусловно учитывали эту особенность нового района колонизации и не могли применять по отношению к Старшему жузу те же методы колониальной экспансии, какие применялись им при завоевании Младшего и Среднего жуза.

В этом отношении исключительный интерес представляет докладная графа К. В. Нессельроде Николаю I: «Нет сомнения, что Большая орда по недавнему своему поступлению в подданство России, по отдаленности своей от Линии и по многим другим уважениям, не может быть подчинена тому же порядку, как Средняя орда: учреждение там приказов и представление всего ближайшему надзору и управлению поставленных от правительства чиновников, неминуемо встревожило бы недавно покорившихся киргизов; даже обложение их хотя бы легким ясаком по многим причинам неудобно или, по крайней мере, равновременно. Вообще нельзя упустить из вида, что, во-первых, сии киргизы покорились России добровольно, что само уже требует большого к ним снисхождения, а, во-вторых, а это самое главное, что цель наша: подчинение сей Большой орды влиянию России для вида торговли, установление, следственно, там желаемой тишины и спокойствия, и через это самое, установление безопасных торговых путей для распростра-

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2547, лл. 68—111.

нения торговли с Западным Китаем, в особенности с Кашгарией и с частью Средней Азии».[1]

В этот период целый ряд казахских родов, в частности кызаевцы, байджигитовцы, кочевавшие в китайских пределах, находились на положении двоеданников. С одной стороны они признавали власть Китая, с другой стороны — России. В отношении этих казахских родов граф Нессельроде дает местным властям следующий совет: «Благоразумие требует поступать в отношении к ним с большой осторожностью, не нарушая правил добрососедства с китайцами».[2]

После 1845 года Кокандское ханство, потеряв влияние в подавляющей части Старшего жуза, прочно удерживало свои позиции в кочевьях алатауских киргиз. Кочевья многочисленных киргизских племен граничили с землями Старшего жуза. Непосредственными соседями казахов был род Сары-богыш, их близкими соседями был род Бугу. По языку, культуре, общественному строю и быту киргизы были близки казахам. Отличия в общественном строе заключались в том, что у киргиз не было султанов. Общество делилось на два класса: родовую знать — биев и народные массы — букара (от слова фукара — бедные).

Наиболее влиятельные бии образовывали особую замкнутую привилегированную группу — манапов. Манапы, в свою очередь, делились на три группы:[3] баш (старший) манап, орто (средний) и чала (мелкий) манап. Последние две группы находились в зависимости от первой. Междуродовые споры разбирались на съезде манапов.

В эпоху Кокандского господства выделилась известная категория манапов, прозванная народом «чинжирей манап», что означает наследственный манап, от слова «чынжыр» — цепь. В руках отдельных «чинжирей манап» концентрировалось огромное количество скота. В частности, в ведении манапа Бурамбая, управлявшего родом Бугу, было 10 000 юрт.[4]

Одним из «чинжирей манапов» был Ньязбеков, владевший лучшими пастбищными угодиями Нагорной части Киргизии. Он прославился своей жестокостью над подчиненными «бу-

[1] Истор. архив КССР, ф. 81, д. 4, лл. 151 — 157, 17 апреля 1847. Из представления графа Нессельроде царю Николаю «О киргизах Большой орды». На подлиннике царь наложил резолюцию: «Исполнить».

[2] Истор. архив КССР, ф. 81, д. 4, л. 156.

[3] Подробные материалы о манапах имеются в работах Вашингорского, в изданиях Н. И. Гродекова — 1889, Талызина — 1898, Хорошкина А. — 1872, Ковалева Е. — 1895, Зеланди Н. — 1855 и др.

[4] «Записки Импер. Русск. Геогр. Об-ва», кн. V, СПБ, 1851, стр. 141. Сведения, доставленные от генерал-губернатора Западной Сибири. См. о нем также и у Чокана Валиханова.

«ара». В памяти киргизского народа о сыновьях Ньязбека сохранилось следующее пятистишье:[1]

«Ормон, Субан эки бек
Бердикожо, Бердибек,
Ажи, Шатен алты бек
Рочекулбек, Кожабек
Ниязбек Сегизбек
Телегешй Те бек»

Ормон, Субан — вот два бека,
Бердикожа, Бердибек,
Ажи, Шатен — вот вам шесть беков,
Рочекулбек, Кожабек,
Вот у Ньязбека восемь беков,
Все могущественные беки.

Киргизский народ — «букара» в пользу манапов отбывал следующие виды феодальных повинностей:

1. Саан — своеобразная форма отработки, отбывания за пользование продуктом молочного скота (у казахов эта повинность называлась «сауын»).
2. Куч — за пользование рабочим скотом и инвентарем букара обязан был отдавать манапу половину урожая.
3. Салык — налог, собиравшийся с населения продуктами, деньгами.
4. Чигым — специальные налоги, предназначенные для организации пира (той) в честь манапов.
5. Сонш — целевой налог, обеспечивавший зимнее питание манапа, аналогичный казахскому «согым».

После образования самостоятельного Кокандского ханства узбекские беки начали разорительные набеги на киргиз. В своей захватнической политике кокандские беки опирались на феодальную верхушку — биев и киргизских манапов, вступивших в непосредственную связь с кокандскими беками начала XIX века. Об этом свидетельствует посольство киргизских биев, отправленное с подарками в 1801 году к кокандскому Алим-хану. В посольстве находились от рода Сарыбагыш Есенгулов Ерхобат, от Таласских киргизов — Карамаков и др. Прибывшие послы выразили покорность и признали власть

[1] Цитируем по рукописи Хасанова А. — «Завоевание Киргизии русским царизмом». (Хранится в фунд. библ. САГУ. Ташкент).

над киргизами кокандского хана. Кокандский хан обещал взять киргизских биев под свое покровительство и в свою очередь одарил послов подарками. Военный захват киргизских земель Коканд начал около 1807 года. По этому поводу киргизский историк Солтабаев писал: «Кокандский хан около 1807 — 1810 гг. послал к степным киргизам своего кушбеки — предводителя тысячного войска и начал строить укрепления, которые охранялись войсками, а для управления степью был послан «ельбегы».[1]

Колонизацию киргизской степи кокандские беки вели по двум направлениям: от Ташкента через Чимкент, Аулиэ-Ату на Пишпек и Иссыкуль. Другой путь колонизации шел по Ферганской долине через Кугартинский перевал, на Тогуз-Торсу, Кочкар, Нарын, Атбаши. На всем протяжении этих двух колонизационных линий были рассеяны многочисленные кокандские крепости: Талас, Кошкар, Нарын, Сангалда, Тогуз-Торсу, Мерке, Ашмара, Пишпек, Токмак, Ак-бекет, Кара-Балта, Иссыкуль и др. Аналогичные укрепления были построены на территории казахов Старшего жуза. На реках Чу и Или были кроме того построены караван-сараи узбеков. Кокандские ханы управляли киргизской степью через своих «датка» (военных начальников провинции).

Кокандские наместники в любое время могли отменить решения съезда киргизских манапов. В Пишпеке и Токмаке кокандскими правителями были построены тюрьмы (зинданы), где находились киргизы, выражавшие недовольство кокандским владычеством. Кокандская колонизация усилила проникновение в Киргизию ислама, который стал орудием манапов и баев в порабощении киргизского народа.

Киргизы жестоко страдали от тяжелого налогового гнета кокандцев. Как указывает М. Венюков,[2] налоговая система состояла из следующих статей:

Тюнлюк закята — подымного сбора, с каждой юрты по одному барану.

Кой закята — налога на баранов, по одному из пятидесяти, а иногда из сорока и даже двадцати.

Хараредя — сбора из земледельческих произведений, от каждого гумна по три барана.

Кроме этих налогов, киргизы обязаны были нести постойную повинность. По данным М. Венюкова, род Султы и часть

---

[1] *Солтабаев* — Материалы к истории Киргизии. (Рукоп. на киргизском языке), хранятся в Рукоп. отд. библ. АН КазССР, стр. 282.

[2] *Венюков М.* — Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них. СПБ, 1868, стр. 164.

Сарбагышского рода ежегодно давали на прокормление кокандских войск до 5,5 тыс. пудов пшеницы и проса.

Подчинение отдельных киргизских родов сопровождалось исключительными жестокостями кокандских властей. Особенно разорительным был поход кокандских войск, предпринятый при Омар-хане против нагорных киргизских родов, расположенных в урочище Кетмен-Тюбе. Здесь проживали три киргизских рода: Багыш, Саяк и Сатаки. Кокандские ханы давно зарились на богатства этих родов. Еще при жизни Нарбута-бия и Алим-хана предпринимался ряд походов, однако подчинить их не удавалось. Омар-хан поставил перед собою цель— во что бы то ни было захватить эти нагорные районы Киргизии. Предводителем кокандских войск он назначил мын-баши Сеид-Кул-бека. Сеид-Кул-бек ночью внезапно напал на киргизские роды, расположенные у Кетмен-Тюбе. Захватив значительное количество пленных и разграбив имущество, он с триумфом возвратился в Коканд.

Вслед за уходом кокандских войск эти киргизские роды подняли восстание. Для усмирения повстанцев был послан Бек-Назар-бий, жестоко подавивший восстание. Историк Наливкин пишет, что Бек-Назар-бий, «произведя страшные грабежи и убийства, среди которых не щадили ни женщин, ни детей, забрав большую добычу (главным образом скот) и массу пленных, вернулся в Коканд».[1]

Таким образом киргизский народ издавна испытывал двойной гнет: как собственных манапов, так и кокандских властей.

По мере приближения русских аванпостов к Киргизии, среди манапов стало обнаруживаться стремление завязать связи с русскими властями. Об этом свидетельствует письмо манапа Япалак Кутлина, адресованное в 1821 году генералу Броневскому: «Желание наше есть препровождать караваны Ваши в Кашгарию и Аксу, но как есть в Орде нашей шалуны киргизы, с которыми управиться нет возможности, то к усмирению их не оставьте употребить Вашу власть».[2]

В 1839 году граф Нессельроде в своем наставлении приставу Большого жуза писал: «Привести манапа дикокаменных киргизов Ормона, рода Сары-багыш на верноподданство России, если он не откочевал еще в Заилийские долины, в горы и вступить в сношения с манапом Бурамбаем, начальствующим родом Бугу, изъявившим прежде уже желание вступить в вер-

---

[1] *Наливкин В.* — Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 121.

[2] *Коншин Н.* — Материалы для истории Степного края, стр. 71. «Памятная книжка Семипалатинской обл.», — 1900, вып. IV, г. Семипалатинск.

ноподданство России, преданность коего для нас тем еще важнее, что он сильнейший из всех дикокаменных манапов, управляя 15 тыс. кибиток, тогда как в роде Сары-багыш не более 6 тысяч, а собственных у Ормона до 2 тысяч, и еще потому, что через кочевье Бугу лежит главная дорога в Кашгарию».[1]

Несмотря на глубокий внутренний распад и межродовую борьбу, в народных массах Киргизии жило стремление к политическому объединению. Но попытки государственного объединения осуществлялись в процессе борьбы за власть между отдельными манапами, т. е. в процессе ожесточенных феодальных войн. Особенно ярко тенденция к политическому господству над всей Киргизией проявлялась в деятельности манапа Ормона (1790—1853 гг.). Ормон был типичным феодалом. Для него борьба за политическое объединение киргиз была борьбой за собственную власть над киргизским народом. Незадолго до войны с Кенесары Ормон объявил себя ханом. Однако, как пишет киргизский историк тов. Б. Джамгерчинов, автор специального исследования «Киргизы в эпоху Ормон-хана», — «хотя Ормон-хан и считал себя ханом всех киргизов, в действительности другие киргизские племена, кроме Сары-багыш, Саяк и Бугу, фактически не признавали его власти, хотя формально не протестовали против именования его этим титулом».[2] Таким образом, он не был народным вождем. Тем не менее, его стремление к политическому объединению киргиз в форме феодальной монархии находило сочувственный отклик в народных массах, что нашло свое отражение в киргизском фольклоре.
когда здесь появился Кенесары.

Такова была обстановка на юге Казахстана и в Киргизии.

Заранее предвидя, что Кенесары в Старшем жузе приобретет новых сторонников, зная, что его выступление на некоторое время сможет отсрочить захват территории Старшего жуза, правительство всячески старалось изолировать движение Кенесары. Для этого оно избрало излюбленный метод — натравливание киргизов на казахов, типичный для национальной политики самодержавно-крепостнического строя.

Товарищ Сталин писал: «Самодержавие придумало под конец новые ужасы. Оно стало сеять вражду и злобу среди са-

---

[1] ЦВИА, д. 37, кнп. 51, оп. 287, л. 31.

[2] *Джамгерчинов* — Киргизы в эпоху Ормон-хана (Из истории феодально-родовых войн киргизов в XIX веке). Труды Института языка, литературы и истории киргизского филиала Академии Наук СССР, вып. I. Фрунзе, 1945, стр. 119.

мого народа и поднимать друг против друга отдельные слои населения и целые национальности».[1]

Метод разжигания национальной вражды между киргизами и казахами принес свои плоды. Этому помогла старая родовая вражда, существовавшая между казахами и киргизами.

При появлении Кенесары в пределах Старшего жуза, власти обратились к киргизским манапам с призывом объединиться для совместной борьбы против Кенесары. О переговорах властей с киргизскими манапами в отчете Оренбургской Пограничной Комиссии говорится: «Состоящий в должности Пограничного Начальника Сибирскими киргизами... писал к главным их биям: Бурамбаю и Кичкине Пирназарову, чтобы они не допускали мятежника нанести себе вред, но при возможности уничтожили бы самого Кенесары с его аулами, предварив о намерениях своих по этому предмету есаула Нюхалова, для оказания с его стороны должного содействия силой русских отрядов, вследствие чего от дикокаменных киргизов прибыл к Нюхалову татарин Мухаммед Тагиров».[2]

В результате переговоров киргизские манапы дали обещание властям совместно бороться против Кенесары. Как указано в отчете Оренбургской Пограничной Комиссии, киргизские манапы «вознамерились действовать против Кенесары, решаясь или погибнуть самим или уничтожить врага».

То же самое отмечал узбек Якуб, побывавший у киргизских манапов. Он заявил: «По бытности своей в тех краях слышал, что самые главные бии и правители над дикокаменными киргизами Буранбай и Кичкине Пирназаров, который был в Омске во время генерал-губернатора Капцевича, готовы сразиться с Кенесары и разбить его».[3]

Правительство опасалось, что Кенесары поднимет на борьбу казахов Старшего жуза. В распоряжение генерал-майора Вишневского были переданы военные отряды под командой есаулов Нюхалова, Абакумова и Карбышева. Вишневский дал Западно-Сибирскому губернатору обещание, что употребит «все зависящие средства к недопущению приобрести доверия мятежного Кенесары между киргизами и к удалению с его приверженцами с тамошних мест, если же представится возможность, то и о захвате его самого».[4]

---

[1] *Сталин И. В.* — Соч., т. 1, 1946, стр. 187.

[2] ЦГИАЛ, ф. МВД. Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. II, лл. 33—33 об. О мятежном султане Кенесары Касымове. Из отчета Оренбургской Погран. Комиссии, 1847.

[3] Истор. архив КССР, ф. 82, д. 54, связ. 7, л. 241, 1847.

[4] *Коншин Н.* — История Степного края. Записки Семипалатинск. подотд. Западно-Сибирского отд., стр. 91.

Для борьбы с Кенесары Вишневский привлек старших султанов и преданных царизму казахов Аягузского, Каркаралинского и Кокпектинского округов Среднего жуза и одновременно стремился поднять против Кенесары и влиятельных султанов Старшего жуза. Чтобы завоевать их расположение, правительство начало щедро награждать их орденами и повышать в должностях. Так, султан Али Адилов получил чин полковника и был награжден золотой медалью на Андреевской ленте, султан Хаким — золотой медалью на Александровской ленте. Были награждены и другие казахи, «кои оказали особенную преданность правительству».

Султаны Старшего жуза в свою очередь дали следующее письменное заверение о своей преданности царизму и о готовности вести совместную борьбу с Кенесары:

«Кенесары Касымова и его приверженцев, пришедших на наши места, как нарушителя общенародного спокойствия, считать врагом нашим, не иметь с ним никаких сношений и чтобы как он, Кенесары, так и его приверженцы, не находились на занимаемых нами местах. Если же теперь, а равно по удалении его от нас, заметим или услышим о враждебном его предприятии против киргиз Средней орды, а особенно близлежащих округов, то обязуемся тотчас извещать их для предупреждения злодейских покушений мятежника».[1]

Генерал-майор Вишневский отправил отряд есаула Нюхалова в сторону Копала и Каратала, чтобы предотвратить соединение Кенесары с казахами в предгорьях Ала-Тау. В то же время он обратился к султанам с письмом, в котором просил помочь отрядам Нюхалова. Вскоре к Нюхалову присоединился отряд старшего султана Булена Шанхаева, а султаны Али Адилов и Сьюк Аблайханов обещали ему вооруженную помощь.

В таких условиях Кенесары предстояла огромная работа по собиранию своих сил и сплачиванию народных масс. Кенесары мог рассчитывать на поддержку и материальную помощь султанов Старшего жуза, с некоторыми из которых он состоял в родственных отношениях (например: султан Рустем, Сьюк Аблайханов).

Но он хорошо сознавал, что для продолжения борьбы поддержки одних только казахов Старшего жуза будет недостаточно. Свои расчеты он строил на объединении сил казахов и алатауских киргиз. Кенесары действительно нуждался в помощи киргизского народа. При переходе в Старший жуз он поте-

[1] *Коншин Н.* — Указ. соч., стр. 91. Свидетельство подписали султан Сьюк Аблайханов, подполковник Али Адилов, Акинбек Аблаев, Аламбат Ибаков, Камбар Аланов, Джангозы Сьюков, Намыркан Адилов и др.

рял значительную часть подвластных ему аулов, откуда раньше черпал резервы для своих войск и получал материальную поддержку. Эти аулы, в силу целого ряда обстоятельств (боязнь погони карательных отрядов, отсутствие на новом месте пастбищ), не все могли последовать за Кенесары. Кроме того, во время отступления Кенесары в боях потерял часть своих воинов. Акын Нысамбай, до последних дней находившийся вместе с Кенесары, в своей поэме рассказывает, как Кенесары обращался за помощью к родственному киргизскому народу.

С севера наступают русские,
Если предоставишь им свою землю и скот
И отдашь своих детей в солдаты —
Тогда сможешь жить с ними в мире.
С востока граничат «шуршуты»[1]
Они беспощадны к казахам.
С юга притесняет Коканд,
Издеваются над твоими женами и дочерьми,
Если им противиться, то они тебя повесят
И каждый день будут к тебе приставать.
Есть сохранившаяся от казахских старцев пословица:
Кровно родственный народ никогда тебя не обидит.
Казахи и киргизы испокон веков —
Родственный народ.
Батыры мои, не отчаивайтесь,
Откочуем же к киргизам.[2]

На обращение Кенесары к киргизам с призывом объединиться для совместной борьбы против кокандского владычества указывает в своей «Истории Киргизии» Сыдыков. Он писал: «Казахский хан Кенесары присылал к Ормону своего представителя с просьбой объединения казахов и киргизов для совместной борьбы против общего врага».[3]

Не терял Кенесары надежды и на то, что к нему в Старший жуз прикочуют казахи из других жузов.

Он разослал в самые отдаленные казахские роды воззвание с призывом присоединиться к восстанию. В одном из таких воззваний, адресованных родам Оренбургского ведомства, Кенесары писал:[4]

[1] Под «шуршутом» имеется в виду Китай.

[2] Рукоп. фонд Ин-та языка и литературы АН КазССР. Шипин Омар — Краткая история семи батыров. Эту выдержку из поэмы Нысамбая автор записал со слов участника восстания Шубара Наурызбаева.

[3] *Сыдыков* — Краткая история киргизов, Уфа, 1913, стр. 1.

[4] Истор. архив КССР, ф. 82, д. 54, связ. 7, лл. 224 — 225.

«По воле Всевышнего из-за притеснений неверных (царских колонизаторов — Е. Б.) время нашего благополучия в Средней и Малой орде миновало и мы основали местом своих кочевок Чу и Или в Большой орде... Если бы по расположению и преданности Вашей к нам изъявите желание перекочевать, то найдете нас на месте, называемом Кукы или Кукуны. Писана сия высокая грамота с тем намерением, чтобы вы с женами и детьми своими не подпали под иго неверных».

В другом воззвании говорится: «Мы отправили младшего брата нашего султана Сеил-хана и бия Чукмара в Среднюю и Малую орду для заказа и для извещения любезных наших слуг о землях и водах Большой орды с той целью, чтобы они под своим руководством привели с собой всех тех, которые с женами и детьми своими не захотят оставаться в неволе у неверных».

По поводу этих «возмутительных писем» Оренбургский военный губернатор писал: «Кенесары приглашает киргизов во избежание ига русских удалиться из степей Оренбургского ведомства на соединение с ним на новых местах его пребывания — на реке Чу».[1]

Однако эти воззвания не привели к желательным результатам. Объединить на новом месте казахов Младшего и Среднего жуза ему не удалось. Из Среднего жуза из Каркаралы присоединился к нему со своими джигитами только султан Худайменды Газин. Но в Старшем жузе везде, где проходили отряды Кенесары, к ним присоединялись местные казахи. К Кенесары присоединились батыры Старшего жуза из рода Дулат, Уйсун, Джалаир. Джамбул в своих воспоминаниях говорит:[2]

Пришли Саурык, Сыпатай,
Не отстал от них молодой Байсеит
И батыр Сурапшн.
Пришли все к Кенесары.

Среди прибывших батыров Байсеит был самым молодым. Он происходил из рода Дулат, отделения Ботбай. Отец его Тойшибек вместе со своим братом Керимом были прозваны народом «Хос-батыр» (парни-батыры). Джамбул рассказывает один интересный случай с Байсеит-батыром. Узнав о прибытии Кенесары к дулатовцам, Байсеит изъявил желание всту-

---

[1] *Серебренников А. Г.* — Материалы к истории завоевания Туркестанского края, т. V, стр. 265, Ташкент, 1914.

[2] Сборник песен и поэм о Кенесары. Подгот. к печати Ин-том языка и литературы АН КазССР (рукоп.). См. *Джамбул* — Кенесары у дулатовцев (Воспоминания).

пить в войско Кенесары, но при этом он хотел попасть на прием к султану. Однажды Байсеит, не слушаясь никого, хотел ворваться в юрту Кенесары: тогда его отец Тойшибек, остановив его у порога, сказал: «Бесстыжий мальчишка, разве можно войти к хану без разрешения». Байсеит ответил отцу: «Я пришел к нему как к батыру, а не как к хану, а батыры друг друга не боятся».[1] Он вошел в юрту Кенесары, который его радушно принял. Помимо этих батыров к нему присоединились батыры Тойшибек, Байзак и другие. Продолжала поддерживать с ним связь и старшая сестра Бопай. Она во главе 500 джигитов принимала участие в сборе закята с рода Уйсун.

Есаул Нюхалов доносил генералу Вишневскому, что к «Кенесаре присоединились киргизы Большой орды родов Чимыр, Джаныз, Сары-Уйсын и Сейкым в большом числе, так что их полагают до 20 тысяч кибиток».[2]

Действительно, присоединив к себе значительную часть казахов Старшего жуза, Кенесары снова создал внушительное войско, доходившее до 20 000 человек.[3] Одновременно он приступил к постройке крепости на реке Чу, вскоре, впрочем, приостановленной в связи с войной.

Гораздо сложнее и неблагоприятнее для Кенесары сложились отношения с Киргизией. Кенесары направил своих представителей во главе с Сайдак-кожа, бием Чукмара и Есенгельды Саржановым[4] к киргизским манапам, призывая их к совместной борьбе против Кокандского ханства. Сообщение об этом настолько встревожило генерала Вишневского, что он тотчас же направил в район Копала отряд сотника Абакумова с целью прервать связь Кенесары с алатаускими киргизами.

Переговоры Кенесары с киргизами остались безуспешными. Манапы рода Сарбагыш, во главе с Ормоном и Жантаем, отклонили предложение Кенесары. Более того, они начали подстрекать своих сородичей к нападению на казахские аулы.

Чтобы не осложнять отношений с киргизами, Кенесары в 1846 году отпустил на свободу 200 киргизов во главе с Калча-бием, взятых в плен при нападении киргиз на аул Кенесары. В том же году Кенесары в специальном письме к Жантаю и Ормону разъяснял, что к киргизам он не питает никакой вражды.

---

[1] «Сборник песен и поэм о Кенесары». *Джамбул* — Кенесары у Дулатовцев. (Воспоминания). Рукоп.

[2] Истор. архив КССР, ф. 82, д. 54, связ. 7, л. 207 об. 1846. Из рапорта есаула Нюхалова ген.-майору Вишневскому.

[3] Материалы к истории Кенесары Касымова, стр. 7. Ташкент, 1923 (по свид. Алибека Калигула — участника событий 1846—1847 гг.).

[4] *Серебренников А. Г.* — Указ. соч., т. V, стр. 280.

«Цель моего прихода сюда, — писал он, — не враждовать и проливать кровь, а соединить силы казахов и киргиз в одно, отделить их от Коканда и вообще освободить от притеснений кокандцев. Между тем, случились некоторые нежелательные дела, теперь на все происшедшее между нами я объявляю салават и прощаю вам неразумие. Что я не питаю злобы, можете видеть из того, что выпускаю на свободу невредимым Калчабия и его 200 джигитов. По получении этого письма удалите из сердца опасения и явитесь ко мне, чтобы соблюсти обряды покорности и тем достичь высокой степени счастья. Если же это предложение не придется вам по сердцу и вы не откажетесь от вражды, то отвечайте сами за свою судьбу».[1]

В этом письме характерно отсутствие призыва Кенесары к борьбе с царской Россией. Это не случайно. Кенесары понимал, что такой призыв не будет поддержан киргизами, так как в этот период они еще не испытывали гнета царских колонизаторов. Основным врагом киргизов в то время был кокандский хан, под владычеством которого находилась вся современная территория Киргизии.

Однако манапы Ормон и Жантай, чьи владения непосредственно граничили с кочевьями Старшего жуза и которые в своей внешнеполитической деятельности были вынуждены лавировать между Кокандом и царской Россией, естественно, не могли поддержать Кенесары. Но главное было не в этом. Сыдыков сообщает, что Ормон в переговорах с посланцами Кенесары однажды заявил: «Пусть он (Кенесары — Е. Б.) ханство над обоими народами передаст мне, а Кенесары будет действовать с моего согласия».[2] Этому можно поверить, поскольку Ормон стремился к объединению всех киргиз под своей властью. Между тем Кенесары требовал от киргиз «соблюсти обряды покорности», т. е. признать его власть. Не удержался он и от прямых угроз по адресу тех, кто не признает его власти.

Получив письмо Кенесары, Жантай и Ормон обсудили его на собрании манапов и решили не принимать предложения султана. Они обратили внимание не на то место письма, где Кенесары призывал к совместной борьбе с Кокандом, а на то, где он угрожал силой присоединить к себе киргизов. Как пишет т. Джамгерчинов: «В стремлении Кенесары киргизские манапы видели попытку лишить власти представителей киргизской феодально-родовой знати во главе с Ормоном».[3] Угроза

---

[1] *Кенесарин Ахмет* — Кенесары и Садык (биогр. очерк) в обработке Смирнова. Ташкент, 1889, стр. 17.

[2] *Сыдыков* — Указ. соч., стр. 1.

[3] *Джамгерчинов Б.* — Указ. статья, стр. 120.

потери власти над народными массами испугала их больше, чем подчинение Коканду, классовые интересы возобладали у них над общенародными национальными интересами.

Письмо Кенесары к киргизским манапам, очевидно, получило в то время широкую огласку среди казахов и киргизов. Об этом свидетельствуют многочисленные фольклорные материалы, передающие его содержание в разных вариантах.

Таким образом, из анализа внутриполитического состояния алатауских киргизов и их взаимоотношений со среднеазиатскими ханствами и Россией становится понятным, что совместные действия царских властей и киргизских манапов против Кенесары не было случайным эпизодом борьбы.

Кенесары, оттесненный из районов Балхаша и Или, в 1846 году вынужден был начать борьбу с Кокандом без союзников, только силами примкнувших к нему казахов Старшего жуза. В 1846 году он вторгся в район Аулиэ-Ата (ныне город Джамбул) и осадил крепость Мерке. После непродолжительного сопротивления «датка» (комендант крепости) со своим гарнизоном сдался и в знак покорности подарил Кенесары своего аргамака — «Кзыл-ауз».[1] Он обещал также договориться с пишпекским кушбеки и киргизскими манапами о перемирии.

Ахмет Кенесарин пишет, что после занятия Мерке Кенесары отстранил кокандского «датка» и сам стал правителем Мерке.[2] После падения Мерке киргизские манапы обратились к пишпекскому кушбеки Алишеру с вопросом, как поступить с Кенесары: «Будет ли он вести борьбу с ним или вступить в переговоры о перемирии». Алишер ответил: «Меркенский «датка» — трус и злодей, я честный слуга своего хана и оправдаю его доверие. Я имею две пушки и готов сражаться с ним».[3]

Алишер и манап Ормон предложили киргизам откочевать в глубь страны, а сами со своими войсками вышли навстречу Кенесары. Отлично зная окрестности, они выбрали удобную позицию и укрепились в горах Кеклы.

В первых вооруженных столкновениях в Алатауских горах обе стороны понесли многочисленные потери. В одном из писем киргизского манапа Джантая к генералу Вишневскому сказано: «Кенесары, прибыв к нам, сделался уже врагом. В прошлом году они разбили аулы наши и 100 наездников умертви-

---

[1] *Солтобаев* — Указ. соч., стр. 390 (рукоп. на киргизском языке).

[2] *Кенесарин Ахмет* — Кенесары и Садык (рукоп. на чагатайском языке), стр. 10. Хранится в Гос. истор. архиве КССР, г. Алма-Ата.

[3] *Солтобаев* — Указ. соч., стр. 390.

ли, но мы с помощью божьей вооружились под предводительством султана Боке, умертвили их 4 тысячи человек».[1]

К середине 1846 года наступило некоторое затишье, начались переговоры о прекращении военных действий и заключении перемирия. По поводу предстоящих переговоров пограничный начальник сибирских киргизов писал: «К дикокаменным киргизам Кенесары отправил недавно от себя послов с присоединением к ним и от султана Галия, дабы условиться с ними о мире, но таковые еще не возвратились».[2] Кенесары все время стремился к прекращению военных столкновений с киргизами. Это отмечал сотник Абакумов, который писал, что Кенесары с киргизами «всеми средствами старается помириться».[3]

Со стороны киргизов в качестве парламентера прибыл к Кенесары известный манап Калигул, впоследствии получивший за доставление головы Кенесары к Западно-Сибирскому генерал-губернатору Горчакову золотую медаль. Калигул был принят Кенесары, несколько дней находился в его ставке и был даже приглашен в гости к Наурызбаю. От Калигула мы впервые узнаем о внешности Наурызбая: «Одетый в бархатный кафтан, рослый молодой джигит, усы на нем только начали появляться, стал приглашать к себе в гости. Впоследствии я узнал, что это был тюре Наурызбай».

Кенесары договорился с Калигулом, что впредь казахи и киргизы будут жить дружно и находиться в добрососедских отношениях, что киргизы будут прислушиваться к советам Кенесары. Калигул от имени киргизского народа дал обещание: «Киргизы и казахи будут дружественной самостоятельной страной, но по всем важнейшим делам будут советоваться с Кенесары и прислушиваться к его голосу».[4] Кроме того, договорились обменяться военнопленными. Кенесары, по просьбе Калигула, возвратил пику и шапку (булат) киргизского батыра Тастанбека, убитого казахами, а Калигул обещал вернуть за выкуп попавших к ним в плен джигитов Кенесары. Во время переговоров об освобождении из плена двух любимых батыров Кенесары (один из них был шурином Кенесары — братом бывшей в плену в Оренбурге старшей жены Кунимжан) —

[1] Истор. архив КССР, ф. 81, д. 41, оп. 1, л. 6.

[2] Истор. архив КССР, ф. 82, д. 54, лл. 41 — 42. Из донесения погран. начальника сибирских киргизов командиру Сибирского корпуса Горчакову, 1846.

[3] Истор. архив КССР, ф. 82, д. 54, л. 189. Абакумов — есаулу Нюхалову.

[4] *Солтабаев* — Указ. соч., стр. 386. Условия перемирия с Кенесары и приезд Калигула записан автором в 1895 г. со слов самого Калигула, который умер глубоким стариком в 1899 году.

киргизы назначили выкуп «за первого 64 вороных лошади, за второго — 10 лисьих шуб, 10 штофных халатов, 10 выдр, 10 саврасых лошадей и 10 верблюдов». Кенесары объявил по аулам поголовный сбор ценностей для выкупа джигитов и двух батыров, однако, «собранного имущества недоставало на выкуп шурина его и еще одного любимца».[1]

Заключенное перемирие скоро было нарушено самими киргизами. Манапы стали подстерегать известного батыра из Старшего жуза—Саурыка, желая отомстить ему за убитого им киргизского батыра Джаман-кара. Во время пребывания Саурыка на отдыхе 70 — 80 киргиз напали на его отряд, перебили его джигитов и угнали более 700 лошадей. Сам Саурык во время погони попал в засаду и был убит киргизами. Нападение киргизских манапов на Саурыка и угон лошадей привело к нарушению условий перемирия и послужило поводом к последующему вооруженному столкновению и к гибели самого Кенесары и его соратников.

В 1847 году Кенесары вторгся в пределы Киргизии. В этой борьбе Кенесары преследовал основную цель — борьбу с господством Коканда, как врага казахов и алатауских киргиз, и против киргизских манапов, являвшихся верными союзниками кокандских беков. Поэтому поход в Киргизию он рассматривал как ответ на действия манапов, передавшихся на сторону Коканда. Но при этом он допустил крупнейшую ошибку, выразившуюся в том, что в Киргизии Кенесары применял типично феодальные методы борьбы. Его репрессии обрушились не столько на манапов, сколько на киргизский народ. Им сжигались целые аулы, он не щадил ни женщин, ни детей. Но жестокость проявлялась обеими сторонами: и киргизские манапы в своих письмах к властям также хвалились тем, что умертвили «бесчисленное количество приверженцев Кенесары», жестоко расправились с повстанцами и описывают мучительную казнь Кенесары и его соратников. Свойственная феодальной эпохе жестокость отразилась в методах борьбы восставших. Конечно, и сам Кенесары не мог выйти из рамок своей среды.

По поводу национально-освободительных войн, происходивших в условиях феодального общества, Энгельс писал:

«...в народной войне средства, применяемые восставшей нацией, надо оценивать не с точки зрения общепризнанных правил регулярного ведения войны или какого-либо другого абст-

---

[1] *Серебренников А. Г.* — Туркестанский край, т. V, стр. 275 — 276. Ташкент, 1914. Из показаний бия Давлеткельды Бисбаева, побывавшего в ставке Кенесары.

рактного критерия, а лишь с точки зрения той ступени цивилизации, которой достиг восставший народ».[1]

Жестокость Кенесары объясняется той средой, к которой он принадлежал и нравы которой наложили отпечаток и на его идеологию и на методы его борьбы. Но именно эти феодальные методы борьбы помогли Ормону и Жантаю объединить широкие массы киргизского народа для борьбы с Кенесары. Кенесары пришлось иметь дело в Киргизии не с феодальными дружинами манапов, а с сопротивлением народа, и это погубило его.

Кампания Кенесары в Киргизии настолько мало изучена, что трудно восстановить подробный ход событий. Интересно отметить хитроумные приемы борьбы, применявшиеся Ормон-ханом с целью дезориентации Кенесары и сыгравшие известную роль в исходе конфликта.

«Во время войны с Кенесары Ормон-хан приказал своим отрядам боевым походом спускаться в горы по видимой казахам дороге, пустив побольше пыли. Спустившись вниз, они по ущелью возвращались назад и начинали походный марш сначала. Так происходило беспрерывно 3 дня. Говорят, что Кенесары, наблюдавший это, был поражен многочисленностью войск Ормон-хана, бесконечно, в клубах пыли, прибывавших к нему.

По ночам Ормон-хан приказал каждому человеку развести отдельные костры. И когда Кенесары видел по ночам бесчисленное множество огней в горах, он будто бы сказал: «Кыргыз коппу, асмандагы жылдыз коппу» — т. е. киргизов больше или звезд на небе больше?».[2]

Последнее сражение Кенесары с киргизским войском происходило в горах Кеклы, недалеко от Пишпека (ныне Фрунзе). Горы Кеклы находятся на восток от с. Токмак. Войска Кенесары были расположены в местности Май-тюбе — небольшого плоскогорья, направо от которого в 1 — 2 километрах протекает река Чу. Киргизы испокон веков считали Май-тюбе «кровавым местом».[3]

С северо-востока к Май-тюбе примыкает гора Кеклы, называемая «священной сопкой». К западу от этой сопки лежит широкая долина Кара-конус, простирающаяся до реки Чу. Эта долина разделяется на две части: одна из них называется «Алмалы-Сай» (яблоневая долина), а примыкающая к ней долина — «Саулман». Эти долины богаты дикорастущим лесом,

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* — Соч., т. XI, ч. 1, стр. 106.

[2] *Джамгерчинов Б.* — Указ. статья, стр. 121 — 122.

[3] *Копеев Жусуп* — Указ. соч., т. III, стр. 81 — 87 (рукоп. на каз. языке). Хранится в рукоп. фонде Ин-та языка и литературы АН КазССР.

среди которого протекает бурная река. Кенесары попал в плен к киргизским манапам в долине «Алмалы». Штаб Кенесары находился на Май-тюбе. До наших дней здесь сохранились остатки временного укрепления, сооруженного сторонниками Кенесары: вырытый на восточной стороне плоскогорья окоп и сваленные в кучу каменные глыбы.

Исход сражения Кенесары с киргизами заранее был предрешен в пользу киргизских манапов. Во-первых, командование царских отрядов согласовало с манапами план военных действий. В своем рапорте генерал-майору Вишневскому есаул Нюхалов писал: «Я послал письмо к известнейшим из них биям: род Бугу — Бурамбаю Бекмуратову и Ажибаю Сералину, Сарбагыш — Ормон Ниязбекову и Солты — Джангараш Есюжину — приглашая их к истреблению Кенесары как врага их и русского правительства».[1]

Во-вторых, казахский султан Рустем и бий Сыпатай, примкнувшие к движению Кенесары из-за боязни ограбления, в ночь перед сражением покинули дружины Кенесары. Об этом рассказывает Мадбек Бекожаев: «Сыпатай и Рустем-торе ночью, отделив свои войска, переправили их на противоположный берег реки Чу и, достигнув «Мыкан Суы», они в поисках места переправы простояли до утра. В это время киргизские войска, обнаружив их, напали. Позади враг, впереди непроходимая болотистая вода, казахи были перебиты, а часть попала в плен к киргизам».[2]

Услуга, оказанная Сыпатаем и Рустемом, забыта не была. Впоследствии манап Жантай Карабеков писал пограничному начальнику сибирских киргизов, прося о награждении султана Рустема: «...султан Рустем с бием Сыпатаем Алибековым, взяв войско, обратились, предоставив мне по своему разумению поступить с Кенесары».[3]

В-третьих, кокандские беки передали свой отряд в распоряжение манапа Ормона.

Понимая безвыходность положения, Кенесары созвал военный совет, чтобы решить, как выйти из окружения. Наурызбай предложил Кенесары: «Дайте мне 200 годных к бою джигитов под начальством Курман-батыра из рода Таман, Агбай-батыра, с этими двумя сотнями я ударю на строй киргизов и пробью его».[4] Хотя этот совет был одобрен всеми, Кенесары возразил:

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 82, оп. 1, д. 54, л. 127, 1846.

[2] О восстании Кенесары Касымова. (Воспоминания, на каз. языке). Записано со слов Бекожаева из колхоза «Кенес», Курдайской обл., А. Дилибаевым, стр. 7.

[3] *Коншин Н.* — К истории степного края, стр. 105 — 106, вып. 1, 1903.

[4] *Кенесарин Ахмет* — Кенесары и Садык (биогр. очерк), стр. 22, Ташкент, 1889.

«Раз мы пробьемся, мы побежим уже безостановочно. У кого лошадь быстра, тот спасется. Большинство же народа погибнет. Если я сам, предводительствуя войском, обращусь в бегство, то уже не могу больше быть ханом народа».[1]

Кенесары предложил заколоть всех лошадей, оставив только 30, чтобы нагрузить на них мясо и другую провизию, а самим пробивать дорогу пешими с пиками в руках. Но это предложение не встретило одобрения. По казахским представлениям, лишение лошади равносильно смерти. Решено было остаться до следующего дня в надежде, что прибудет подкрепление. Но помощь не пришла.

Кенесары и Наурызбай, во главе своих отрядов, решили все же с боем выйти из окружения.

Кенесары со своим отрядом принялся пробивать дорогу через болотистую реку Кара-Сук. Во время переправы многие утонули в реке, но, несмотря на это, воины старались всячески спасти Кенесары. Вот как описывается этот эпизод участником восстания: «Сотни Кенесары-касымовцев, засасываемые предательской рекой, потонули под ударами наседающих кара-киргиз, но, погибая, они выручили своего любимца султана Кенесары Касымова; жертвуя собой, они спасли султана, перебрасывая его с одной тонущей лошади на другую».[2]

Попытка вырваться из окружения окончилась неудачно. Наурызбай вместе со своим отрядом погиб в неравной борьбе. Кенесары же был захвачен в плен манапами.

Перед своей казнью он еще раз обратился к киргизским манапам с предложением о прекращении вражды и объединении сил казахов и киргизов для совместной борьбы с общим врагом — Кокандом. Однако и на этот раз киргизские манапы отклонили его предложение.

Кенесары перед казнью, при огромном стечении людей, запел песню. В этой песне он вспомнил весь путь суровой борьбы, во имя свободы и независимости своей страны, вспомнил привольную степь Сары-Арка и своих соратников, павших на поле брани. Вот как описываются последние моменты казни Кенесары: «Кенесары, взглянув тогда (во время казни) на собравшийся народ, на далекие горы, на высокое небо, откуда лились ласковые лучи веселого солнца — взглянув кругом себя, запел песню. Долго лилась его песня среди собравшейся толпы и словам сим она долго внимала, не имея ни сил, ни же-

---

[1] *Кенесарин Ахмет* — Кенесары и Садык (биогр. очерк), стр. 23, Ташкент, 1889.

[2] Материалы к истории султана Кенесары Касымова. Воспоминания участника Калигула Алибекова в обработке Степняка, стр. 7, Ташкент, 1923.

лания оторваться от властных слов его песни, что глубоко западали в душу каждого, кто слушал их. И в песне своей вспомнил он всю свою жизнь в родных и привольных степях, в кругу родного аула».[1]

Смерть Кенесары произвела потрясающее впечатление на его соратников и боевых друзей.

Я. Палферов передает словами участника восстания Нысамбая эти глубокие переживания казахов, лишившихся своего вождя. «Вдруг тишина ущелья прорывается странным аккордом домбры, а вслед раздалось высокое грудное «Э... э... Алла»... полилась грустная, в душу проникающая, надгробная песня Нысамбая, тут же им сложенная...

Плачь горькими слезами, степь родная!
Поникни гордой головою, высокий ковыль!
Посетила нас, казахов, кручинушка злая,
В сердце когтями впилась ужасная боль...

Погиб наш агид[2] и батыр могучий,
Рукою коварной в засаде сраженный...
Погиб Кенесары — точно бор дремучий,
Злым пожаром нещадно спаленный...

Нет Кенесары больше среди нас,
Мертвый он... Теперь поругание
Над трупом свершают асхеды,[3]
Кипчаки проклятые ада посланье...

Стихни, ветер свободный!
Свои песни забудьте, акыны...
Слышится плачь лишь надгробный:
Степь потеряла лучшего сына.

«Долго еще лилась песня—импровизация, полная мучительных аккордов, далеко-далеко несясь по ущелью, а там, вырвавшись на свободу, аккорды льются по широкой ковыльной степи, всюду разнося скорбную весть о смерти батыра Кенесары... И внимало рыдающему аккорду все окружающее. По смуглым лицам слушателей струились обильные слезы, а порой вырывался стон... Казалось, что вся природа рыдала вместе с этой безутешной песнью».[4]

---

[1] *«Тургайская газета»*, т. 21, 1901.

[2] Агид — по-казахски предводитель.

[3] Асхед — осквернение трупа (каз.).

[4] *Палферов Я.* — В горах Ала-Тау (Из истории бунта Кенесары Касимова, 1843 — 1847), «Исторический Вестник», август, 1904, № 8, стр. 501 — 502.

С получением вести о смерти Кенесары, Пограничная Оренбургская Комиссия разослала циркуляр, в котором известила «киргиз Оренбургского ведомства о смерти общего врага их».[1]

Западно-Сибирский генерал-губернатор Горчаков решил пригласить к себе всех отличившихся в этих боях киргизских манапов и представить их к награждению орденами, что впоследствии и было сделано. К самому убийце Кенесары — Алибекову — Горчаков обратился со специальным письмом, в котором писал:

«Почтенному киргизу Калигуле Алибекову. Желая наградить отличную храбрость и примерное усердие, оказанное Вами в деле мятежника Кенесары Касымова, я, по высочайшей, представленной мне его императорским величеством власти, препровождаю при сем серебряную медаль, для ношения на шее, на Георгиевской ленте, оставаясь вполне уверенным, что Вы достойно оцените столь высокую награду и преданностью священной особе государя императора заслужите внимание правительства».[2]

В последнем сражении, по данным пограничного начальника Сибирских киргиз генерала Вишневского, манапом Ормоном были убиты брат Кенесары — Наурызбай, двое его сыновей и 15 других султанов.[3] Кроме того, много было убито рядовых казахов, а число пленных составляло около одной тысячи.[4]

Киргизские манапы Ормон и Жантай, в знак своей признательности и дружбы, послали головы убитых казахов в качестве подарка кокандскому хану. Об этом говорится в показаниях одного караван-баши, данных капитану Рыльцову: «Собственными глазами я видел в Ташкенте присланные дикокаменными киргизами тамошнему начальству в подарок два воза голов убитых из шайки Кенесары, головы эти выставлены были на длинных шестах на Ташкентском базаре. Тамошнее правительство, в изъявление удовольствия своего, выдало дикокаменным киргизам подарки».[5]

Правительство высоко оценило помощь киргизских манапов в подавлении восстания Кенесары. Об этом генерал-майор Гасфорд в своем письме к управляющему Министерством ино-

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2930, л. 36.

[2] Материалы к истории султана Кенесары Касымова, стр. 12, Ташкент, 1923.

[3] *Серебренников А. Г.* — Туркестанский край, стр. 109 — 110, т. VI, Ташкент, 1914.

[4] *Серебренников А. Г.* — Указ. соч., т. VI, стр. 112. Из сообщения Сары Алтаева отрядному начальнику Нюхалову.

[5] Там же, т. V, стр. 232 — 233. Из рапорта командующего Оренбургским корпусом военному министру.

странных дел Л. Г. Сенявину, отмечая заслуги Ормона Ньязбекова, писал: «Неоспоримо, что без его содействия и исполненной им над Кенесарою казни, дела наши тогда могли взять другой, менее выгодный для нас оборот».[1]

В отмщение за смерть Кенесары, казахи Копальского уезда предприняли поход против киргизских манапов. Несколько убийц были жестоко наказаны. В частности, казахи разгромили аулы киргизского манапа Тюрегельды, а его самого увезли в плен.

Вслед за гибелью Кенесары, в 50-х годах XIX века началась разорительная междоусобная феодальная война в Киргизии, возглавляемая тем же Ормоном. Ормон во главе сарыбагышцев хотел захватить богатейшее пастбище бугинцев, раскинувшееся по берегам Иссык-Куля, и подчинить их своей власти. В процессе этой войны, в 1855 году Ормон погиб. Насколько ненавистно было имя другого убийцы Кенесары — манапа Жантая не только казахам, но и самим киргизам, лучше всего свидетельствует письмо самого Жантая: «У меня много врагов и мало друзей; легко может быть, что казахи или дикокаменные наговаривают вам на меня, не верьте им. Я все тот же мирный, который давно посылал с этими намерениями своих людей к царю. Верьте лучше мне, чем киргизам».[2]

Джамбул в своей поэме «Сураншн-батыр» рисует Жантая двуличным и корыстолюбивым человеком.

Он хотел как царь Российский
Быть владыкой орд Каспийских
И владеть с Урманом вместе
Даром выпасов Илийских.

Знал блудливый этот хан: —
Не изменит друг-Урман.
Утопив в крови киргизов,
Продал он царю чапан.[3]

---

[1] ЦВИА, ф. департ. Генерального Штаба, д. 37, лл. 2—5.
[2] Истор. архив КССР, ф. 3, д. 60-в, л. 135. Из письма манапа Джантая начальнику Алатауского округа о положении в волостях.
[3] *Джамбул* — Сураншн-батыр, стр. 20. ГИХЛ. 1940.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

20 — 40-е годы XIX в. в Казахстане ознаменовались событиями, оказавшими крупнейшее влияние на дальнейшие судьбы казахского народа и на судьбу Средней Азии в целом.

Для того, чтобы хотя коротко суммировать политические и социально-экономические итоги рассматриваемого тридцатилетия, необходимо прежде всего учесть тот широкий международный фон, на котором развивались эти события, и то место, какое занимала экспансия царизма в Казахстане в общих планах завоевания Средней Азии царской Россией.

Одним из главных успехов, достигнутых царизмом на путях завоевания Средней Азии, было полное завершение подготовки к окончательному подчинению Казахстана и превращению его в колонию русского царизма.

Историческое значение этого факта станет ясным, если вспомнить огромное стратегическое значение Казахстана, расположенного между Россией, среднеазиатскими ханствами и Китаем. Через Казахстан пролегали древние торговые пути, ведшие в эти страны и далее в Афганистан, Индию и глубины Центральной Азии. Через Казахстан пролегали в том же направлении и военнооперационные линии. Только обеспечив здесь свои позиции и подтянув сюда свои войска, можно было приступить к осуществлению походов на среднеазиатские ханства и к дальнейшему наступлению на Центральную Азию. Это отмечал еще Энгельс, который писал:

«Стоит им (русским войскам — Е. Б.) только пройти Киргизскую степь, и они очутятся в сравнительно хорошо обработанной и плодородной области Юго-Восточного Туркестана, завоевание которого нельзя будет у них оспаривать»[1].

Таким образом, Энгельс отмечал не только неизбежность завоевания всей Средней Азии царской Россией, но и, что для нас особенно интересно, роль Казахстана, как буфера между

[1] *Энгельс Ф.* — «Россия в Средней Азии», т. XI, ч. 1, стр. 367.

империей и среднеазиатскими ханствами. Превращение этого буфера в плацдарм для решительного наступления на Коканд, Хиву и Бухару и приближение на юго-востоке вплотную к границам Китая и составляло важнейшую задачу среднеазиатской политики царизма, блестяще разрешенную им в течение 20 — 40-х годов XIX века.

Осуществление этой задачи происходило постепенно, и темпы ее определялись двумя моментами — внешнеполитическим, в котором основную роль играло англо-русское соперничество в Центральной Азии, и внутриполитическим, в котором решающее значение имело сопротивление колонизаторской политике царизма, оказанное казахскими народными массами. Ведь совершенно ясно, что если бы царизму не пришлось подавлять длившееся 10 лет восстание Кенесары, он подчинил бы себе Казахстан в значительно более короткие сроки и раньше бы вышел на исходные рубежи в направлении Средней Азии.

Как известно, активизация политики царизма в Средней Азии и Казахстане наступает лишь в 20-х годах XIX века. Началом ее явилось внедрение российской административной системы сначала в Среднем, а затем в Малом жузах, важнейшим элементом которого явилось введение так называемого «Устава о сибирских киргизах» 1822 года. На первых порах наступление царизма не встретило серьезного сопротивления казахских масс, поскольку подавляющая часть султанов и родоначальников перешла на службу к царизму. Это уже само по себе определило весьма спокойный и неторопливый ход событий, тем более, что среднеазиатские дела в целом до начала 30-х годов вообще играли второстепенную роль во внешней политике царизма. Достаточно сказать, что даже границы Казахской степи не были точно известны. По словам Левшина, они представлялись «не иначе, как умственной линией, которой направление будет описано самым неопределенным образом».[1]

Насколько неторопливо шло внедрение новой административной системы, видно хотя бы из того, что между организацией Кокчетавского и Каркаралинского округов, открытых в 1824 году, и Аягуского округа, открытого в 1831 году, прошло целых 7 лет.

Однако с начала 30-х годов положение меняется. Темпы экспансии царизма в Казахстане усиливаются, особенно со второй половины этого десятилетия. Причинами этого явилось обострение англо-русского соперничества, в связи с развертыванием событий в Иране и Афганистане и усилением интри-

[1] *Левшин А.* — Указ. соч., т. I, стр. 2.

гами в среднеазиатских ханствах, а также рост агрессии Хивы и Коканда в отношении казахов. Очень характерно, что хотя основная линия фронта англо-русского соперничества пролегала весьма далеко от Казахстана, многие чиновники-колонизаторы встревожились не на шутку. Так, полковник Бутовский из Западно-Сибирского военного округа в 1836 году представил даже особую докладную записку, где отмечал, что англичане, «смело и успешно» распространяя свое влияние в Средней Азии, «приближаются также к киргизам». Напоминая «потерю огромных сумм, которая стоила России приобретение киргизов» и критикуя, как недостаточную, систему управления казахскими степями, Бутовский требует «решительно и внезапно устроить нашу укрепленную Линию между Каспийским морем и Китаем, по реке Аму-Дарье... и стать там твердою ногой». Не ограничиваясь этим, он проектирует далее высадку десанта в Астрабадском заливе и одновременно движение русских отрядов от побережья Каспия, Оренбурга и Семипалатинска в районы Аму-Дарьи, в результате чего Хива окажется включенной в русские границы[1].

Серьезные опасения правительству внушала и агрессия Хивы. Действительно, в 1832 году Хива завоевывает Мерв и подчиняет своему влиянию не только часть прикаспийских туркмен, но и усть-уртских и сыр-дарьинских казахов, назначая там ханов и построив на Сыр-Дарье крепости Кинджабай и Чиркайлы. Мало того, Хива простирает свои претензии до р. Эмбы и ведет враждебную России работу среди казахов, кочующих к северу от Мугоджар и между Эмбой и Усть-Уртом.

Таким образом, именно эти причины — обострение англо-русского соперничества и агрессия Хивы — оказали существенное влияние на активизацию политики царизма в Казахстане. Это подтверждается формулировкой цели Хивинской экспедиции 1839 года, зафиксированной в журнале Особого Комитета от 11 марта 1839 года: «Восстановить и утвердить значение России в Средней Азии, ослабленное долговременною ненаказанностью хивинцев и, в особенности, тем постоянством, с которым английское правительство во вред нашей промышленности и торговле стремится к распространению своего господства в тех краях».

В результате усиленного наступления на Казахстан в период 30-х годов царизм значительно укрепляет свои позиции в казахской степи. При этом он действует не только методами военными, вроде форсированного строительства кордонов и

---

[1] *Попов А. Л.* — Борьба за среднеазиатский плацдарм», стр. 223—224. «Исторические Записки», 1940, № 7

укрепленных линий и снаряжения карательных экспедиций, не только методами политическими, вроде введения дистанционной системы, дальнейшей организации округов и окружных приказов, подкупа султанов и т. п., но и методами экономическими. Усиливается, особенно с 1835 года, захват земель, в 1837 году вводится кибиточный сбор и т. д.

Все это ведет к усилению колониального гнета, который продолжает расти, не ослабевая и в 40-х годах, и вместе с гнетом казахской феодальной верхушки образует двойной пресс эксплоатации и угнетения, обрекающий народные массы на невиданные еще страдания.

Неудача Хивинской экспедиции 1839 года и заключение в 1840 году англо-русского соглашения, предусматривавшего разграничение сфер влияния в Средней Азии, казалось бы, должны были ослабить активность царизма в Казахстане, поскольку они были непосредственными причинами ее подъема в 30-х годах. На деле, однако, этого не случилось, ибо дело зашло уже слишком далеко. Правда, второй Хивинский поход пришлось временно отложить, что, впрочем, вовсе не было жертвой со стороны царизма, так как напуганные хивинцы пошли на существенные уступки. Что же касается Англии, то она, добившись уступок России в Иране и Афганистане, не настаивала на прекращении экспансии царизма в Казахстане, ибо такое требование было бы сочтено за вмешательство во внутренние дела империи. Да и слишком далек был Казахстан в ту пору от сфер непосредственно английских интересов, тем более, что самый центр англо-русских отношений переместился на Ближний Восток.

Все это привело к тому, что и в 40-е годы царизм продолжал, правда бесшумно, вести усиленную политику всемерного закрепления своих позиций в Казахстане и создания надежного плацдарма для будущего наступления в Средней Азии.

Это выразилось в замирении Гасан-Кулинских туркмен в 1842 году, освоении Ново-Мангышлакского залива в 1844 году и постройке там Ново-Петровского укрепления, возведении укреплений на реках Тургае и Иргизе в 1845 году, Раимского укрепления в низовьях р. Сыр-Дарьи в 1847 году, фортов Кара-Бутак и Кос-Арал в 1848 году, организации флотилии на Аральском море в 1848 — 1849 годах, сближении с алатаускими киргизами и ряде других мероприятий.

В эти же годы проводится весьма широкое обследование природных богатств Казахстана, — обследуется Аральское море и Балхаш, изыскиваются месторождения каменного угля, проводятся картографические съемки.

Поражение восстания Кенесары в 1847 году еще больше

облегчило дело подчинения Казахстана, освободив силы, занятые преследованием повстанцев.

В результате, к началу 50-х годов весь Казахстан фактически полностью был захвачен царизмом, и последний смог вступить в новый этап своей среднеазиатской политики — решительного наступления на Коканд, Бухару и Хиву, увенчавшегося полным успехом.

Таковы вкратце итоги политики царизма в области его закрепления в Казахстане.

Результаты присоединения Казахстана к России и проводимая царским правительством политика внесли серьезные изменения в экономику и быт казахов и повлекли за собой крупнейшие социально-экономические последствия.

Важнейшим из этих последствий было значительное ускорение процесса феодализации казахского общества, на основе распада патриархально-родовой общины. Процесс этот начался еще задолго до завоевания Казахстана, но теперь он во много раз был ускорен.

При этом следует учесть особенности казахского феодализма, связанные в первую очередь с кочевым скотоводческим бытом казахов. Казахские феодалы, являясь крупными скотовладельцами, фактически распоряжались общинными землями. Именно на этой базе было создано экономическое и политическое господство казахских феодалов — ханов, султанов и родоначальников над трудящимися массами.

Нужно сказать, что эта особенность отмечена и у других кочевых народов. Так, например, Л. П. Потапов пишет:

«Главные средства производства у кочевников (пастбища и скот) находились, в основном, в руках феодалов. Специфика же ранних феодальных отношений здесь проявлялась в том, что пастбища эти формально считались общинными для группы родов или племени. Фактически, например, у алтайцев зайсаны и баи огораживали лучшие пастбища для себя, запрещая своим соплеменникам и сородичам пасти на них скот. Зайсаны и баи даже сдавали часть этих общинных пастбищ в аренду русским крестьянам или казахам (Чуйская степь), присваивая себе арендную плату. У казахов развитие феодальных отношений также связывалось с узурпацией общинных кочевий. У киргизов кочевьями, пастбищами, формально общинными, распоряжались манапы. Они определяли границы кочевий для отдельных групп киргизов, брали с них, как и с казахов, в свою пользу за пастьбу скота натуральные и денежные поборы: «отмай» и «сойш», наделяли пастбищами в качестве приданного своих дочерей, выходящих замуж. У тувинцев распределение кочевий производил «нойон» — феодал, стоявший во главе

хозяина. Следовательно, формально общинная, а по существу феодальная собственность на пастбища у кочевников выступала в форме распоряжения кочевьями (определение места и порядка пользования пастбищ) со стороны феодалов».[1]

Какие же изменения внесло присоединение Казахстана к России в казахское кочевое скотоводческое хозяйство?

Как мы уже видели, экспансия царизма в Казахстане сопровождалась массовым захватом земель, издавна служивших кочевьями для многих казахских родов. Так, в 1835 году при устройстве одной лишь «Новой Линии» укреплений, между Троицкой и Орской крепостями, было отчуждено 10.100 кв. верст земельной площади. Богатый пастбищами, сенокосными угодьями и водой, этот район был одним из лучших в Младшем жузе и потому потеря его была особо чувствительна для населявших его казахов.

В результате подобных захватов, особенно многочисленных именно в описываемое тридцатилетие, казахи были оттеснены в районы, порой совершенно не приспособленные для кочевого скотоводства. Традиционные, веками установившиеся маршруты весенне-осенних перекочевок крупнейших родов были нарушены, а это привело, во-первых, к ожесточенной междоусобной борьбе за лучшие районы кочевий (особенно в тех местах, где пришельцы сталкивались с уже давно находившимися там родами), во-вторых, к обострению внутриродовой борьбы, так как лучшие летовки и зимовья захватывались родовой знатью, обращавшей их в свою частную собственность,[2] в-третьих, к ускорению на этой почве классовой дифференциации внутри кочевой патриархально-родовой общины и постепенному распаду ее и, в-четвертых, к острому скотоводческо-пастбищному кризису, усилившему процесс обнищания большинства населения.

Следует особо подчеркнуть, что захват общинных земель

---

[1] *Потапов Л. П.* — К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников. «Институт этнографии. Краткие сообщения», III, 1947, стр. 66 — 67.

[2] В одном официальном документе по этому вопросу сказано: «Чем влиятельнее родоначальник, тем более он захватывает земли, и потому нередко случается, что в тех аулах, где скота меньше, под стойбища заняты лучшие места и в большом пространстве, между тем, как в родах, богатых скотоводством, чувствуется недостаток земли. Был пример, что один султан Конур (в Акмолинском округе) захватил до 400 кв. верст. Вследствие таких захватов, некоторые киргизы, оставаясь без зимних стойбищ, для приобретения права зимовать на известных местах, принуждены по необходимости, или платить за наем, или работать в пользу лица, захватившего зимовые места». Истор. архив КССР, ф. 5, оп. 1603, связ. 117, лл. 10 — 27.

султанами и байско-родовой верхушкой всемерно поощрялся царизмом. Доказательством этому служит то, что во всех конфликтах между байско-родовой знатью и родом в целом власти неизменно поддерживали первую, закрепляя отнятую у общины землю в частную собственность баев и родоначальников.

Так, в решении Особого комитета, созданного специально для разрешения земельного вопроса в Казахской степи, говорится, что необходимо:

«1. Зимовые стойбища киргизов считать частными владениями отдельных лиц, с правом наследования и с правом отчуждения, как полной собственности».[1]

Крайне характерна при этом аргументация, приводимая в пользу такого решения.

«Признание за киргизами, по их понятиям и обычаям, прав частной собственности на зимовые стойбища даст им возможность продавать таковые русским; через это облегчится доступ к водворению в степи русского населения. Средство это послужит к сближению и слиянию их с русской народностью и развитию начал государственности».[2]

Именно поэтому царские колонизаторы всячески поощряли превращение общинной собственности в частную. В результате, в отличие от предыдущего периода, феодальная верхушка становится не только фактическим распорядителем, но и юридическим собственником зимовок и отчасти летовок, что наносит сильнейший удар общине, как таковой.

Под влиянием этих факторов, в особенности же двух из них — закрепления частной собственности на землю и концентрации скота в руках феодальной верхушки, — значительно ускоряются темпы распада кочевой общины. Этому способствовало и отмеченное выше смешение различных родов и дробление их на отделения и подотделения. Теперь во время перекочевок в состав одного рода уже входит множество отделений других родов. Недаром, резюмируя создавшееся положение, чиновник Метелицин писал: «Род в смысле обширном распался за ненадобностью. Единицей явилась волость, в которой и встречаются члены различных родов и отделений».[3]

Несмотря на известное преувеличение и слишком большую категоричность этого утверждения, Метелицин в общем прав, ибо им правильно подмечена тенденция процесса. Но распад кочевой общины повлек за собой и другие следствия. Дело

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 5, оп. 1603, св. 117, лл. 10 — 27.
[2] Там же.
[3] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 4236, связ. 271.

в том, что одновременно с ростом зажиточной феодальной верхушки и накоплением у нее крупных материальных ценностей растет и количество бедноты. Это — раньше всего члены общины, лишившиеся, в результате тех или иных причин, своего скота. Часть этой бедноты, как, например, консы (обедневшие сородичи), крме и бакташи, остаются в пределах общины, превращаясь в полукрепостных у баев или поступая к ним в качестве батраков. Другая же часть бедноты уходит за пределы общины, либо, как байгуши, нанимаясь к прилинейным казакам на рыбные, соляные и прочие промыслы, либо, как егынши, оседая на землю и переходя к хлебопашеству.

Остановимся сперва на байгушах, о которых имеются наиболее подробные данные. По сведениям Оренбургской Пограничной Комиссии, к 1850 году[1] количество байгушей составляло:

В Малом жузе	— 21 000 человек
В Среднем „	— 3 000 „
В Старшем „	— 2 743 „

Все они были безземельными и большинство из них имело однолошадное хозяйство с небольшим количеством баранов и рогатого скота, не дававшее им возможности прокормить семью. Это подтверждают данные, собранные в 40-х годах Оренбургской Пограничной Комиссией, составившей ведомость числа занятых на прилинейных форпостах байгушей и опись их имущества. Составленная нами по этим данным таблица[2], охватывающая 3 форпоста, показывает следующее:

Название форпоста или крепости	Число кибиток	Мужчин	Женщин	Верблюдов	Лошадей	Рогатого скота	Баранов	Коз
Кулагинская кр.	61	132	125	42	57	92	173	41
Тополинская „	32	91	74	42	55	132	534	—
Кандауровский ф.	13	34	28	12	45	32	100	—

Эти данные красноречиво рисуют материальное положение байгушей, объясняя причины, побуждавшие их наниматься в работники к зажиточным прилинейным казакам. Насколько распространенный характер приняло это явление, показывает следующее замечание титулярного советника Идарова: «Кочующие по Линии киргизы нанимаются в работники и пастухи, так что в редком казачьем доме нет киргиза или киргизки в работниках. Иные хозяева, особенно на Нижне-Уральской Линии, торгуют скотом, держат до 100 и больше человек».[3]

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 3541, лл. 217 — 220, 1851.
[2] Истор. архив КССР. ф. 4, оп. 1, д. 3795, лл. 207 — 215.
[3] *Идаров* — Цитир. работа, стр. 103.

Уже один этот пример, не говоря о прочих, приведенных в соответствующих главах, говорит о том, что результатом отмеченных выше явлений было отходничество, получившее к началу 50-х годов широкое распространение.

Другим результатом явилось оседание на землю бедноты и развитие хлебопашества. По мере узурпации общинных земель феодальной верхушкой и земельных захватов царизма к земледелию переходят не только отдельные бедняки, но и целые роды. В первую очередь, это — роды, вдобавок ко всему, пострадавшие либо от стихийных бедствий — джута, массового падежа скота от эпизоотии, — либо наконец разоренные барымтой, или поборами хивинцев и кокандцев, либо ставшие жертвой карательных экспедиций (так было, в частности, с некоторыми родами, примкнувшими к восстанию Кенесары).

Несмотря на всяческие препятствия со стороны властей, упорно стремившихся не допустить перехода казахов к земледелию, последнее неуклонно растет, в частности, например, в Малом жузе. Насколько большие размеры оно приняло к началу 50-х годов, видно хотя бы из того, что 400 семейств Кердаринского рода засевали 12 000 десятин.[1] Таким образом, земледелие становится вторым, после животноводства, занятием казахов, внося новые черты в их хозяйственную жизнь. Одним из серьезных последствий этого было сближение казахского населения с русским, от которого казахи заимствовали не только многие методы хозяйства, но и культурные навыки. Это сближение имело и важную политическую сторону — разрушая искусственный барьер национальной вражды, разжигаемой царизмом, и способствуя в дальнейшем развитию общей борьбы против царизма казахских и русских трудящихся.

Немалые изменения повлекли за собой рост торговли с казахской степью и внедрение товарно-денежных отношений.

Русский торговый капитал шел в казахские степи раньше всего потому, что там еще возможно было «первоначальное накопление» (Ленин). Торговля со степью давала русским купцам баснословные выгоды. Они не только сбывали здесь всякую завалъ, но и наживали при этом огромные барыши, получая, например, за фунт сахара целого барана. Обман, обмер, обвес — все это имело здесь широкое распространение. Слова К. Маркса о том, что «Пока торговый капитал играет роль посредника при обмене продуктов неразвитых стран, торговая прибыль не только представляется результатом обсчета и обма-

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 3641, лл. 81 — 83.

на, но по большей части и действительно из них происходит»[1], целиком оправдываются деятельностью торгового капитала в Казахстане.

Характеризуя торговлю со степью, А. К. Гейнс писал: «Из России киргизы получают товары вообще самого низкого сорта, т. е. все то, что уже в своих пределах перебывало на всех ярмарках и положительно не имеет никакого хода дома. Между тем весь этот хлам сбывается в степях киргизских очень выгодно при мене на скот, а потому надо удивляться русским промышленникам, что они не развивают до больших пределов свою среднеазиатскую торговлю».[2]

Очень показательно, что Гейнс вовсе не осуждал, а только констатировал подобные методы торговли, выражая надежду на ее дальнейший рост.

Торговля велась главным образом в так называемых «меновых дворах», основанных при крепостях на пограничной Линии еще в XVIII веке. Но уже в описываемый период появляются и новые формы торговли, впоследствии весьма распространившиеся. Это, во-первых, — ярмарки, вроде возникшей в 30-х годах знаменитой Куяндинской ярмарки, в Каркаралинском округе, и, во-вторых, система разъездной агентуры, проникавшей в самые отдаленные уголки казахских степей.

Отмена пошлин на кожи и сало в 1831 году и на хлеб и железные изделия в 1835 году значительно расширила деятельность разъездных торговцев. Очень характерно, что огромное большинство этих торговцев были либо татары, либо еще чаще — бывшие байгуши-казахи, выбившиеся из батраков «в люди» и ставшие приказчиками у русских прилинейных купцов. Многие из этих казахов-приказчиков сами потом стали купцами.

Торговля со степью особенно стала расти в 40-е годы, после того, как властями были приняты меры к тщательной охране торговых путей и караванов, что, между прочим, отмечает и Ф. Энгельс.[3] Именно в это время в русской периодической печати появляется ряд статей, пропагандирующих необходимость завладеть среднеазиатскими рынками, и строятся планы овладения ими с помощью мощной торговой компании, по типу Ост-Индской.[4] Роль Средней Азии и Казахстана, в частности, как рынков сырья и сбыта, к этому времени уже полностью осознается ведущими торгово-промышленными кругами.

---

[1] *Маркс К.* — Соч., т. XIX, часть I, стр. 358.

[2] *Гейнс А. К.* — Собрание литературных трудов, т. I, стр. 174.

[3] *Энгельс Ф.* — «Россия в Средней Азии». Соч., том XI, ч. I, стр. 354.

[4] *Кушева Е. Н.* — Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX в., «Исторический Сборник», № 3, 1934, стр. 133—162.

Торговые обороты со степью растут, причем не только в меновой, но и денежной форме. Казахи привозили звонкую монету из Хивы и Бухары и на пограничной Линии покупали нужные им товары за наличные деньги. Как отмечал в 1846 году попечитель Белозеров: «Торговля между киргизами введена в недавние времена на наличные деньги и потом все купленное ими они сбывают за наличные деньги».[1]

Русское правительство, в свою очередь, должно было отменить существовавшее запрещение сбывать в Казахстан русскую монету. По этому поводу граф Нессельроде писал П. К. Эссену: «Не найдете ли Вы, Ваше Превосходительство, по усмотрению местных обстоятельств, возможным дать подведомственным Вам киргизам разрешение употреблять российскую монету, как золотую, так и серебряную и медную».[2]

Это разрешение еще больше способствовало внедрению товарно-денежных отношений, оказавших большое влияние на постепенный переход от натурального к товарному хозяйству.

Развитие торговли влияло на хозяйственную структуру казахского общества в нескольких направлениях. Раньше всего торговый капитал влиял на скотоводство тем, что, по выражению К. Маркса, он «все более придает ему характер производства ради меновой стоимости, все более превращает продукты в товары».[3]

В применении к Казахстану той эпохи это значило — превращение в товары таких продуктов, как кишки, кожи, овчины, опойки, шерсть, которые раньше были продуктами натурального потребления. Более того, еще в начале XIX века бараны в Оренбурге скупались исключительно ради сала, которое в перетопленном виде сбывалось в Европу для производства мыла и свечей. Таково было первое проявление влияния торговли на скотоводство.

Другим следствием было постепенное изменение структуры стада. Как отмечал еще А. Левшин, в начале XIX века в Младшей орде 99 процентов стада составляли овцы и козы. Поскольку основной спрос в то время был на баранье сало (для свечей и мыла), такая структура стада удовлетворяла торговый капитал. Однако уже с конца 30-х и начала 40-х годов стал возрастать спрос на рогатый скот, коней и верблюдов, и это повлекло за собой соответствующие изменения в структуре стада, о чем мы говорили в начале книги.

Наконец, третьим следствием было быстрое обогащение

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2798, л. 40, 1846.
[2] ЦГИАЛ. ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., 124, лл. 1—3.
[3] *Маркс К.* — Соч., т. XIX, стр. 354.

феодальной верхушки, поскольку именно у нее была сконцентрирована большая часть скота и, следовательно, именно она и выступала основным поставщиком его на рынок. Это обстоятельство повлекло за собой превращение части родовой знати и султанов в байство, в купцов и ростовщиков, поскольку ростовщические функции на данном этапе развития были неотделимы от функций торгового посредничества. Представители феодальной верхушки — султаны и родоначальники все более становятся торговыми посредниками, еще сильнее укрепив этим свои командные позиции в казахском обществе.

Необходимо отметить также еще одну специфическую особенность торговли со степью, а именно ее ростовщический характер, превращавший торговую операцию в кабальную сделку. Предоставляя товары в долг казахам, купцы затем взимали с них проценты, порой составлявшие ту же сумму, что и цена товара. Это признавали даже такие отнюдь не критически настроенные исследователи, как Тетеревников, который отмечал: «Смотря по обстоятельствам, купцы отдают товары в долг и уже собирают долг впоследствии, причем, конечно, не обходится без разных притеснений».[1] Очень важно подчеркнуть, что так действовали не только русские торговцы, но и их казахские коллеги — баи и феодалы, выступавшие в роли скупщиков, перекупщиков и ростовщиков. Характерно, что накапливавшиеся по мере роста торговых оборотов капиталы вкладывались в торгово-ростовщические операции. Это объясняется тем, что при господствующих докапиталистических отношениях вложение капитала в торгово-ростовщические операции дает значительно большую прибыль, чем вложения в промышленные предприятия.

Господство ростовщичества губительным образом сказалось на развитии производительных сил казахского общества. На неизбежность этого не раз указывал Маркс. Он писал: «При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции. Лишь там и тогда, где и когда имеются в наличности остальные условия капиталистического способа производства, ростовщик является одним из орудий, созидающих новый способ производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая их в капитал».[2]

Этих условий в то время в Казахстане не было. Ростовщи

---

[1] *Тетеревников А. Н.* — Указ. соч., стр. 8.

[2] *Маркс К.* — Капитал, т. III, стр. 528, 1935 г.

чество было сильнейшим средством выкачивания сырья из хозяйства скотовода, но по отношению к торговому капиталу оно играло лишь подчиненную роль, и интересы последнего имели преобладающее значение. Поэтому здесь полностью оправдалась формулировка Маркса, который писал: «Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему, как паразит, и истощает его до полного упадка. Оно высасывает его соки, обескровливает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях».[1]

В эту эпоху (20-х — 40-х годов) проникновение русского торгового капитала в Казахстан не нарушило застоя в развитии казахского общества, несмотря на концентрацию скота, этой основной частной собственности на средства производства у кочевников-скотоводов, с одной стороны, и на массовую пауперизацию трудящихся — с другой. Это объясняется тем, что «В противоположность английской русская торговля, напротив, оставляет незатронутой экономическую основу азиатского производства».[2]

Как мы видели из предыдущих глав, где был дан подробный анализ русской торговли в Казахской степи, проникновение шедших из России товаров не разрушило основы старого способа производства. Если в Индии ввоз дешевых хлопчатобумажных тканей убил индийскую прялку и нанес сильнейший удар домашнему производству, то в Казахстане этого не случилось, ибо местная домашняя промышленность производила войлоки и другие виды продукции, с которыми русские товары не конкурировали. С другой стороны, торговля не разрушила и основы казахской экономики — животноводства, а только приспособила его к своим нуждам. Что же касается ремесленного производства, то оно только начало развиваться и специализироваться, причем, опять-таки, в таких областях, которым не угрожала русская конкуренция. В силу всех этих причин, экономическая основа казахского общества осталась той же, что и была — крайне отсталой. Переход от натурального хозяйства к товарному, конечно, имел место, но он протекал медленно. Это, конечно, не значит, что за 30 интересующих нас лет все осталось без изменения. Напротив, вопреки воле царизма, колонизаторская политика во многом ускорила основные социально-экономические процессы, происходившие в стране, как, например, распад казахской патриархально-родовой общины, процесс феодализации казахского общества к его классовую дифференциацию. Она способствовала обостре-

[1] *Маркс К.* — Капитал, т. III, стр. 527, 1936 г.
[2] *Маркс К.* — Капитал, т. III, стр. 300, 1936 г.

нию классовой борьбы внутри казахского общества и национально-освободительной борьбы казахского народа против хивинских и кокандских агрессоров и царских колонизаторов, действовавших в союзе с казахскими феодалами.

Насколько велики были последствия присоединения Казахстана к России в 20 — 40-х годах, лучше всего видно на примере сдвигов в области социально-экономических отношений.

Мы уже говорили, что в результате ускорившегося процесса классовой дифференциации феодальная верхушка казахского общества не только количественно выросла, но и значительно укрепила свои позиции за счет разорившейся пауперизированной бедноты. Но этим дело не ограничивается. Чрезвычайно важно отметить структурные сдвиги внутри самой феодальной верхушки, изменение ее состава и борьбу за власть между различными категориями феодалов.

Веками занимавшая монопольное положение «белая кость», бывшие потомки чингизидов, теряет свое былое значение и прежние привилегии. Потомки чингизидов — тюре начинают вступать в брак с потомками «черной кости», образуя новую категорию, так называемую «караман» (чернь) и постепенно сливаются с не столь родовитыми, сколь зажиточными слоями. Почти вовсе исчезают со сцены тарханы — жалованные дворяне, возведенные в это звание царизмом.

Одновременно во много раз вырастает значение и удельный вес родовой знати — феодалов-родоначальников, биев и аксакалов и новой социальной категории — «баев», сосредоточивающих в своих руках крупные богатства. Это выходцы из «черной кости», но поскольку именно они все больше становятся реальными носителями политической и экономической власти, их значение и роль внутри господствующей феодальной верхушки неуклонно возрастают, в то время как значение султанов падает. В дальнейшем этот процесс эволюционирует в сторону сращивания сословной степной аристократии с родовой знатью и байством, что ведет к консолидации господствующей верхушки казахского общества.

Необходимо отметить, что все эти процессы совершались под воздействием колонизаторской политики царизма. Это особенно ясно видно на примере султанов — представителей «белой кости». Те из них, которые пошли на службу к царизму и сохранили, таким образом, свои султанские прерогативы (правда, в урезанном виде), удержали и свои позиции внутри феодальной верхушки. Те же, кто перестал сотрудничать с царизмом и лишился своих прав, потеряли и свое положение в господствующих кругах казахского общества.

То же можно отметить и в отношении феодалов — выход-

цев из «черной кости». Следует учесть, что в своей политике завоевания Казахстана царизм, сперва желая ослабить, а затем окончательно ликвидировать ханскую систему управления, опирался на феодалов-родоначальников, поддерживая их в борьбе с султанами. Разжигая феодальную междоусобицу, царизм своей политикой обострял противоречия между сословной и родовой знатью, между феодалами-султанами и феодалами-родоначальниками и, в конце концов, способствовал победе последних над первыми.

Таким образом, изменения в структуре и составе феодальной верхушки казахского общества происходили под воздействием колонизаторской политики царизма.

Завоевывая Казахстан, царизм подчинил себе казахских феодалов и, ограничив их права в области управления степью, одновременно узаконил существовавшие феодальные методы эксплоатации трудящихся. Именно на этой базе и происходило сращивание феодальной верхушки с колониальным аппаратом царизма, следствием чего было усиление двойного пресса угнетения трудящихся казахов.

В отмеченное тридцатилетие происходят и другие изменения в социальной структуре казахского общества. Падает, и к началу 50-х годов почти совершенно сходит на-нет, значение рабства. Новые рабы перестают приобретаться как путем войн, так и путем покупок на невольничьих рынках Хивы, Коканда и Бухары, а потомки рабов, получив личную свободу, превращаются в тюленгутов. И здесь — в деле уничтожения рабства в Казахской степи — также надо отметить влияние политики царизма, еще в 1822 году издавшего закон о запрещении рабовладения у казахов.

Значительно изменяются и социальные функции тюленгутов. Из прежних дружинников и телохранителей крупных феодалов они постепенно превращаются в полукрепостных, в феодально зависимую челядь, выполняющую роль слуг и работников по хозяйству. Грань между тюленгутами и обычными феодально зависимыми категориями казахского общества постепенно начинает стираться.

Под влиянием ускорившегося распада патриархально-родовой общины и других сдвигов в общественно-экономической жизни, происходит измельчание и обнищание отдельных родов и их смешение между собой. Как указывает, например, Бларемберг: «Между чумекеевцами, табынцами, (родом) Кирейт есть целые аулы до того бедные, что не только не имеют скота, но даже без рубища, без крова и насущной пищи... Они сеют хлеб, ловят рыбу, полунагие или вовсе нагие, живут в

камышовых шалашах и не имеют никаких средств к облегчению своей участи»[1].

Помимо земельных захватов царизма и узурпации общинных земель феодалами, массовому обнищанию целых родов способствовали и длительная междоусобица, на почве борьбы за лучшие кочевья и пастбища, и стихийные бедствия, как джут, и грабежи кокандцев и карательных экспедиций царских властей против восставших казахов.

В частности, особо суровым преследованиям подверглись участники восстания Кенесары. Расправа над ними была такова, что и спустя 20 лет они не могли оправиться от нищеты и разорения. Как писал в 1865 году А. К. Гейнс: «Бунт Кенесары, потрясший весь нынешний Атбасарский округ, обезлюдил часть степи. Опустелые зимовки остались за теми, кто после бунта их занял».[2]

Грабили не только карательные экспедиции, но и казахские султаны, сотрудничавшие с властями в деле подавления восстания. Одним из таких султанов был Конур-Кулжа Кудаймендин, о котором тот же Гейнс писал, что он «был великий грабитель». По словам Гейнса, «когда в сороковых годах волости, ушедшие с Кенесары, стали возвращаться, попечительное начальство отправило Конура устроить их на пустых землях. Конур начал с того, что ограбил их дочиста».[3]

Массовое обнищание отдельных родов способствовало росту классового антагонизма в казахском обществе, и без того обострившегося в связи с ускорившимся процессом классовой дифференциации внутри родов. Наряду с пауперизированной беднотой мы видим таких крупных богачей, как бай Баян-Аульского округа Азнабай — владелец 25 тысяч голов скота, как бий Акмолинского округа Сапак, имевший 18 тысяч голов[4] скота, султан Конур Кудаймендин, имевший 12 тысяч голов скота и захвативший 400 кв. верст земли, и т. д.

Особенно разителен пример Назаровского отделения рода Шекты, насчитывавшего 1 200 кибиток с 5 тысячами душ обоего пола. Из 7 тысяч лошадей, имевшихся в этом отделении, свыше 3 тысяч — т. е. почти половина — принадлежали бию Бисембе Баджикову[5]. Понятно, что при таком резком имущественном неравенстве, в условиях жесточайшей феодальной эксплоатации и двойного пресса угнетения, классовая борьба

[1] *Бларамберг* — «Военно-статистическое обозрение Российской империи», СПБ, 1848, т. XIV, ч. II, стр. 106.
[2] *Гейнс А. К.* — Указ. соч., стр. 279.
[3] *Гейнс А. К.* — Там же, стр. 287.
[4] Архив Академии наук СССР, ф. 23—Ч. Валиханова, оп. 1, д. 6, л. 14.
[5] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 4554, лл. 120 — 122.

не могла не развиваться. Но развивалась она, в силу общей отсталости социального строя казахов, медленно, неся на себе груз патриархально-родовых пережитков, особенно идеологических. «Но моральное влияние, унаследованные взгляды и способ мышления старой родовой эпохи еще долго жили в традициях и только постепенно отмирали»,[1] — отмечал Ф. Энгельс.

Именно это и было основной причиной, задерживавшей рост классового самосознания казахской бедноты. Немалым тормозом явилось также реакционное влияние ислама. Татарские муллы, не раз доказавшие свою преданность царизму, использовались им в качестве проводников его влияния среди казахских масс. На это обратил внимание еще Чокан Валиханов, гневно писавший: «Мы не знаем, что было бы лучше для Киргизской степи: прежнее невежество, чуждое религиозной нетерпимости, или современное татарское просвещение, выражающееся в продолжении 300 лет самым антипрогрессивным образом».[2]

Все эти сдерживающие моменты наложили свой отпечаток на рост классового самосознания казахской бедноты и проявления классовой борьбы в казахском обществе. В специфических условиях Казахстана 20 — 40-х годов XIX в. революционная борьба трудящихся была направлена одновременно против царизма и его верных союзников — казахских феодалов. Это совершенно понятно, ибо именно они-то и персонифицировали собой двойной пресс угнетения, давивший массы. Нельзя было выступать против казахских феодалов и баев, не вступая тотчас же в конфликт с стоявшим за их спиной царизмом, как нельзя было выступать против царизма, не вступая в бой с поддерживавшей его феодальной верхушкой казахского общества.

Эта простая истина отчетливо доказывается на примере всех массовых национально-освободительных движений 20 — 40-х годов, начиная от движения Жоламана Тленчиева и кончая могучим восстанием Кенесары.

Особенно важно тщательное исследование причин поражения восстания Кенесары, ибо при этом, как в фокусе, выявляется весь комплекс социально-экономических и политических моментов, определивших характер движения и неизбежность его поражения.

Действительно, разгром повстанческих войск при Май-

---

[1] *Энгельс Ф.* — «Происхождение семьи, частной собственности и государства», 1937, стр. 155.

[2] *Валиханов Ч.* — «Очерки Джунгарии», «Записки Импер. Русск. Геогр. Об-ва», 1861, кн. II, стр. 43.

тюбе и убийство самого Кенесары киргизскими манапами летом 1847 года явились, по существу, заключительным звеном в цепи причин, приведших к поражению восстания. Основные причины исторической неизбежности поражения восстания кроются раньше всего во внутриполитической обстановке, в которой оно происходило, в запоздалости попытки создания централизованного независимого Казахского государства.

Прогрессивные стремления Кенесары, весь его курс на объединение казахского народа наталкивались на непреодолимые препятствия. Феодальная раздробленность Казахстана и межродовая борьба, усиленно разжигаемая феодальной верхушкой и властями, сильнейшим образом тормозили все начинания Кенесары.

Большинство султанов и влиятельных богатых биев не поддерживали Кенесары. Дело не только в том, что они состояли на службе у царизма. Значительно важнее, что они, боясь лишиться своих привилегий, вообще не были заинтересованы в образовании и укреплении централизованного Казахского государства. Именно поэтому часть султанов, наиболее тесно связанных с царизмом, как например, султаны Арслан и Ахмет Джантюрины, Турлыбек и Турсун Чингизовы, Баймухаммед Айчуваков, Конур-Кулжа Кудаймендин и другие, сразу же выступили против Кенесары. Активно участвуя в подавлении восстания и ведя разлагающую пропаганду в народе, они причинили много вреда движению.

Другая часть крупных феодалов-султанов и биев на отдельных этапах восстания вынужденно примыкала к Кенесары, изменяя ему, однако, при первой же возможности. Так поступили, например, султаны Бочтай Турсунбаев и Муса Чорманов, который в своем покаянном письме властям писал: «Он (Кенесары — Е. Б.) меня приглашал, но я отказал ему. Вам известно, я всегда вел борьбу против злодейств Кенесары»[1].

Только очень немногие представители феодальной верхушки остались верны движению до конца. По большей части это были либо родственники Кенесары, либо его друзья, тесно связанные с ним в течение ряда лет.

Лишь в малой степени удалось Кенесары добиться поддержки движения со стороны некоторых влиятельных казахских родов. В большинстве своем остались в стороне от борьбы такие влиятельные и сильные роды, как род Шекты, часть рода Аргын так же, как и род Адай. Причиной этого, с одной стороны, явилась удаленность некоторых родов от основных очагов борьбы (например, рода Адай), а с другой, что важнее,—

[1] Истор. архив КССР, ф. 64, оп. 1, д. 28, л. 140 (перев. с казахского текста).

давняя межродовая вражда из-за кочевий и барымты, ликвидировать которую в короткий срок Кенесары, понятно, не мог. Так, род Джагалбайлы издавна враждовал с родами Жаппас и Кипчак, Чумекей и Торт-Кара — с Джагалбайлы и т. д.

Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что вынужденные под натиском царских войск отступать на новые места, повстанцы неизбежно вступали в конфликты с жившими там родами, поскольку волей-неволей им приходилось пользоваться их пастбищами и лугами.

Наконец, серьезное значение имело разжигание вражды между родами царскими агентами, в частности, главой Западно-Сибирского мусульманства ахуном Абдрахмановым, мобилизовавшим на это дело духовенство. Сказались, понятно, и отдельные ошибки Кенесары, допущенные им в отношении некоторых родов, о чем речь ниже.

Так или иначе, все это вместе взятое привело к тому, что Кенесары не мог достичь остро необходимого единства казахского народа в борьбе с его внешними и внутренними врагами. Типичная для феодально-патриархальной среды рознь, раздробленность и локальная ограниченность не могли, рано или поздно, роковым образом не повлиять на исход движения. Это отлично понимал и Кенесары, и его ближайшие соратники. Нысамбай, например, пел в одной из своих песен:

Нас на юге кокандцы жмут.
Нет покоя с севера нам —
Надевают на нас хомут.
Плохо жить казахским сынам.
Но вину — с врагом пополам
Делим мы из-за наших смут.[1]

Крайняя социально-экономическая отсталость Казахстана, следствием чего и был неизбежный перевес родовых и групповых интересов над общенародными, имела еще другие, не менее важные последствия. В специфических для Казахстана условиях, раньше всего — при его огромной, малонаселенной территории, они не могли не оказать своего губительного действия на исход движения.

Мы говорим о неравномерности и, во многом, стихийности движения Кенесары. На протяжении всех 10 лет, в течение которых длилось восстание Кенесары, им были охвачены все важнейшие районы страны и почти все основные родовые группы. Но происходило это неодновременно и неравномерно, и потому в любой данный момент власти могли бить восставших

[1] *Нысамбай* — Песня о Кенесары и Наурызбае.

по частям, нанося им концентрированные удары. Это было, понятно, крупным выигрышем для царизма и большим минусом для восстания.

Помимо всего прочего, здесь большую роль сыграли два обстоятельства: во-первых, повстанцы были кочевниками-скотоводами, материальное производство которых полностью зависело от кормовых возможностей для скота. Во-вторых, основной тактикой властей при подавлении движения Кенесары было его постепенное оттеснение из обжитых, богатых пастбищами районов в отдаленные, бедные кормами местности. Все дальше и дальше вынужден был отступать Кенесары с преданными ему казахскими родами — из Кокчетава в район Тургая и Иргиза, оттуда — в Прибалхашье, а затем чуть ли не к самой китайской границе, пока трагическая смерть не настигла его в горах, близ Токмака. И не просто отступать, не мирно откочевывать со своими аулами и стадами, а отходить с тяжелыми боями, непрестанно подвергаясь нападениям, неся при этом огромные материальные убытки, разорившие его и в особенности его сторонников. Достаточно сказать, что только за 5 лет — с 1836 по 1840 год, в результате нападений военных отрядов, Кенесары и его братья потеряли одними убитыми 1 635 человек, угнанными в плен — 220 человек (в том числе были их жены и дочери), не говоря уже об огромных количествах скота и разграбленного имущества[1]. В результате ряд следовавших за Кенесары родов, будучи совершенно разорены, вынуждены были временно отходить от движения, сохраняя лишь слабые связи с восставшими. Так, в 1839 году вынуждены были временно отойти от Кенесары джагалбайлинцы, разоренные набегом на Сары-Су (в 1843 году, оправившись, они снова примкнули к восстанию). То же было и с частью рода Кипчак и т. п.

Только учитывая это крайне важное обстоятельство, можно полностью оценить, насколько притягательными были для масс лозунги Кенесары, ибо, теряя по пути стада и старых приверженцев, он, придя на новое место, тотчас же легко приобретал новых сторонников. Большая часть из них добровольно и даже с энтузиазмом становилась под знамена Кенесары. Другие примыкали, боясь расправы со стороны восставших, опасаясь мести грозного Кенесары. Однако, так или иначе всюду, где появлялся Кенесары, он получал пополнение, и восстание разгоралось с новой силой. Все же в покинутых им местах борьба затухала, ибо оставшиеся там сторонники и участники восстания в лучшем случае ограничивались посылкой Кенесары

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, «Оренбургская Пограничная Комиссия», д. 2268, лл. 41 — 55.

материальной помощи и уплатой закята. Вооруженная борьба в старых районах восстания, с уходом Кенесары, прекращалась. В результате фронт борьбы передвигался из одной области в другую. Одновременного существования нескольких фронтов борьбы не было, и потому властям не приходилось рассредоточивать силы для подавления восстания по всему Казахстану.

В разное время вступали в борьбу и известные батыры — руководители других очагов восстания. К началу движения Кенесары восстание Исатая Тайманова фактически уже закончилось. Жоламан Тленчиев, присоединившийся к Кенесары, довольно скоро сошел со сцены; Джанхожа Нурмухаммедов вступил в союз с Кенесары лишь в последние годы восстания, да и то временно. Другой выдающийся батыр — Исет Котибаров, несмотря на все попытки Кенесары привлечь его на свою сторону, к нему не примкнул, и в 1844 году даже обещал султану-правителю Баймухаммеду Айчувакову выступить против него.

«Кенесары, — писал Исет в письме к Айчувакову,— желал быть в числе подданных, отправил в Оренбург бия Ямавчина и приглашал нас к себе; но мы ехать к нему не осмелились, не имея на то разрешения. Ныне боятся того, кто сильнее, и слуги ваши кабаквы, кочуя по краю мирных киргизов в виду неприятеля (т. е. Кенесары — Е. Б.), для безопасности семейств своих на словах с ним дружны. Если же Вы предстанете пред неприятелем грозным, то и мы тогда явимся перед ним острее лезвия сабли»[1].

Лишь много позже, в 1855 году, когда движение Кенесары было подавлено, Исет Котибаров сам возглавил восстание, а в 1856 году поднял восстание и Джанхожа Нурмухаммедов.

Почему же оба они так упорно отклоняли предложения Кенесары о совместной борьбе? Раньше всего потому, что Кенесары был их политическим конкурентом. Его требование об уплате закята и признания его ханом ущемляло права и Исета и Джанхожи. Как пишет В. Ф. Шахматов в своей монографии об Исете Котибарове:

«Были ли заинтересованы оба батыра в усилении власти и влияния Кенесары в приаральских районах, как хана? Очевидно, нет. Они всегда стремились быть как можно более независимыми от султанов, от феодальной аристократии. Могли ли

---

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 329, л. 115.
Причиной отрицательного отношения Исета к Кенесары была родовая вражда.

такие независимые полновластные батыры желать восстановления власти ханов, а отсюда своего подчиненного им положения, в данном случае по отношению к Кенесары? Конечно, нет».[1]

Таким образом, узко местнические, классово-эгоистические интересы помешали Исету и Джанхоже поддержать Кенесары.

Наконец, образованию широкого единого национально-освободительного фронта борьбы мешали и ошибки, допущенные самим Кенесары. В частности, очень печальные последствия имели нападения Кенесары на аулы мирных родов во время его борьбы с султанами и биями, поддерживавшими царизм. Так, трижды — в 1843, 1844 и 1845 годах — Кенесары подвергал жестокому разгрому аулы рода Жаппас за отказ примкнуть к восстанию. Иногда Кенесары нападал на аулы, подвластные султанам-правителям и биям, не учитывая, что население их сочувствует восстанию и не примыкает к нему лишь в силу того, что этого не допускает феодально-родовая верхушка, жестоко его эксплоатировавшая. Вместо того, чтобы обрушиться на эту феодально-патриархальную верхушку, разгромить ее, а народ привлечь на свою сторону, Кенесары без разбора громил и тех и других, вызывая их гнев и месть и увеличивая число врагов восстания.

Ту же ошибку он повторил и в отношении киргизов на последнем этапе борьбы, когда с крайней жестокостью, о которой сложились целые легенды, разгромил и разграбил ряд аулов мирных киргиз лишь за то, что киргизские манапы — Ормон, Жантай и другие — отказались поддержать его.

Власти очень хорошо учли эти ошибки Кенесары, всячески раздували их, строя на этом свою агитацию против повстанцев. Это хорошо отражено Л. Мейером, который писал: «Если бы сам Кенесары не был так легкомыслен и бестактен и не увлекался бы грабительскими инстинктами, он мог бы сплотить вокруг себя все три орды и быть вполне грозным ханом степей и весьма опасным для тогдашних государств Средней Азии: Коканда, Бухары, Хивы».[2]

Дело, понятно, не в «легкомыслии» и не в «грабительских инстинктах», как пишет в своей работе Л. Мейер. Ошибки его исходили из вполне соответствующего духу времени убеждения в эффективности запугивания, как показателя могущества. В условиях господствовавших в степи обычаев и нравов,

---

[1] *Шахматов В. Ф.* — Исет Котибаров, «Известия АН КазССР», серия историческая, вып. 2, 1946, стр. 113.

[2] *Мейер Л.* — Указ. соч., стр. 6.

жестокость, как таковая, расценивалась иначе, чем теперь, и представлялась весьма обычной. Это не снижает, понятно, значения политической ошибки, совершенной Кенесары, в большой степени, однако, объясняя ее. Результаты этой ошибочной тактики Кенесары были тем печальнее, что власти очень умело использовали ее в своих целях. Демагогически маскируясь в тогу защитников пострадавших от набегов Кенесары, они пытались выступать в роли заступников от «бесчинств, творимых хищником Кенесары». Посылаемым в степь отрядам давались строжайшие предписания избегать повторения ошибок Кенесары. Так, в инструкции полковнику Лебедеву в 1843 году мы читаем: «Вообще делать строгое различие между киргизами, которые суть закоренелые ослушники, составляющие буйные шайки Кенесары, и теми киргизскими родами, которые, как выше сказано, увлечены на его сторону более из страха мести, чем обольщены его коварными наущениями».[1]

На практике эти предписания, понятно, нарушались. Однако в ряде случаев они проводились в жизнь, к вящшему ущербу для Кенесары.

Крайне неблагоприятно сложилась в то время и международная обстановка. Казахстан, раздробленный и разделенный на 4 мало связанные между собой части (Большой, Средний и Малый жузы и т. н. «Внутреннюю», или Букеевскую орду), уже в значительной мере подпавший под власть царской России, был окружен со всех сторон государствами, не желавшими допустить объединения казахов в единое государство. И царская Россия, и Китай, и среднеазиатские ханства — Хива, Бухара и Коканд — стремились использовать в своих целях казахские степи, боролись между собой за власть над казахами, а фактически были заинтересованы в сохранении Казахстана в том положении, в каком он находился — в роли своеобразного буфера. Кенесары мог лавировать и, временно блокируясь с одними из них, противостоять натиску других. Это он и делал, следуя примеру Аблая, выигрывая время, на известный период обеспечивая себе независимое существование. Однако ни окончательно сбросить с казахского народа цепи колониального рабства, ни создать крепкого самостоятельного централизованного государства он бы и не мог, так как этого не допустили бы ни Россия, ни среднеазиатские ханства, ни Китай. Их военные силы настолько превышали силы Кенесары, что вооруженная борьба с ними была заранее обречена на неудачу. Так оно, в конце концов, и случилось, когда в результате временной военной коалиции царизма с киргизскими

[1] Истор. архив КССР, ф. 4, оп. 1, д. 2547, лл. 68 — 111.

манапами, Кенесары был оттеснен в горы, разгромлен и пленен.

Трагическая смерть Кенесары ознаменовала собой и конец возглавлявшегося им с таким блеском восстания.

Совокупность всех вышеперечисленных моментов и обусловила неизбежность поражения восстания.

Перейдем к одному из серьезнейших для исследователей вопросов, а именно — к вопросу о тактике царских властей как местных, так и центральных, в отношении восстания Кенесары.

Правильное понимание этой тактики тем более важно, что оно позволяет вскрыть причины длительности восстания Кенесары, продолжавшегося целых 10 лет.

Первое, что следует отметить, это то, что на протяжении всего восстания Кенесары тактика властей менялась. Объяснение кроется в том, что на первых порах власти недооценили ни силы восстания, ни значения в развитии борьбы самого Кенесары. Сначала они сочли его за обычного претендента на ханскую власть, движимого исключительно личными, корыстными интересами. Это, понятно, сужало в представлении властей опасность, какую он мог собой представлять в качестве политического противника.

Только после провала всех попыток переговоров, подкупа и переманивания Кенесары, после неудач, постигших небольшие вначале карательные экспедиции, в частности возглавлявшиеся султанами-правителями, которым было поручено ликвидировать восстание Кенесары, власти переходят к новым методам борьбы.

Необходимость их стала особенно очевидной после провала крупного объединенного похода на Кенесары, начатого одновременно из Оренбурга и Сибири под командой генерала Жемчужникова в 1844 году, и неудачи, постигшей полковника Дуниковского.

Стало ясно, что для подавления восстания нужны были более эффективные меры, притом при наименьшей затрате сил, поскольку царские гарнизоны в Казахстане были сравнительно невелики, а задачи, стоявшие перед ними, огромны, учитывая широкие планы экспансии царизма в Средней Азии. Такие меры были найдены в не новой уже тактике, направленной на постепенное выживание Кенесары из родных степей, на оттеснение его к самым границам, с тем, чтобы обратно вернуться он уже не мог.

Это вытеснение восставших из степей путем лишения их кочевий и пастбищ для скота осуществлялось с помощью постройки укреплений и создания линии кордонов в районах, охваченных восстанием. Как известно, постройка таких укреп-

лений началась еще раньше, с целью постепенного расширения и закрепления владычества царизма в Казахстане, и шла она вне зависимости от восстания Кенесары. Однако создание в степи укреплений в борьбе с восстанием сыграло огромную роль. Особенно важным в этом смысле явилась постройка Оренбургского укрепления на Тургае и Уральского на р. Иргизе в 1845 году.

Как пишет военный историк генерал-майор Терентьев, «действия против этого знаменитого разбойника еще раз доказали, что ни дипломатия, ни кротость, ни жестокость не помогают в делах, что отряды бессильны в погоне по степям за увертливым и выносливым кочевником и что только постоянные укрепления среди и кругом кочевий могут что-нибудь сделать».[1]

То же подчеркнул и историк Г. Е. Грум-Гржимайло, отметивший, что подавление восстания Кенесары «стоило России не малых усилий».

«Восстание Кенесары, — писал он далее, — показало, что, лишь находясь среди казахских кочевий и имея в своем распоряжении достаточно сильные отряды, возможно рассчитывать на скорое замирение степи и быть везде готовым ко всяким случайностям; поэтому правительство решило приступить к постройке ряда укреплений со стороны Оренбургской Линии, увеличить число укрепленных пунктов со стороны Сибирской и начать заселение Семиреченского края. Это и было за сим приведено в исполнение».[2]

Прямым результатом вытеснения повстанцев из степи и лишения их лучших кочевий было разорение следовавших за Кенесары родов, голод и нищета в лагере восставших. Можно сказать, что в конечном счете восстание Кенесары было подавлено не столько военной силой, сколько введенной с ее помощью своеобразной экономической блокадой, задушено костлявой рукой голода. В этом свете поражение отряда Кенесары киргизами было случайным явлением. Восстание было бы подавлено и без того.

Понятно, что политика медленного вытеснения Кенесары из основных районов Казахстана требовала длительного времени. И это в дополнение к другим вышеотмеченным моментам объясняет такую нерешительную на первый взгляд тактику властей и продолжительность восстания.

Однако были и другие причины этого, которые нельзя не

---

[1] *Терентьев М.* — Указ. соч., ч. I, стр. 200.

[2] *Грум-Гржимайло Г. Е.* — Западная Монголия и Урянхайский край. Том II — Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии, Ленинград, 1926, стр. 719.

отметить. К ним относится рутина и консерватизм в системе царского управления, благодаря чему местные власти лишены были возможности своевременно принимать необходимые меры против повстанцев. Любой шаг, любую мелочь надо было согласовывать с различными министерствами в Петербурге (с Военным министерством, Министерством иностранных дел, Азиатским Департаментом, Главным Штабом и т. д.). При тогдашних путях сообщения, пока бумага шла из Оренбурга или из Омска в Петербург, пока на нее получали ответ, уходили недели и месяцы. Ситуация успевала измениться, требовались новые распоряжения и, таким образом, оперативная борьба с восстанием подменялась бесконечной канцелярской перепиской.

К этому добавлялась ожесточенная вражда между Оренбургским военным губернатором графом В. А. Перовским и командиром особого Сибирского корпуса князем Горчаковым. На восстание Кенесары они смотрели с разных точек зрения, и это также в значительной степени тормозило действия царских властей и военных отрядов. В результате понадобилось специальное вмешательство Николая I через военного министра графа Чернышева, потребовавшего согласованных действий против Кенесары. Только после этого — в 1842 году — было предпринято комбинированное наступление против Кенесары. Шесть лет были упущены.

Кроме того, если Оренбург и Омск были весьма встревожены распространением восстания, то в Петербурге сохраняли полное спокойствие. С точки зрения общеимперских дел и, в частности, общего сложного переплета событий в Средней и Центральной Азии, вызванных обострением англо-русского соперничества в Афганистане, Иране и Среднеазиатских ханствах, восстание Кенесары казалось мелочью. Потому-то и рассмотрение мер, связанных с его подавлением, то и дело откладывалось, что, в конечном счете, не смогло не сказаться на ходе движения.

Кенесары, будучи хорошо информирован, учитывал эти благоприятные для него обстоятельства и умело пользовался ими в своих целях.

Раньше, чем покончить с вопросом о тактике властей в борьбе с Кенесары, следует коротко остановиться еще на одном плане расправы с вождем восстания. Речь идет о проекте путем предательства захватить Кенесары живым и, таким образом, обезглавить восстание.

В секретном донесении командующего Оренбургским корпусом генерала от инфантерии Обручева на имя военного министра сообщалось: «С офицером генерального штаба, с кото-

рым отправлена была из Оренбурга в аулы султана Кенесары Касымова его жена, находился приказчик здешнего купца Пустолова. Производя в степи торговлю, он имел случай видеться с находившимся в аулах Кенесары беглым из Сибирского линейного № 7 батальона унтер-офицером Владимиром Гавриловым, который объявил тому приказчику, что желает возвратиться из степи и выдать правительству султана Кенесары, прося при этом сохранить это в величайшей тайне, иначе он не останется в живых, как скоро сведает о том Кенесары. Это же самое Гаврилов обещает в присланном с означенным приказчиком на мое имя письме, объясняя, что удобно будет сделать это во время зимней ставки мятежника, а именно в январе».

Унтер-офицер Гаврилов, родом из мещан гор. Ялуторовска, Тобольской губернии, бежал в степь со своим товарищем Егором Ивановым в марте 1838 года. Обручев сообщал, что, по наведенным справкам, никаких преступлений за Гавриловым никогда не значилось, и спрашивал военного министра: «Я приемлю честь испрашивать Вашего, милостивейший государь, разрешения: можно ли принять его вызов на выдачу султана Кенесары, когда отрядам нашим повелено будет действовать противу этого мятежника, и можно ли также обещать Гаврилову, за успешное исполнение его намерения, прощение в сделанном им проступке и денежную награду».

Так, решительно ничем не брезгуя, власти стремились расправиться с Кенесары.

Восстание Кенесары потерпело поражение. Однако в истории национально-освободительной борьбы казахского народа оно занимает исключительно почетное место.

Это восстание было самым крупным восстанием казахов в XIX в., поднявшим на борьбу с царизмом большинство населения всех трех жузов. Оно охватило почти весь Казахстан и было одним из наиболее длительных восстаний казахов.

Восстание Кенесары, носившее ярко выраженный антиколониальный массовый характер, сыграло прогрессивную роль в истории казахского народа.

Оно явилось великолепной школой политического воспитания масс. Именно на базе этой борьбы развиваются последующие восстания 50—60-х годов XIX в. Как писал В. И. Ленин, «Действительное воспитание масс никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплоатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю».[1]

[1] *Ленин В. И.* — Соч., т. XIX, 1935 г., стр. 347.

Восстание Кенесары показало огромные силы сопротивления казахского народа, готового жизнью отстаивать свободу и независимость своей страны.

Прогрессивным оно было и по тем политическим требованиям, которые выставлял Кенесары. В первую очередь это относится к его стремлению создать единое централизованное государство, преодолев междоусобную вражду и феодальную разобщенность. В своем приветствии Москве товарищ Сталин развивает мысль о прогрессивности централизованного государства по сравнению с феодальной раздробленностью.

«Ни одна страна в мире, — пишет товарищ Сталин, — не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц».[1]

Эти слова Сталина целиком можно отнести к Кенесары, стремления которого к созданию казахского единого государства не были осуществлены до конца не по его вине.

Наконец, прогрессивную роль восстание Кенесары сыграло потому, что оно несколько отсрочило колониальное закабаление казахских степей царизмом и явилось боевой подготовкой широких народных масс к дальнейшей национально-освободительной борьбе в союзе с великим русским народом.

Именно в ходе этого восстания, в процессе борьбы, во время которой повстанцам удалось нанести чувствительные удары царизму и среднеазиатским ханствам, казахский народ отчетливо осознал свои огромные возможности.

Народные массы, пытавшиеся с оружием в руках и дальше отстаивать свою свободу и независимость, еще не раз поднимались на борьбу с царизмом и его союзниками — казахскими феодалами. Все последующее десятилетие, 50-е годы, отмечено восстаниями, но ни восстание Исета Котибарова в 1853 — 1857 годах, ни выступление Джанхожи Нурмухаммедова в 1856 — 1858 годах, равно как и ни одно из восстаний 60 — 70-х годов, не могли ни по размаху своему, ни по своему значению сравниться с могучим и грозным движением народных масс, возглавленных Кенесары. Вот почему можно сказать, что с его разгромом пал последний барьер, сдерживавший экспансию царизма в Казахстане.

Какое же значение имело присоединение Казахстана к России для исторических судеб казахского народа, было ли оно фактом отрицательным или прогрессивным?

С исторической точки зрения, присоединение Казахстана к

[1] Приветствие тов. И. В. Сталина — «Правда», 7 сентября 1947 года.

России было несомненно фактом прогрессивным и положительным.

Помимо своей воли, помимо своего желания, гнуснейшими, зачастую преступными методами, обрекавшими народные массы на величайшие страдания, русская буржуазия делала исторически полезное дело. Как писал Маркс, говоря о последствиях английского завоевания Индии: «Нельзя заставить английскую буржуазию желать освобождения или подлинного улучшения социального положения масс индийского народа, улучшения, обусловливаемого не только развитием производительных сил, но и их освоением народом. Но, что она может сделать — это создать материальные предпосылки для осуществления этих обеих задач. Разве буржуазия когда-либо делала больше? Разве она когда-либо осуществляла прогресс, не толкая, как отдельных людей, так и целые народы на путь крови и грязи, бедствий и унижений».[1]

Эти слова Маркса целиком применимы и к Казахстану, где, разрушая старый застойный азиатский общественно-экономический строй, царская Россия закладывала материальные основы более прогрессивного общества. И когда изучаешь историю колонизаторской политики царизма в Казахстане, можно с полным правом повторить слова Маркса: «Страницы истории господства англичан в Индии вряд ли говорят о чем-либо, кроме разрушения; их созидательная работа вряд ли видна сквозь кучу развалин. Тем не менее эта созидательная работа началась».[2]

В экономическом отношении прогрессивные последствия присоединения Казахстана к России заключались раньше всего в том, что это присоединение ускорило и усилило процесс феодализации, нанесло смертельный удар патриархально-родовому быту. Родовой быт давал «великолепную и самую широкую основу для эксплоатации и деспотизма».[3] Как раз такую широкую основу для эксплоатации и деспотизма и представлял собой общинно-родовой быт казахов. Сохранение родовой собственности на землю у казахов свидетельствовало о крайней отсталости в развитии общественных отношений. Поэтому разрушение родовой собственности на землю и патриархально-родового быта в Казахстане было несомненно явлением прогрессивным.

Столь же прогрессивными были и переход части казахов к оседлости, к земледелию, развитие торговли и ремесла, рост

---

[1] *Маркс К.* — «Будущие результаты британского господства в Индии», т. IX, стр. 366.
[2] *Маркс К.* — Там же, стр. 363.
[3] *Энгельс Ф.* — Архив Маркса — Энгельса, т. I (VI), стр. 246.

товарности скотоводческого хозяйства и внедрение товарно-денежных отношений, как более высоких экономических форм по сравнению с существовавшими. Прогрессивным, наконец, был и самый факт включения Казахстана в общероссийский рынок, открывший перед ним перспективы дальнейшего развития.

В социальном отношении прогрессивные последствия присоединения Казахстана к России, в первую очередь, состояли в том, что благодаря этому значительно ускорился процесс классовой дифференциации казахского общества и обострилась классовая борьба. На историческую арену вышли новые классы и социальные группировки, и уровень общественного развития значительно возрос. Положительное значение имело и уничтожение института рабства.

В политическом отношении важнейшими прогрессивными последствиями присоединения были: пробуждение политического самосознания казахского народа и расширение идейного кругозора, прежде ограниченного [illegible] интересами, не выходившими за пределы родовой общины [illegible] опутанного пережитками патриархально-родовой [illegible]. Рост национально-освободительного движения, поддержанного революционным движением великого русского народа, вооружил массы ценнейшим опытом политической борьбы, сыгравшим огромную роль в последующем развитии.

Наконец, в культурном отношении основным прогрессивным последствием было приобщение казахского народа к великой русской культуре, а через нее — к мировой культуре. Следует отметить, что, в частности, именно в 20 — 40-е годы значительно продвинулось изучение Казахстана, до того почти совершенно неизвестного научному миру. Появляются труды ряда русских ученых исследователей Казахстана. Так, в 1832 году выходит трехтомная работа А. Левшина — первая сводная научная работа, посвященная Казахстану, истории, географии и этнографии казахов, не утерявшая своего значения и поныне. Выходят труды по геологии, ботанике, зоологии и географии Казахстана Гельмерсена, Карелина, Эверсмана, Лемана и других, исторические работы Вельяминова-Зернова и других. Интерес к Казахстану проявляет такой гений русского народа, как А. С. Пушкин. Казахстанская тематика появляется в художественной русской литературе, как, например, в романе «Иван Выжигин» Ф. Булгарина, в рассказах В. И. Даля, Ал. К. Толстого и других. Большой интерес к казахскому народу проявил и великий украинский поэт Тарас Шевченко. Представители передовой русской общественной мысли оказали большое влияние на развитие прогрессивной казахской

культуры. Создаются первые очаги просвещения, из которых впоследствии вышли такие выдающиеся представители казахского народа, как Чокан Валиханов и Ибрай Алтынсарин. И, наконец, что особенно важно, в эту эпоху растет сближение осевших на землю казахов с прилинейным русским населением, закладываются основы дружбы между ними, впоследствии вылившейся в совместную борьбу против царского феодально-крепостнического строя.

Таким образом, несмотря на варварские методы колонизаторской политики царизма, присоединение Казахстана к России, спаявшее воедино судьбы казахского народа с судьбами великого русского народа и обеспечившее, помимо воли царизма и казахских феодалов, дружбу двух народов, имело несомненно прогрессивное значение. Это не раз отмечалось передовыми представителями как русской, так и казахской общественной мысли, в частности Чоканом Валихановым, Абаем Кунанбаевым и Ибраем Алтынсариным.

В то время, как царизм сближался с реакционной феодальной верхушкой казахского общества, совместными усилиями пытаясь затормозить его развитие, русский народ сближался с казахским, совместными усилиями подготовляя свержение ненавистного самодержавия.

Традиционная дружба между казахским и русским народами, возникшая еще в условиях жестокого гнета самодержавно-крепостнического строя, ярчайшим образом проявилась после победы Великой Октябрьской Социалистической Революции. Но только при советском строе могла сложиться подлинно-нерушимая дружба всех братских народов нашей страны, проникнутая идеями высокого советского патриотизма, спаянная совместной борьбой за коммунизм под руководством партии Ленина — Сталина.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

1. Центральный Исторический Архив Казахстана (истор. арх. КССР) — гор. Алма-Ата:	Фонд 4 — Оренбургской Пограничной Комиссии, фонд 338 — 345 — Омского областного управления, фонды 81, 82 — 374 — Пограничного управления сибирскими киргизами, фонд 2 — 3 — начальника Алатавского округа и киргизов Большой орды, фонд 370 — Уральского областного управления.
2. Чкаловский Исторический Архив (Чкаловский Гос. истор. архив):	Фонд 166 — Рукопись бывшего председателя Оренбургской Пограничной Комиссии генерал-майора Г. Ф. Генса, фонд 6 — Оренбургского военного губернаторства, фонд 169 — рукопись Севастьянова, фонд 20 — рукопись полковника Андеева и фонд Оренбургского таможенного управления.
3. Центральный Исторический Архив Узбекистана (ЦГИА УзССР) — гор. Ташкент:	Фонд 715 — Архивные материалы, собранные подполковником А. Е. Серебренниковым по „истории завоевания Туркестанского края“, фонд Туркестанского генерал-губернатора.
4. Центральный Военно-Исторический Архив г. Москвы (ЦВИА):	Фонд ВУА Военного Министерства, фонд Сибирского Комитета (182 — 1848 гг.), фонд Канцелярии Военного министерства.
5. Центральный Исторический архив г. Москвы (ЦГИА):	Фонд Главного Архива, 1 — 9, Министерства иностранных дел.
6. Центральный Военно-Исторический Архив г. Ленинграда (ЦВИАЛ):	Фонд аудиториатского департамента Военного министерства.
7. Центральный Исторический Архив г. Ленинграда (ЦГИАЛ):	Фонд Министерства внутренних дел, земский отдел, фонд Департамента полиции Исполнительн.

8. Архив Академии наук СССР в г. Ленинграде:	Фонд 23—Чокана Валиханова (ныне находится в Истор. архиве МВД КазССР, Алма-Ата) — неопубликованные работы, заметки и выписки по истории и этнографии казахов и киргиз.
9. Рукописный отдел Гос. публичной библиотеки имени В. И. Ленина—Москва:	Фонд фельдмаршала князя А. Барятинского.
10. Рукописный отдел библиотеки им. Салтыкова-Щедрина — гор. Ленинград:	Записка купца Белова о хозяйстве и торговле сыр-дарьинских казахов (Записка относится к 60-м годам XIX века).
11. Ленинградское отделение Института Истории Академии наук СССР (ЛОИИ):	Материалы по истории Казахской ССР, подготовленные под редакцией М. И. Слебани Каменской (рукопись).
12. Восточный отдел Гос. публ. библиотеки им. Алишер Навои — г. Ташкент:	Материалы „Туркестанского Сборника".
13. Архив Восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР — гор. Ташкент:	Рукописные труды узбекских историков: Мулла Мирза Алим бек Ди-мулла Мирза Рахим Ташкенди, Мулла Нияз Шигаул Ляхи, Мухаммед Рыз-Мира и других.
14. Рукописный фонд Института языка и литературы Академии наук КазССР:	Записи фольклорных материалов по истории казахского народа, относящиеся к первой половине XIX века.
15. Рукописный фонд Восточного отдела Государственной публичной библиотеки им. Пушкина, Алма-Ата:	Фольклорные материалы (песни, поэмы и былины о батырах).
16. Рукописный фонд Института языка, литературы и истории киргизского филиала Академии Наук СССР (ИЯЛИ КирФАН):	Рукопись № 172 — „О казахско-киргизских событиях" и др. материалы по фольклору и истории киргиз.

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. — Капитал, тт. I, II и III.

Маркс К. — Формы, предшествующие капиталистическому производству. «Вестник древней истории», 1940 г., т. I.

Энгельс Ф. — Россия в Средней Азии. Собран. соч. Маркса и Энгельса, т. XI, часть I.

Энгельс Ф. — Внешняя политика русского царизма. Собран. соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, часть II.

Энгельс Ф. — Будущие результаты британского господства в Индии. Собран. соч. Маркса и Энгельса, т. IX.

Энгельс Ф. — Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1938 г.

Ленин В. И. — Крах II интернационала. Соч., т. XVIII.

Ленин В. И. — Развитие капитализма в России. Партиздат, 1936.

Ленин В. И. — Государство и революция. Соч., т. XXI.

Сталин И. — Марксизм и национально-колониальный вопрос. 1939 г.

Сталин И. — Краткий курс истории ВКП(б), 1943 г.

Сталин И. — Как понимает социал-демократия национальный вопрос? Соч., т. I, ОГИЗ, Москва, 1946.

Сталин И. — Политика Советской власти по национальному вопросу в России. Соч., т. IV. ОГИЗ, Москва, 1947.

Сталин И. — Наши задачи на Востоке. Соч., т. IV. ОГИЗ, Москва, 1947.

Сталин И. — Об основах ленинизма. Вопросы ленинизма. Издание одиннадцатое. ОГИЗ, 1947.

СПИСОК
ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абаза К. — Завоевание Туркестана, СПБ, 1902.

Абрамов Н. А. — Киреевские киргизы Сибирского ведомства, «Географические известия», № 11, 1866.

Александров Н. — Пути кочевок киргиз Малой орды Перовского и Казалинского уездов. «Туркестанские ведомости», № 51, 1884.

Алекторов А. Е. — Граф Василий Перовский и степные народы в управление его Оренбургским краем, «Оренбургский край», 1893, №№ 109, 112, 115, 118, 121.

Его же — Народная литература киргизов, «Астраханский вестник», 1893, №№ 1177, 1181, 1183, 1189, 1195, 1222.

Его же — Песни о Кевесары, газ. «Астраханский вестник», 1893, №№ 1228, 1233, 1244, 1247.

Алиф — Старая киргизская элегия. «Туркестанская ведомость»; 1902, № 1.

Андриевич В. К. — История Сибири в XIX столетии. СПБ, 1889.

Аничков И. В. — Киргизский батыр Джанхожа Нурмухаммедов, «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии Казанского университета», 1894, т. XII, вып. 3-й.

Его же — Кокандское ханство. «Военный Энциклопедический Лексикон», т. VII, СПБ, 1852 — 1858.

Арасанский Л. — Современная летопись, 1869, № 22 и 24.

Аристов Н. А. — Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, СПБ, 1897.

Артемьев А. — Несколько заметок о Киргизской степи Оренбургского ведомства, «Журнал Министерства Внутренних Дел», ч. XXXVIII, № 10, 1859.

Астафьев В. — Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. «Записки Западно-Сибирского отдела Импер. Русск. Геогр. Об-ва», Кн. XVIII, вып. II, Омск, 1895.

Ашмарин — Кочевые пути, зимовья и летовки (Историческое описание), «Советская Киргизия», № 5 — 6, 1925.

Бэзнер. — Путешествие через Киргизскую степь в Хиву, «Географические известия», 1849.

Баймурзин А. — Из истории захвата царизмом Большой и Средней орды. «Известия Казахского филиала Академии Наук СССР», серия историческая, вып. I, Алма-Ата, 1940.

Балкашин Н. Н. — О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПБ, 1887.

Его же — Торговое движение между Западной Сибирью, Среднею Азией и Китайскими владениями, «Записки Западно-Сибирского отдела Импер. Русск. Геогр. Об-ва», кн. III, Омск, 1881.

Баллюзек Л. — Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне

имеющие в Малой Киргизской орде силу закона, «Записки Оренбург. отдела Импер. Русск. Геогр. Об-ва», вып. II, Казань, 1872.

Б а р д а ш е в — Заметки о дикокаменных киргизах, «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. III, СПБ, 1874.

Барон У-р — Четыре месяца в киргизской степи, «Отечественные Записки», том IX, 1848.

Б а р т о л ь д В. В. — Киргизы (исторический очерк). Фрунзе, 1927.

Е г о ж е — Очерк истории Семиречья. Верный, 1898.

Б е к м а х а н о в Е. Б. — К вопросу о массовости восстания Кенесары Касымова. «Известия АН КазССР, серия историческая», № 2. 1946.

Е г о ж е — О социально-экономических последствиях присоединения Казахстана к России. Журн. «Большевик Казахстана» № 11 — 12. 1945.

Е г о ж е — О феодально-зависимых категориях — рабах и тюленгутах. «Вестник АН КазССР», № 6, 1947.

Е г о ж е — К истории взаимоотношений Казахстана со среднеазиатскими ханствами. Журн. «Большевик Казахстана», № 5, 1947.

Е г о ж е — К вопросу о социальной природе батырства «Вестник АН КазССР», № 8, 1947.

Е г о ж е — Социальный строй казахов первой половины XIX в. «Известия АН КазССР, серия историческая», № 4, 1947.

Е г о ж е — Кенесары в казахском фольклоре. «Вестник АН КазССР», № 9, 1947.

Б е л я в с к и й — Материалы по истории Туркестана, 1884.

Б е р г Я. — История Бухары, «Московские ведомости», № 360, 1892.

Б е р н ш т а м А. Н. — Наследственность и выборность у кочевников Центральной Азии. «Проблемы ИДО», 1935, № 7 — 8.

Е г о ж е — Разложение родового строя у кочевников Средней Азии. «Сов. Этнография», 1934, № 6.

Б л а р е м б е р г — Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства, «Военно-статистическое обозрение Российской империи», том XIV, часть 3, 1848.

Б р о н е в с к и й Е. — Записки о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные Записки», часть 41, 42, 43, 1830.

Б у н и к о в Е. В. — К истории сношения России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. «Советское востоковедение», том II, 1941.

В а л и х а н о в Ч. — Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. «Записки Русск. Геогр. Об-ва», по отделу географии, 1904, XXIX.

В а м б е р и А. — Путешествие по Средней Азии, из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 году, М., 1867.

В е л ь я м и н о в-З е р н о в В. В. — Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абулхаир-хана. 1748 — 1765, Уфа, 1853 — 1855.

Е г о ж е — Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммед Али до Худояр-хана, СПБ, 1856.

Е г о ж е — Сведения о Кокандском ханстве, «Вестник Импер. Русск. Геогр. Об-ва», часть XVIII, 1856.

В е н ю к о в М. И. — Очерки Заилийского края и Причуйской страны, «Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них», СПБ, 1868.

Е г о ж е — Заметки о степных походах в Средней Азии. «Военный Сборник», № 12, 1860.

Е г о ж е — Наступательное движение России в Средней Азии, «Сборник государственных знаний» под редакцией Березова, СПБ, 1877.

Е г о ж е — Общий обзор постепенного расширения русских пределов в Азии и способ обороны их, «Военный сборник», № 2, 1872.

В е с е л о в с к и й Н. И. — В. В. Григорьев, по его письмам и трудам. 1818 — 1881 гг. — СПБ, 1887.

Его же — Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае, СПБ, 1894.

Его же — Лекции по истории Востока, СПБ, 1910.

Его же — Новый материал для истории Кокандского ханства. «Журнал Министерства народного просвещения», кн. 4-ая, СПБ, 1887.

Его же — Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего, СПБ, 1877.

Владимирцев Б. В. — Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934.

Wagnall — Reise nach den östlichen Kirgisen-Steppe (1849—1853), S.-Petersb., 1856.

Вяткин М. П. — Очерки по истории Казахской ССР, Л., 1941.

Его же — Тюленгуты в XVIII веке. «Известия Казахского филиала Академии Наук СССР, серия историческая», № 1, 1940.

Его же — Казахское общество в середине XVIII века — там же.

Его же — Срым Батыр, М. — Л., 1947.

Его же — К вопросу о крестьянских войнах в Казахстане «Вопросы истории», 1945, № 3 — 4.

Его же — Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII — начале XIX в. «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, М. — Л., 1940.

Гаврилов М. Ф. — Манап. «Современный аул Средней Азии», вып. X, Ташкент, 1927.

Гагемейстер Ю. — Статистическое обозрение Сибири, ч. I, вып. II, 3 часть, 1854.

Галкин — Краткий очерк Бухарского ханства. «Военный сборник», № 11 — 12, 1890.

Его же — Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПБ, 1869.

Гельмерсен — Хива в нынешнем своем состоянии. «Отечественные Записки», 1840, т. VIII.

Гейнс А. К. — Собрание литературных трудов А. К. Гейнса, т. II, СПБ, 1897 — 98.

Его же — «Киргизские очерки», «Военный сборник», XLVIII — XLIX, № 1, 6, 7, 1866.

Gelmersen G. O. — Nachrichten über Chiwa, Buchara, Chokand .. St. Petersb., 1839.

Герасимов Б. — Поездка на Барлыкские минеральные источники в 1905 году. Путевые наброски. «Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО», вып. II, 1905.

Герман — О киргизах. «Вестник Европы», 1821, ч. 119, № 20, ч. 121, № 22, 1822, № 3, 4, ч. 127, № 22.

Герн Вл. — Характер и нравы киргиз-казахов. Скотоводство киргизов. «Памятная Книжка Семипалатинской области», г. Семипалатинск, 1899.

Гернгросс и Ковалевский — Описание западной части киргиз-кайсацкой степи, «Горный журнал», ч. 4, 1840.

Глуховский — Записка о значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии, СПБ, 1867.

Голосов Д. — Поход в Хиву в 1839 году отряда русских войск, под начальством ген.-адъютанта Перовского, «Военный сборник», т. XXIX, № 1 — 2, СПБ, 1863.

Голубев А. — Отрывок из путешествия в Среднюю Азию, — Заилийский край, журн. «ИРГО», кн. III, СПБ, 1863.

Граменицкий М. — Степь Сибирских киргизов, «Туркестанский сборник», т. 41, СПБ, 1872.

Григорьев В. В. — Оренбургские киргизы и их честность и учение в торговом деле, «Народная беседа», № 1, 1864.

Его же — Описание Хивинского ханства, «Записки Императ. Русского Географического Общества», вып. 5, 1861.

Его же — Русская политика в отношении к Средней Азии, «Сборник государственных знаний», 1874.

Его же — Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости, «Записки Импер. Русск. Геогр. Об-ва», № 11, 1861.

Гродеков Н. И. — Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент. 1889.

Гулен М. — Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПБ, 1909.

Грум-Гржимайло Г. Е. — Западная Монголия и Урянхайский Край, том II — исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии, Л., 1926.

Губарев К. — Киргизская степь (посвящается Чокану Валиханову) «Современник», № 6, 1864.

Гулишамбаров. — К 40-летию уничтожения невольничества в Средней Азии, Ашхабад, 1913.

Гутьяр Н. — Взятие в плен киргизами сотника Подурова и прапорщика Медведева (из рукописи Генса), «Тургайская газета» № 8, 1895.

Даль В. И. — Новейшие известия о Хиве, «Сын Отечества», кн. XII, 1839.

Его же — Полное собрание сочинений, изд. Вольфа, том VII, 1898.

Его же — Письма к друзьям из похода в Хиву, «Русский архив», № 3 — 4, 1867.

Данилевский Г. И. — Описание Хивинского ханства, «Записки Импер. Русск. Геогр. Об-ва», кн. 5, 1851.

Даулмбаев — Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год. «Записки Оренбургского отдела Русск. Импер. Геогр. Об-ва», вып. IV, Оренбург. 1881.

Дебу И. — Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии. Москва. 1897.

Джамгерчинов Б. — Киргизы в эпоху Ормон-хана. «Труды Ин-та языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР», вып. 1, 1945.

Дивеев А. — Из области киргизского скотоводческого хозяйства. «Тургайские ведомости», № 4. 1901. № 102. 1905.

Дикокаменная орда. — «Северная Пчела». № 102. 1851.

Дневник переводчика армянина Тураева, посланного в 1834 году из Ново-Александровского укрепления в Хиву, «Туркестанский сборник», СПБ т. IV, 1867.

Добросмыслов А. И. — Тургайская область. Исторический очерк. «Известия Оренбургского отдела Импер. Русск. Геогр. Об-ва», вып. 15, 16, 17.

Его же — Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк, вып. I — IV. Ташкент, 1911 — 1912.

Долинский В. — Об отношениях России к среднеазиатским владениям и об устройстве Киргизской степи. СПБ. 1865.

Желябужский Е. — Очерки завоевания Хивы, Москва, 1875.

Жуковский И. Краткое обозрение достоверных событий Оренбургского края. СПБ. 1832.

Жуковский С. — Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Петроград, 1915.

Завалишин И. — Описание Западной Сибири, том III. Сибирско-Киргизская степь, Москва. 1867.

Загряжский Г. — Юридические обычаи киргиз и о народном суде у кочевого населения Туркестанского края. СПБ. 1876.

Его же — Кара-киргизы. Статья. «Туркестанские ведомости», № 41, 1874.

Залесов Н. — Очерки дипломатических сношений России с Бухарой с 1836 по 1843 гг., «Военный сборник», № 9, 1862.

Его же — Посольство в Хиву подполковника Данилевского в 1842 г. «Военный сборник», № 6, 1866.

Заметки о дикокаменных киргизах. «Материалы для статистики Туркестанского края», под ред. Маева, вып. III, СПБ, 1874.

Записка Мухаммед Галия Тяукина. О хозяйстве ордынцев, кочующих в Зауральской степи, «Экономические записки», № 41, 1881.

Записки о Кокандском ханстве Сибирского линейного казачьего войска хорунжего Потанина, препровождавшего кокандских посланников, бывших у российского двора в 1830 г., «Вестник Импер. Русск. Геогр. Об-ва», часть XVIII, СПБ, 1856.

Записка саратовского купца Я. П. Жаркова о киргизах, Библиотека для чтения, 1852, ч. III, 114 — 115, 1854 — том 124, 125, 126.

Зарубин И. — По горам и степям Средней Азии, «Русский Вестник», II, 12, 1879.

Затаевич А. — 500 казахских песен и кюйев, Алма-Ата, 1931.

Захарьин (Якунин) — Зимний поход в Хиву Перовского в 1839 г. и первое посольство в Хиву в 1842 г. СПБ, 1898.

Зелинский Г. — Киргизы (поэма), перевод с польского Георгия Гребенщикова, Томск, 1910.

Земляницин И. — Исторический очерк Семипалатинска и его торговля, «Материалы для статистики Туркестанского края», «Ежегодник», под редакцией Н. А. Маева, вып. IV, СПБ, 1876.

Зобнин Ф. — К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в Киргизской степи, «Памятная книжка Семипалатинской области» на 1902 г., вып. VI, Семипалатинск, 1901.

Зыков С. Н. — Хивинские дела с 1839 по 1842 гг., «Русское Слово», № 3, 1862.

Его же — Утверждение русского владычества на Аральском море и р. Сыр-Дарье с 1847 по 1862 гг. «Морской сборник», № 6, 1862.

Ибрагимов И. И. — Этнографические очерки киргизского народа, «Русский Туркестан», М., 1872.

Иванов М. И. — Хивинская экспедиция 1839 — 1840 гг. (Очерки и воспоминания очевидца). СПБ, 1873.

Иванов П. П. — Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческими сведениями, Ленинград, 1940.

Его же — Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821 — 1825 гг., Москва, 1937.

Ивановский А. — Киргизский народный поэт-певец Ногайбай, «Этнограф. обозрение», № 3, 1890.

Идаров — Киргизская степь Сибирского ведомства и вновь учрежденная в ней Семипалатинская область, «Журн. министерства внутр. дел», часть VII, СПБ, 1854.

Извлечения из архива правителя областью Сибирских киргизов, «Туркестанский сборник», т. 15.

Ильинский А. — Кенесары и Наурызбай, «Тургайская газета», № 21, 1901.

Его же — Садык (казахские сказки о сыне Кенесары), «Тургайская газета» № 18, 1901.

Ильясов С. — Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений, «Труды ин-та языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР», вып. 1, 1945.

Иматов В. — Мысли об истории Оренбургской губернии, «Оренбургские губернские ведомости», № 15 — 18, 1874.

Иорк фон Вартенбург Г. — Задачи России в Средней Азии, Ташкент. 1900.

Исаков Л. — Стихи, сказанные после убийства кокандцами султана Саржана Аблаева женою его Бупай-ханым, «Тургайская областная ведомость», № 3, 1894.

Казанцев И. — Описание киргиз-кайсаков, СПБ, 1867.

Его же — О киргизах Западной и Средней степи, называемых оренбургскими или зауральскими, «Санкт-Петербургские ведомости» № 16 — 18, 1839.

Карбышев — О начале земледелия и пчеловодства в Киргизской степи, «Земледельческий журнал», № 20, 1827.

Карутц О. — Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке, перевод Е. Петри, СПБ.

Кенесарин Ахмет — Кенесары и Садык (в обработке Смирнова), Ташкент. 1889.

Кенесары и Наурызбай (киргизское предание). «Тургайская газета», № 21, 1901.

Кеппен П. — Девятая ревизия (исследование о числе жителей России), СПБ, 1857.

Киллевейн Е. — Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мухаммед-хана, «Этнографический сборник», вып. V, СПБ, 1862.

Киргизам-джатаки — «Русская речь», август 1870 г., СПБ.

Киргиз-кайсаки — «Сибирский вестник», т. 146, № 4, 1880.

Киргиз-кайсаки — «Отечественные Записки», 1843, № 4.

Киргизские пословицы. «Туркестанский сборник», т. 95.

Киргизская степь в хозяйственном отношении. «Экономический журнал», август, 1888.

Киргизский суд и прислуга. — «Восточное обозрение», № 19, 1884.

Киргизская степь, — «Оренбургские губернские ведомости», 1849, № 11, 13, 1850, № 14.

Козьмин Н. — К вопросу о турецко-монгольском феодализме, Иркутск, 1934.

Колмогоров Г. В. — О промышленности и торговле в Киргизской степи Сибирского ведомства, «Вестник Импер. Русск. Геогр. Об-ва», кн. I, стр. 1 — 38, 1855.

Коншин Н. — Материалы для истории Степного края. «Памятная книжка Семипалатинской области» на 1900 г., вып. IV и вып. VI на 1902 г., Семипалатинск.

Его же — Краткий исторический очерк Семипалатинского края. Отдельный оттиск из № 1 (14) «Наше хозяйство».

Его же — Заметки о происхождении родов Средней Киргизской орды. «Памятная книжка Семипалатинской области» на 1900 г., вып. IV, Семипалатинск.

Костенко Л. — Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности, СПБ, 1870.

Kramer — Russland in Mittel-Asien. Leipzig, 1898.

Красовский М. Область Сибирских киргизов, «Материал для географии и статистики», СПБ, 1858.

Крафт И. И. — Из киргизской старины. 1900.

Его же — Принятие киргизами русского подданства. «Известия Русск. Геогр. Об-ва Оренбургск. отд.», Оренбург, 1897.

Его же — Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях, Оренбург, 1898.

Его же — Из киргизской старины. Крык джигит, «Тургайская газета», № 20 — 21, 1903.

Его же — Султаны, тарханы, бии (историческая справка), «Тургайская газета», № 120, 1897.

Крахалев А. — Древний суд биев, «Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям» № 48, 1888.

Его же — Суд и следствие у киргизов Сибири, «Юридический вестник», XXVIII, 1888.

Кун А. — Очерк Кокандского ханства, СПБ, 1876.

Лазаревский Ф. — Очерки киргизов Оренбургского ведомства, «Русский дневник», № 14 — 15, 1859.

Левшин А. — Описание киргиз-кайсацких орд и степей, ч. I-III, СПБ, 1832.

Леопольдов А. — Отношение русских к киргизам, «Саратовские губернские ведомости», № 5, 1856.

Лобысевич Ф. И. — Поступательное движение в Среднюю Азию, СПБ, 1900.

Его же — Киргизская степь Оренбургского ведомства, М., 1891.

Логутов Н. А. — Очерк родового быта казахов и распределение основных казахских родов на территории бывшей Семипалатинской губернии, «Записки Семипалатинского отдела Об-ва изучения Казахстана», 1929.

Львов — Ханство Бухарское, «Современная летопись», № 22, 1868.

Лэн-Пуль — Мусульманские династии. Перевод с примечаниями Бартольда, СПБ, 1899.

Любимов — Кульджинский трактат, «Памятная книжка Западной Сибири», Омск, 1882.

Маев Н. — Очерки истории киргизского народа с 1732 по 1863 г. «Материал для статистики Туркестанского края», 1873.

Его же — От Ташкента до Верного (путевые заметки), «Материалы для статистики Туркестанского края», «Ежегодник», под редакцией Н. А. Маева, вып. II, СПБ, 1873.

Маковецкий П. Е. — Материалы для изучения юридических обычаев киргизов, вып. I — II, Омск, 1886.

Максимов — Народный суд у киргизов, «Юридический журнал», кн. VIII, 1897.

Макшеев А. — Исторический обзор Туркестана и наступательное движение русских, СПБ, 1890.

Малицкий Н. Г. — К истории Ташкента под кокандским владычеством. Прот. Туркестанск. кружка любителей археологии.

Мартенс Ф. Ф. — Россия и Англия в Средней Азии, СПБ, 1880.

Материалы по истории Казахской ССР (1775 — 1828), том IV, Изд. Академии наук СССР, 1940.

Материалы султана Кенесары Касымова в обработке Степняк, Ташкент, 1923.

Мелиоранский П. М. — Киргизские пословицы и загадки. «Записки Восточного Импер. Русск. Геогр. Об-ва», VII, вып. I — IV.

Мейер Л. — Киргизская степь Оренбургского ведомства, 1865.

Михайлов — Киргизская степь, «Санкт-Петербургские ведомости», № 155, 1866.

Его же — Области Сибирских киргизов и Семипалатинская, «Туркестанский сборник» т. IV, СПБ, 1869.

Морозов М. — Об «Истории Казахской ССР», «Большевик», 1945, № 6.

Мякутин А. И. — Юридический быт киргиз, «Труды Оренбургской ученой Архивной комиссии, вып. XXV, 1911.

Мухин Д. — Нападение киргизов в 1844 году на Екатерининский поселок, «Оренбургские Губернские ведомости», № 93, 1878.

Наливкин В. — Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886.

Небольсин П. — Уральцы, СПБ, 1855.
Его же — Рассказы проезжего, СПБ, 1854.
Его же — Очерки Волжского низовья, СПБ, 1852.
Его же — Путешествующие киргизы, «Русский Вестник», том 29, Москва, 1860.
Его же — Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом со стороны Оренбургской Линии, СПБ, 1856.
Его же — Караваны в степи, «Отечественные Записки», № 8, 1852.
Назаров — Записки о некоторых народах и землях Средней Азии, СПБ, 1821.
Недзвицкий В. — Узун-Агачское дело, издание Семиреченского статистического комитета, Верный, 1910.
Нестеров А. — Хвалебная песнь Досходжи в честь султана Кенесары Касымова, «Тургайская газета», № 6, 1900.
Нешель — Замечания о Киргизской степи между Орской крепостью и Аральским морем, «Географические известия», под редакцией Н. И. Надеждина, СПБ, 1848.
Никитин В. И. — Исторический очерк Семипалатинской области, «Памятная книжка Семипалатинской области» на 1897 год.
Нейман — Афганистан и Англия, СПБ, 1848.
Нурекин И. — Очерк истории Коканда с 1841 по 1846 год, «Туркестанские ведомости», № 35, 1872.
Объяснение некоторых терминов Киргизского судопроизводства, «Туркестанская ведомость», № 42, 1873.
Окладников — Социальный строй у якут «Советская этнография», 1947, № 2.
О муллах в Киргизской степи, «Материалы для статистики Туркестанского края», «Ежегодник», ч. III, 1874.
О происшествиях в Средней киргиз-кайсацкой орде, Сборник газеты «Сибирь», т. I, СПБ, 1876.
Оренбургский городской голова, «Тургайская газета», № 24, 1896.
Орлов А. В. — Русский в гостях у Кенесары (из записок приказчика Уфимцева), «Оренбургский листок», № 28, 1889.
Осада Казалинска бунтовщиком киргизом Джанходжа Нурмухаммедовым и хитрость киргиза Али Мусаина, «Оренбургские губернские ведомости», № 9, 1889.
О Саадыке Кенесарине. Газета «Голос», № 169, 1868.
Павлов Н. — История Туркестана в связи с кратким историческим очерком сопредельных стран, Ташкент, 1910.
Прутченко С. — Сибирские окраины, СПБ, 1899.
«Песни киргиз-казахов», ГИХЛ, 1932 (см. «Сказ о Кенесары»).
Песни степей (Антология), Москва, 1940.
Петровский Н. — Очерк Кокандского ханства, «Вестник Европы», № 10, 1875.
Петухов А. Е. — Нечто об экспедиции генерала Перовского в Хиву, «Оренбургский листок», № 26, 1884.
Пиралиев Мендали (В. В. Григорьев) — Письма из Зауральской степи, газета «День», № 28, 32, 33, 1862.
Погорельский и Батраков В. — Экономика кочевого аула Киргизстана, М., 1930.
Полферов Я. — В горах Ала-Тау (из истории борьбы Кенесары Касымова 1843 — 1847 гг.), «Исторический вестник», № 8, 1904.
Попов А. Л. — Борьба за среднеазиатский плацдарм, «Исторические записки», № 7, 1940.
Потанин Н. — Записки о Кокандском ханстве 1830 г., «Вестник Импер. Русск. Геогр. Об-ва», кн. 6, 1856.

Potocki, Jean — Voyage dans les steps d' Astrakhan. Paris, 1829, t. I

Потто В. — Из путевых заметок по степи. «Военный сборник», т. XVIII, «Туркестанский сборник», т. 185.

Его же — О степных походах. «Военный сборник», № 4, 5, 6, 7, 1873.

Путинцев М. — От Семипалатинска до Копала (путевые заметки). «Военный сборник», № 12, СПБ, 1865.

Радлов В. В. — Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзюнгарской степи, часть III. Киргизское наречье, СПБ, 1870.

Radloff, W. — Aus Sibirien, 1874.

Рецензия на книгу Смирнова «Кенесары и Садык», «Акмолинская областная ведомость», № 35, 1888.

Рецензия о книге «Султан Кенесары и Садык», «Оренбургский листок», № 29, 1889.

Рецензия Н. И. Веселовского на книгу Ахмета Кенесарина. «Султан Кенесары и Садык», 1889.

Романовский Д. И. — Заметки по среднеазиатскому вопросу, СПБ, 1868.

Румянцев П. П. — Киргизский народ в прошлом и настоящем, СПБ, 1910.

Его же — Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем, журнал «Вопросы колонизации», № 5, 1909.

Русанов И. — Взгляд на экономический и общественный быт киргизов, «Томские губернские ведомости», № 28 — 49, 1861.

Его же — О положении киргиз-кайсаков, перешедших в XVIII ст. в пределы Томской губернии, «Томские губернские ведомости», № 32 — 33, 1862.

Его же — О ремесленности у киргиз, газета «Воронежский листок», № 10, 1863.

Рязанов А. — Оренбургский край (исторический очерк), 1923.

Его же — На стыке борьбы за степь, очерк по истории колонизации Ново-Линейного района (1835 — 1845), «Труды Оренбургского Географического Об-ва», вып. 1, 1928.

Его же — Набеги хивинцев и туркмен в Киргизскую степь в 1848 г. Оренбург, 1923.

Его же — Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797 — 1838 гг.). «Труды Об-ва изучения Казахстана», т. VII, вып. II, Кзыл-Орда, 1926.

Его же — Прошлое Кзыл-Орды (Ак-Мечеть), «Советская Киргизия», № 5 — 6, 1925.

Сабатаев С. — Суд аксакалов и суд третейский у киргизов Кустанайского уезда, Тургайской области, «Этнографический сборник» № 3, 1900.

Савельев П. — Бухара в 1835 г., СПБ, 1836.

Самоквасов Д. Я. — Сборник обычного права сибирских инородцев, Варшава, 1876.

Самсонов А. — Очерки Сибирской Киргизской степи, «Туркестанский сборник», т. 25, 1869.

Севастьянов С. Н. — События в Оренбургском крае, подготовившие экспедицию в Хиву 1839 — 1840 гг. «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. XVI, 1906.

Севрюгин С. — Киргизы — работники на морских рыболовнях, «Туркестанский сборник», том. 25, 1869.

Семенов П. — Поездка из укрепления Верного через горный перевал у Суок-Тюбе и ущелье Буам (путевые заметки), «Записки Импер. Русск. Геогр. Об-ва», том I, СПБ, 1876.

Серебренников А. Г. — «Материалы для истории завоевания Туркестанского края», тт. I — XVIII, 1914.

Середа Н. — О старом и новом путях в Среднюю Азию, газета «Беседа», № 8, 1872.

Его же — Бунт киргизского султана Кенесары Касымова, «Вестник Европы», № 8 — 9, 1870.

Его же — Волнения в Оренбургском крае, предшествовавшие бунту киргизского султана Кенесары Касымова, «Оренбургская губернская ведомость», № 13, 1869.

Сейдалин Т. (султан) — О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая, «Записки Оренбург. Отдела Импер. Русск. Геогр. Об-ва», вып. I, Казань, 1870.

Симагин В. — Мятежный султан Кенесары Касымов и его преследователи, «Оренбургский листок», № 26, 27, 1889.

Его же — Время возникновения Оренбургского казачьего войска, «Военный сборник», № 11, 1870.

Словцов — Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1878 г., «Записки Западно-Сибирского Отдела ИРГО», книга III, Омск, 1881.

Его же — Поездка в Киргизскую степь, «Записки Западно-Сибирского Отдела ИРГО», том III, 1869.

Словохотов Л. А. — Народный суд обычного права киргиз Малой орды. Оренбург, 1905. «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. XV.

Соколовский В. — Описание Восточной части Киргизской степи, «Журнал министерства путей сообщения», № 3, 1873.

Спасский Г. — Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды, «Сибирский вестник», том IX, 1820.

Старков В. — Краткое описание Киргизской степи, «Памятная книжка Тобольской губернии», 1861 — 1862 годы.

Стебпин-Каменская М. — К истории восстания султана Кенесары Касымова, «Исторические записки», № 13, 1942.

Стоянянский П. Н. — Материалы к истории города Оренбурга.

Студенецкий Л. И. — Очерки по экономике казахского хозяйства, «Известия Западно-Сибирского отдела Русск. Геогр. Об-ва», Омск, 1929.

Галкин А. — Пишпекский уезд. Исторический очерк, «Памятная книжка Семиреченской области», на 1898 г., Верный.

Терентьев М. А. — История завоевания Средней Азии, том I — III, СПБ, 1906.

Его же — Россия и Англия в Средней Азии, СПБ, 1875.

Тетеревников А. Н. — Очерк внутренней торговли Киргизской степи. СПБ, 1867.

Тимофеев Н. и Федоров Е. — Борьба казахов в 1837 — 1847 годах за свою независимость, «Большевик Казахстана», № 4, 1940.

Токарев С. А. — Докапиталистические пережитки в Ойротии, М. — Л., 1936.

Толстов С. П. — Генезис феодализма кочевых скотоводческих обществ, «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», вып. 103, 1934.

Тронов В. Д. — Обычай и обычное право киргиз, «Записки по отделению этнографии» т. XVII, вып. II, 1891.

Трубин С. — Воспоминания о степном походе в ханстве Хивы и Бухары, «Военный сборник», № 4, 1864.

Финш О. и Брем А. — Путешествие в Западную Сибирь, Москва, 1882.

Ханыков Я. В. — Очерк состояния Внутренней Киргизской орды в 1841 г. «Записки ИРГО», 1847.

Его же — Описание Бухарского ханства, СПБ, 1843.

Его же — Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства, «Записки Импер. Русск. Геогр. Об-ва», кн. V, 1851.

Его же — О населении киргизских степей, занимаемых Внутренней и Малой ордами, «Журнал министерства внутренних дел», № 10, 1844.

Хорошхин А. П. — Нагорный край Туркестанского генерал-губернаторства, «Туркестанский сборник», т. VII, 1868.

Его же — Заметки о закяте в Бухарском ханстве, СПБ, 1876.

Его же — От Оренбурга до Казалинска, от Казалинска до Ташкента, от Ташкента до Токмака и от Ташкента до Коканда (сборник статей), «Туркестанский сборник», том 116.

Черманов М. — О скотоводстве у киргизов Западной Сибири, журнал «Сельское хозяйство и лесоводство», № 1, 1883.

Его же — Заметки о киргизах Павлодарского уезда, «Записки Сибирского отдела ИРГО», Кн. XXXII, Омск, 1906.

Его же — Киргизские народные обычаи, «Семипалатинская областная ведомость» № 32, 1871.

Черняев М. — Султан Кенесары и Садык «Русский Вестник», кн. VIII, 1889.

Шахматов В. Ф. и Якунин А. — Восстание в Казахстане 30-х годов XIX в. «Известия КазФАН», серия историческая, № 1, Алма-Ата 1940.

Шахматов В. Ф. — «Внутренняя Букеевская орда и восстание Исатая Тайманова», Алма-Ата, 1947.

Его же — Исет Котибаров, «Известия КазФАН», вып. II, серия историческая, Алма-Ата, 1946.

Шахматов Г. — Замечание о хлебопашестве киргиз-кайсаков Средней орды, «Земледельческий журнал», № 6, 1832.

Устюгов Н. В. — О толенгутах, «Историк-марксист», 1941, № 4.

Юдин М. — Положение о торговле с среднеазиатскими ханствами до занятия Туркестанского края, «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. 9, Оренбург, 1902.

Юдин П. Л. — К биографии В. В. Григорьева, «Исторический вестник», декабрь 1894 г.

Его же — Взятие Ак-Мечети в 1853 году как начало завоевания Кокандского ханства, М., 1912.

Шубинский П. — Очерки Бухары, 1892, СПБ.

Южаков Ю. — Наши приобретения в Средней Азии. Часть II, Чимкентский округ, «Отечественные Записки», № 7, 1867.

Юзефович Б. — О быте киргизов Тургайской области, «Русский Вестник», апрель, 1880.

Аргынбай Исках Хаджи — Разоренный казах (на казахском языке), Казань, 1911.

Батыр Наузан. — «Тарту» (на казахском языке), Алма-Ата, 1940.

Бекхожин К. — Кенесары мен Наурызбайдың халык поэзиясындагы бейнеси «Адабиет жана искусство», 1941, № 5.

Керимбеков С. — Кенесары — Наурызбай (на казахском языке) — «Адабиет жана искусство, 1941, № 4.

Кенесары — Наурызбай — (поэма на казахском языке), Ташкент, 1923.

Курбангали Халид Углы. — Таварих Хамса-и-Шарки (на татар. языке), Казань, 1910.

Малдыбаев — Кенесары Заманынан (Халык легендасы) «Жана Адабиет», 1928, № 9.

Мирза Абдул-Азим-Сами — Подарок шаху (рукопись).

Мирза Алим ибн Мирза Рахим — (Ташкенди). Генеалогия султанов и история ханов (рукопись).

Мирза шамси Бухари — Записки о некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре, Казань, 1861 (на персидском языке).

Муканов С. — Казақтың XVIII-XIX ғасырдағы әдебиетінің тарихынан очерктер, Алма-Ата, 1941.

Мурат Акын — Поэма (на казахском языке), Ташкент, 1924.

Мулла Алим Махдум Хаджи. — Тарих-и-Туркестан (на узбекском языке), Ташкент, 1915.

Поэма о Наурызбае Касымовиче Аблайханове, Казань, 1912 (на казахском языке).

Ремзи М. М. — История царства Казанского, Булгарского и Татарии (на тюркском языке), Оренбург, 1908.

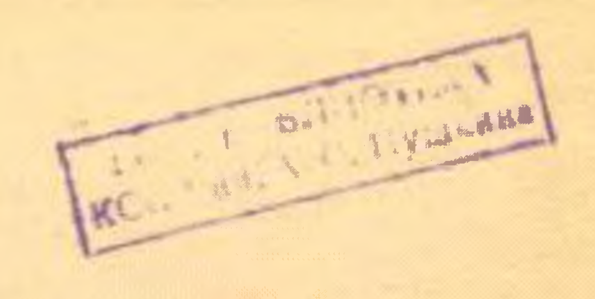
Сыздыков Ж. — О Кенесары. «Енбекшн-казах», 1926, 5 мая.

Хусейн Казим Кадри — Турк Луғати, часть I, 1927.

Мулла-Нияз-Мухаммед-Бек-Ашур — Таарих Шахрохи (на персидском языке), 1889.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор *Т. Джумагазин.*

Технический редактор *С. Ищанов.*

Корректор *Н. Гуссев.*

* * *

Подписано к печати 7/X 1947 г. Издательский № 271. У10770. Объем 21,5 п. л. Уч.-изд. л. 27. Тираж 10000.
Цена 16 руб., переплет 2 руб.

* * *

г. Алма-Ата. Гостипография № 2 Управления Полиграфии и Издательств при Совете Министров Казахской ССР.
Заказ № 658.